

Материалы Всероссийской
научно-практической конференции,
посвященной **100-летию** ученому-североведу,
общественному деятелю, кандидату экономических наук,
академику Академии Северного Форума,
Почетному гражданину Республики Саха (Якутия)
ФЕОДОСИЮ СЕМЕНОВИЧУ ДОНСКОМУ

КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ, ПРИОРИТЕТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

ЯКУТСК
2019

МИНИСТЕРСТВО ПО ФЕДЕРАТИВНЫМ ОТНОШЕНИЯМ И ВНЕШНИМ СВЯЗЯМ
РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ЯКУТСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР СО РАН
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОБЛЕМ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

**КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ, ПРИОРИТЕТЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ**

(сборник научных статей
по итогам Всероссийской научно-практической конференции
с международным участием, посвященной 100-летию
Феодосия Семеновича Донского, 24 сентября 2019 г., г. Якутск)

Якутск

2019

УДК 332.1(98)
ББК 65.9(2Рос-21)
К 66
DOI: 10.25693/FSDonskoy24.09.19

Редакционная коллегия:

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Центра этносоциологических исследований
Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
член Союза журналистов России Баишева С.М.;

научный сотрудник
Центра этносоциологических исследований
Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Томаска А.Г.

Рецензенты:

доктор социологических наук, профессор Ульяна Семеновна Борисова
доктор филологических наук Надежда Ивановна Данилова

Утверждено к печати Ученым советом Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Коренные малочисленные народы Российской Федерации: проблемы, приоритеты и перспективы развития в трансформирующемся обществе [электронный ресурс]: сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию Феодосия Семеновича Донского, (24 сентября 2019 г., г. Якутск). – Якутск: Изд-во ИГИиПМНС СО РАН, 2019. – 249 с.

УДК 332.1(98)
ББК 65.9(2Рос-21)

Режим доступа: [http://www.igi.ysn.ru/files/publicasii/Indigenous peoples of the Russian Federation.pdf](http://www.igi.ysn.ru/files/publicasii/Indigenous%20peoples%20of%20the%20Russian%20Federation.pdf)

В сборнике опубликованы материалы научных исследований, представленные на Всероссийской НПК с международным участием «Коренные малочисленные народы Российской Федерации: проблемы, приоритеты и перспективы развития в трансформирующемся обществе» (к 100-летию ученого-североведа, общественного деятеля, кандидата экономических наук, академика Академии Северного Форума, Почетного гражданина Республики Саха (Якутия) Ф.С. Донского, 24.09.2019 г., г. Якутск).

Для исследователей, преподавателей, аспирантов и студентов, представителей общественных объединений, гражданских активистов, специалистов, интересующихся вопросами научного обеспечения устойчивого развития коренных малочисленных народов Арктики и Севера.

MINISTRY OF FEDERAL RELATIONS AND EXTERNAL RELATIONS
OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)
THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES FEDERAL RESEARCH CENTER
YAKUT SCIENTIFIC CENTER OF THE SB RAS
THE INSTITUTE FOR HUMANITIES RESEARCH AND INDIGENOUS STUDIES OF
THE NORTH

**INDIGENOUS PEOPLES
OF THE RUSSIAN FEDERATION:
PROBLEMS, PRIORITIES AND PROSPECTS
FOR DEVELOPMENT
IN A TRANSFORMING SOCIETY**

(collection of scientific articles following the results
of the All-Russian scientific-practical conference with international
participation dedicated to the 100th anniversary
of Feodosy Semenovich Donskoy, September 24, 2019, Yakutsk)

Yakutsk

2019

UDC 332.1 (98)
BBK 65.9 (2Ros-21)
K 66
DOI: 10.25693/FSDonskoy24.09.19

Editorial team:

Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher
of the Center for Ethno-sociological Research
of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS,
the Member of the Union of Journalists of Russia S.M. Baisheva;

Researcher of the Center for Ethno-Sociological Research
of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies
of the North SB RAS, Tomaska A.G.

Reviewers:

Doctor of Sociological Sciences, Professor Ulyana Semenovna Borisova
Doctor of Philological Sciences Nadezhda Ivanovna Danilova

Approved for publication by the Academic Council of the Institute f
or Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS

Indigenous peoples of the Russian Federation: problems, priorities and
K 66 development prospects in a transforming society: Coll. scientific articles according to the
results of All-Russian. scientific-practical conference with the international participation
dedicated the 100th anniversary of Feodosy Semenovich Donskoy, (September 24, 2019,
Yakutsk). – Yakutsk: Publishing House of the IHRISN SB RAS, 2019. – 249 p.

URL:[http://http://igi.ysn.ru/files/publicasii/Indigenous peoples of the Russian Federation/pdf](http://http://igi.ysn.ru/files/publicasii/Indigenous%20peoples%20of%20the%20Russian%20Federation/pdf)

The collection contains scientific research materials presented at the All-Russian SPC with international participation “Indigenous Peoples of the Russian Federation: Problems, Priorities and Development Prospects in a Transforming Society” (to the 100th anniversary of the researcher of the North, public figure, Candidate of Economic Sciences, Academician of the Northern Academy Forum, Honorary Citizen of the Republic of Sakha (Yakutia) F.S. Donskoy, 09.24.2019, Yakutsk). For researchers, teachers, graduate students and students, representatives of public associations, civic activists, specialists interested in the issues of scientific support for the sustainable development of the indigenous peoples of the Arctic and the North.

**«Жизнь прожить – это как пришлось убедиться
на личном опыте бытия,
самый сложный и неоднозначный процесс»**

Ф.С. Донской

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данный сборник подготовлен в рамках мероприятий, посвященных 100-летию со дня рождения Феодосия Семеновича Донского – академика Академии Северного Форума, заслуженного ветерана Сибирского отделения Российской академии наук, известного ученого-североведа, кандидата экономических наук, журналиста, общественно-политического деятеля, участника Великой Отечественной войны, кавалера орденов Дружбы народов и Отечественной войны II степени, заслуженного работника народного хозяйства Республики Саха (Якутия), Почетного гражданина Республики Саха (Якутия), Нюрбинского и Эвено-Бытантайского улусов.

В сборнике представлены статьи авторов, отражающие основные концептуальные идеи, разработанные основоположником экономико-социологических исследований Севера, Сибири и Дальнего Востока страны Ф.С. Донским и апробированные во время проведения Всероссийской НПК с международным участием «Коренные малочисленные народы Российской Федерации: проблемы, приоритеты и перспективы развития в трансформирующемся обществе» [Республика Саха, г. Якутск, 25 сентября 2019 года].

Конференция проводилась в рамках мероприятий Северного Форума, Федерального исследовательского Центра ЯНЦ СО РАН, Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера, согласно распоряжения Главы Республики Саха (Якутия) от 20 августа 2019 г. №574-РГ.

Целью конференции явилось создание дискуссионной площадки для обсуждения комплексных проблем, приоритетов современного состояния и перспектив развития северного социума, ориентиров изучения духовных, социокультурных ценностей и традиций коренных народов Арктики и Севера, развитие исследовательских традиций североведения и осмысление научного наследия Феодосия Семеновича Донского.

В начале сборника представлены статьи о многогранной личности Донского Феодосия Семеновича, характеризующие его как высококлассного специалиста, мудрого друга и надежного наставника коллег, представителей коренных малочисленных народов Севера, которые показывают личный вклад нашего аксакала в развитие современного общества.

В первой части издания по направлению «Человек и социум Арктики и Севера в неустойчивом мире: тренды, технологии, вызовы» собраны статьи авторов, специализирующихся на экономических, социальных, политико-правовых вопросах и перспективах развития арктической зоны зарубежья, РФ и отдельных регионов, в т.ч. Якутии.

Второй раздел сборника по направлению «Вопросы сохранения, ретрансляции и интеграции исторического, социального и культурного наследия коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» составлен из статей исследователей, рассматривающих проблемы этнокультурного развития коренных народов, в т.ч. аспектов

духовности, изучения материальной и нематериальной культуры, языкового разнообразия этносов, проживающих в высоких широтах Севера и Арктики.

В целом, в сборнике представлены как статьи известных ученых-североведов, так и начинающих исследователей (студентов, магистрантов), показаны результаты эмпирических исследований, посвященных комплексным вопросам изучения северного социума (образования, трудоустройства, повышения уровня и качества жизни, развития человеческого капитала, духовного потенциала и др.) и возможности их использования при решении задач повышения эффективности государственного управления. Уделяется внимание особому статусу арктических народов и территорий их традиционного природопользования, особенностям трансформации социально-политических, социально-экономических, культурных процессов на фоне глобализации.

Сборник предназначен широкому кругу исследователей и практиков, представителям общественных объединений коренных малочисленных народов Севера, преподавателям, аспирантам, государственным и общественным деятелям, научным экспертам и всем, кто проявляет интерес к обсуждаемым вопросам, включенным в повестку сборника.

Издается в электронном виде с целью популяризации результатов научных исследований и будет размещен в Научной электронной библиотеке (eLibrary) для включения в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Баишева Саргылана Макаровна,
ответственный за выпуск издания

Лилия Иннокентьевна Винокурова
кандидат исторических наук
ведущий научный сотрудник
отдела истории и арктических исследований
Института гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН
Россия, Якутск

Lilia Innokentievna Vinokurova
Candidate of Historical Sciences,
Leading Researcher of the Department of History and Arctic Research,
The Institute for Humanities Research and Indigenous
Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Science
Russia, Yakutsk

e-mail: lilivin@mail.ru

**ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА
ФЕОДОСИЙ СЕМЕНОВИЧ ДОНСКОЙ:
ПРОЕКТЫ ПО КОРЕННЫМ НАРОДАМ ЯКУТИИ**

**FEODOSY SEMENOVICH DONSKOY
IS THE RESEARCHER OF THE RUSSIAN NORTH:
PROJECTS ON THE INDIGENOUS PEOPLES OF YAKUTIA**

Аннотация. В статье рассмотрены труды известного российского североведа Феодосия Семеновича Донского, посвященные социально-экономическим проблемам коренных малочисленных народов Севера. Проанализированы два основных этапа его научно-исследовательской и общественной деятельности: советский и постсоветский периоды. Донской показан как один из пионеров защиты права аборигенов на достойный уровень жизни.

Abstract. The article discusses the works of the famous Russian north-scholar Feodosy Semenovich Donskoy, devoted to the socio-economic problems of the indigenous peoples of the North. Two main stages of his research and social activities are analyzed: the Soviet and post-Soviet periods. Donskoy is shown as one of the pioneers in protecting Aboriginal rights to a decent standard of living.

Ключевые слова: Российский Север, коренные малочисленные народы, Якутия, Донской Ф.

Keywords: The Russian North, indigenous peoples, Yakutia, Donskoy F.

В сентябрьские дни 2019 г. Якутия отметила 100-летие со дня рождения Феодосия Семеновича Донского, ученого-североведа, журналиста, общественно-политического деятеля, кандидата экономических наук, академика Академии Северного форума, заслуженного ветерана Сибирского отделения Российской академии наук, участника Великой Отечественной войны, кавалера орденов Дружбы народов и Отечественной войны, заслуженного

работника народного хозяйства Республики Саха (Якутия), почетного гражданина Нюрбинского и Эвено-Бытантайского улусов и почетного гражданина Республики Саха (Якутия).

Институт традиционно проводит к юбилеям выдающихся исследователей ряд памятных мероприятий. Одна из насущных задач научно-практической конференции, посвященной Феодосию Семеновичу Донскому, это напомнить молодым, что они работают в гуманитарной науке, которую поднимали и несли на своих плечах достойные люди, патриоты своей малой родины, любимой Якутии. Ниже размещено фото (см. Фото 1), где

*Фото 1. Феодосий Семенович
Донской после окончания
двухгодичной партийной школы.
Иркутск, 1951 г.*

юбиляр изображен не в сиянии наград на склоне лет, а молодым, только что закончившим партийную школу в Иркутске. На этом фото ему полных 31 год, он молод, хорош собой, взгляд его открыт и бесстрашен. Впереди долгие счастливые десятилетия, полные неутомимой работы, всегда в поисках, всегда в пути – до последнего дня жизни. Он прошел свою долгую дорогу, не изменив своим принципам, не предав своих друзей...

Самоотверженный исследователь, личность крупного государственного мышления, ученый и патриот Ф. С. Донской отдал почти сорок лет отечественной науке. Об этапах его легендарной жизни было написано достаточно к его юбилейным датам [4; 5; 7; 8]. Яркая биография Ф.С. Донского в общих чертах известна не только коллегам, специалистам по исследованиям Севера и Арктики, но и широкой общественности республики. Меньше освещена его научная деятельность, в имеющихся публикациях очерчены только общие контуры.

В свете 100-летия со дня рождения Ф.С. Донского вновь актуализирован интерес к его исследовательской деятельности. Он пришёл в науку уже состоявшимся человеком, в 48 лет, в 1967 г., когда был принят на работу в Отдел экономики Якутского филиала Сибирского отделения Академии наук СССР (ЯФ СО АН СССР – Л.В.). За его плечами был богатый опыт жизни, пройденная от первого до последнего дня Великая Отечественная война и блестящая служебная карьера. Ф.С. Донской служил на благо отечественной науки около сорока лет. Четыре десятилетия плодотворной научной работы можно разделить на 2 условных этапа, совпадающие с историческими этапами в истории страны.

Первый этап научной биографии охватывает период с 1967 до конца 1980-х гг. Это время прихода в науку, профессионального роста и творческой самореализации в качестве академического исследователя. К сожалению, в историографии нами не обнаружен анализ как в целом научного наследия Ф.С. Донского, так и разных периодов его работы. Исключение составляет содержательная статья А.А. Сулейманова о комплексных исследованиях Феодосия Семеновича Донского в 1970-е гг. [6]. В ней представлена картина активного включения Донского Ф.С. в указанный период в социально-экономические изыскания, показана высокая заинтересованность исследователя в результатах своей работы и их практическом применении.

В отделе экономики ЯФ СО АН СССР под руководством И.П. Авдеева проводилось системное изучение социально-экономической ситуации в республике. С 1970 г. в рамках фундаментальных исследований была открыта специальная тема «Экономико-социологические проблемы комплексного развития хозяйства на Севере». В реализации проекта

Донской с коллегами опирался на апробированные в Институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР (г. Новосибирск) методы исследований социальных проблем села. Ими были предприняты масштабные социологические опросы населения [6, с.19]. Предварительные результаты многократно обсуждались с коллегами, были апробированы в научной печати. Окончательные итоги трех лет труда вылились в академический отчет 1973 г. под названием «Экономические и социальные проблемы перевода кочевого населения Якутии на оседлый образ жизни».

Север и Арктика, коренные народы, хозяйство и традиционный образ жизни – вот ключевые слова, которые теперь навсегда вошли в жизнь Ф.С. Донского. С присущей ему скрупулёзностью он аккумулировал в своем научном портфеле огромный круг информации, прежде всего экономические параметры текущего состояния оленеводства, основные характеристики охотничьего промысла. Он собирал и сравнивал показатели по пастбищам, поголовью и экономической эффективности оленеводства не только в колхозах и совхозах Якутии, а еще в хозяйствах других северных регионов России: Архангельской, Магаданской, Мурманской, Камчатской и Сахалинской областей, Коми АССР, Красноярского и Хабаровского краев. Необходимо отметить, что Ф.С. Донской с первых шагов в науке обозначил свое гуманистическое кредо: в каждом регионе исследования он обращал внимание на уровень и качество жизни людей, занятых в традиционных северных отраслях.

Так, общие по всему миру для аборигенных сообществ социальные вызовы обозначил еще его первый полевой отчет 1968 г. о работе в Мирнинском районе Якутии. В частности, в аспекте сосуществования промышленности и сельского хозяйства с промыслами было освещено драматическое переселение жителей села Туой Хая, подпавшего под строящуюся Вилюйскую ГЭС. Ученый также отметил отсутствие не только достойных, но и просто рабочих мест для представителей коренного населения. Донской выявил резкое сокращение поголовья крупного рогатого скота и оленей у местных жителей, начавшуюся миграцию коренных жителей из сел и отсутствие подготовки из коренного населения высококвалифицированных кадров для промышленности. Тот первый научный отчет Ф.С. Донской завершил личной своей оценкой, что алмазодобыча идет с ущемлением жизненных интересов эвенков и якутов Мирнинского района [1, с. 245].

Феодосий Семенович хорошо знал реальную жизнь промысловиков, охотников и оленеводов на Севере России. В своих трудах, посвященных сложным проблемам перевода кочевников на оседлый образ жизни, Ф.С. Донской уделял внимание вопросам организации производства в контексте не только производительности труда, но и условий для работающих людей. Предлагая внедрение сменно-звеньевых выпаса и полувольного содержания оленей в хозяйствах Севера, он руководствовался идеей создания относительно комфортных условий для кочевников.

В 1978 г. Ф.С. Донской защитил кандидатскую диссертацию по теме «Социально-экономические проблемы переустройства условий труда и быта оленеводов и охотников Крайнего Севера». В ней вопрос повышения качества жизни оленеводов и промысловиков рассматривался как важнейшая задача. Диссертация имела счастливую научную судьбу, практически послужив основой постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 февраля 1980 г. №115 «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера». Редкий случай – академическое исследование получило прямое практическое продолжение в государственном масштабе. Нельзя не отметить трудолюбие и гражданскую ответственность Донского Ф.С., подготовившего с заместителем председателя Президиума ЯФ СО АН СССР В.Н. Антипиным несколько вариантов текста для этого постановления [6, с.23].

В 1981-1987 гг. Ф.С. Донской – научный сотрудник Института социологических исследований Академии наук СССР (г. Москва). Здесь он оттачивает профессиональные навыки. Накапливает опыт полевых исследований по разным регионам России. Так, в 1982 г. он по поручению Совета Министров РСФСР обследовал состояние развития сельского и промышленного хозяйства в Ненецком автономном округе Архангельской области. Им были обнаружены недостатки в материально-технической оснащенности северных хозяйств, перебои в снабжении товарами, включая товары первой необходимости. Как всегда, опытный исследователь обратил внимание на скудный ассортимент и низкое качество питания оленеводов и промысловиков, отсутствие регулярного медицинского обслуживания [3, с. 334-347].

Выполненные Донским в 1970-1980-е гг. научные работы по проблемам политического, социально-экономического, культурного развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока получили не только высокую оценку научной общественности страны. Часть его идей и научных разработок, как мы видим, была успешно реализована на практике. Конец 1980-х уже был новой эпохой, политический климат снова потеплел. В условиях начавшейся демократизации, Феодосию Семеновичу удалось реализовать новый проект. Во многом благодаря его научному обоснованию и личному энтузиазму в апреле 1989 г. был образован национальный Эвено-Бытантайский район в Якутской АССР. Это был первый в перестроечной стране национальный район, за которым последовал ряд национальных районов и национальных сельских Советов в краях и областях России. Автор этих строк помнит, как на презентации образованного в 1991 г. Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН глава Эвено-Бытантайского района сказал: «Два года существует наш район со статусом национального, это позволяет нам ставить перед властью экономические и социальные вопросы на принципиально новом уровне».

Во второй период его трудовой деятельности, который пришелся на 1990-е – 2000-е гг., наиболее полно проявилось научное и общественное подвижничество Ф.С. Донского в сфере защиты прав коренных народов России. Данный этап времени был крайне насыщен профессиональными вызовами для исследователей социальной и экономической сфер. Благодаря наступившей гласности на рубеже 1980-1990-х гг. «большие проблемы малых народов» стали предметом интереса не только научной, но и широкой общественности. Благодаря открывшейся информационной атмосфере о народах Севера, Сибири и Дальнего Востока заговорили почти все. В этом многоголосом хоре Ф.С. Донской выделялся даже среди специалистов: он подошел к этому рубежу, к переходу к новым научным подходам и методам, фундаментально подготовленным всей своей исследовательской биографией.

Глубже, чем многие, понимал истоки существующих проблем, знал, какая большая работа необходима для их разрешения. 1990-е годы были для Севера и Арктики России годами невероятного испытания на выживание. Распался Советский Союз, была демонтирована вся политическая и экономическая система. Северяне, которые в эпоху социализма прожили под государственным патронажем, оказались в тяжелой социально-экономической ситуации. Рухнула налаженная система снабжения и доступного транспорта, развалились советские хозяйства. Оленеводы, охотники и рыбаки на северных землях остались лицом к лицу с наступающим диким рынком.

В трудное время Ф.С. Донской остался верен себе: он продолжал свои научные изыскания в условиях безденежья и всеобщей апатии. В 1990-е годы Феодосий Семенович возглавлял отдел социально-экономических исследований в Институте проблем малочисленных народов Севера СО РАН. В условиях инфляции, копеечной зарплаты и отсутствия средств на экспедиции и командировки Отдел проводил социально-экономический мониторинг, осваивал новую методологию и новый научный инструментарий. Следует признать,

что Донской Ф.С. лично участвовал в апробации современных социологических методов в российском североведении, был одним из пионеров современной социальной антропологии Севера и Арктики. Столько было сделано в 1990-е годы в Институте: впервые были подняты темы землепользования коренных народов и этнического самоуправления, проведены масштабные полевые исследования по социальным и культурным аспектам жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера и Арктики.

Именно в эти годы под его научным руководством были разработаны ценнейшие по содержанию программы развития коренных малочисленных народов Севера в новейшее время. Это, в первую очередь, Комплексная программа социально-экономического, культурного возрождения и развития юкагиров Республики Саха (Якутия) на 1993–1995 годы и на период до 2000 года, которую поддержало Правительство Российской Федерации, включив в целевую федеральную программу. Впервые в российской науке и практике была предложена Программа сохранения и возрождения исчезающего этноса.

Донской Ф.С. с коллегами подготовили «Научные основы социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера в период Международного десятилетия коренных народов мира», «Концепцию развития коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) в XXI веке», «Концепцию развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в первой четверти XXI века», «Концепцию развития коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации в XXI веке». Были разработаны «Модель устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера алмазной провинции Республики Саха (Якутия)» и Национальный доклад «Коренные малочисленные народы Российской Федерации: проблемы, приоритеты и перспективы развития в XXI веке», одобренный Конгрессом малочисленных народов Российской Федерации.

На богатом эмпирическом материале реализованы проекты под его руководством: «Урбанизация и малочисленные народы Севера (на примере Республики Саха (Якутия))» и «Интеграция коренных малочисленных народов азиатского Севера и Дальнего Востока в общероссийскую культуру» и другие фундаментальные и прикладные работы. Разработанные при участии Ф.С. Донского научные рекомендации послужили основой для принятия органами государственной власти управленческих постановлений и решений. В частности, при активном его участии был разработан и принят Закон РС(Я) «О Суктуле юкагирского народа» в 1999 году. В 1999 г. Федеральное собрание РФ приняло Закон «О северном оленеводстве», разработанный Ф.С. Донским совместно с ученым Ф.М. Подкорытовым.

Донской Ф.С. был известен как компетентный специалист по вопросам Севера Российской Федерации. Он обладал богатой информацией о социальном состоянии коренного населения Чукотки и Камчатки, о социально-экономических вызовах для аборигенов в Тюменской области и Хабаровском крае. Он изучал актуальные проблемы тофаларов и локальных групп эвенков в Иркутской области и Южной Якутии, эвенов Березовки. В результате ряда аналитических отчетов, специальных конференций и парламентских слушаний Правительством Российской Федерации, органами управления федеральных субъектов были приняты соответствующие государственные постановления и решения в сфере интересов коренных малочисленных народов Севера.

В 2000-е годы Ф.С. Донской, кроме текущих работ, успевает подытожить многолетние усилия. Он подготовил к печати и издал солидный трехтомник – сборник научных трудов под общим названием «Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX века». Специалисты по проблемам Севера и коренных малочисленных Севера встретили первые два тома этого издания [1, 2] с большим инте-

ресом. Старшее поколение отметило качество хорошо известных разработок Донского, а молодые коллеги по-новому взглянули на патриарха якутского североведения, обнаружив в его работах, вышедших еще в советский период, актуальнейшие идеи и предложения. Сегодня хорошо видно, что он обозначил и расставил исследовательские акценты и приоритеты именно на социальных характеристиках благополучия северных сообществ.

Бесспорная актуальность научного портфеля Ф.С. Донского, научная и практическая востребованность его разработок хорошо видны в заключительном, третьем томе его трудов, вышедшем в издательстве «Наука» осенью 2006 года. В том вошли его крупные разработки: прежде всего, работа «Социально-экономические и демографические проблемы кочевого населения народностей Тюменской области», выполненная на материалах конца эпохи социализма (1980-х). Третий том сборника научных трудов завершает текст его доклада на региональной конференции 2004 г. «Коренные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока в условиях модернизации общества». Он называется так символично «Коллективное право коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации» [4, с. 393-412], в докладе на государственном уровне обозначены главные направления всей работы в защиту прав и интересов народов Российского Севера.

Ф.С. Донской считал необходимым компонентом в формировании национальной идеи Российского государства особое внимание к человеческому капиталу. Он остался твердым сторонником политики социально-экономического протектората по отношению к северным территориям, аргументируя это опытом зарубежных северных стран, где практика доказала, что на высоких широтах планеты стратегически выгоднее планировать, дотировать и субсидировать традиционное хозяйство. По его мнению, государство обязано быть социальным по своей сути, обязано брать на себя ответственность за здоровье, образование и занятость своих граждан на геополитически важных территориях Севера и Арктики [4, с. 374-392].

Огромной заслугой Ф.С. Донского является его личный вклад в формирование государственной политики по отношению к коренному населению Севера и Арктики в условиях транспортно-промышленной экспансии на территории традиционного природопользования коренных народов. Красной нитью во всех его трудах проходит мысль, что Север и Арктика так богаты природными ресурсами, и так бедны на тепло и комфорт для людей, которые обживали эти земли веками и создали здесь цивилизационный плацдарм для всего человечества. Он был убежден, что признание культурно-исторических заслуг коренных народов всегда должно оставаться исходным посылом во всех программах очередного освоения высоких широт.

Ф.С. Донской является одним из тех, кто сформировал существующий сегодня пакет законодательства в сфере интересов коренных малочисленных народов Севера России. Он один из соавторов разработанной в Институте ПМНС СО РАН «Декларации свободного развития коренных малочисленных народов Севера», которая получила одобрение Совета ООН по правам человека, была переведена на официальные языки ООН и распространена как «Якутская Декларация» во всех государствах-членах ООН.

К 100-летию Ф.С. Донского увидел свет биобиблиографический указатель его трудов, включая монографии, рукописные отчеты, опубликованные в научной и периодической печати статьи. Вместе с воспоминаниями, статьями на различные популярные темы и переводами самого юбиляра с русского и эвенского языков, он включает 430 названий [9]. Бесспорно, остались незафиксированные некоторые выступления на общественных собраниях, на ученых заседаниях, мероприятиях разного ранга и формата. Речь его была всегда содержательной и очень эмоциональной, когда касалось дела всей его жизни – защиты интересов северян. Он был яростный трибун, настоящий воин, посвятивший себя

борьбе за гуманный прогресс на арктических территориях, за социальную справедливость для всех граждан России.

Библиографический список

1. *Донской Ф.С.* Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX века. Т.1. – Якутск: ЯФ Изд-ва СО РАН, 2002. – 340 с.
2. *Донской Ф.С.* Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX века. Т.2. – Якутск: ЯФ Изд-ва СО РАН, 2004. – 320 с.
3. *Донской Ф.С.* Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX века. Т.3. – Новосибирск: Наука, 2006. – 427 с.
4. *Егоров П.М.* Феодосий Семенович Донской // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2015. - №1(10). – С.52-54.
5. *Киселева Г.* Боль моя, Север: [О канд. экон. наук Ф.С. Донском] // Наука в Сибири. – 1990. – 11 мая. – С.8.
6. *Сулейманов А.А.* Ф.С. Донской и исследование социально-экономических проблем коренных малочисленных народов Севера Якутии в 70-е гг. XX в. // Гаврический научный обозреватель № 12 (17) – декабрь 2016 г. Часть 1. – С. 19-24.
7. *Томаска А.Г.* Донской Феодосий Семенович // Время и события. Календарь-справочник по Дальневосточному федеральному округу на 2019 год. – Хабаровск: ДВГНБ, 2018. – С. 380–383.
8. *Томаска А.Г.* Донской Феодосий Семенович. К 100-летию со дня рождения. Якутск, 2019. – С.170-173.
9. *Феодосий Семёнович Донской:* библиографический указатель к 100-летию со дня рождения / сост. Е.А. Васильева; отв.ред. С.М. Баишева; ФГБУН ИГиИПМНС СО РАН. – Якутск, 2019. – 78 с.

Гаврил Николаевич Курилов
доктор филологических наук, профессор
главный научный сотрудник
отдела северной филологии
Института гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН
Россия, Якутск

Gavril Nikolayevich Kurilov
Doctor of Philological Sciences,
Senior Researcher of the Department of Northern Philology,
The Institute for Humanities Research and Indigenous
Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Science
Russia, Yakutsk

e-mail: ladinakuril@mail.ru; kurilov.gavril@mail.ru

УРОКИ ФЕОДОСИЯ СЕМЕНОВИЧА ДОНСКОГО

FEODOSY SEMENOVICH DONSKOY'S LESSONS

Аннотация. В настоящей статье освещены несколько уроков Ф.С. Донского из множества других, ибо мы полагаем, что и эти материалы очень ясно покажут, каким же он был пассионарием, отдававшим все силы, знания и богатый жизненный опыт для оказания помощи коренным малочисленным народам Севера Российской Федерации. Благодарные потомки древних родов арктической цивилизации будут передавать из уст в уста сказания и рассказы о своем современнике Феодосии Семеновиче Донском – ученом-североведе, не только изучавшем повседневную жизнь многих северных народов, но и приложившем немалые усилия по разрешению их проблем по улучшению и модернизации жизни тундровика.

Abstract. This report is described several lessons of F.S. Donskoy from many others, because we believe that these materials will very clearly show what kind of passionary he was, who gave all his strength, knowledge to help the indigenous peoples of the North of the Russian Federation. The grateful descendants of the ancient clans of the Arctic civilization will pass from mouth to mouth tales and stories about their contemporary Feodosy Semenovich Donskoy, a northern scientist who not only studied the daily life of many northern peoples, but also made considerable efforts to solve their problems to improve and modernize the life of the tundra.

Ключевые слова: пассионарий, коренные малочисленные народы Севера, юкагиры, исчезающий этнос, суктул юкагирского народа.

Keywords: passionary, indigenous peoples of the North, Yukagirs, endangered ethnic group, Yukagir people's suktul.

Прежде чем начать изложение своей статьи, напомним читателям, что в 2015 году в журнале «Якутский архив», была опубликована статья автора этих строк о Феодосии Семеновиче Донском «Повесть о большом друге юкагирского народа» [4].

Основной целью статьи явилось желание передать осмысление вклада Ф.С. Донского в жизни и судьбе автора этих строк и его сородичей. Здесь следует еще более

конкретизировать название настоящей статьи, которое более точно должно быть сформулировано, как: «Уроки Феодосия Донского, нашего незабвенного друга». Во-первых, его мудрые уроки учили нас терпению и настойчивости в поисках нужного решения для жизни своих близких людей и сородичей, во-вторых, они учили гражданской смелости в выдвижении новых идей на благо родного народа.

Прояснить эти два урока из множества уроков Феодосия Семеновича думаю, вполне достаточно для попытки показать высокие человеческие качества этого воистину настоящего пассионария. Отметим, что в ходе написания данной статьи мы ограничились не только этими двумя уроками, но и другими советами Феодосия Семеновича, о которых просто невозможно промолчать сейчас.

Далее следует указать, что эти два урока характеризуются тем, что они создают у человека какую-то мечту, превращающуюся в очень конкретную цель. Достижение поставленной цели порождает новую мечту, которая затем превращается в новую цель и т.д. Другими словами, уроки аксакала, старшего друга и единомышленника, уважаемого Феодосия Донского, в конечном счете, помогали в создании, формировании нескончаемого потока идей в жизни личности, создавая или улучшая его судьбу.

Должен сказать, после тех уроков, о которых я говорил выше, к нашему общему сожалению, поиск и преобразование мечты к новой цели не получились в прошлом веке – просто внешние обстоятельства сложились так. Достижением одной цели наша мечта не могла продолжаться. Об этом мы скажем ниже.

И все же об этих уроках расскажу потому, что выработка и достижение хотя бы одной цели стали основой для новой мечты и новой цели, реализация которой, на первый взгляд, просто нереальна. И все же, до сих пор мы не теряем надежду на осуществление давней мечты...

Итак, расскажу о первом уроке из обозначенных в начале статьи, т.е. о том, чему научил незабвенный Феодосий Семенович.

Это случилось весной 1993 года во время одной комплексной экспедиции к юкагирам Нижнеколымского и Верхнеколымского районов Якутии, где я был начальником той научной поездки. Экспедиция состояла из девяти сотрудников двух отделов – юкагирской филологии и социально-экономических исследований, созданного всего два года назад Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Маршрут экспедиции и задачи, возложенные на нас были сложными. Во-первых, мы должны были добраться до отдаленных мест проживания аборигенного населения. Во-вторых, транспортная схема была составлена с учетом труднодоступности поселений – объектов нашего изучения. Вначале нам предстояло исследовать Нижнеколымский район (малая родина братьев Куриловых – *прим. ред.*). Мы побывали в местах компактного проживания юкагиров – отдаленное с. Андрюшкино, затем в с. Колымское, где живут также чукчи; работали и в самом районном центре – поселке Черском, собирали материалы, касающиеся хозяйственной и культурной деятельности коренных жителей, брали интервью для выполнения целей нашей экспедиции. Сам Феодосий Семенович присоединился к экспедиционному отряду чуть позже, в Верхнеколымском районе. Перед каждым сотрудником он поставил задачу по сбору обширных данных о сохранении родного языка и культуры, здоровье юкагиров и их психологическом состоянии, материальном положении и ведении традиционных отраслей хозяйства исчезающего древнейшего народа Северной Азии. В целом, перед нами была поставлена задача собрать данные разными методами относительно социально-экономического и этнокультурного положения юкагиров Нижнеколымского и Верхнеколымского районов Якутии. Первой, весьма важной целью нашей работы в

Верхнеколымском районе был поиск пропавшей карты бывшего юкагирского колхоза «Светлый путь».

Надо сказать, что еще до этого, во время командировки к юкагирам Верхней Колымы, я спрашивал у пожилых юкагиров о загадочной карте бывшего юкагирского колхоза. Почти все утверждали, что у юкагиров была карта, на которой обозначалась территория колхоза местностью под названием Шаманиха, богатой соболем, на которой юкагиры – охотники добывали весьма ценных по меху зверей и тем самым обеспечивали свои семьи необходимыми промышленными товарами и продуктами питания. У верхнеколымских юкагиров добыча соболя была главным средством их нормального существования. Когда же началась перестройка в стране и на Север пришли нерадушные перемены под эгидой новых хозяев жизни, территорию Шаманихи заняли пришлые золотодобытчики, так как там были найдены значительные залежи золота. От природных ресурсов нашей родной земли богатели пришлые люди, которые чувствовали себя временщиками и не задумывались о бережном природопользовании... Сами коренные жители Верхней Колымы остались без главного средства существования, без возможности охотиться на исконной земле своих предков. К тому же, верхнеколымские юкагиры тоже желали заниматься золотодобычей, которое дало бы финансовую подпитку для их домохозяйств, материально укрепило семьи коренных жителей. По этой причине крайне необходимо было найти карту юкагирского колхоза «Светлый путь», чтобы доказать право владения и закрепления обширных угодий, богатых дарами природы... Но когда мы с Феодосием Семеновичем пришли на прием к первому секретарю Верхнеколымского райкома партии товарищу Н.А. Данилову, рассказать о той исчезнувшей карте, он очень уверенно ответил нам, что такой карты не существует. Мол, все попытки найти очень необходимую сейчас нелемненским юкагирам карту не принесли никакого результата, так что они остановили попытки поисков злополучной карты. Кстати говоря, при этом товарищ Данилов Н.А. подчеркнул, все это уже рассказывалось Гаврилу Николаевичу, поэтому, мол, не надо терять драгоценное время экспедиции на это безрезультатное дело: – «Ну, ладно – Феодосий Семенович, отказывайтесь от этих поисков и займитесь выполнением других задач экспедиции». На что Феодосий Семенович ответил ему твердо и решительно: – «Нет, я с завтрашнего дня начну работать в районной библиотеке – надо искать, а вы работайте над своими делами!».

На другой день он с утра направился в районную библиотеку поселка Зырянка и провел там целый день, и не приходил даже в обеденный перерыв в гостиницу, где мы остановились и отдыхали ночью. И это продолжалось больше недели и я, как начальник экспедиции, начал беспокоиться о Феодосии Семеновиче. Поэтому в конце той памятной недели пошел в библиотеку, и сначала не увидев его там, в зале, с удивлением вскрикнул даже: – «А где наш старик?! Феодосий Семенович?!». «Да тут я, тут!» – вдруг услышал я голос сверху, почти что с потолка. Оказывается, он стоял на верхней ступени высокой лестницы и там копался среди множества книг верхней полки. Меня это еще больше удивило и то ли испугало, то ли насторожило. И я с волнением в голосе сказал: – «Феодосий Семенович, дорогой! Зачем же вы так рискуете? Ведь можно с такой высоты упасть, и сломаете себе старческую кость...». На что он ответил: – «Нет, нет, за меня не беспокойся! Все здесь надежно! К тому же это последняя полка.».

И вот, на восьмой или девятый день нашей экспедиции Феодосий Семенович вернулся в гостиницу чуть раньше и радостно воскликнул: – «Вот! Все же не спряталась окончательно!». И аккуратно развернул вчетверо сложенную маршрутную карту юкагирского колхоза «Светлый путь». Видимо, кто-то хотел или пытался спрятать ее подальше от коренных жителей. Но вот благодаря терпению и настойчивости Феодосия Семеновича карта была найдена и возвращена верхнеколымским, нелемненским юкагирам.

Конечно же, мы громко поздравляли с этой очередной победой неутомимого Феодосия Семеновича и признались в том, что он преподавал нам замечательный урок, каким надо быть терпеливым и настойчивым в поиске весьма необходимого для своего народа доказательства в приобретении справедливого права на исконные земли! Потом этот пример Феодосия Семеновича много раз помогал и помогает мне и моим сородичам в нашей жизни - терпению и настойчивости в поисках непреходящих атрибутов жизни, жизненных стандартов в рыночное время.

Далее следует перейти к другому уроку Феодосия Семеновича - о необходимости, продуманности всесторонних поисков и необходимости смелости в выдвижении новых идей для улучшения уровня и качества жизни тундрных и лесных юкагиров. И здесь, не могу не напомнить, что еще Е.А. Крейнович в своей статье «Юкагирский язык», включенный в пятитомник «Языки народов СССР» (1968) писал, что в будущем эти два диалекта следует объединить двумя самостоятельными языками двух близкородственных народов [2]. Это предположение Крейновича в дальнейшем подкрепилось нашими исследованиями, и в своей монографии «Прочен ли постулат о диалектах юкагирского языка», до сих пор не опубликованной из-за финансовых трудностей, я подтвердил на основе сопоставления лексических, фонетических, синтаксических материалов этих диалектов, что эти два диалекта являются двумя близкородственными языками. Напомню, тундрные (нижнеколымские) юкагиры себя называют *вадул*, а лесные (верхнеколымские) юкагиры именуют себя *одул*.

Во время экспедиции в Верхнеколымском районе, мы собирали также материалы для разработки в дальнейшем программы по социально-экономическому и этнокультурному положению родовой общины «Тэки Одулок», созданной в поселке Нелемное. И решено было ехать в поселок Нелемное непосредственно к юкагирам нам вдвоем с Феодосием Семеновичем. Остальным членам экспедиции после работы в поселке Зырянка по сбору архивных материалов районного центра и сельских поселений Верхней Колымы, в том числе мест компактного проживания юкагиров, решено было возвращаться в Якутск и приступить к составлению отчета об их работе во время экспедиции к нижнеколымским и верхнеколымским юкагирам. А мы – я и Феодосий Семенович поехали в Нелемное – собирать полевые материалы, работать непосредственно с юкагирами. Там, три недели живя в пустующей школе, мы вдоволь поговорили с Феодосием Семеновичем о наших планах по дальнейшему возрождению моих сородичей – юкагиров.

Долгие, содержательные разговоры с человеком, умудренным житейским опытом и знавшим не понаслышке жизнь северян, пробудили во мне мечту, натолкнули меня на идею о создании суктулов юкагиров - муниципальных образований со статусом национальных районов. Надо сказать, что в те годы, когда почти все народы заговорили о своей государственности, о суверенитете, я тоже много стал думать над тем, как же мы – народ с численностью менее тысячи душ, могли бы расти и развиваться, хотя бы на небольшой территории компактного проживания, на древней земле предков, сохраняя родной язык, родную культуру. Такие мысли тогда возникали еще о неотчуждаемых территориях. И эти мысли – потом реализовались в виде *суктула* – муниципального образования юкагиров.

Идея о неотчуждаемой территории юкагиров привела к необходимости написания Государственного законопроекта РС (Я) «О Суктуле юкагирского народа», который позволил бы юкагирам, по нашей мысли, на нижнеколымских и верхнеколымских территориях родовых общин «Чайла» и «Тэки Одулок» создавать муниципальные образования. Они в настоящее время существуют и требуют совершенствования, обязательного выполнения статьи о финансировании суктулов.

Продвижение идеи, формирование и утверждение законопроекта проходило очень тяжело, со скрипом и продолжалось в течение пяти лет. Чтобы не быть голословным, скажу, что один из депутатов, во время обсуждения законопроекта «О суктуле юкагирского народа» прямо спросил: – «Как вы думаете, Гаврил Николаевич? Вот мы вам выделим неотчуждаемую территорию в виде суктула, а завтра другие северные народы Якутии – эвены и эвенки поставят вопрос о том, чтобы им тоже выделили такие неотчуждаемые территории. Тогда, где же останемся мы – якуты, вокруг Туймаады?». Я ответил: – «Эвены и эвенки – это народ довольно многочисленный, по сравнению с юкагирами. Поэтому закон «О суктуле юкагирского народа» надо понимать, как попытку защитить исчезающий этнос юкагиров от этнической катастрофы».

Особо следует подчеркнуть и выделить, что о юкагирах в своих научных трудах В.И. Иохельсон писал: «Изучение языка, на двух наречиях которого говорят теперь всего около 500 человек (200 человек на верхнеколымском наречии и 300 на тундренном), есть труд весьма неблагодарный в практическом отношении, но, смею думать, для этнологии результаты этого изучения имеют большое значение, что в них собрана значительная часть из того, что еще сохранилось о языке и фольклоре древнего племени Крайнего Северо-Востока Азии, племени дни которого сочтены. Через несколько десятилетий юкагирский язык может исчезнуть, а племя, как таковое, прекратит свое существование, отчасти вымерев, отчасти растворившись в других племенах, и имя этого народа не будет пустым звуком» [1, с. XV].

Эти слова известного юкагироведа пронизаны истинной болью в сердце о судьбе юкагиров прошлых столетий, но надо сказать трагические моменты в жизни юкагиров продолжались и в 20-м веке. В советское время, имеются в виду хрущевские времена, когда нижнеколымский колхоз – миллионер «Оленевод» был ликвидирован, и снесен с лица Земли Тустаах-Сень – новейший поселок нижнеколымских юкагиров, а двадцатитысячное стадо тундренных юкагиров присоединено к пятитысячным стадам соседей юкагиров. А потом, по указанию председателя Сельсовета Третьякова Г.Н., бывшего лодыря, красная, батрака нашего дяди – главы Курулэw, при получении паспортов, (впервые в жизни), все юкагиры Олеринской тундры были записаны эвенками в графе национальность. Это произошло не на пустом месте. Основанием послужили материалы советского ученого-этнографа Ильи Самойловича Гурвич, только что защитившего ученую степень кандидата исторических наук. Он мне запомнился бородатым, когда он прибыл в наше стадо (был проездом), а я после начальной школы работал пастухом в оленеводческом колхозе... Помню, я с ним горячо спорил, когда он называл нас эвенками – мы же юкагиры юкагирского колхоза знали только родной язык, и, ни одного слова на эвенском языке. После этого события, по переписи населения СССР 1958 года, юкагиров стало чуть более 500 душ. Затем появились публикации И. Гурвича, где он с нескрываемой радостью писал, что юкагиры, как самостоятельный народ исчезли. Когда же автор этих строк создал юкагирскую письменность Гурвич И.С. в периодическом издании «Российская газета» недоумевал: «Для кого же Курилов создал письменность? А когда в 1986 году вышел «Юкагирский букварь», написанный на языке и материалах тундренных (нижнеколымских) юкагиров, известный ученый в центральной печати почти что, можно сказать, с издевкой писал: «Для кого же Курилов создал Букварь? Для исчезнувшего племени?». Но мы не обращали внимание на все изречения Гурвича, а продолжали свое дело, придерживаясь принципа – «собаки лают, а караван идет». После этого я взялся еще в 1970-х годах за составление «Юкагирско-русского словаря» на языке тундренных юкагиров. На этот труд я потратил 23 года своей исследовательской жизни. Здесь мне хочется напомнить читателям, что у меня была готова докторская диссертация в черновом варианте, и мой друг профессор, известный якутовед

Петр Алексеевич Слепцов, после моей защиты кандидатской диссертации «Сложные имена существительные в юкагирском языке» в Ленинграде в 1969 году, на подставке для нефритовой ручки написал: «В 1974 году ждем докторскую диссертацию!». Но мне пришлось докторскую диссертацию отложить в сторону, нависла угроза потери родного языка, связанного с уходом из жизни старых пожилых юкагиров – настоящих знатоков тундренного диалекта. Надо было спасать язык, потому что вместе с ними исчезла бы та ценная лексика, которой они владели. Повторяю, на сбор материалов и составление «Юкагирско-русского словаря» у меня ушло двадцать три года, завершившиеся в 1995 году. И опять мне не пришлось возвратиться к написанию докторской диссертации, так как надо было написать том юкагирского фольклора к 60-томной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». И таким образом на составление «Юкагирско-русского словаря» и тома «Фольклор юкагиров» потратил двадцать восемь лет своей творческой жизни!

Только после этого я взялся, по настойчивому желанию Феодосия Семеновича, за написание докторской диссертации «Лексикология современного юкагирского языка», которую защитил в 2002 году. Кстати, до этого я был кандидатом филологических наук, и поэтому, когда докторам наук стали присваивать звание академиков Академии наук РС (Я), я оказался за бортом... Но это меня ничуть не печалит, поскольку я все свои силы и знания отдал созданию юкагирской письменности, составлению академического словаря «Юкагирско-русский словарь» тундренного диалекта, для детей книги «Юкагирский букварь» и множество монографий по словообразованию в юкагирском языке, тем самым обеспечив письменными материалами желающих изучать и исследовать наш язык.

Продолжается исследовательская работа по духовному возрождению, сохранению и развитию родного языка и культуры. Много делается в республике в рамках реализации национальных проектов, целевых и государственных программ: были изданы художественные книги на родном языке, учебные пособия по родному языку и культуре, открыты уроки тундренного и лесного диалектов юкагирского языка в государственном университете имени М.К. Аммосова для преподавания родного языка и литературы юкагиров и т.д.

Моя успешная научно-исследовательская и прикладная работа состоялась и продолжается до сих пор, благодаря и дельным советам большого труженика, истинного патриота, друга Феодосия Семеновича Донского. Кстати говоря, в той далекой экспедиции 26-летней давности, Феодосий Семенович постоянно делал скрупулезные записи, собирал данные о духовной и материальной культуре юкагиров, о жизненных, экономических, социальных проблемах народа, записывал отдельные интервью респондентов. Затем эти сведения являлись основой будущих проектов или реализуемых программ «Социально-экономическое и культурное развитие исчезающего этноса – юкагиров» и в дальнейшем послужили основой резолюций четырех проведенных съездов юкагиров Якутии.

В целом, мы внесли вклад в дело спасения от этнической гибели юкагиров, поскольку проводили превентивные меры, куда вошли целенаправленные работы по подготовке письменности, словарей, букваря и других печатных изданий. Согласно статье Закона Республики Саха (Якутия) «О Суктуле юкагирского языка» требуется со стороны государства финансовая помощь в целях спасения исчезающего юкагирского этноса. И надо сказать, что без активности самих юкагиров это практически невозможно.

Много хорошего можно написать о результатах общения с незабвенным нашим другом Феодосием Семеновичем Донским, но хотелось бы завершить статью еще одним его уроком.

Я не раз говорил, что для реализации большой цели - преобразованной мечты, надо быть смелым ради ее достижения, готовым даже умереть, в данном случае слово «умереть» следует понимать как: «идти на смелый риск». Говоря об этом, я вспоминаю один осенний вечер, когда к нам явился Феодосий Семенович – взволнованный, радостный. Феодосий Семенович безгранично обрадовал нас сообщением о подписании премьер-министром Российской Федерации Виктором Черномырдиным Постановления правительства РФ о предоставлении единовременной финансовой помощи юкагирам в сумме более 3,3 миллиарда рублей. Оказывается, все это осуществилось благодаря инициативе Феодосия Семеновича – для этого он сначала заходил на прием к Михаилу Шмакову – председателю Федерации независимых профсоюзов России, затем к В. Черномырдину. Это Постановление Российской Федерации «Государственная целевая программа экономического и социального развития коренных малочисленных народов Севера» было опубликовано в периодическом издании центральной печати – «Российская газета». Однако, это так и осталось лишь на бумаге – юкагиры, как и другие северные народы, не получили никакой финансовой помощи, согласно этого постановления. Видимо, деньги ушли на другие нужды. Так сказать, на нецелевое расходование средств.

Феодосий Семенович учил нас не унывать, а искать новые пути и цели для спасения своего исчезающего этноса. И мы, после долгих раздумий осмелились написать республиканский закон «О Суктуле юкагирского народа» - национальном муниципальном образовании юкагиров. Неожиданный уход из наших рядов незабвенного, общего друга Феодосия Семеновича Донского поверг нас в шок, но его слова и уроки, преподанные нам, помогают идти вперед в поисках наиболее правильного решения вопроса об этническом самосохранении родного народа.

Библиографический список

1. *Иохельсон В.И.* Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. – СПб, 1900. – С. XV, 240.
2. *Крейнович Е.А.* Юкагирский язык // Языки народов СССР. Л., 1968. Т. V. С. 435-452.
3. *Курилов Г.Н.* Настоящий человек: [о Ф.С. Донском] // Воин, журналист, ученый-северовед. – Якутск, 2007. – С. 19-20.
4. *Курилов Г.Н.* – *Улуро Адо.* Повесть о большом друге юкагирского народа: [о ветеране войны, к.э.н. Ф.С. Донском] // Якутский архив. – 2015. – 1. – С. 84-79.

Августа Дмитриевна Марфусалова
кандидат философских наук
председатель Совета старейшин Ассоциации КМНС РС (Я),
заместитель председателя комиссии по развитию Арктики и
АПК Общественной Палаты Республики Саха (Якутия)
Россия, Якутск

Augusta Dmitrievna Marfusalova
Candidate of Philosophical Sciences,
Chairperson of the Council of Elders of the Association
of Indigenous People of the North of the Republic of Sakha (Yakutia),
Deputy Chairman of the Arctic Development Commission and
Agricultural Public Chamber of the Republic of Sakha (Yakutia)
Russia, Yakutsk

e-mail: admar48@mail.ru

**Ф.С. ДОНСКОЙ – ГЕНЕРАТОР ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ
СЕВЕРЯН КАК ОСНОВНОГО ФАКТОРА СОХРАНЕНИЯ
ЦИРКУМПОЛЯРНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

**F. S. DONSKOY - GENERATOR OF ETHNIC IDENTITY OF THE
NORTHERNERS AS THE MAIN FACTOR IN MAINTAINING THE
CIRCUMPOLAR CIVILIZATION**

Аннотация. В статье основное внимание уделено анализу роли личности в истории северного социума. Ф. С. Донской в условиях кризиса развивал идею поиска и применения традиционных ценностей и национального самосознания народов Севера на практике. Ряд вызовов глобализации: экономический, климатический, экологический кризисы народы Севера преодолевают с разной степенью успешности, мобилизуя внутренние ресурсы, борясь за сохранение исконной среды обитания, традиционного образа жизни и культурных ценностей в интересах своего и будущего поколений. Ф. Донской внес личный вклад в развитие народов Севера, обосновав концептуальные идеи сохранения и возрождения народов Севера и Арктики.

Abstract. The article focuses on the analysis of the role of the individual in the history of northern society. During the crisis, F.S. Donskoy developed the idea of finding and applying the traditional values and national identity of the peoples of the North in practice. A number of challenges of globalization: the economic, climatic, and environmental crises, the peoples of the North overcome with varying degrees of success, mobilizing domestic resources, fighting to preserve their original habitat, traditional lifestyle and cultural values in the interests of their and future generations. F. Donskoy made a personal contribution to the development of the peoples of the North, substantiating the conceptual ideas of preserving and reviving the peoples of the North and the Arctic.

Ключевые слова: Ф.С. Донской, народы Севера, социально-экономическое развитие, этническое самосознание, циркумполярная цивилизация, глобализация.

Keywords: *F.S. Donskoy, peoples of the North, socio-economic development, ethnic identity, circumpolar civilization, globalization*

Для Якутии примечателен положительный опыт закрепления в памяти людей, сыгравших большую роль в формировании ее истории. Несомненно, к таковым мы относим Феодосия Семеновича Донского, 100-летие которого отмечается в Республике. Его богатая биография связана с разными направлениями общественной жизни страны. Но с конца 60-х Феодосий Семенович вплотную занят научной работой по экономике Севера. И это не просто изыскания, это практическая постановка итогов своих исследований перед властями по улучшению социально-экономического положения населения этих отдаленных мест. Благодаря его настойчивости принимались известные постановления ЦК КПСС и Правительства СССР по программам социально-экономического развития народов Севера. Особо активно заслуженный экономист в качестве рупора народов Севера выступает по проблемам экономики и социума северных деревень после распада СССР, фактически становясь лидером выработки новой экономической политики на Севере.

Переход к рыночным отношениям в начале 90-х годов XX столетия привел к резкому ухудшению условий и уровня жизни северян. Фактически шло массовое переселение из Арктики и освобождение территории. Натурализация традиционного хозяйства является доминирующей тенденцией социально-экономического развития российского Севера. Это был ответ на отсутствие какой-либо политики центра на проблемы Севера, на заявление премьер-министра Егора Гайдара «Север нам не нужен». Люди хотели обеспечить себе условия физического существования. В условиях кризиса это вполне объяснимо и оправданно. Но, сплошная деколлективизация может быть опасной для будущего, т.к. ведет к развитию экономики примитивного выживания. Переход народов от товарного производства к натуральному хозяйству – уникальный факт в истории. В России занятость традиционными видами труда на принципах натурального хозяйства для многих стала единственным источником средств существования. Одной из острых проблем современности стала проблема занятости населения, которой не было при социализме. Феодосий Семенович ставит эти проблемы на любом уровне, начиная с регионального и заканчивая федеральным, при этом его поддерживают единомышленники – коллеги по Институту проблем малочисленных народов Севера СО РАН и общественники Ассоциации Комитета малочисленных народов Севера РС (Я).

Смена общественно-экономической формации в 1991 году с социалистической на капиталистическую, которая декларирует абсолютно чуждые народам Севера ценности, заставила нас находить пути приспособления, адаптации, чтобы не затеряться и совсем не раствориться в глобальном мире. Одним из них был поиск живительных струн в своем историческом наследии, в своих народных корнях. Те, кто не был равнодушен, объединились в Ассоциацию народов Севера Якутии и ныне она отмечает свое 30-летие (в 2019 г. – *примечание ред.*).

На мой взгляд, самым важным итогом всей деятельности Ассоциации явилось четко проявляющееся самосознание представителей народов Севера, отнесение себя уже молодым поколением к родному народу. Одним из генераторов проявления этнического самоопределения был Феодосий Семенович Донской. Многие, из того что он предлагал, осуществлялось, но основные жизненные проблемы северян в виду давления современных условий еще более углубились.

XXI век для человечества характеризуется многими вызовами. Перед нами стоит задача достойно на них ответить и выжить. Одной из основополагающих закономерностей развития человечества и его неотъемлемым свойством на протяжении всей истории являются всестороннее сближение и углубление сотрудничества, получившее название глобализации. В рамках этого процесса зародилось специфическое проявление глобализации, играющее

сегодня доминирующую роль в политике, экономике и финансах – глобализм. Оно представляет собой неуклонно возрастающую роль в жизни человечества транснационального капитала и его организационных институтов, связанных с политикой нескольких держав к установлению мирового господства. Сегодня крупнейшие транснациональные корпорации аккумулировали более 50% мирового промышленного производства, около 70% международной торговли, 90% экспортируемого капитала. На них работают мощные инженерно-технические интеллектуалы, на которых приходится 80% патентов и лицензий на новое оборудование, на страже их интересов целая армия высокооплачиваемых политологов, готовых оправдать любые действия мирового глобализма по дальнейшему подчинению народов их планам.

О концентрации финансово-промышленной мощи западного глобализма говорит тот факт, что 1% жителей планеты имеет в своем распоряжении практически все активы Земли. Число долларовых миллиардеров за период с 2000 по 2016 год выросло в 6 раз: с 322 до 1810. Совокупное состояние 2,5 тысяч наиболее богатых людей земного шара превышает 7,7 трлн. долларов. Тогда как уровень бедности зашкаливает. В РФ на сегодня к категории бедных относят более 20% населения. Политическими интригами, шантажом, деньгами и оружием западные глобалисты все интенсивнее ведут линию на порабощение «золотым миллиардом» остального человечества. Полностью овладеть миром, открыто пренебрегать интересами целых народов владельцам транснациональных корпораций мешают принципы международного права, такие как независимость, самостоятельность, государственный суверенитет, самоопределение и цивилизационная самобытность. Отсюда следует, что главным вызовом наступившего века становится проблема *глобальной безопасности*. Коренные народы Севера напрямую сталкиваются с этим явлением, особо в настоящее время, когда Арктика объявлена зоной повышенного интереса из-за ее ресурсов. Необходимо быстрее наладить механизм толерантных отношений с бизнесом и использовать имеющиеся правовые, как российские, так и международные акты, и практику защиты и давления на корпорации.

После мирового экономического и финансового кризиса 2008 года Генеральный Секретарь ООН Пан Ги Мун писал: «Грядущие поколения, видимо, будут вспоминать 2009 год как переломный. Он ознаменовал окончание продолжавшегося несколько десятилетий периода всеобщего оптимизма и эйфории и начало новой эры трезвости и реализма в национальных и международных делах.

В последние годы *экономический кризис* стал ощущаться во всех уголках планеты, неся с собой опустошительные последствия для наиболее уязвимых народов и стран. Продолжающийся кризис нехватки продовольствия по-прежнему ломает жизнь семей и целых общин, и теперь более одного миллиарда человек каждый день ложатся спать голодными. Пандемия гриппа А (H1N1) – первая пандемия гриппа более чем за 40 лет – напомнила нам о том, что наше самое ценное достоинство – здоровье – зависит от здоровья каждого человека на планете». В докладе подчеркивается, что на фоне всех потрясений набирает силу *климатический кризис*. Изменения, затрагивающие планету, происходят быстрее, чем ожидалось, и последствия этих изменений более суровые, чем прогнозируются. Экономический и климатический кризис, сопровождаются *экологическим*. Мировое промышленное производство потребляет все большее количество сырья, новые технологии содействуют росту эффективности труда и производств, экспансионизма и индивидуализма. При этом несут угрозу безопасному будущему всего человечества, но прежде всего малочисленным народам. Начались необратимые процессы изменения биоразнообразия, реальна угроза исчезновения культурного многообразия коренных народов.

В 1974 году группа членов Римского клуба на основе изучения 5 переменных: мировое население, индустриализация, загрязнение окружающей среды, производство продовольствия и истощение ресурсов предсказала экономический и социальный крах в XXI веке. В ответ на это начался обратный процесс – экологизация всех сторон общественной жизни, что привело к созданию Концепции устойчивого развития. В ходе дискуссий в 2000г. ЮНЕСКО принята Хартия Земли, лейтмотив которой заключается в следующем: пропаганда перехода к устойчивому образу жизни и формированию глобального сообщества, основывающегося на общих этических устоях, включающих в себя уважение и заботу о всем сообществе живого, принципах экологической целостности, всеобщих прав человека, уважения к культурному многообразию, экономической справедливости, демократии и культур мира.

Отсюда закономерно обращение мирового сообщества к традиционным знаниям коренных народов, которое прописано в Декларации ООН о биоразнообразии 1992 года. Россия присоединилась к концепции устойчивого развития в 1996 году, когда был издан Указ Президента. Однако прошло достаточно много времени, пока в 2009 году было принято постановление Правительства РФ «О Концепции устойчивого развития коренных народов РФ». В нем говорится: устойчивое развитие МНС предполагает укрепление социально-экономического потенциала, сохранение исконной среды обитания, традиционного образа жизни и культурных ценностей на основе целевой поддержки государства и мобилизации внутренних ресурсов самих народов в интересах нынешних и будущих поколений. Последнее предполагает, что представители народов Севера должны самоутвердиться в сознании собственной важности в сохранении природного потенциала Земли, что особенно важно для арктического региона, куда сегодня устремлены экономические интересы государства и бизнеса. Живущие в экстремальных природных условиях люди изначально несут в себе гены быстрой приспособляемости к природным и иным изменениям, что помогало им тысячелетиями хранить и совершенствовать свою естественную культуру. Следовательно, нам нужно как можно быстрее восстанавливать свои знания жития в природе, прибавляя к ним технические знания современного мира, с позиций применения экологических традиций коренных народов Севера и Арктики..

Формирование этнического самосознания, т.е. уверенности человека в принадлежности к конкретной нации, созданной природой для конкретных условий, есть способ сохранения культуры народа и способ самозащиты человека, подготовка его к, возможно, грядущим природно-климатическим изменениям, антропогенным катастрофам ввиду нещадной эксплуатации природных ресурсов планеты.

8 декабря 2015 года в Парламенте республики состоялся деловой разговор глав национальных поселений, депутатов районного и поселенческого уровня, председателей Ассоциаций районов. Мы пришли к выводу: если на государственном уровне нами будет достигнуто определенное понимание и выработаны правовые механизмы, то сейчас следует направить все усилия на низовой, поселенческий уровень, чтобы разбудить массовое сознание, привлечь и объединить людей, сформировать общее сознание «хранителей северных территорий российского государства». Для этого под руководством местных советов депутатов, как мозговых центров, администраций районов и наслегов, как исполнительных субъектов, с одной стороны должны скооперировать усилия и возможности всех учреждений, находящихся на территории поселений. С другой стороны, помощь в работе местного депутатского корпуса, должны оказать общественные организации, предпринимательское сообщество и неравнодушные жители, проявляющие инициативы по улучшению жизни на местах. Наслега должны жить по единому плану. В первых рядах этого движения должны быть народные депутаты. Не случайно, в конце 2018 года при Парламенте

была создана Ассамблея депутатов коренных малочисленных народов Севера (КМНС). Соответственно, возрастает значение и роль выборных кампаний, через которые должны быть избраны наиболее компетентные и деятельные личности, в т.ч. руководители разных структур.

Выступавшие в дискуссии участники обратили внимание на необходимость решения в предверии 100-летнего юбилея Якутской АССР следующих злободневных проблем коренных малочисленных народов Севера и национальных поселений:

- проведение тендеров по различным видам работ (ремонт и т.д.) осуществлять на муниципальном уровне. Иначе затягивается процесс подготовки, финансирования, что влечет за собой в итоге неисполнение бюджетных обязательств на местах. В целом, конкурсы должны быть разделены на федеральный, республиканский, районный и местный уровни и должны быть прозрачными;

- ускорение землеустроительных работ по территориям традиционного природопользования, включая закрепление земель за кочевыми родовыми общинами;

- необходимо изучить конкретные проблемы исчезновения традиционных отраслей, оказывать государственную поддержку и частному оленеводству;

- специально рассмотреть вопросы социально-экономического, духовного развития народов Севера, проживающих в промышленно осваиваемых Центральной и Южной Якутии;

- пересмотреть концепцию восстановления родных языков.

Результаты современных исследований позволяют сделать вывод о том, что одной из приоритетных задач российской государственной политики в отношении народов Севера должно являться создание не чисто рыночной, а смешанной экономики, базирующейся на различных формах собственности, среди которых государственный сектор должен играть преимущественную роль. Только с помощью государства возможно возрождение и развитие социальной инфраструктуры в населенных пунктах Севера, повышение товарности традиционного хозяйства, подъем уровня занятости населения и в целом обеспечение этносоциального прогресса народов Севера.

На прошедшем недавно Арктическом форуме в Петербурге эксперт Проектного офиса развития Арктики А. Иванов сказал: «Мы подошли к этапу, когда необходимо выработать новую арктическую философию, в которой одним из оснований является этническое. В этническом самосознании кроется мощнейший потенциал развития».

Многоуважаемый Феодосий Семенович делал все, чтобы пробудить к действиям самих представителей коренных малочисленных народов Севера и внес в их возрождение и развитие неоценимый вклад, который предстоит оценить по достоинству ныне живущим потомкам.

РАЗДЕЛ I

ЧЕЛОВЕК И СОЦИУМ АРКТИКИ И СЕВЕРА В НЕУСТОЙЧИВОМ МИРЕ: ТРЕНДЫ, ТЕХНОЛОГИИ, ВЫЗОВЫ

УДК 316.4.063

Вилена Маратовна Валеева
научный сотрудник Постдамского института
перспективных исследований в области устойчивого развития
(IASS) Германия, Потсдам

Vilena Maratovna Valeeva
Research Fellow,
The Institute for Advanced Sustainability Studies (IASS)
Germany, Potsdam

e-mail: vilena.valeeva@iass-potsdam.de

СТРАТЕГИИ ДЛЯ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ЯМАЛА В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ БУДУЩЕГО¹

UNCERTAIN FUTURES IN THE ARCTIC: STRATEGIC OPTIONS FOR YAMAL INDIGENOUS PEOPLES

Аннотация. Многочисленные изменения, происходящие в Арктике и глобально, влияют на будущее арктических экосистем, населения и бизнеса, делая его крайне неопределенным. Для того, чтобы помочь тем, чья повседневная жизнь, работа и бизнес связаны с Ямалом и наилучшим образом адаптироваться им к будущим рискам и возможностям, ученые Потсдамского института устойчивого развития (Потсдам, Германия), Института международной экономики и международных отношений РАН (Москва, Россия) в сотрудничестве с компанией ForesightIntelligence (Берлин, Германия) инициировали проект «Ямал 2040» в качестве одного из кейс-стади международного научного проекта «Blue-Action». В рамках проекта «Ямал 2040» ученые вместе со стейкхолдерами разработали сценарии будущего Ямало-Ненецкого автономного округа с применением метода «Стратегический Форсайт» (или «Стратегическое предвидение»). В данной статье представлены сценарии Ямал-2040 с фокусом на возможности их применения коренным населением Ямала.

Abstract. Multiple changes occurring in the Arctic and globally render the future of Arctic ecosystems, communities, and industry highly uncertain. To help Yamal stakeholders, including those from local and indigenous communities, to better navigate through these uncertainties, the Institute for Advanced Sustainability Studies in Potsdam, Germany, in cooperation with Foresight

---

¹Проекты «Ямал 2040» и «Blue-Action» получили финансирование в рамках исследовательской программы Европейского Союза «Horizon 2020» под грантовым соглашением No727852

Intelligence in Berlin, Germany, and the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Science in Moscow, Russia, developed a foresight project “Yamal 2040: Scenarios for the Russian Arctic” as a part of the international Blue-Action project. Within the “Yamal 2040” case study, stakeholders together with scientists constructed different scenarios for the future of the YNAO and learned how to use them in their decision-making. The scenarios were constructed in a series of workshops where representatives of different Yamal stakeholder groups, including environmental and indigenous NGOs, local communities, business, media, and scientists, took part. The Yamal scenarios were constructed using the Strategic Foresight method, which is used worldwide by policymakers, business, and analysts who want to convert uncertainties into opportunities. This paper will present the three Yamal 2040 scenarios with a focus on implications for the Yamal indigenous peoples

Ключевые слова: Ямал, Арктика, Российская Арктика, неопределенность, коренное население, сценарии, стратегии

Keywords: Yamal, Arctic, Russian Arctic, future, uncertainties, indigenous peoples, scenarios, strategic options

Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО) является одним из самых динамично развивающихся регионов российской Арктики с амбициозными международными нефтегазовыми и инфраструктурными проектами [1]. Однако будущее данного ресурсодобывающего арктического региона зависит от большого количества факторов и неопределенностей, связанных с развитием мирового энергетического рынка, внедрения новых технологий, воздействия изменения климата, мировой климатической политики, геополитических и демографических процессов. Будущее взаимовлияние этих процессов и то, как оно скажется на развитии региона, крайне сложно спрогнозировать, еще труднее подготовиться к сложно предсказуемому будущему.

Для того, чтобы помочь тем, чья повседневная жизнь, работа и бизнес связаны с ЯНАО и наилучшим образом адаптироваться им к будущим рискам и возможностям, ученые Потсдамского института устойчивого развития (Потсдам, Германия), Института международной экономики и международных отношений РАН (Москва, Россия) в сотрудничестве с компанией ForesightIntelligence (Берлин, Германия) инициировали проект «Ямал 2040» в качестве одного из кейс-стади международного научного проекта «Blue-Action».

Методы, используемые при разработке проекта

В рамках проекта «Ямал 2040» были разработаны сценарии будущего Ямало-Ненецкого автономного округа с применением метода «Стратегический Форсайт» (или «Стратегическое предвидение»). Передовая техника группового построения сценариев «Стратегический форсайт» используется для разработки стратегий в комплексных вопросах, связанных с высокой степенью неопределенности [2]. Стратегический Форсайт часто используют правительства стран и крупный бизнес, чтобы выстроить наиболее эффективные стратегии развития и при этом иметь возможности конвертировать неопределенности в возможности. Этот метод предполагает особый подход к сценариям, а заодно к размышлениям о будущем в целом. Он не ставит целью точно спрогнозировать развитие событий, поскольку это невозможно. Разумнее признать неопределенность будущего и готовиться к разным его вариантам, что позволит минимизировать риски и наилучшим образом использовать открывающиеся или прогнозируемые возможности.

Сценарии в технике Форсайт не создаются учеными при помощи моделей, а разрабатываются группой экспертов и стейкхолдеров в ходе модерлируемых семинаров.

Группа участников при этом должна быть как можно менее однородной и представлять самые разные взгляды на объект исследования. Такой подход позволяет нивелировать когнитивные ошибки и выявлять так называемые «неизвестные»: явления, о которых сейчас никто не подозревает, но способные серьезно повлиять на ситуацию в будущем.

Техника Форсайт учитывает при разработке сценариев не один, а много факторов (экономические, политические, климатические, социальные, культурные и т.п.) и их взаимодействия. Сценарии, разработанные при помощи данного метода, представляют набор разных, но целостных картин возможного развития событий в будущем. Участники семинаров получают возможность выработать наилучшие для себя стратегии в отношении каждого сценария и, таким образом, найти оптимальные пути решения проблем, чтобы адаптироваться к любым переменам в будущем.

В разработке сценариев «Ямал 2040» приняли участие российские и международные ученые, представители Ямало-Ненецкого автономного округа, нефтегазового сектора, консалтинговых структур, экологических некоммерческих организаций, общественных организаций содействия коренным народам Севера и средств массовой информации. Всего было разработано три сценария, а также варианты стратегических действий для трех заинтересованных групп: местного населения, нефтегазового бизнеса и правительства Российской Федерации.

Краткое описание сценариев¹

Первый сценарий «Ямал 2040: перезагрузка»

Первый сценарий описывает сложившуюся к 2040 г. ситуацию, когда прорыв в технологиях накопления энергии кардинально изменит глобальный энергетический рынок. Это приводит к тому, что спрос на ямальский газ резко сократится. Вслед за этим сократится и рынок труда в ЯНАО, а за ним и численность населения: только 200 тыс. человек останется в регионе. Ямало-Ненецкий АО в данном сценарии испытывает довольно сильное воздействие последствий изменений климата: к 2040 г. средняя температура прогнозируемая на Ямале на 4°C выше по сравнению с доиндустриальным уровнем, при этом летом температура на Ямале часто превышает 30°C. Часто возникающие ледяные корки создают серьезные проблемы для прокорма северных оленей. Карское море свободно ото льда весной, летом и осенью, что создает дополнительные возможности для судоходства. В 2020-е г.г. ямальское оленеводство пережило серьезную катастрофу: почти все поголовье оленей вымерло вследствие воздействия изменения климата и перевыпаса. Для возрождения хозяйства коренным народам ЯНАО пришлось переходить на инновационные модели оленеводства. К 2040 г., в то время как экономика России в целом не сможет уйти вне зависимости от нефти и газа, ЯНАО удастся развить новые сектора экономики параллельно с нефтегазовой промышленностью. Новый фокус Ямала – это IT, альтернативный туризм и локальное производство, в том числе рыбы, оленины и северных трав.

Второй сценарий «Ямал 2040: Газовый бум»

Согласно второму сценарию, в 2020-е г.г. весь мир потрясла серия крупномасштабных климатических катастроф. Это подтолкнуло мировое сообщество к признанию серьезности последствий изменения климата и необходимости скоординированных международных действий для его смягчения. Газ при этом воспринимается и продвигается как «транзитный» тип топлива – транзитный от ископаемых к возобновляемым видам источников энергии. В связи с этим глобальный спрос на газ очень высок, особенно в виде сжиженного природного

---

¹ Полное описание сценариев см.: [3] Valeeva et al. 2019: <https://zenodo.org/record/3341291#>. XbgaSpJKi70.

газа (СПГ), который также популярен в качестве топлива для судов. При этом для самого Ямало-Ненецкого АО последствия изменения климата оказались относительно мягкими, при этом средняя температура в регионе к 2040 г. все равно выше на 3°C по сравнению с доиндустриальным уровнем. Вечная мерзлота на Ямале продолжает свое таяние и становятся частыми экстремальные погодные явления.

Начиная с 2030-х гг., Россия и страны Запада постепенно достигают консенсуса по вопросу Крыма: ситуация в Крыму воспринимается как политическая реальность, санкции против России отменены в обмен на ее усилия по нормализации отношений с Украиной.

Таким образом, международная обстановка и ситуация на мировом энергетическом рынке весьма благоприятна для промышленности Ямало-Ненецкого автономного округа. При этом новые технологии позволяют потребителям из любой точки мира в режиме реального времени следить за тем, как производится газ на Ямале. Под давлением потребителей ямальский бизнес вынужден сокращать воздействие на окружающую среду и вводить новые программы корпоративной социальной ответственности бизнеса.

Третий сценарий «Ямал 2040: Снежная королева»

В третьем сценарии к 2040 г. под влиянием многих факторов (включая замедление Гольфстрима и нескоординированные эксперименты разных стран в области геоинженерии) климат на Ямале и в Европе значительно холоднее, чем ожидалось. Вечная мерзлота прочная и не тает, Карское море замерзает не только зимой, но и летом. Цены на газ высокие вследствие тупика, в который зашел процесс глобальной энергетической трансформации, и высокого уровня мирового потребления энергии. Продолжающийся санкционный режим подтолкнул Россию к диверсификации экономики и росту российских инноваций. Экономика России и Ямала растет, но этот рост происходит в основном за счет нефтегазового, ядерного и химического секторов промышленности. Однако под воздействием требований населения повышается экологическая и социальная ответственность углеродных проектов на Ямале.

Варианты стратегических действий

Три сценария, разработанные в рамках проекта «Ямал 2040» рисуют кардинально различные картины будущего для ЯНАО. Предсказать, какая из альтернатив станет реальностью и каким на самом деле будет будущее ЯНАО, невозможно. Но можно постараться разработать стратегии действий, которые бы были эффективны или полезны при любом из вариантов развития событий. Этому был посвящен третий семинар, прошедший в сентябре 2019 г.

С будущим Ямало-Ненецкого автономного округа связана жизнь и работа большого количества социальных групп, однако временные рамки и количество участников не позволяли разрабатывать стратегические опции для каждой из них, поэтому участникам было предложено выбрать три группы стейкхолдеров, для которых и предстояло предложить варианты стратегических действий. В ходе модерлируемой дискуссии были выбраны следующие группы: местное население (включая коренное), нефтегазовые компании и правительство Российской Федерации.

Далее, участники выделили те риски и возможности, которые открываются для каждой группы стейкхолдеров при каждом из сценариев, а также разработали варианты действий, которые позволили бы им минимизировать риски и увеличить возможности,

открывающиеся в том или ином сценарии. В заключении, были разработаны идеи для тех стратегий, которые бы были эффективными при любом сценарии¹.

Стратегии для коренного населения Ямало-Ненецкого автономного округа

Коренному населению Ямала предлагается изменить отношение к переменам, а именно быть открытыми к новым подходам относительно оленеводства, вдохновляясь примерами из других регионов и стран, используя и изучая опыт арктических регионов России и зарубежья. Также стоит переосмыслить существующий менеджмент ресурсов в оленеводстве, интерпретируя по-новому образ жизни предков.

Жителям ямальских поселений и кочующим коренным народам рекомендуется использовать проактивный и конструктивный подходы к взаимодействию с властями и нефтегазовыми компаниями. Т.е. критика важна, но нужно также активно вносить свои предложения для действий по улучшению современной ситуации, повышению уровня и качества повседневной жизни арктических народов.

Образование населения ЯНАО должно стать главным приоритетом на всех уровнях. Успешный финал всех трех сценариев возможен только при условии, если жители Ямало-Ненецкого АО будут достаточно образованными и способными к активным действиям по построению и развитию новых моделей бизнеса, участию в мониторинге окружающей среды, сотрудничеству с властями, нефтегазовыми компаниями и некоммерческими организациями (НКО). Образование предоставляет лучшие возможности для успешной адаптации к любым переменам в обществе. Особое внимание предлагается уделить вариантам онлайн-обучения, поскольку оно позволяет заниматься дистанционно, постоянно повышать уровень своих знаний и в любое удобное время и, таким образом, более рационально и оптимально совмещать повышение своей квалификации, кругозора знаний с ведением традиционных отраслей хозяйства северян.

Библиографический список

1. *Stephen, Kathrin, Valeeva, Vilena, Gabriel, Johannes, Nikitina, Elena, &Kuznetsov, Alexei.* 2018. Arctic Stakeholder Map Stakeholder groups involved in Yamal oil and gas development Blue-Action Case Study Nr. 5 (D5.20) <https://zenodo.org/record/1164213#.XbgZe5JKi70>
2. *Gabriel J.* 2014. A scientific enquiry into the future, in: European Journal for Futures Research, <https://doi.org/10.1007/s40309-013-0031-4>.
3. *Valeeva, Vilena, Stephen Kathrin, Gabriel, Johannes, Nikitina, Elena, & Kuznetsov, Alexei.* 2019. Environment scanning workshop and report 2 (D5.22) <https://zenodo.org/record/3341291#.XbgaSpJKi70>

---

¹Полное описание стратегий для всех групп стейкхолдеров см: [3]Valeevaetal 2019: <https://zenodo.org/record/3341291#.XbgaSpJKi70>

Ульяна Евгеньевна Якушева
старший преподаватель кафедры государственного
и муниципального управления Высшей школы экономики,
управления и права Северного (Арктического) федерального университета
имени М.В. Ломоносова, Россия, Архангельск

Людмила Васильевна Воронина
кандидат экономических наук
лаборатория социо-эколого-экономических систем
Института комплексных исследований Арктики
ФИЦ комплексного изучения Арктики
им. академика Н.П. Лаверова РАН
Россия, Архангельск

Uliana Evgenievna Yakusheva
Senior Lecturer at the Faculty of State and Municipal Management,
Higher School of Economics, Management and Law,
Northern Arctic Federal University
Russia, Arkhangelsk

e-mail: voronina_ljudmila@rambler.ru

Ludmila Vasielievna Voronina
Candidate of Economic Sciences,
Senior Researcher at the Laboratory of Socio-Ecological-Economic systems,
The Institute for Integrated Arctic Studies,
Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Russian Academy of Science
Russia, Arkhangelsk

e-mail: ylich.zz@rambler.ru

АНАЛИЗ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА «ВЕРХНИЙ НУРЛЭНД» ШВЕЦИИ

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE UPPER NORDLAND OF SWEDEN¹

Аннотация. Целью данной статьи является анализ применения методики оценки устойчивого развития, предложенная А.И. Чистобаевым, С.А. Рафиковым, В.В. Худолеем, Е.Л. Титовой, Т.М. Флоринской. В качестве региона выбран «Верхний Нурлэнд» Швеции в силу анализа необходимости тестирования модели с использованием международной системы статистической информации. Период сбора информации составляет 18 лет: с 2000 по 2018 год. В результате, выявлены диспропорции в развитии региона «Верхний Нурлэнд».

---

¹Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00509 А «Факторы и механизмы взаимовлияния миграционных процессов и динамики социально-экономического развития арктических регионов России».

Abstract. *The aim of study is verification of the method applied for assessing sustainable development by A.I. Chistobaev, S.A. Rafikov, V.V. Khudoleya, E.L. Titova, T.M. Florinsky. The region of Sweden called «Upper Nordland» was chosen for validation by reason of to test the model on international statistical system. The data gathering period is 18 years, from 2000 to 2018. As a result, imbalances in the development of the Upper Nordland region were identified.*

Ключевые слова: *устойчивое развитие, Швеция, Верхний Нурлэнд, социально-экономическое развитие.*

Keywords: *sustainable development, Sweden, Upper Nordland, socio-economic development.*

Комиссия ООН в 1987 году охарактеризовала «устойчивое развитие» как «удовлетворение нужд текущего поколения без ограничения возможности удовлетворять нужды следующего поколения» [2]. Более детально вопросами специфики устойчивого развития территорий, определение общих принципов и механизмов развития территории занимались: Р. Чемберс, Э. Б. Барбер, Х. Е. Дали, Р. Б. Ховарт и Р.Б. Норгард, В. И. Данилов-Данильян, Э.В. Гурисов, С.Н. Бобылёв, А.Л. Новосёлов, И. Ю. Новосёлова, Н. В. Чепурных, Г. В. Платонов, Р. Грей, М. Милн, Л. Браун, В. Голубев, А. Чистобаев и др. Использование такого подхода к экономике подразумевает «погружение» социально-экономических систем и процессов в природу как естественный фундамент существования человечества» [1]. Для обеспечения применения принципов устойчивого развития каждое государство разработало план перехода к устойчивому (или сбалансированному) развитию в соответствии с исполнением решения Комиссии ООН. Швеция была в числе первых стран, разработавших государственную стратегию по переходу на устойчивый тип развития. В 2003 году шведским правительством была одобрена «Шведская стратегия устойчивого развития – экономика, социальная защита, окружающая среда» [6]. Возникает необходимость в разработке методики оценки устойчивого развития. Анализ методик оценки устойчивого развития показал, что существующие методики делятся на два вида: система показателей или интегральный показатель. Примером последнего служит «Экологически адаптированный чистый внутренний продукт», рассчитываемый по следующей формуле [3]:

$$EDP = (NDP - DN) - ED, \text{ где} \quad (1)$$

EDP – экологически адаптированный чистый внутренний продукт;

NDP – чистый внутренний продукт;

DN – стоимостная оценка истощения природных ресурсов;

ED – стоимостная оценка экологического ущерба.

Среди комплексных методик оценки устойчивого развития можно выделить методики, применяемые в Словакии, Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, Европейским Союзом. Но все методики базируются на большом количестве показателей, часть из которых имеют свою специфику [3]. В результате рассмотрения методик оценки устойчивого развития, предлагаемых отечественными учёными, авторами была выбрана методика авторов А.И. Чистобаева, С.А. Рафикова, В.В. Худолея, Е.Л. Титовой, Т.М. Флоринской. В качестве показателей оценки авторы предлагают следующие:

- валовой региональный продукт;
- инвестиционная привлекательность;
- миграционное сальдо;
- уровень безработицы;

- уровень преступности;
- демографическая нагрузка;
- демографическая структура;
- продолжительность жизни;
- индекс загрязнения атмосферы;
- индекс загрязнения воды;
- образование отходов и уровень механизированной переработки отходов;
- уровень шумового загрязнения;
- уровень озеленения [4, с. 84].

Учёные апробировали предлагаемую методику для оценки устойчивого развития Санкт-Петербурга. С целью оценки валидности и возможности применения модели не только для российских регионов далее будет произведен анализ устойчивого развития региона «Верхний Нурдланд» Швеции с использованием ранее приведённых показателей. Регион «Верхний Нурдланд» включает два субъекта Норрботтен и Вестерботтен. Анализируемый период – с 2000 по 2018 года (*по 2016 для отдельных показателей*). Основным источником информации служил сайт статистики Швеции.

Валовой региональный продукт (в текущих ценах) представлен на рисунке 1. Из рисунка видно, что за последние 15 лет значительное снижение исследуемого показателя отмечается в 2009 году. Причиной спада ВРП может являться мировой кризис. Наибольшее внимание и анализа причин требует снижение показателя ВРП с 2011 года.

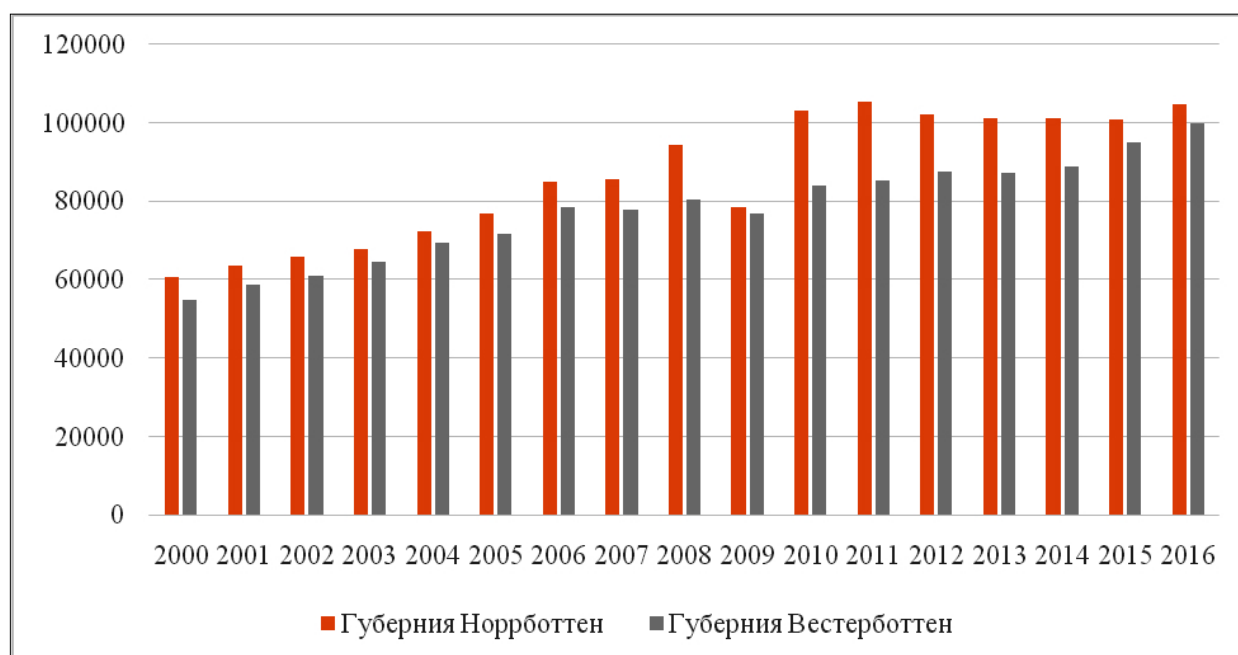

Рис. 1. Валовой региональный продукт, млн. швед. крон.

Уровень безработицы в регионах совпадает со средним по Швеции и в 2012 году равнялся 8%, в 2014 – 8,1%, а в 2018 – 6,4%. В целом наблюдается снижение уровня безработицы. Но негативной тенденцией является повышение уровня безработицы среди молодёжи и увеличение доли населения, неспособного найти работу в течение 6 месяцев. Неспособность молодого населения найти работу может стать причиной роста уровня преступности, рассчитываемого как процент населения, подвергнувшегося насилию, от общего числа населения. В 2008-2009 г. этот показатель равнялся 6,8%, в 2010-2011 г. - 7,0%, а в 2016-2018 составлял 7,1%. В целом за последние 18 лет наблюдается медленный рост

данного показателя, что свидетельствует о необходимости изменений курса развития в области занятости и обеспечения правопорядка.

Миграционное сальдо представлено на рисунке 2. Регион Норрботтен является более привлекательным для жизни, чем Вестерботтен. Основными группами, мигрирующими в регион, до 2015 года являлись жители Норвегии, Дании, а с 2015 - представители стран третьего мира. Столкновение двух противоположных культур может привести к возникновению конфликтов, что значительно ухудшит социальный климат в регионе и сделает его менее привлекательным для жизни и работы.

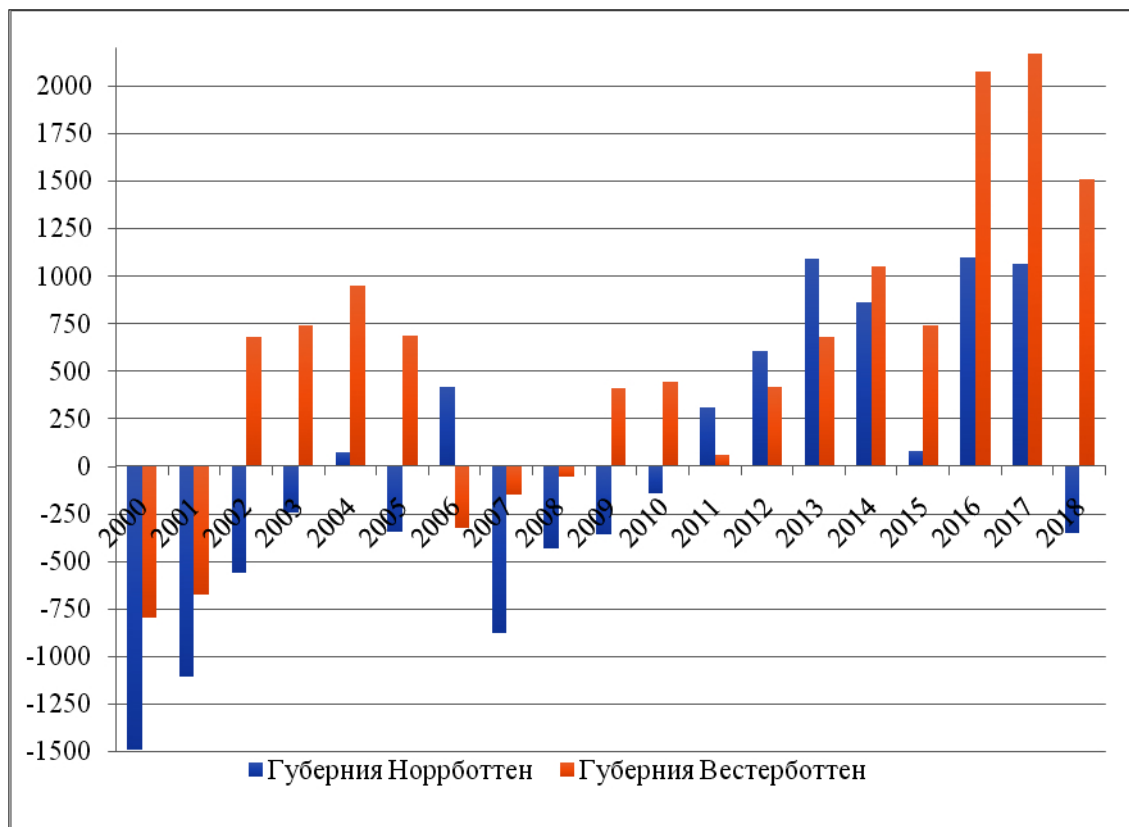

Рис. 2. Миграционное сальдо, чел.

Анализ демографической нагрузки показал снижение показателя в период с 2002 по 2007 годы, но с 2008 года произошёл резкий рост данного показателя и на 2018 год для Норрботтена данный показатель составил 650 детей и пенсионеров на лиц трудоспособного возраста, а для Вестерботтена – 610. Стоит отметить, что для Швеции трудоспособным возрастом считается период с 16 по 65 лет. Таким образом, наблюдается рост численности нетрудоспособного населения (рис. 3).

Рис. 3. Коэффициент демографической нагрузки, на 1000 чел.

Анализ таких индикаторов, как «средний возраст населения» и «средняя продолжительность жизни» показал, что демографическая нагрузка повышается за счёт роста численности населения категории «старше трудоспособного возраста». Средний возраст для губернии Вестерботтен вырос на 2 года за рассматриваемый период и составил 42 года в 2018 году, а для губернии Норрботтен – на 3 года и составил 44 года в том же временном интервале. Средняя продолжительность жизни составляет 81 год и существенно не изменялась за последние восемнадцать лет.

В регионе Норрботтен наблюдается снижение общей численности населения с 2011 по 2015 годы в среднем на 2% в год (рис. 4). Резкий рост населения в 2015 году обусловлен миграцией представителей стран третьего мира. Состаривание местного населения и увеличение представителей других национальностей требует смены курса социальной политики.

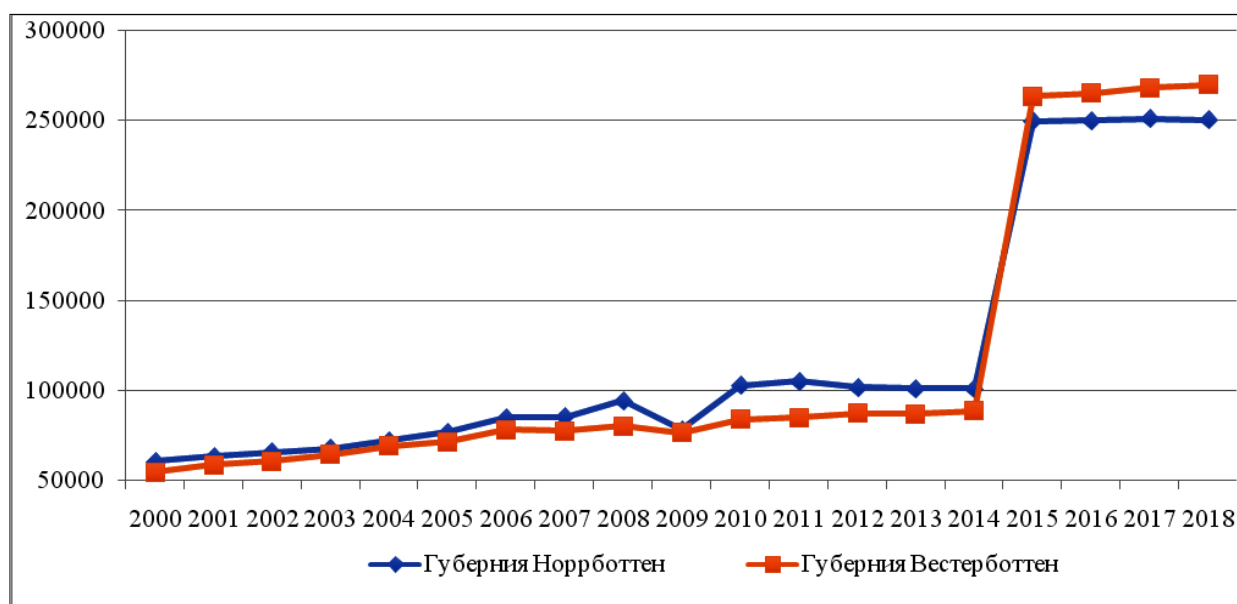

Рис. 4. Численность населения, чел.

Значение показателя отношения количества мужчин к количеству женщин в регионе Норрботтен за последние 14 лет значительно не изменялось и на 2018 год составило 1050 мужчин на 1000 женщин. В регионе Вестерботтен данный показатель значительно вырос с 2000 года (993 мужчины на 1000 женщин) и на 2018 год составил 1028 мужчин на 1000 женщин. Одной из причин значительного роста данного показателя является увеличение числа прибывших в регион в поисках работы.

Анализ экологической ситуации показал, что в регионах уделяется недостаточное внимание вопросам переработки отходов и минимизации влияния на окружающую среду. В губернии Вестерботтен наблюдается рост доли переработанных отходов. За рассматриваемый период объём отходов в данном регионе вырос в 2 раза по сравнению, а объём переработанных отходов существенно не изменился, что означает увеличение уровня антропогенной нагрузки на экосистему. В губернии Норрботтен наблюдается спад доли механически переработанных отходов: за последние 4 года этот показатель снизился на 10%. Уменьшение доли переработанных отходов в условиях роста объёма произведённых отходов приведёт к значительному экологическому ущербу.

Рассчитать другие показатели из предложенной методики: инвестиционная привлекательность, индекс загрязнения атмосферы и другие не представилось возможным ввиду отсутствия данных или доступа к ним. В итоге, экономическое состояние Норрботтена и Вестерботтена является в среднем стабильным, а экологическое и социальное – слабо устойчивым. Существующие тенденции роста численности населения за счёт мигрантов из других стран и состаривание населения требует изменения курса существующей политики социально-экономического развития.

Анализ существующих методов оценки устойчивого развития и оценка валидности одной из них показал, что модель анализа устойчивого состояния территориальной единицы должна содержать умеренное количество индикаторов, информация для расчёта которых имеется в свободном доступе и ежегодно обновляется.

Библиографический список

1. Гранберг А.Г., Данилов-Данильян В.И., Циканов М.М., Шопхоев Е.С. Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке. М: Экономика, 2002. – 414 с.
2. Комиссия ООН по экологическим вопросам и развитию. Наше общее будущее. Оксфорд: Оксфорд пресс, 1987.
3. Седов С.Б. Концепция устойчивого развития и индикаторы устойчивого развития экономики // Экономическая наука. 2007. N. 21. С. 71–97.
4. Синуцкая Н.Я. Развитие человеческого потенциала как стратегическая цель региональной социальной политики: Монография. – Архангельск: Поморский университет, 2004. – 298 с.
5. Статистика Швеции [Электронный ресурс]: Официальный сайт - Режим доступа: <http://www.statistikdatabasen.scb.se/pxweb/en/ssd/> (дата обращения: 28.10.2018).
6. Стратегия Швеции. A Swedish Strategy for Sustainable Development – Economic, Social and Environmental, одобренная Правительством Экологии Швеции 01.01.2014. – 24 с. – Режим доступа: <https://www.government.se/49b73c/contentassets/3f67e0b1e47b4e83b542ed6892563d95/a-swedish-strategy-for-sustainable-development-summary> (дата обращения: 28.10.2018)

Иван Васильевич Ядрев,
советник юстиции, аспирант факультета подготовки научных кадров
Университета Генеральной прокуратуры Российской Федерации
Россия, Москва

Ivan Vasilevich Yadreev
Counselor of Justice,
Postgraduate Student of the Faculty
of Scientific Personnel Training
University of the General Prosecutor's
Office of the Russian Federation
Russia, Moscow

e-mail: kutlug@mail.ru

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ
НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
И МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**USE OF THE LANGUAGES OF THE INDIGENOUS PEOPLES
OF THE NORTH, SIBERIA AND THE FAR EAST IN THE ACTIVITIES
OF PUBLIC AUTHORITIES AND LOCAL GOVERNMENTS
IN THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация. В статье анализируется современное правовое регулирование использования языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в официальных сферах. Основное внимание уделяется сравнению регионального законодательства о языках и их статусе. Дается оценка полноты использования субъектами федерации предоставленных возможностей в сфере языкового строительства. На основе анализа делается вывод о необходимости реформирования законодательства о языках.

Abstract. The article analyzes the current legal regulation of the use of languages of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East in official spheres. The main focus is on comparing regional legislation on languages and their status. The assessment of the completeness of the use of the provided opportunities in the field of language construction by the subjects of the Federation is given. Based on the analysis, it is concluded that the legislation on languages needs to be reformed.

Ключевые слова: государственный язык, родной язык, коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, местное самоуправление, использование языка, федерализм, языковая политика, языковое строительство.

Keywords: official language, native languages, indigenous peoples of North, Siberia and Far East, local government, use of language, federalism, language policy, language construction.

Российская Федерация в настоящее время является крупнейшим многонациональным государством в мире. Данный фактор имел и имеет решающее значение при организации государственного устройства на всех исторических этапах развития нашего государства [5]. Законодательство Российской Федерации в ее нынешнем виде, регулирующее правовой статус языков, принималось в эпоху формирования в становления российской государственности [4].

При этом, возможность использования любого языка в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления безусловно зависит от его статуса.

Частью 1 статьи 68 Конституции Российской Федерации предусмотрено, что государственным языком РФ на всей ее территории является русский язык. Часть 2 этой статьи указывает, что республики вправе устанавливать свои государственные языки. Частью 3 закреплено, что Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития [8].

Языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока ни в одном субъекте Российской Федерации не имеют статуса государственного. Представляется, что причиной этому является даже не сама малочисленность носителей языков, сколько статусная градация народов в советский исторический период. Российская Федерация во многом сохраняет пережитки данной градации в своем внутреннем делении.

Так, количество носителей ненецкого языка лишь не на много меньше количества носителей таких языков как алтайский, хакасский или черкесский, обладающих статусом государственных [7]. Гипотетическую возможность признания государственным на уровне субъектов федерации имеют ненецкий и чукотский языки, как языки, имеющие значительное число носителей, расселенных относительно компактно на территории субъектов Федерации, которые могут получить статус республики в составе РФ.

Проанализируем федеральное законодательство о языках в свете возможности использования языков коренных малочисленных народов в официальных сферах.

Часть 2 статьи 3 закона РФ от 25.10.1991 г. 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» указывает, что республики вправе устанавливать в соответствии с Конституцией РФ свои государственные языки. При этом, часть 4 статьи регулирует, что в местности компактного проживания населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущего за его пределами, наряду с русским языком и государственными языками республик, в официальных сферах может использоваться язык населения данной местности. Порядок использования языков в таких местностях определяется законодательством Российской Федерации, субъектов Российской Федерации.

Положения части 1 статьи 11 закона указывают, что работа в федеральных органах государственной власти, органах государственной власти субъектов Российской Федерации и органах местного самоуправления осуществляется на государственном языке РФ. Часть 2 предусматривает право республик использовать свои государственные языки в органах государственной власти и органах местного самоуправления.

Вместе с тем, нормы части 1 статьи 15 ПОП закона РФ предусматривают, что в деятельности государственных органов, организаций, предприятий и учреждений РФ используются государственный язык РФ, государственные языки республик и иные языки народов РФ. Однако, исходя из содержания частей 2-6 этой статьи, речь в ней идет лишь о предоставлении гражданам права выступать на языке, которым они владеют, о праве иметь переводчика, о праве обращаться и получать ответ на языке обращения, т.е. об использовании языка в необходимых частных случаях.

Положения статьи 13 данного закона РФ регулируют, что языком законов и нормативно-правовых актов субъектов РФ является русский язык, республики вправе опубликовывать федеральные нормативно-правовые акты и официально опубликовывать «свои» акты на государственных языках республик. При этом, законодатель оговаривается, что в необходимых случаях, указанные нормативные правовые акты могут опубликовываться на языках народов Российской Федерации в соответствии с законодательством субъектов РФ.

Статья 14 закона регулирует, что при проведении выборов и референдумов в Российской Федерации республики наряду с государственным языком Российской Федерации вправе использовать государственные языки республик и языки народов России на территориях их компактного проживания.

Положение статьи 16 закона РФ указывает на то, что на территории России официальное делопроизводство в государственных органах, организациях, на предприятиях и в учреждениях ведется на русском языке как на государственном языке РФ. Официальное делопроизводство в республиках ведется также на государственных языках данных республик. Порядок использования языков в официальном делопроизводстве определяется законодательством РФ и республик. В части 2 этой статьи закреплено, что тексты документов (бланков, печатей, штампов, штемпелей) и вывесок с наименованиями государственных органов, организаций, предприятий и учреждений оформляются на государственном языке РФ, государственных языках республик и иных языках народов Российской Федерации, определяемых законодательством республик. Часть 3 данной статьи закрепляет, что официальное делопроизводство в субъектах Российской Федерации наряду с государственными языками России и ее республик вправе вестись на языках народов России в местах их компактного проживания. Порядок такого использования определяется субъектами РФ.

Статья 23 закона РФ указывает о том, что республики вправе производить написание наименований географических объектов и оформление надписей, дорожных и иных указателей на государственных языках республик наряду с государственным языком России. Частью 2 предусмотрено, что в субъектах федерации в необходимых случаях вправе производить написание наименований географических объектов и оформления надписей, дорожных и иных указателей на языках народов РФ на территориях их компактного проживания наряду с государственным языком РФ [13].

Принятие Федерального закона от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» позволило более четко определить сферы использования языков.

Так, часть 2 статьи 1 данного Федерального закона указывает, что статус русского языка как государственного языка РФ предусматривает обязательность использования русского языка в сферах, определенных законом. Часть 7 данной статьи указывает, что обязательность использования государственного языка РФ не должна толковаться как отрицание или умаление права на пользование государственными языками республик, находящихся в составе РФ и языками народов РФ.

Нормами статьи 3 предусмотрено, что государственный язык РФ подлежит обязательному использованию во всех официальных сферах: в деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, в том числе в делопроизводстве; в наименованиях этих органов: при подготовке и проведении выборов и референдумов; при официальном опубликовании нормативных правовых актов; во взаимоотношениях органов государственной власти и местного самоуправления и граждан, общественных объединений; при написании наименований географических объектов,

нанесении надписей на дорожные знаки; в иных определенных федеральными законами сферах [11].

Нормы Федерального закона от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» не содержат норм об использовании языков коренных малочисленных народов в официальных сферах [10]. Положения иных федеральных законов, в том числе Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [9], Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» [12] и иных также регулируют вопросы использования языков, но эти правоотношения выходят за рамки нашей темы.

Анализ норм указанных федеральных законов позволяет сделать вывод, что федеральное законодательство регулирует возможность использования языков России, не являющихся государственными, в официальных сферах.

Нормы законов позволяют выделить сферы возможного использования языков коренных малочисленных народов: работа органов государственной власти, органов местного самоуправления, опубликование нормативно-правовых актов, организация и проведение выборов, официальное делопроизводство, написание наименований географических объектов в оформлении надписей, дорожных и иных указателей.

При этом, законодатель возлагает ответственность по использованию языков на субъекты федерации и обосновывает необходимость применения закона, в первую очередь в местах компактного проживания КМНС. Использование языков не является самостоятельным и привязано к использованию государственного языка РФ и государственных языков субъектов РФ.

Прямого определения компактности проживания населения, не имеющего своих национально-государственных в национально-территориальных образований или живущего за его пределами в законодательстве не имеется. Однако в конкретных целях возможно использование «Общероссийского классификатора экономических регионов. ОК 024-95» (утв. Постановлением Госстандарта России от 27.12.1995 № 640), где в пункте 13 указаны регионы традиционного проживания коренных малочисленных народов Российской Федерации [14]. В ряде случаев такие перечни приняты на уровне субъектов РФ. Закон Республики Саха (Якутия) от 10 июля 2003 г. 3 № 121-III «О перечне коренных малочисленных народов Севера и мест их традиционного проживания в традиционной хозяйственной деятельности в Республике Саха (Якутия)» [27].

Во исполнение полномочий, предоставленных федеральным законодательством Субъекты Российской Федерации, на территории которых проживают коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока осуществляют правовое регулирование статуса и порядка и использования них языков.

Из Республик Бурятия, Коми, Саха (Якутия), Тыва и Хакасия наиболее подробно это правовое регулирование осуществляется в Республике Саха (Якутия), где принят целый ряд правовых актов в этой сфере.

В соответствии со статьей 46 Конституции Республики Саха (Якутия) государственными языками РС(Я) являются язык саха и русский язык. Языки коренных малочисленных народов Севера являются официальными в местах компактного проживания этих народов [15]. Статьей 6 Закона Республики Саха (Якутия) от 16.10.1992 № 1170-XII «О языках в Республике Саха (Якутия)» эвенкийский, эвенский, юкагирский, долганский, чукотский языки признаются местными официальными языками в местах проживания этих народов и используются наравне с государственными языками.

Однако, статья 12 данного Закона указывает, что языки местных народностей Севера употребляются только в работе органов местного самоуправления наряду с государственным

языком республики и государственным языком РФ в местах компактного проживания их носителей. Использование языков коренных малочисленных народов в работе органов государственной власти, организаций, предприятий и учреждений не предусмотрено [31].

Аналогичные нормы предусмотрены в статье 30 Закона Республики Саха (Якутия) от 31 марта 2005 г. 3 № 461-III «О правовом статусе коренных малочисленных народов Севера» [28]. При этом, согласно части 2 этой статьи органы местного самоуправления определяют перечень населенных пунктов, объектов хозяйственного и социально-культурного назначения, наименования которых обозначаются на языках коренных малочисленных народов Севера.

Вместе с тем, в статье 9 Закона Республики Саха (Якутия) от 20 февраля 2004 г. 3 № 243-III «О статусе языков коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» указано, что в необходимых случаях официальное делопроизводство в Республике Саха (Якутия) наряду с государственным языком может вестись на языках коренных малочисленных народов Севера в местах их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности без указания субъектов, которые могут использовать эти языки [30].

Статьей 13 Закона Республики Саха (Якутия) от 16.10.1992 № 1170-XII «О языках в Республике Саха (Якутия)» предусмотрено, что акты органов местного самоуправления и управления принимаются и публикуются на саха, русском и местных официальных языках в обязательном порядке [31].

Статьей 17 местные официальные языки употребляются в официальной переписке и почтово-телеграфных отправлениях. Также статьей 18 предусмотрено оформление учетно-статистической и финансовой документации на предприятиях, в учреждениях и организациях на местных официальных языках. В статье 23 регулируется, что при подготовке и проведении выборов и референдумов наряду с государственным языком Российской Федерации вправе использовать язык саха, а также языки народов Российской Федерации на территориях их компактного проживания. В статье 32 предусматривается, что наименования географических объектов на дорожных и иных указателях на территории Республики Саха (Якутия) пишутся на государственных языках Республики Саха (Якутия).

При необходимости указанные наименования пишутся и на других языках народов Российской Федерации с учетом интересов населения соответствующих территорий.

Нормами статьи 34 урегулировано, что тексты документов (бланков, печатей, штампов, штемпелей) и вывесок с наименованиями государственных органов, организаций, предприятий и учреждений оформляются на государственных языках, а при необходимости также на местных официальных языках. Также, в статье 35 указано, что тексты вывесок с наименованиями органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений и организаций оформляются на государственных языках Республики Саха (Якутия), а в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера – и на местных официальных языках. Такие же требования предъявляются к текстам вывесок, объявлений, рекламы и иных информационных средств, содержащие информацию в наглядной форме.

Частью 6 статьи 6 Закона Республики Саха (Якутия) от 27 января 2005 г. 3 № 419-II «О статусе национального административно-территориального образования в местах традиционного проживания в традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» предусмотрено, что наименование государственных предприятий, учреждений на территории национального административно-территориального образования оформляется на государственных языках Рес-

публики Саха (Якутия) и на языке народа, определенном населением на референдуме или сходе (собрании) [29].

Итак, законодательством Республики Саха (Якутия) во-первых, предоставляется официальный статус языкам коренных малочисленных народов в местах компактного проживания их носителей; во-вторых, предусмотрена обязательность использования этих языков в работе органов местного самоуправления, публикации нормативно-правовых актов в местах компактного проживания, в текстах вывесок с наименованиями органов власти, предприятий и организаций, а также в текстах вывесок, объявлений, рекламы и иных информационных средств, содержащие информацию в наглядной форме. В части использования языков в делопроизводстве, организации и проведения выборов, официальной переписке, написании наименований географических объектов в оформлении надписей, дорожных и иных указателей, в текстах документов (бланков, печатей, штампов, штемпелей) предусмотрена диспозитивность – в случае необходимости.

В зависимости от решения органов местного самоуправления поставлены вопросы наименования государственных предприятий, учреждений в определении перечня населенных пунктов, объектов хозяйственного и социально-культурного назначения, наименования которых обозначаются на языках коренных малочисленных народов Севера.

Законы иных республик регулируют данную сферу в значительно меньшей мере.

В Законе Республики Бурятия от 10.06.1992 № 221-ХП «О языках народов Республики Бурятия» (статья 11) указано о возможности использования языков народов России при подготовке и проведении выборов. Аналогичные нормы имеются в Законе Республики Алтай от 03.03.1993 № 9-6 «О языках народов, проживающих на территории Республики Алтай» [24]. При этом, в статье 4 этого закона в качестве официального языка в местах компактного проживания его носителей признан казахский язык [25].

Законом Республики Хакасия от 20.10.1992 11 «О языках народов Российской Федерации, проживающих на территории Республики Хакасия» помимо аналогичной нормы о возможности использования иных языков (кроме государственных) при подготовке и проведении выборов (статья 12), предусмотрена возможность ведения официального делопроизводства на языке других народов (кроме русских и хакасов), компактно проживавших в республике (статья 14) и возможность написания наименований географических объектов и оформление надписей, дорожных и иных указателей (статья 21) в случае наличия такой необходимости [33].

Законами Республик Коми [26] и Тыва [32] сфера использования языков коренных малочисленных народов не регулируется.

Изучим, регулирование данных отношений в четырех автономных округах, три из которых одновременно являются частями Архангельской и Тюменской областей.

Законы Ненецкого [22], Ямало-Ненецкого [38], Ханты-Мансийского-Югра автономных округов [36], во-первых, перечисляют языки коренных народов, проживающих на территории округов и, во-вторых, определяют их как родные языки, а в ХМАО-Югра как национальные (родные). Законодательства этих округов во многом схожи.

В статье 6 Закона Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 04.12.2001 № 89-ОЗ «О языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Ханты-Мансийского автономного округа» указано, что эти языки могут быть использованы в органах государственной власти, органах местного самоуправления, муниципальных образований, согласно установленным данными органами порядкам в официальном делопроизводстве.

Статья 9 Закона Ненецкого автономного округа от 18.03.2013 № 4-ОЗ «О ненецком языке на территории Ненецкого автономного округа предусматривает ведение

делопроизводства, наряду с государственным языком, на ненецком языке, но только для органов местного самоуправления, и обуславливает это случаями, установленными администрацией округа. В этих целях они могут использовать печати, штампы, бланки с текстами на государственном языке Российской Федерации, которые дублируются на ненецком языке. Часть 2 этой статьи разрешает оформлять вывески с наименованиями органов государственной власти округа и органов местного самоуправления на государственном языке Российской Федерации и на ненецком языке, если наименование соответствующего органа на ненецком языке указано в его учредительных документах.

Частью 3 статьи 1 Закона Ямало-Ненецкого автономного округа от 05.04.2010 № 48-ЗАО «О родных языках коренных малочисленных народов Севера на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» предусмотрено, что родные языки используются в процессе повседневного общения, в важных для них сферах общественных отношений наравне с государственным языком Российской Федерации [38]. При этом, закон в статье 7 ограничивает использование родных языков в официальном делопроизводстве сферой направления ответов на обращения граждан. Ранее до внесения изменений в закон 09.06.2019, официальное делопроизводство на ненецком, хантыйском и селькупском языках в органах местного самоуправления было возможным.

В части издания и перевода нормативно-правовых актов на языки коренных малочисленных народов действуют следующие правила.

Нормы указанного выше закона Ненецкого автономного округа Архангельской области (в статье 8) предусматривают перевод и опубликование законов в иных нормативных правовых актах округа на ненецком языке при наличии такого решения, принявшим органам, но только в области прав и гарантий ненецкого народа.

Законом Ханты-Мансийского автономного округа-Югры (статья 7) регулируется, что нормативные правовые акты, принимаемые органами государственной власти и органами местного самоуправления муниципальных образований автономного округа, затрагивающие права и свободы граждан, наряду с официальным опубликованием могут публиковаться также на языках коренных малочисленных народов, проживающих на территории автономного округа.

Статья 6 Закона Ямало-Ненецкого автономного округа регулирует возможность перевода и опубликования нормативно-правовых актов на указанных языках по решению органа, издавшего этот акт, но только тех актов, которые относятся к области гарантий прав коренных малочисленных народов Севера.

Сфера использования языков в наименовании географических объектов предусмотрена только в законах Ненецкого и Ямало-Ненецкого автономных округов и отсутствует в законодательстве Ханты-Мансийского автономного округа-Югры.

В статье 10 закона Ненецкого автономного округа предусмотрено, что наименование географических объектов на территории округа, надписи, дорожные и иные указатели в местах компактного проживания ненецкого народа, использующего ненецкий язык, наряду с государственным языком Российской Федерации, могут по решению правительства округа оформляться с учетом интересов населения на ненецком языке, но только на основании предложений глав муниципальных образований автономного округа, общественных объединений ненецкого народа. В соответствии с требованиями статьи 11 этого закона визуальная информация: наименования улиц, транспаранты, реклама, а также информационные надписи и обозначения на объектах культурного наследия местного (муниципального) значения могут быть дополнительно (помимо русского языка) дублированы на ненецком языке в случае, если это предусмотрено в уставах соответствующих муниципальных образований.

В законе Ямало-Ненецкого автономного округа наименование географических объектов также возможно на родных языках коренных малочисленных народов Севера, наряду с государственным языком Российской Федерации на основании постановлений правительства округа, которые принимаются в специальном порядке по представлению заинтересованных сторон. Данный порядок принят. В статье 9 закона автономного округа указывается, что на этих родных языках также возможно наименование улиц, размещение вывесок органов государственной власти и органов местного самоуправления муниципальных образований, транспарантов, рекламы, а также информационных надписей и обозначений на объектах культурного наследия, по решению органов местного самоуправления, если подобное предусмотрено в их уставах.

Таким образом, языки объявлены родными или национальными, а не официальными. Предусмотрена возможность использования языков в деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, если такое предусмотрено положением об этих органах, или в случаях, специально определенных администрацией округа (за исключением Ямало-Ненецкого автономного округа). На языках коренных малочисленных народов возможно опубликование только тех нормативно-правовых актов, которые непосредственно затрагивают права этих народов, и требует принятия органом, принявшим акт решения об этом. Также языки ограниченно используются на дорожных и иных указателях, при наименовании органов власти и при визуальном информировании населения (в том числе в текстах вывесок) по представлению заинтересованных субъектов на основании решения правительств округов.

По сравнению с достаточно подробным регулированием данной сферы взаимоотношений в законодательстве указанных округов закон Чукотского автономного округа от 23 октября 2017 года № 65-ОЗ «О родных языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих на территории Чукотского автономного округа» [37] в части 2 статьи 3 предусматривает только то, что в государственных программах округа возможно принятие мер по использованию родных языков коренных малочисленных народов в общественной жизни на территории компактного проживания таких народов, в том числе по написанию наименований географических объектов и оформлению надписей, дорожных и иных указателей наряду с государственным языком Российской Федерации.

Соответственно решение вопросов в данной сфере отнесено полностью к компетенции исполнительных органов власти округа.

Изучим законодательство в сфере языков коренных малочисленных народов иных субъектов федерации, на территории которых эти народы проживают.

Законом Камчатского края [18] принят порядок, аналогичный нормам соответствующего закона Чукотского автономного округа.

Законом Кемеровской области предусмотрено, что на территории компактного проживания коренных малочисленных народов по решению Коллегии Администрации Кемеровской области с учетом интересов населения написание наименований географических объектов и оформление надписей, дорожных и иных указателей наряду с государственным языком Российской Федерации могут производиться на языках коренных малочисленных народов, проживающих на данной территории [19]. Аналогичные нормы предусмотрены законами Красноярского края [20], Сахалинской области [34]. Магаданской области [21].

В Забайкальском, Приморском [23], Хабаровском краях [35], Амурской [16], Иркутской [17], Томской областях, Еврейской автономной области специальные законы о языках коренных малочисленных народов России не приняты. В этих субъектах федерации

имеется лишь законодательство, касающееся общих гарантий прав коренных малочисленных народов или его нет вовсе.

При этом, часть законов указанных субъектов, таких как Сахалинская область или Камчатский край перечисляет языки, являющиеся родными языками коренных малочисленных народов, а часть – нет.

Из анализа указанных законов можно сделать несколько выводов:

1) Не все субъекты федерации, на территории которых проживают коренные малочисленные народы, приняли региональные законы, регулирующие правовой статус и порядок использования их языков, что видимо связано как с отсутствием практики официального использования этих языков в прошлом, так и с бедственным положением самих языков.

2) Большая часть языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, в большинстве субъектов федерации не имеет официального статуса, за исключением долганского, чукотского, эвенкийского, эвенского и юкагирского в Республике Саха (Якутия) и ненецкого, мансийского, хантыйского на территории Ханты-Мансийского автономного округа-Югра, где они названы национальными. В остальных субъектах языкам придан не совсем ясный статус родных языков.

3) Нет единого подхода к определению сфер использования языков коренных малочисленных народов, все субъекты федерации самостоятельно сужают сферы использования языков коренных малочисленных народов по сравнению с возможностями, предоставленными федеральным законодательством. При этом, во многом эта сфера ограничивается органами местного самоуправления.

4) В правовом регулировании вопроса использования языков во всех субъектах, кроме частично Республики Саха (Якутия), применяется диспозитивный метод правового регулирования, когда использование языка в официальных сферах ставится каждый раз в зависимость от решений органов государственной власти и органов местного самоуправления, соблюдения определенных согласительных процедур и наличия необходимости в этом.

Конечно, и законодательное регулирование, осуществляемое в Республике Саха (Якутия), нельзя назвать безупречным. К примеру, нет конкретного закрепления официального статуса конкретных языков на конкретной территории, оно лишь подразумевается, что нельзя назвать достаточным.

Однако, наиболее важным и острым является вопрос исполнения норм языкового законодательства Республики, которое должным образом не обеспечивается. Шадрин В.И. отмечает, что в большинстве из 70 населенных пунктов мест компактного проживания коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия) отсутствуют внешние проявления официального статуса языка, т.е. использования языка в официальных вывесках, наименованиях улиц, атрибутике и информации: ни в одном из населенных пунктов языки народов Севера не используются в процессе работы органов власти и документообороте, включая перевод на них основных нормативно-правовых актов [6].

При этом, надо учитывать, что сложности при исполнении законодательства в области языкового строительства характерны для всех субъектов федерации, в том числе во всех республиках и в частности в сферах, касающихся нормотворчества.

Так, Васильева Л.Н. отмечает, что в республиках, как правило, законодательный процесс осуществляется на одном языке. Например, в Республике Мордовия законодательная практика Государственного собрания осуществляется путем подготовки, обсуждения и принятия текста закона только на русском языке. Ряд исследователей считают, что переводы текста закона на мокшанский и эрзянский языки и их последующая

публикация (на указанных государственных языках Республики Мордовия) имеют скорее информационное, а не юридическое значение [1].

Однако, по сравнению с государственными языками республик в составе России, языки коренных малочисленных народов находятся в более сложном положении.

К примеру, доминирование русских жителей в Югре (более 60% от общего количества), полиэтничность населения региона (в округе проживает 125 национальностей), а также другие факторы обуславливают использование русского языка как языка межнационального общения в деловой коммуникации. В ней русский язык в качестве средства общения выбирают 83% респондентов [3].

Коренные малочисленные народы, находясь в преимущественно русскоговорящем обществе, постепенно утрачивают свои родные (национальные) языки и нуждаются в особой государственной поддержке. Следует уделять особое внимание сохранению языков коренных малочисленных народов, обеспечить в полной мере право на его использование. Язык – признак принадлежности к соответствующей этнической группе, служит эффективным средством сохранения национальной идентичности. В то же время принятие специальных мер по развитию этих языков ни в коем случае не должно рассматриваться как дискриминация носителей русского языка, а должно способствовать развитию негосударственных языков и достижению равенства прав носителей этих языков и остального населения [2].

Обеспечение функционирования языка во всех сферах жизнедеятельности, в том числе в официальных кругах, является залогом его витальности.

Таким образом, законодательство субъектов федерации в сфере регулирования использования законодательства о языках коренных малочисленных народов нуждается в определенном изменении, направленном в первую очередь на использование всех возможностей, предоставленным федеральным законодательством. Также, огромное значение имеет принятие мер по исполнению уже принятых законов. Кроме того, необходимо обратить внимание на зарубежный опыт правового регулирования использования языков коренных народов.

Полноценное использование языков России, наряду с проведением комплекса других мероприятий по возрождению материальной и духовной культуры отдельных этносов, является залогом стабильного сосуществования народов страны в эпоху глобализации.

Библиографический список

1. *Васильева Л.Н.* Двужычие нормативных правовых актов в Российской Федерации: совершенствование правовой основы // Журнал российского права. – 2008. № 8.
2. *Гарипов Р.Ш.* Право на использование и охрану родного языка у коренных малочисленных народов России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (дата обращения 22.09.2019).
3. *Исламова Ю.В.* Сферы распространения языков обских угров в Кондинском районе Ханты-Мансийского автономного округа Югры // Филологические науки. Вопросы теории и практики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/sfery-rasprostraneniya-yazykov-obskih-ugrov-v-kondinskom-rayone-hmao-yugry>
4. *Каримов А.С.* Коллизионные проблемы развития законодательства о языках субъектов РФ // Российская юстиция. – 2015. № 12.
5. *Таева Н.Е.* Реализация принципа равноправия и самоопределения народов в республике Крым и Севастополе // Lexrussica. 2017. № 2.
6. *Шадрин В.И.* Основные вопросы функционирования языков коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) (доклад на заседании Совета по языковой политике при Главе РС (Я), с. Иенгра 9 апреля 2015 г.): [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://yakutiakmns.org/archives/3423> (дата обращения 22.09.2019).

7. *Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года* [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612htm (дата обращения 22.09.2019).

8. *Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года* // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.

9. *Об образовании в Российской Федерации*: федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 01.05.2017, с изм. от 05.07.2017) // СЗ РФ. – 2012. – № 53 (ч.1). – Ст. 7598.

10. *О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации*: федер. закон от 30.04.1999 № 82-ФЗ (в ред. от 26.07.2019) // СЗ РФ. – 1999. – № 18. – ст.2208.

11. *О государственном языке Российской Федерации*: федер. закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ (ред. от 05.05.2014) // СЗ РФ. – 2005. – № 23. – С. 2199.

12. *О защите прав потребителей*: федер. закон от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 03.07.2016) // ВСНД в ВС РФ. – 1992. – № 15. – Ст. 766.

13. *О языках народов Российской Федерации*: Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1 (ред. от 12.03.2014) // ВСНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 50. – С. 1740.

14. *Общероссийский классификатор экономических регионов ОК 024-95 (ОКЭР)* (утв. постановлением Госстандарта РФ от 27 декабря 1995 г. № 640) // Национальные стандарты. – 2018. – № 1.

15. *Конституция (Основной закон) Республики Саха (Якутия)* (ред. от 15.06.2016) // Якутские ведомости. – 1992. – № 7.

16. *О гарантиях прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в Амурской области*: закон Амурской области от 29.04.2003 № 208-ОЗ (в ред. от 04.12.2018) // Амурская правда. – 2003. – № 123-124.

17. *Об отдельных вопросах организации и обеспечения защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Российской Федерации в Иркутской области*: закон Иркутской области от 16 декабря 2013 г. № 140-ОЗ (в ред. от 06.05.2019) // Ведомости Законодательного собрания Иркутской области. – 2013. № 4 (том 2).

18. *О родных языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих на территории Камчатского края*: закон Камчатского края от 31.03.2017 № 72 // Официальные ведомости. – 2017. – № 63.

19. *О мерах по сохранению и развитию языков коренных малочисленных народов Кемеровской области*: закон Кемеровской области от 8 июля 2015 г. № 73-ОЗ // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/428614257>
<http://publication.pravo.gov.ru/SignatoryAuthority/region42>

20. *О родных (национальных) языках коренных малочисленных народов, проживающих на территории Красноярского края*: закон Красноярского края от 05.11.2015 № 9-3816 // Ведомости высших органов государственной власти Красноярского края. – 2015. – 46(726).

21. *О родных языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Магадан.* – 2016. – № 2.

22. *О ненецком языке на территории Ненецкого автономного округа*: закон Ненецкого автономного округа от 14.03.2013 Л 4-03 // Сборник нормативных правовых актов Ненецкого автономного округа. – 20.03.2013. – № 5(206).

23. *О коренных малочисленных народах Российской Федерации, проживающих в Приморском крае*: закон Приморского края от 22.12.2015 № 742-КЗ (в ред. от 08.10.2018) // Ведомости Законодательного Собрания Приморского края. – 2015. – № 145.

24. *О языках народов, проживающих на территории Республики Алтай*: закон Республики Алтай от 03.03.1993 № 9-6 (ред. от 03.06.2016) // Ведомости Верховного Совета Республики Алтай. Август-сентябрь 1993. – № 3. – С. 88.

25. *О языках народов Республики Бурятия*: закон Республики Бурятия от 10.06.1992 № 221-ХП (ред. от 21.12.2015) // Бурятия. – 23.06.1992. – 119(276).

26. *О государственных языках Республики Коми*: закон Республики Коми от 28.05.1992 (ред. от 20.06.2016) // Красное знамя. – 11.06.1992. – № 12.
27. *О перечне коренных малочисленных народов Севера и мест их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности в Республики Саха (Якутия)*: закон Республики Саха (Якутия) от 10.07.2003 З № 121-III (в ред. от 30.01.2019) // Якутия. – 2003. – № 146.
28. *О правовом статусе коренных малочисленных народов Севера*: закон Республики Саха (Якутия) от 3 1.03.2005 З № 461-III // Якутские ведомости. – 04.05.2005. – № 20.
29. *О статусе национального административно-территориального образования в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)*: закон Республики Саха (Якутия) от 27.01.2005 З № 419-III (в ред. от 19.06.2019) // Якутские ведомости. 26.02.2015. – № 10.
30. *О статусе языков коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)*: закон Республики Саха (Якутия) от 20.04.2004 З № 243-III (ред. от 30.04.20 14) // Сборник законов Республики Саха (Якутия). – 2004. – том 1.
31. *О языках в Республике Саха (Якутия)*: закон Республики Саха (Якутия) от 16.10.1992 № 1170-XII (ред. от 30.05.2017) // Якутские ведомости. – 1992. – № 215.
32. *О языках в Республике Тыва*: закон Республики Тыва от 31.12.2003 № 462 ВХ-I (ред. от 01.07.2014) // Тувинская правда. – 03.02.2004.
33. *О языках народов Российской Федерации, проживающих на территории Республики Хакасия*: закон Республики Хакасия от 20.10.1992 № 11 (ред. от 09.03.20 16) // Хакасия. – 03.11.1992.
34. *О языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Сахалинской области*: закон Сахалинской области от 16.10.2007 № 91-ЗО (в ред. от 05.12.2010 // Губернские ведомости. – 2017. – 190.
35. *О поддержке коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих в Хабаровском крае*: закон Хабаровского края от 23.04.2014 № 358 (в ред. от 24.06.2015) // Собрание законодательства Хабаровского края. – 2014. № 4.
36. *О языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Ханты-Мансийского автономного округа*: закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 04.12.2001 № 89-03 // Собрание Законодательства Ханты-Мансийского автономного округа. – 2001. – № 11.
37. *О родных языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего востока РФ, проживающих на территории Чукотского автономного округа*: закон Чукотского автономного округа от 23.10.2017 № 65-ОЗ // Ведомости. – 2017. – Т. 42.
38. *О родных языках коренных малочисленных народов Севера на территории Ямало-Ненецкого автономного округа*: закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 05.04.2010 № 48-ЗАО (в ред. от 28.05.2019) // Ведомости Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа. – 2010. – № 2.

Ирина Сергеевна Астахова
младший научный сотрудник
отдела истории и арктических исследований
Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Irina Sergeevna Astakhova
Junior Research Fellow,
Department of History and Arctic Studies
The Institute for Humanities Research and
Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Russia, Yakutsk

e-mail: Irasta@list.ru

**ПРАКТИКА РАБОТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОБРАНИЯ
(ИЛ ТУМЭН) РС (Я) В ОБЛАСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ КОРЕННЫХ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА (1990-е – начало 2000-х гг.)**

**THE PRACTICE OF THE STATE ASSEMBLY (IL TUMEN)
OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA) IN THE FIELD
OF PROTECTING THE RIGHTS OF INDIGENOUS PEOPLES
OF THE NORTH (1990s - early 2000s)**

Аннотация. *Статья посвящена деятельности Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) первых двух созывов в области защиты прав коренных малочисленных народов Севера. Автором рассмотрены история развития законодательства республики, защищающего права коренных малочисленных народов Севера. Проанализированы формы работы парламента и отмечены наиболее эффективные из них.*

Abstract. *The article is devoted to the activities of the State Assembly (Il Tumen) of the Sakha Republic (Yakutia), the first two convocations in the field of protection of the rights of indigenous peoples. The author describes the history of the development of the legislation protecting the rights of indigenous peoples. The forms of parliament's work are analyzed and the most effective of them are noted.*

Ключевые слова: *коренные малочисленные народы Севера, Якутия, законодательная деятельность, история парламентаризма.*

Keywords: *indigenous peoples, Yakutia, legislative activity, history of parliamentarism*

В государственной политике современной России самостоятельное место занимает проблема обеспечения прав и свобод коренных малочисленных народов. Особенную актуальность данный вопрос приобрел в условиях социально-экономических преобразований постсоветской России. Конец 1980-х-начало 90-х годов XX века характеризуется в российском праве оформлением значимости и статуса малочисленных народов Севера. Тогда же возникла необходимость постепенного отхода от принципов патернализма по отношению

к этим народам и перехода к формированию и развитию партнерских отношений, отражающих возросшее самосознание коренных этносов. Отдельные эксперты, с принятием федеральных законов, полностью посвященных правовому регулированию вопросов жизнедеятельности коренных малочисленных народов, стали говорить о формировании в России так называемого аборигенного права.

В 1990-е гг. наблюдался глубокий социально-экономический кризис, охвативший всю страну, особенно тяжело ударивший по северным окраинам государства. В условиях экономического кризиса агропромышленный комплекс Севера занимал самое невыгодное положение. Несмотря на государственную поддержку оленеводства и промыслов, традиционные хозяйственные отрасли переживали кризисные явления, напрямую связанные с перестройкой социально-экономической системы. Сокращение производственных показателей традиционных отраслей, в свою очередь, привело к снижению уровня и качества жизни населения, высокому уровню безработицы и другим социальным проблемам.

Руководители республиканских органов власти, общественные деятели, ученое сообщество – понимали, что в период смены общественно-экономической формации в стране, коренным малочисленным народам Севера жизненно необходима государственная поддержка. Политика протекционизма отразилась в нормативно-правовых актах, системе льгот, целевых программах поддержки. Но даже в сложных экономических условиях надежды населения были связаны не с протекционистской политикой, а с процессами интеграции и самоорганизации. Прежде всего, эти процессы выразились в создании общин и Ассоциаций народов Севера Якутии.

Республиканская законодательная власть с самого начала стала уделять особое внимание народам Севера. В период работы Государственного Собрания (Ил Тумэн) РС(Я) первого созыва (декабрь 1993 г. – декабрь 1997 г.) работал Комитет по правам человека, межнациональным отношениям и делам малочисленных народов, председателем которого был Н.Г. Захаров – народный депутат от Янского избирательного округа № 2.

В двухпалатном парламенте второго созыва (декабрь 1997 г. – декабрь 2002г.) было создано две структуры, работа которых касалась непосредственно жителей северных окраин: 1) Комиссия по правам человека, внешней и внутренней политике, межнациональным отношениям, делам малочисленных народов, общественных объединений и политических партий; 2) Комитет по проблемам Севера, Арктики и малочисленных народов. Председателем первой структуры был избран А.В. Кривошапкин – народный депутат от Эвено-Бытантайского избирательного округа №34, вторую возглавил Н.Г. Захаров – народный депутат от Северо-Восточного избирательного округа №27, которого с октября 2000 года сменила народный депутат З.А. Корнилова.

За период работы Государственного Собрания (Ил Тумэн) РС (Я) первого созыва (декабрь 1993 г. – декабрь 1997 г.) произошло становление фундаментальной законодательной базы республики как субъекта «новой» России и сформировалось региональное законодательство, создающее условия для перехода на рыночные отношения, в том числе законодательно были закреплены интересы малочисленных народов, проживающих в республике. В 1997 г. Якутия первой в России приняла Закон «О правовом статусе коренных малочисленных народов Севера» [1]. Закон устанавливал правовой статус КМНС РС (Я) и юридические гарантии национального возрождения, сохранения самобытности и свободного развития этих народов, определял основные понятия, права и обязанности коренных малочисленных народов. В этом же году был принят Закон РС (Я) «О северном домашнем оленеводстве» [2]. Оленеводство является основой экономики и уклада жизни, исконным занятием коренных жителей Севера и Арктики. Спад оленеводства в РФ и ее регионах вследствие всеобщего экономического кризиса привел к пониманию

необходимости всесторонней государственной поддержки традиционной отрасли. Закон направлен на создание в оленеводческой деятельности как режима расширенного воспроизводства и обеспечения населения продукцией оленеводства, так и рационального режима природопользования, учитывающего повышенную уязвимость северной природы. В нем были законодательно закреплены гарантии и компенсации оленеводам и их хозяйствам по возмещению дополнительных затрат на осуществление оленеводческой деятельности в экстремальных природно-климатических и социальных условиях. В статье 5 домашний олень признавался национальным достоянием Якутии, а в отношении отрасли были поддержаны меры государственного протекционизма.

В период работы парламента второго созыва (декабрь 1997 г. – декабрь 2002 г.) стабилизировалось социально-экономическое положение республики, была создана законодательная база для дальнейшего социально-экономического развития региона и под влиянием реформы федерального законодательства осуществлена конституционная реформа Республики Саха (Якутия). Все эти процессы отразились на правовом статусе коренных малочисленных народов Севера. В марте 1998 г. был принят Закон РС (Я) «О Суктуле юкагирского народа» [3]. Суктул – это муниципальное образование в форме сельского поселения, в пределах которого осуществляется местное самоуправление в местах компактного проживания юкагиров. Закон определял правовые, экономические и финансовые основы местного самоуправления юкагирского народа. Вот что писал заинтересованный в скорейшем становлении Суктула местный житель: «Суктул нужен для сохранения самобытности юкагирского народа, его обычаев, традиций, культуры, литературы, всех тех различий, которые нам оставили предки. И самым ключевым является язык юкагиров...» [4]. В июле 1998 г. был принят Закон РС (Я) «Об охоте и охотничьем хозяйстве» [5], который не только регулировал отношения, возникающие в сфере охоты, но и был направлен на создание условий для охраны и воспроизводства охотничьих ресурсов, сохранения охотничьих традиций коренных народов. Охотники, оленеводы, рыбаки, ведущие кочевой образ жизни, для обеспечения питания семьи зафиксировали свое право отстрела диких животных по бесплатным лицензиям в течение всего года на территориях, закрепленных за ними. В июне 1999 г. был принят Закон РС (Я) «О рыболовстве, рыбном хозяйстве и охране водных биоресурсов» [6]. Народам Севера предоставлялось право приоритетного пользования водными биоресурсами, что включало в себя предоставление первоочередного выбора рыбопромысловых участков, установление льгот в отношении сроков и районов добычи; также они освобождались от платежей за пользование водными биоресурсами для личного пользования. В 2000 г. были приняты законы РС (Я) «О перечне коренных малочисленных народов Севера и местностей их компактного проживания в Республике Саха (Якутия)» и «О статусе национального административно-территориального образования в местностях (на территориях) компактного проживания коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» [7]. В указанных актах определялись основные понятия, давалась характеристика «местностей компактного проживания», устанавливались правовые и экономические основы административно-территориальных образований, наделенных статусом «национальный». Данным образованиям было предоставлено право иметь отдельную квоту, независимо от количества избирателей: национальному улусу – в Палате республики, национальному наслегу – в улусном собрании.

Сотрудники Комитета по проблемам Севера, комиссии и заинтересованные народные депутаты принимали активное участие в разработке законодательства, затрагивающего интересы КМНС. На них ложились основные функции по подготовке законопроектов, их предварительное рассмотрение, организация парламентских слушаний, «парламентских

часов», «круглых столов» и иные мероприятия. Заслушивались сообщения государственных органов, органов местного самоуправления и организаций по вопросам, относящимся к ведению Комитета. По предложению У.А. Винокуровой от 9 октября 1995 г. в Ил Тумэн образована депутатская фракция северных территорий [8].

В должностные обязанности депутатов, также входила обязанность осуществлять контроль над соблюдением и исполнением законов. Так например, Комитет инициировал обращение депутатов к Президенту РС(Я) о невыполнении рядом министерств и ведомств Постановления Правительства РС(Я) от 2 декабря 1995 г. № 521 «Об особых мерах государственной поддержки ведения традиционных отраслей жизнеобеспечения и социальной защиты сельского населения арктических улусов». Поступали обращения от оленеводческих хозяйств Оймяконского и Томпонского улусов с требованием распространения данного Постановления и на их хозяйства, так как согласно пункту 22 и на данные улусы действие Постановления распространялось [9].

Осуществлялась работа по депутатским запросам, например, по запросу народного депутата А.В. Кривошапкина были выделены финансовые средства для восстановления системы отопления в поселениях Эвено-Бытантайского улуса, продолжено строительство 18-квартирного жилого дома для участников войны, ветеранов тыла и чурапчинских переселенцев в Жиганске и др. В условиях экономического кризиса это была существенная поддержка.

По запросу группы депутатов был поднят вопрос об организации торговли в арктических улусах, в результате в апреле 1995 г. по данному вопросу принимается Постановление Правительства и Указ Президента РС(Я) [10]. Поднимаются вопросы о продлении действий Постановления Верховного Совета РС(Я) «Об отсрочке призыва на действительную военную службу представителей малочисленных народов Севера», о компенсации на завоз ГСМ и продуктов в северные улусы, о выездных приемных комиссиях в арктические улусы, списании долгов и др.

В период работы Государственного Собрания (Ил Тумэн) первых двух созывов осуществлялась, постоянная работа с обращениями граждан. В результате анализа обращений граждан, организаций, органов муниципальной власти наблюдаются закономерности: до 1997 г. обращения граждан на 99% являются «просьбой о поддержке». Впоследствии чаще стали появляться обращения политического характера. Например, история принятия Закона Республики Саха (Якутия) «О Суктуле юкагирского народа» от 18 марта 1998 г., которая вызвала массу обращений граждан. В 1993 г. на I съезде юкагиров Совет старейшин подготовил проект закона. В доработке законопроекта активное участие принимали ученые, общественные деятели, политики. В мае 1995 г. были проведены выездные парламентские слушания в Верхнеколымском улусе с участием народных депутатов Н.Г. Захарова, В.П. Гавриленко, А.Д. Иванова, А.В. Власова. Проведено правовое научное заключение проф., д.ю.н. В.А. Кряжкова. Но законопроект пять раз отклонялся депутатским корпусом Ил Тумэн и дважды накладывалось вето Президента РС(Я), только после долгой работы он был наконец принят и утвержден. В результате данной деятельности депутат Н.И. Соломонов подготовил План социально-экономической поддержки юкагиров Верхнеколымского улуса на 1997-1998 гг. на основе которого вышло одноименное Постановление Правительства РС(Я) от 23.05.97 г. № 609-р [11].

Законодательство Республики Саха (Якутия) в области защиты прав коренных малочисленных народов Севера, стало складываться еще до принятия Конституции РФ 1993 г. в связи с этим получило несколько иное развитие по сравнению с другими субъектами федерации. Давление со стороны федеральных органов власти в этом вопросе не возникало, и ощущалась полная свобода действий. В этот период в республике один за

другим принимаются основополагающие для жизнедеятельности КМНС законы. Необходимо подчеркнуть, что в это время региональное законодательство в области защиты прав КМНС опережало федеральное, в частности закон «О правовом статусе коренных малочисленных народов Севера» (1997 г.) был принят на два года раньше федерального аналога. Ситуация изменилась с ротацией в высших эшелонах федеральной власти. Региональные власти всех субъектов РФ заняли выжидательную позицию, в том числе и в вопросах, касающихся жизнедеятельности КМНС. Например, Ил Тумэн больше не принял ни одного законодательного акта по КМНС, вплоть до сложения своих полномочий в декабре 2002 г. На федеральном уровне наоборот готовились судьбоносные законы, окончательно оформившие правовой статус КМНС.

Таким образом, Государственное Собрание (Ил Тумэн) первых двух созывов уделяло особое внимание защите законных интересов коренных малочисленных народов Севера. Законодатель понимал, что для КМНС необходимы специфические формы предоставления социальных и культурных услуг, особые условия хозяйственной деятельности. Это находило отражение в региональном законодательстве. Сейчас критикуют законы, упрекают в декларативности, но еще десять лет назад утверждали о прорывном характере законов. Законодатель пытался соответствовать запросам общества. Что касается вне законодательной деятельности парламента в вопросах поддержки КМНС, самым эффективным инструментом в этот сложный период для страны себя показал депутатский запрос, а роль отдельных личностей в истории якутского парламентаризма была неопределима.

Библиографический список

1. *Закон Республики Саха (Якутия)* от 24 апреля 1997 г. «О правовом статусе коренных малочисленных народов Севера» // *Якутские ведомости* – 1997, 6 мая.
2. *Закон Республики Саха (Якутия)* от 25 июня 1997 г. «О северном домашнем оленеводстве» // *Якутские ведомости* – 1997, № 10.
3. *Закон Республики Саха (Якутия)* от 18 марта 1998 г. «О Суктуле юкагирского народа» // *Сборник законов РС (Я), принятых в 1998 г.* – Якутск: Сахаполиграфиздат, 2001. – С. 7–17.
4. *Иванов С.С.* Крик о помощи с тонущего корабля // газ. *Якутия* – 2003, 16 января.
5. *Закон Республики Саха (Якутия)* от 14 июля 1998 г. «Об охоте и охотничьем хозяйстве» // *Якутские ведомости.* – 1998, № 14.
6. *Закон Республики Саха (Якутия)* от 17 июня 1999 г. «О рыболовстве, рыбном хозяйстве и охране водных биоресурсов» // *Якутские ведомости.* – 1999, № 20.
7. *Закон Республики Саха (Якутия)* от 11 апреля 2000 г. «О перечне коренных малочисленных народов Севера и местностей их компактного проживания в Республике Саха (Якутия)» // *Якутские ведомости.* 2000. № 11; *Закон Республики Саха (Якутия)* от 17 мая 2000 г. «О статусе национального административно-территориального образования в местностях (на территориях) компактного проживания коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» // *Якутские ведомости.* – 2000, № 17.
8. *НА РС(Я).* Ф. 1520. Оп.1. Д.10. Л. 1-2.
9. *НА РС(Я).* Ф. 1520. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.
10. *НА РС(Я).* Ф. 1520. Оп. 1. Д. 5. Л. 6-7.
11. *НА РС(Я).* Ф. 1520. Оп. 1. Д. 5. Л. 35-41.

Геннадий Владимирович Толстых
доктор исторических наук
ГБУ Арктический научно-исследовательский центр
Академии наук Республики Саха (Якутия)
Россия, Якутск

Gennadiy Vladimirovich Tolstykh
Doctor of Historical Sciences,
Arctic Research Center of the Academy of Sciences,
Republic of Sakha (Yakutia)
Russia, Yakutsk

e-mail: gtv131971@mail.ru

УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ АРКТИЧЕСКИХ РАЙОНОВ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ) И ПУТИ ЕГО ПОВЫШЕНИЯ

THE STANDARD OF LIVING OF THE POPULATION OF ARCTIC REGIONS IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA) AND THE WAYS TO IMPROVE IT

Аннотация. *В данной статье автор рассматривает причины, влияющие на динамику уровня жизни населения Арктической зоны Республики Саха (Якутия). На основе проведенного анализа определены пути повышения уровня жизни в этом стратегически важном для России регионе.*

Abstract. *In this article, the author considers the reasons that affect the dynamics of the standard of living of the population of the Arctic zone of the Republic of Sakha (Yakutia) based on the above analysis of ways to improve the standard of living in this strategically important region for Russia.*

Ключевые слова: *Арктические регионы Республики Саха (Якутия), уровень жизни населения, демографическое развитие, занятость населения.*

Keywords: *Arctic works of the Republic of Sakha (Yakutia), standard of living, demographic development, employment.*

Первая четверть 21 века поставила в качестве одного из важнейших вызовов для Российской Федерации – развитие Арктической зоны. Арктика рассматривается через призму одного из важнейших драйверов экономического развития страны. Однако, помимо проблемы освоения богатейшей природной кладовой этой стратегически важной зоны, становится чрезвычайно актуальной и проблема повышения уровня жизни населения. Население арктических районов постоянно проживает на колоссальных географических пространствах и испытывает на себе не только экстремальные природно-климатические условия, но и транспортную недоступность, отсутствие высокотехнологической медицинской помощи, имеет сравнительно низкие доходы, и относительно высокий уровень безработицы.

В современном информационном обществе человеческий капитал является важнейшим фактором, а социальная среда становится главной сферой воспроизводства этого ценного ресурса. Показатели уровня жизни рассматриваются не только как средства и главная цель экономического роста, но и как критерий конкурентоспособности экономики и основа для информационного развития [7, с. 12].

Таблица 1

**Ожидаемая продолжительность жизни населения
в субъектах Дальневосточного Федерального округа в 2002 – 2017 гг. (лет)**

	2002	2008	2016	2017	Место в РФ в 2017 г.
Республика Саха (Якутия)	63,5	66,5	70,8	71,68	41
Камчатский край	63,4	66,4	68,6	70,06	71
Приморский край	63,7	65,0	69,6	70,36	74
Хабаровский край	62,1	65,3	69,1	69,74	76
Амурская область	61,1	63,5	68,2	69,06	82
Магаданская область	62,2	63,7	69,0	69,37	79
Сахалинская область	62,0	63,7	68,6	70,19	73
Еврейская авт. область	60,6	61,9	65,8	68,83	83
Чукотский авт. округ	58,0	59,7	64,4	66,10	85
Справочно: РФ	65,0	67,9	71,87	72,70	-

Источник: [6, с. 314]

В экономических исследованиях качество жизни населения включает в себя качество трудовой жизни, качество населения, качество социальной инфраструктуры, безопасность жизнедеятельности и экологическую безопасность. Повышение уровня жизни увязывается с повышением доходов, улучшением социальной инфраструктуры по уровню доходов и развитию среднего класса; снижением бедности и социального неравенства; развитием мер социальной поддержки. [1, С. 403-404].

Вместе с тем, социальное развитие Арктической зоны Республики Саха (Якутия) имеет свои особенности, что отражается на процессах, связанных с уровнем жизни населения этого региона с самым холодным климатом на планете.

Демографический фактор является важнейшим фактором устойчивого развития арктических районов республики. С 2001 по 2017 г. население Дальневосточного округа уменьшилось на 647 тыс. чел. По данным на начало 2018 г. численность населения снизилась в 8 из 9 субъектов ДВФО, кроме Республики Саха (Якутия), которой удалось сохранить численность населения в результате естественного прироста.

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (ОПЖ) – обобщающий индикатор уровня жизни региона. Из данных табл.1. видно, что наиболее высокая ОПЖ фиксируется в Республике Саха (Якутия) – 71,68 лет, в Приморском крае – 70,36 лет и в Сахалинской области - 70,16 лет. Худшие показатели наблюдались в Чукотском АО – 66,1 год, Еврейской АО – 68,83 лет, Амурской области – 69,66 лет.

В мае 2019 г. решением Президента РФ В.В.Путина в состав Арктической зоны были введены еще 8 районов республики – Абыйский, Верхнеколымский, Верхоянский, Жиганский, Момский, Оленекский, Среднеколымский и Эвено-Бытантайский. Это – дополнительно к Аллаиховскому, Анабарскому, Булуновскому, Нижнеколымскому, Усть-Янскому районам. На сегодняшний день Арктическая группа районов Республики Саха (Якутия) включает в себя 13 районов. Это составляет более половины площади республики.

Изменение численности населения арктических районов РС(Я)

№	Район	Численность населения (тыс.чел.)			Миграционный прирост/ убыль, %
		1990	2010	2017	2017
1	Абыйский	6,2	4,4	4,0	-106,5
2	Аллаиховский	5,5	3,0	2,7	-29,4
3	Анабарский	4,2	3,5	3,6	42,2
4	Булунский	16,5	9,1	8,3	-141,0
5	Верхнеколымский	10,5	4,7	4,1	-203,7
6	Верхоянский	23,3	12,8	11,4	-81,8
7	Жиганский	5,4	4,3	4,2	-122,9
8	Момский	5,3	4,5	4,1	-134,6
9	Нижнеколымский	13,4	4,6	4,3	-189,5
10	Оленекский	4,4	4,1	4,1	29,7
11	Среднеколымский	9,6	7,9	7,5	-74,6
12	Усть-Янский	40,2	8,1	7,1	-204,5
13	Эвено-Бытантайский	2,6	2,9	2,8	39,3
	ВСЕГО	149,7	73,9	68,1	-102,4

Источник: [2, с. 262]

На начало 2019 г. население арктических районов республики составляло около 68 тыс. чел. (7% от общей численности населения республики, для сравнения – в пик промышленного освоения Арктики там насчитывалось около 150 тыс. чел.). Отток населения продолжается и в последние годы. Глава Республики Саха (Якутия) А.Николаев в июле 2019 г. отметил, что население якутской Арктики убывает в год на 1%. [4]. Прирост населения наблюдается только в Анабарском улусе, что связано с его промышленным освоением. Это видно из данных табл.2.

Одним из важнейших индикаторов жизни населения является рождаемость, смертность и продолжительность жизни.

Таблица 3

Динамика родившихся и коэффициентов рождаемости в арктических районах Республики Саха (Якутия) за 2010 – 2016 гг.

	2010	2011	2012	2013	2014	2016
Арктические районы, в среднем						
Число родившихся, всего чел.	1217	1339	1343	1309	1397	1401
Коэффициент рождаемости, %	16,5	18,7	19,5	19,0	20,4	20,5
Республика Саха (Якутия)						
Число родившихся, всего чел.	16109	16402	16998	16704	17074	15352
Коэффициент рождаемости, %	16,8	17,1	17,8	17,5	17,8	16,0

Источник: [3, с. 225]

Исходя из данных табл. 3, видно, что число родившихся в Арктических районах неуклонно росло с 1217 чел. в 2010 г. до 1401 чел. в 2016 г. Коэффициент рождаемости вырос с 16,5 до 20,5. Отрадно, что в большинстве Арктических районов республики

коэффициент рождаемости выше, чем в среднем по республике. Наибольшее превышение фиксировалось в Аллаиховском (на 86%) и Усть-Янском районах (на 64%).

Вместе с тем, в Арктической группе районов остается высокой смертность в результате внешних причин. Особенно тревожная ситуация наблюдается в Аллаиховском, Оленекском, Эвено-Бытантайском и Усть-Янском районах.

В Арктических улусах обращает на себя внимание высокий уровень безработицы населения. Если уровень общей безработицы в РС(Я) составил 9,2%, то в арктических районах он составил – 14,8%. Наибольший уровень безработицы наблюдался в Эвено-Бытантайском, Булунском, Оленекском, Момском и Среднеколымском районах.

Таблица 4

Численность незанятых трудовой деятельностью граждан, зарегистрированных в органах службы занятости населения (на конец периода, человек)

№	Район	2016	2017
	Всего по республике	13648	11546
1	Абыйский	119	115
2	Аллаиховский	85	87
3	Анабарский	113	109
4	Булунский	147	104
5	Верхнеколымский	102	147
6	Верхоянский	426	379
7	Жиганский	166	183
8	Момский	144	114
9	Нижнеколымский	114	93
10	Оленекский	172	144
11	Среднеколымский	307	241
12	Усть-Янский	204	199
13	Эвено-Бытантайский	159	123
	Всего по арктическим районам	2258 (16,5%)	2038 (17,0%)

Источник: Данные Госкомстата по РС(Я) и Госкомитета РС(Я) по занятости

Из данных таблицы 4 видно, что фактическая численность безработных в арктической зоне за год снизилась, но увеличилась за это время доля безработных региона в общереспубликанском масштабе. Необходимо отметить, что в арктических районах, особенно в малых поселениях, нет возможности дополнительного заработка и есть трудности со сбытом готовой продукции [5].

В Республике Саха (Якутия) поставлена задача вдвое снизить бедность населения. Благодаря принятым мерам в республике удалось снизить бедность с 28,3% в 2000 г. (29,0% – в РФ) до 20,1% в 2017 г. (13,2% в РФ). По данным министерства труда и социального развития Республики Саха (Якутия) в 2017 г. на реализацию мер социальной поддержки граждан было израсходовано 12,5 млрд.руб. в денежной форме и 2,1 млрд.руб в натуральном виде.

В силу большой удаленности и высоких транспортных расходов реальная стоимость минимального набора продуктов питания, входящих в потребительскую корзину, в арктических районах значительно выше, чем на остальной территории региона. По данным Госкомстат по РС (Я) на апрель 2019 г. стоимость продуктов, входящих в потребительскую корзину для мужчин трудоспособного возраста п.Зырянка составил – 9051,35 руб., для

сравнения такой же показатель в г.Якутске – 6601,20 руб., в г.Мирном 6826,21 руб., г.Вилуйск – 6051,54 руб.

Благоустройство жилища является также важнейшей составляющей уровня жизни населения. Оно, к сожалению, отстает от средних показателей по республике.

Централизованное отопление имеется всего в 4 районах (Анабарский, Момский, Среднеколымский, Эвено-Бытантайский).

В 9 районах жилой фонд частично обеспечен водопроводом, горячим водоснабжением, канализацией. Отмечается предельный уровень износа коммуникаций.

В среднем по Арктическим улусам велика доля ветхого жилья, которая составляет усредненно – 24,4%, или 315 тыс. кв. м, критически высокая доля ветхого жилья отмечается в Аллаиховском районе – 71,4%/45,3 тыс. кв. м, Абыйском – 43,5%.

Таким образом, несмотря на некоторые положительные тенденции в демографическом развитии (рост продолжительности жизни, высокий коэффициент рождаемости) в арктической зоне повышение уровня и качества жизни населения сдерживают такие показатели, как: сравнительно невысокая оплата труда, относительно высокая безработица, более дорогая потребительская корзина прожиточного минимума, высокая стоимость проезда в отпуск и к месту лечения. В Арктике существующие нормативы врачей узкой специализации привязаны к численности населения – это затрудняет специализированную кардиопомощь, обследование онколога, ЛОРа, окулиста и других врачей.

Транспортная недоступность и сложная транспортная схема сдерживают социальное развитие рассматриваемых территорий. Слабо используются малая авиация, вертолетный парк неэкономичен и практикуется в основном в санитарной авиации.

Отсутствие скоростного интернета, который обеспечивает оптоволоконный кабель, тормозит развитие цифровых технологий в области телемедицины и дистанционного образования. Повышение уровня доходов занятого населения, создание новых рабочих мест в Арктике также остается актуальной задачей.

Библиографический список

1. *Бобков В.Н.* В Российской Арктике необходимо создать достойные условия для жизнедеятельности россиян //А.Акимов. Арктика – это будущее России /научн.ред. Толстых Г.В. – Якутск, 2019. – С.403-404.

2. *Демографический ежегодник* Республики Саха (Якутия): статистический сборник/ Саха (Якутия) стат. – Я.,2018 – С.262.

3. *Мостахова Т.С.* Проблемы демографической безопасности Арктических улусов //Материалы Всероссийской конференции «Демографическое развитие Дальнего Востока. Сб. докладов – Хабаровск, 2015. – С.225.

4. *Николаев А.С.* Мы должны построить Арктику практически с нуля. – газ. Якутия, 26 июля 2019 г.

5. *Романова Е.С.* Занятость и предпринимательство в малых поселениях// Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ в условиях модернизации общества – Новосибирск: Наука, 2005 – С.122-126.

6. *Социальное положение* и уровень жизни населения Республики Саха (Якутия). Стат. сб. – Якутск, 2018. – С.314.

7. *Толстых Г.В.* Пути повышения уровня жизни населения северного региона (на примере Республики Саха (Якутия))// Уровень жизни населения регионов России. – №1, 2019. – С.12

УДК: 314.15/314.42

Александр Алексеевич Пахомов
доктор экономических наук, главный научный сотрудник,
советник председателя Федерального исследовательского центра
Якутский научный центр СО РАН
Россия, Якутск;

Дарья Викторовна Туманова
специалист-аналитик Федерального исследовательского центра
Якутский научный центр СО РАН,
Россия, Якутск;

Aleksandr Alekseevish Pakhomov
Doctor of Economic Sciences,
The Yakut Scientific Centre of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
Russia, Yakutsk

e-mail: a.a.pakhomov@prez.ysn.ru

Darya Viktorovna Tumanova
Research Analyst,
The Yakut Scientific Centre of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
Russia, Yakutsk

e-mail: dasha-tumanova@mail.ru

ПОТЕРИ ЖИЗНЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА В СЕВЕРНОМ РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ))

LOSS OF LIFE POTENTIAL IN THE NORTHERN REGION (BY THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA))

***Аннотация.** Анализ потерь жизненного потенциала является немаловажным моментом в исследовании проблем смертности. Наибольшие потери потенциальной жизни в трудоспособном возрасте образуют внешние причины смерти наряду с двумя другими основными причинами смертности – болезнями системы кровообращения и злокачественными новообразованиями. Анализ смертности в разрезе причин определяет актуальность дальнейших исследований в определении потерь жизненного потенциала населения региона.*

***Abstract.** The analysis of life potential losses is an important point in the study of mortality problems. The greatest loss of potential life in working age is caused by external causes of death, along with two other major causes of death – circulatory diseases and cancer. The analysis of mortality in the context of causes determines the relevance of further research in determining the loss of life potential of the population of the region.*

Ключевые слова: потери жизненного потенциала, смертность, трудоспособное население, Республика Саха (Якутия).

Keywords: *loss of life potential, mortality, working population, Republic of Sakha (Yakutia).*

Анализ потерь жизненного потенциала выступает важным моментом в исследовании проблем смертности, позволяющим оценить резервы снижения смертности и соответствующей корректировки мер социально-демографической политики.

Негативная тенденция сохранения высоких потерь жизненного потенциала в дальневосточных регионах присутствует уже достаточно давно. «По мере перехода к худшим группам по потерям жизненного потенциала процент дальневосточных регионов, как правило, возрастает...» [9]. По уровню потерь жизненного потенциала Якутия занимала в 1989 году 71 место среди 73 исследованных регионов, в 1992 году – 72 место, в 1994 году – 55 место. Для сравнения, на последнем месте находилась Тыва, на протяжении всего исследуемого периода занимавшая последнее 73-е место [9].

«В целом происходит снижение потерь жизненного потенциала населения республики, как у мужчин, так и у женщин. В 1990 году наибольшие потери жизненного потенциала были обусловлены болезнями системы кровообращения, как у мужчин, так и у женщин. Причины внешней смерти располагались на втором месте у мужчин, тогда как у женщин они находились на третьем месте» [5]. К 2008 году экзогенные причины смерти в потерях жизненного потенциала лидировали у мужчин, а среди женщин переместились на второе место. Кроме того, и у мужчин, и у женщин потери жизненного потенциала от причин внешней смерти возросли [4]. Причины внешней смерти создают 39,8% потерь жизненного потенциала для мужчин и 22,5% для женщин, что объяснимо высокой смертностью от этих причин у населения молодого, активного возраста.

Эти данные подтверждают вывод о том, что смертность должна оцениваться не только статистическими коэффициентами смертности, но и расчетами «по оценке того вклада, который вносят преждевременные и устранимые причины смерти в сокращение демографического потенциала» [1]. Анализ смертности в разрезе причин, показывающий отсутствие устойчивой положительной динамики, обуславливает актуальность дальнейших исследований в определении потерь жизненного потенциала населения региона.

Как и в других северных субъектах, в Республике Саха (Якутия) ситуация со смертностью населения имеет ряд достаточно негативных проявлений [4]. Внешняя смертность устойчиво занимает 2 место после болезней системы кровообращения, определяя более 17% всех потерь населения. За 1990-2015 гг. число умерших снизилось почти на 24,2%. Однако, к сожалению, коэффициенты смертности остались практически на уровне 1990 г. За 1990-2015 гг. отмечается и положительная динамика в сокращении доли этих причин смерти в общем числе умерших (с 24,6 до 17,1%).

В структуре причин смерти первое место, как у мужчин, так и у женщин, занимают болезни системы кровообращения (табл.1). На втором месте у женщин находятся новообразования, на третьем – внешние причины (несчастные случаи, отравления, травмы, убийства и самоубийства), в то же время смертность от внешних причин у мужчин находится на втором месте, опережая смертность от новообразований. Необходимо отметить, что коэффициент смертности от внешних причин у мужчин значительно превышает аналогичный показатель у женщин. К примеру, в 2017 году коэффициент смертности от внешних причин у мужчин почти в 4,3 раза превышал уровень данного коэффициента у женщин.

Таблица 1

Смертность по причинам в Республике Саха (Якутия), на 100000 чел.

Годы	Некоторые инфекционные и паразитарные болезни		Новообразования		Болезни системы кровообращения		Болезни органов дыхания		Болезни органов пищеварения		Внешние причины	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
2000	21,4	9,2	152,6	113,3	422,8	341,9	54,5	32,6	56,0	36,1	403,6	89,5
2005	22,1	8,8	145,4	107,1	541,3	392,5	50,5	22,7	57,6	35,2	384,9	80,7
2010	14,4	8,5	133,3	108,9	549,7	393,6	43,6	26,6	72,1	40,2	319,2	78,2
2011	21,5	6,1	148,6	106,3	514,9	371,0	44,3	23,0	59,1	42,1	303,4	66,9
2012	18,5	7,5	149,7	110,9	506,3	383,4	40,7	18,1	52,3	38,5	286,0	62,9
2013	17,2	6,7	141,7	112,7	459,5	351,1	39,2	21,6	50,0	36,0	266,5	60,4
2014	15,5	5,9	139,2	117,7	466,4	349,7	35,6	20,7	44,4	30,3	259,3	56,7
2015	16,1	9,3	145,1	116,0	454,9	322,4	34,2	21,9	48,4	36,3	242,9	53,1
2016	17,4	12,7	155,7	114,8	434,0	307,2	31,9	22,0	41,0	35,4	225,6	50,5
2017	18,0	8,7	154,2	119,7	423,5	308,2	33,8	23,0	42,8	34,7	225,5	47,0
2018	16,9	10,5	161,3	119,5	412,7	298,6	33,3	23,9	43,1	34,6	202,5	47,3

Источник: Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия): Статистический сборник / Саха (Якутия) стат. – Я., 2018.

Продолжает сохраняться превышение коэффициентов смертности у мужчин по сравнению с аналогичными показателями у женщин, особенно в группе трудоспособных возрастов [8]. Около четверти всех умерших женщин находится в трудоспособном возрасте. Доля умерших в трудоспособном возрасте среди всех умерших в 2000 г. составила 46,5%. К 2016 г. она снизилась до 37,5%. Максимальное значение показателя наблюдалось в 2005 г. и равнялось 48,2%, с 2011г. отмечается постепенное снижение показателя. Сохраняется существенный разрыв между этими показателями у мужчин и женщин. Доля мужчин умерших в трудоспособном возрасте на протяжении всего рассматриваемого периода в 2 и более раз превышает долю женщин (табл.2).

Таблица 2

Доля умерших в трудоспособном возрасте в общем числе умерших, %.

	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Всего	46,5	48,2	46,9	45,5	43,2	41,4	40,2	38,7	37,5
Мужчины	59,1	61,1	60,6	58,3	57,4	55,6	53,8	52,5	50,5
Женщины	26,3	26,7	25,0	25,0	21,5	20,3	20,2	18,7	19,3

Источник: Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия): Статистический сборник / Саха(Якутия) стат. – Я.,2018

Смертность от внешних причин наиболее характерна для трудоспособного населения (табл. 3). Доля умерших в трудоспособном возрасте среди мужчин составляет 60%. Продолжает сохраняться превышение коэффициентов смертности у мужчин по сравнению с аналогичными показателями у женщин, особенно в группе трудоспособных возрастов. Около четверти всех умерших женщин находится в трудоспособном возрасте. В разрезе отдельных причин смерти наиболее высокие показатели в целом по населению в трудоспособном

возрасте отмечаются среди умерших в результате внешних причин, опережая болезни системы кровообращения.

Таблица 3

Коэффициенты смертности населения в трудоспособном возрасте по различным причинам в Республике Саха (Якутия), на 100000 человек в трудоспособном возрасте

Причины смерти	2000	2005	2010	2015	2016	2017
От всех причин	732,9	773,6	725,5	552,8	524,2	515,0
Некоторые инфекционные и паразитарные болезни	18,6	17,5	12,5	14,1	17,0	16,2
Новообразования	78,4	79,0	64,2	63,3	65,7	60,6
Болезни системы кровообращения	193,2	264,2	260,3	188,6	176,2	170,8
Болезни органов дыхания	28,4	30,5	23,4	14,7	14,3	14,2
Болезни органов пищеварения	40,9	43,9	55,9	34,4	35,6	33,7
Внешние причины	324,2	291,7	252,9	192,2	181,4	181,8
Из них:						
Самоубийства	68,9	67,0	56,1	49,6	45,0	40,7
Убийства	74,8	70,5	47,7	30,5	28,5	28,4

Источник: Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия): Статистический сборник/ Саха(Якутия)стат. – Я.,2018

Вклад внешних причин смерти у мужчин Якутии был намного больше по сравнению с РФ и Дальневосточным федеральным округом как в 2002 году, так и в 2015 году. Динамика этого показателя была однонаправленной и в России, и на Дальнем Востоке, и в Якутии. Однако сокращение вклада внешних причин в общую смертность в республике было, к сожалению, наименьшим.

Сверхсмертность мужчин, характерная в целом для процессов смертности, в случае внешних причин смерти проявляется еще более отчетливо (табл.4).

Таблица 4

Индекс сверхсмертности мужчин (превышение коэффициента смертности мужчин над коэффициентом смертности женщин, число раз)

	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
По общему коэффициенту смертности	1,66	1,75	1,69	1,68	1,61	1,57	1,57	1,55	1,48	1,52
По коэффициенту смертности от внешних причин	4,51	4,77	4,08	4,53	4,55	4,41	4,57	4,57	4,47	4,79

Рассчитано авторами по материалам ТО ФСГС РС(Я).

Высокая смертность от внешних причин имеет не только гендерные и возрастные различия, но и территориальные особенности (рис.1). В Республике Саха (Якутия) смертность населения от внешних причин в северных и арктических районах практически в 2 раза превышает аналогичную смертность в среднем по республике [3]. Необходимо отметить, что в ряде арктических улусов смертность от внешних причин выходит на первое место. К примеру, в Анабарском, Абыйском районах смертность от внешних причин превышала смертность от болезней системы кровообращения. Проблемы внешней смертности характерны и для других стран, как развитых, так и развивающихся. Высокая

преждевременная смертность во многом связана с низкой культурой витального поведения населения северных регионов [6].

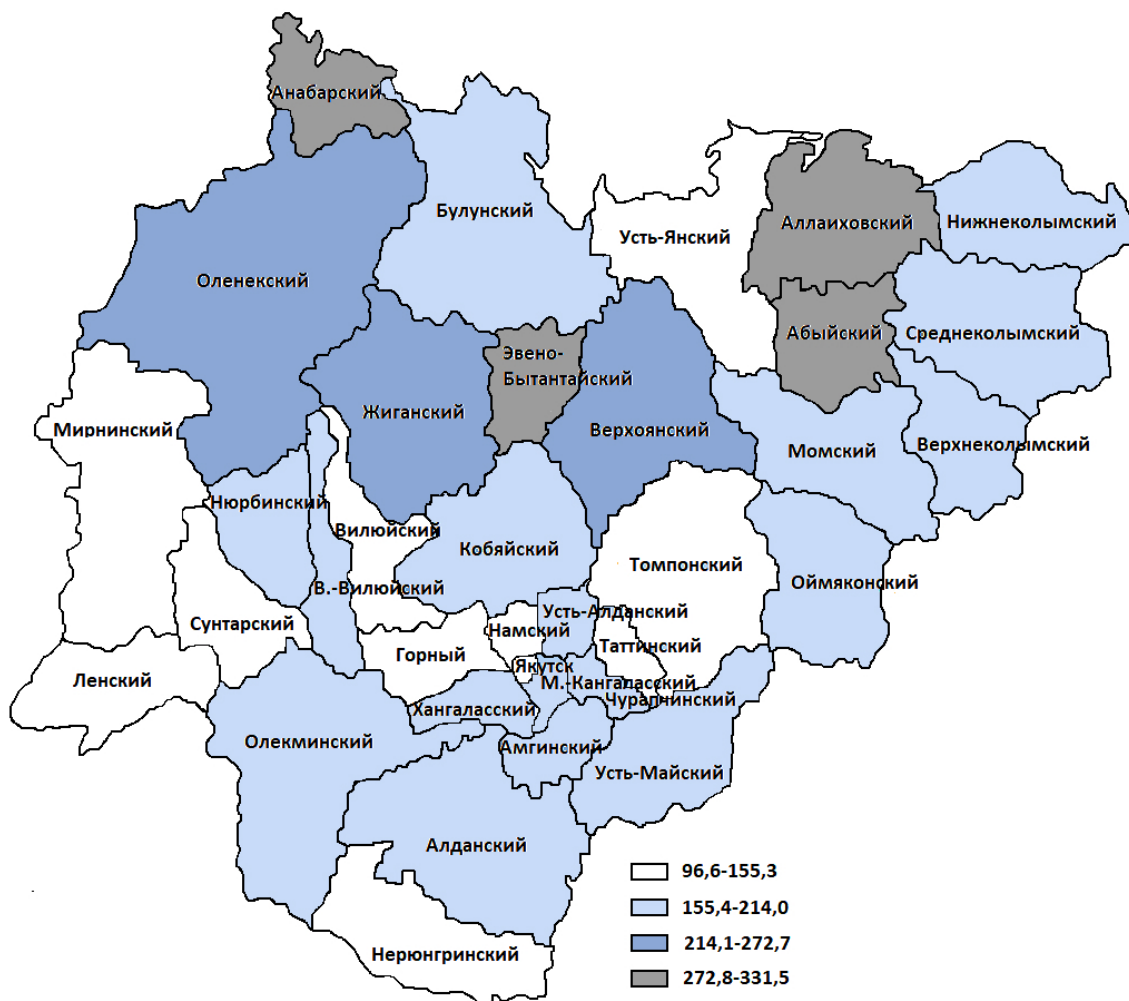

Рис. 1. Среднее значение коэффициента смертности от внешних причин за 2014–2016 гг., на 100000 чел.

В 1990 году наибольшие потери жизненного потенциала были обусловлены болезнями системы кровообращения [5]. К 2008 году потери жизненного потенциала от причин внешней смерти возросли (до 39,8% у мужчин и 22,5% у женщин) [1]. Наибольшие потери потенциальной жизни в трудоспособном возрасте образуют внешние причины смерти наряду с двумя другими основными причинами смертности – болезнями системы кровообращения и злокачественными новообразованиями. По материалам исследования Б.А. Коробицына с соавторами, выполненного по состоянию на 2010 год, «Республика Саха (Якутия) занимала 1-е место по потерям потенциальной жизни от внешней смертности у мужчин и 3-е место у женщин по сравнению с другими дальневосточными регионами»[2].

Наиболее высокий уровень потерь потенциальной жизни в трудоспособном возрасте образуют внешние причины смерти. Расчеты исследователей показывают, что наряду с «болезнями системы кровообращения и злокачественными новообразованиями 1-е место по потерям потенциальной жизни занимают внешние причины смерти. Республика Саха (Якутия) занимала 1-е место по потерям потенциальной жизни от внешней смертности у

мужчин и 3-е место у женщин по сравнению с другими дальневосточными регионами (2010 год)» [7].

Авторами были рассчитаны потери жизненного потенциала населения в 2015-2017 гг. «Показатель потерь жизненного потенциала основан на учете недожития до некоторого потенциально достижимого возраста и является важным показателем здоровья населения» [5]. В наших расчетах был принят возрастной предел в 75 лет. Показатель потерь жизненного потенциала населения рассчитан нами по следующей формуле:

$$PYLL = \sum_{i=0}^w a_i (d_i / P_i) * (P_{ir} / \sum_{i=0}^w P_{ir}) * 1000$$

где $a_i = T - x_i$, T - верхний предельный возраст, равный в наших расчетах 75 годам, x_i - середина соответствующего возрастного интервала; d_i - число умерших в i -ой возрастной группе; P_i - численность населения в i -ой возрастной группе; P_{ir} - численность населения принятого за стандарт в возрасте i .

Потери жизненного потенциала в Республике Саха (Якутия) имеют четкие гендерные различия. За рассматриваемый период потери жизненного потенциала мужчинами превышали потери женщин в 1,8-2,4 раза. Наибольшие потери жизненного потенциала у женщин наблюдаются в возрастной категории старше 70 лет. У мужчин же наибольшие потери отмечаются в возрасте 50-64 лет. В то время как у женщин в данном возрасте значение показателя значительно ниже и не превышает 16,5 чел.-лет. Так, в 2017 году в возрастном интервале 50-54 года потери жизненного потенциала составили 27,3 чел.-лет. Также необходимо отметить, что первый скачок потерь жизненного потенциала у мужчин приходится на группы молодых трудоспособных возрастов 25-34 лет (табл.5).

Таблица 5

Потери жизненного потенциала в Республике Саха (Якутия) в 2015–2017 г.г., человеко/лет

Возрастной интервал	2015		2016		2017	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
0-4	9,3	6,0	11,6	8,9	6,6	4,3
5-9	1,1	0,7	4,4	1,1	1,6	0,7
10-14	0,2	0,4	3,3	0,8	1,2	1,0
15-19	1,5	0,3	4,9	2,4	3,3	1,1
20-24	4,0	0,7	5,9	2,6	7,1	1,5
25-29	7,7	2,0	14,4	7,4	11,9	2,6
30-34	15,6	4,6	15,6	6,4	19,6	4,1
35-39	18,4	6,6	21,4	10,0	22,5	5,8
40-44	23,8	8,1	23,8	8,3	22,5	7,0
45-49	17,1	6,8	20,1	9,1	18,9	5,5
50-54	26,1	10,3	23,2	11,5	20,0	7,7
55-59	29,3	12,6	23,6	10,8	27,3	9,8
60-64	23,5	11,0	32,0	16,5	22,0	10,5
65-69	12,2	7,8	13,2	8,3	13,2	8,0
70 и старше	14,2	18,2	11,6	25,8	12,5	19,3
Итого	203,9	96,2	229,0	129,9	210,1	88,8

Рассчитано авторами по материалам ТО ФСГС РС(Я)

В разрезе отдельных причин смерти наибольший вклад в «потери жизненного потенциала» вносят болезни системы кровообращения, определяя около 35% всех потерь жизненного потенциала» [5]. Так в 2015 году они составили 56,4 чел.-лет и снизились до 51 в 2017 году. Потери жизненного потенциала от внешних причин смерти составляли 27,5 чел.-лет в 2015 году, что составляло 17,4% всех потерь, и увеличились до 41,8 в 2017, что равнялось уже 28,6%. Потери жизненного потенциала от данного класса причин смертности объяснимы высокой смертностью населения в молодом трудоспособном возрасте. Далее идут новообразования, ставшие причиной потерь 20,6 чел.-лет жизненного потенциала в 2015 году, и оставаясь практически неизменными и в 2017 году (табл.6).

Таблица 6

Потери жизненного потенциала населения, чел./лет

Год	Инфекционные болезни	Новообразования	Болезни системы кровообращения	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Внешние причины	Все причины
2015	3,2	20,6	56,4	5,1	7,1	27,5	157,9
2016	3,8	20,7	53,5	5,4	7,0	33,7	152,3
2017	3,7	20,5	51,0	4,9	8,0	41,8	146,4

Рассчитано авторами по материалам ТО ФСГС РС(Я).

Потери жизненного потенциала мужчинами в трудоспособном возрасте превышали аналогичные потери женщинами в среднем в 3,5 раза за период 2015–2017 г.г., причем уровень потерь за два года вырос почти на 10 чел.-лет. В возрасте старше трудоспособного потери мужчин и женщин практически одинаковы, а в возрастной категории младше трудоспособного потери жизненного потенциала лицами мужского пола ненамного превышают женские. В возрасте старше трудоспособного потери жизненного потенциала у мужчин и женщин практически одинаковы. То есть наибольшие потери свойственны трудоспособному возрасту, что приводит и к экономическим потерям (табл.7).

Таблица 7

Потери жизненного потенциала в Республике Саха (Якутия) в 2015–2017 г.г., человеко/лет

Возрастной интервал	2015		2016		2017	
	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен
Младше трудоспособного	10,89	7,24	16,66	10,16	10,07	6,16
В трудоспособном возрасте	143,26	39,32	151,80	57,22	152,36	35,05
Старше трудоспособного	49,80	49,62	56,90	61,38	47,70	47,56
Итого	203,9	96,2	229,0	129,9	210,1	88,8

Рассчитано авторами по материалам ТО ФСГС РС(Я).

Таким образом, внешние причины смертности являются ресурсом снижения потерь жизненного потенциала и увеличения продолжительности жизни в Республике Саха (Якутия). Внешние причины смертности в Якутии имеют такую же значимость, как и болезни системы кровообращения, в аспекте сокращения потерь демографического

потенциала, что в свою очередь должно определять приоритетное положение мер по сокращению смертности населения от внешних причин в иерархии целей и задач региональной демографической политики.

Библиографический список

1. *Будущее Республики Саха (Якутия)*: в 5 книгах. Кн.2. Процессы демографического воспроизводства и задачи социально-демографической политики. – Якутск: издательский дом СВФУ. – 2015. – 220 с.

2. *Коробицын Б.А., Куклин А.А., Никулина Н.Л.* Ущерб от основных причин смертности для субъектов Российской Федерации и оценка приоритетов по увеличению продолжительности жизни // *Народонаселение*. – 2014. – №3. – С. 42-56.

3. *Мостахова Т.С.* Смертность населения в северных и арктических районах Республики Саха (Якутия) в аспекте демографической безопасности // *Якутский медицинский журнал*. – 2015. – №4(52). – С.66-69

4. *Мостахова Т.С., Туманова Д.В.* Арктика: проблемы освоения и воспроизводства населения (на примере Республики Саха (Якутия)) // *Экономика, социология и право*. – 2015. – №1. – С.114-116.

5. *Сукнёва С.А.* Демографический потенциал развития населения северного региона. - Новосибирск: Наука, 2010. – 168 с.

6. *Сукнева С.А., Туманова Д.В.* Влияние витального поведения на трудовой потенциал северного региона // *Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2014* Материалы IV Всероссийского научного семинара: в 2 частях. 2014. – С. 126-135.

7. *Туманова Д.В.* Потери жизненного потенциала населения от внешних причин смерти в Республике Саха (Якутия) // *Уровень жизни населения регионов России*. – 2017. – №2(204). – С. 65-69.

8. *Туманова Д.В.* Современное состояние сверхсмертности мужчин в Республике Саха (Якутия) // *Региональная экономика: теория и практика*. – 2012. – № 17(248). – С.40-44.

9. *Флоринская Ю.Ф.* Потери жизненного потенциала населения регионов России // *Мир России*. – 1998. – №1-2. – С.257-271.

Саргылана Макаровна Баишева
кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник Центра этносоциологических исследований
Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Россия, Якутск

Sargylana Makarovna Baisheva
Candidate of Economic Sciences,
Senior Researcher of the Center for Ethno-Sociological Research,
The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Russia, Yakutsk

e-mail: baisargy09@yandex.ru

ЗАНЯТОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РЕСПУБЛИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ¹

EMPLOYMENT OF THE POPULATION OF THE ARCTIC ZONE OF THE REPUBLIC: PROBLEMS AND TRENDS

Аннотация. Данная статья рассматривает необходимость изучения современного состояния вопросов занятости населения, как одной из сложных и комплексных проблем социально-экономического развития народов, проживающих в отдаленных и одновременно дисперсно расположенных населенных пунктах стратегически важного региона Якутии. Основные индикаторы мониторинговых исследований свидетельствуют о неблагоприятных тенденциях в районах интенсивного промышленного освоения, специфике этносоциальной адаптации представителей аборигенных этносов к изменяющимся условиям социальной, экономической среды.

Abstract. This article discusses the need to study the current state of employment issues as one of the complex and complex problems of the socio-economic development of peoples living in remote and at the same time dispersed settlements of the strategically important region of Yakutia. The main indicators of monitoring studies indicate unfavorable trends in areas of intensive industrial development, the specifics of ethno-social adaptation of representatives of indigenous ethnic groups to the changing conditions of the social and economic environment.

Ключевые слова: арктическая зона, коренное население, малочисленные народы Севера, занятость населения, рынок труда, безработица, самозанятость, адаптация населения.

Keywords: Arctic zone, indigenous population, small peoples of the North, employment of the population, labor market, unemployment, self-employment, adaptation of the population.

---

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант №18-49-140005р_а «Трансформации социокультурного облика коренных жителей арктического побережья Якутии в условиях модернизации: опыт междисциплинарного исследования» (Алексеева Е.К., к.и.н. – руководитель проекта)

Арктический регион является объектом пристального внимания со стороны ведущих стран мира, подвержен влиянию процессов глобализации. Геополитическое соперничество, промышленное освоение богатых природных ресурсов региона неизбежно будет сопровождаться серьезными рисками и вызовами для арктических ландшафтов, постоянного и коренного населения.

Новая фаза активизации деятельности человека в Арктике резонансно совпадает с процессами климатической перестройки в высокоширотной зоне Земли и одновременно входит в противоречие с традиционным природопользованием аборигенного населения, первожителей арктической зоны. Важными проблемами для региона являются перспективы социально-экономического развития и повышения эффективности природопользования в условиях усиливающейся глобализации и перехода к новому технологическому укладу, сопровождающимся обострением экологических проблем. Исследователи Арктики в своих трудах представляют результаты научных исследований в рамках междисциплинарных проектов, касающихся вопросов истории, современности, перспектив региона [9, 10], образа жизни арктических социумов в целом [6, 7, 8], различных аспектов развития территории: экономических [1, 2], социально-культурных [5], развития отдельных социальных слоев населения [4].

Таблица 1

Основные показатели уровня жизни

Наименование показателя	РФ		ДВФО		РС(Я)	
	2010	2017	2010	2017	2010	2017
Среднедушевые денежные доходы населения, руб.	18 958	31 475	20 807	37 223	23 088	40 103
<i>темп роста 2017/2010, раз</i>	1,66		1,78		1,73	
Индекс реальных доходов, в % к 2010г.	97,3		...		101,7	
Ср-месячная номинальная заработная плата работников в целом по экономике, руб.	20 952	39 167	25 814	48 952	28 708	62 206
<i>темп роста 2017/2010, раз</i>	1,86		1,9		2,2	
Индекс реальной заработной платы, в %	111,5		115,5		134,0	
Уровень безработицы, %	7,5	5,2**	8,7	5,6	8,8	7,1
<i>снижение 2017/2010, п.п.</i>	2,3		3,1		1,7	
Уровень бедности, %	12,5	13,2	нет данных	15,2	19	20

Источник: составлена по данным министерств и ведомств РС (Я).

Как показывают данные табл.1, за 2010-2017 г.г. в Республике Саха (Якутия) основные показатели уровня жизни такие, как: среднедушевые денежные доходы населения, среднемесячная номинальная заработная плата работников по отраслям экономики в целом, индексы реальных доходов и заработной платы гораздо выше, чем по Дальневосточному региону и по России в целом. Зато уровень безработицы и уровень бедности населения по Республике Саха превышает аналогичные показатели по ДВФО и РФ за счет критического состояния в социально-экономической сфере Арктической зоны Якутии.

По данным на 1 января 2018 года численность населения АЗ РС(Я) составила 68,2 тыс. человек, более 60% (41,8 тыс. человек) населения АЗ РС (Я) – сельские жители (табл.2). Удельный вес в общей численности населения республики составляет 7,1%, в то время как по занимаемой площади – 52%.

Численность населения Арктической зоны Республики Саха (Якутия) на 1 января 2018 года

№ п/п	Муниципальное образование (район)	Численность населения МО (района), чел.	Доля МО (района) в АЗ, %
	Республика Саха (Якутия), тыс.чел.	964,3	x
	Арктическая зона РС(Я), тыс.чел.	68,2	100
1	Абыйский	4 018	5,9
2	Аллаиховский	2 716	4,0
3	Анабарский	3 567	5,2
4	Булунский	8 339	12,2
5	Верхнеколымский	4 123	6,0
6	Верхоянский	11 352	16,7
7	Жиганский	4 222	6,2
8	Момский	4 073	6,0
9	Нижнеколымский	4 290	6,3
10	Оленекский	4 072	6,0
11	Среднеколымский	7 499	11,0
12	Усть-Янский	7 075	10,4
13	Эвено-Бытантайский	2 813	4,1

Источник: рассчитано по данным статистики.

В АЗ РС (Я) наблюдается самая низкая плотность населения в республике – 0,04 чел. на 1 кв. км, тогда как в РС (Я) – 0,31 чел. на 1 кв. км. Наименьшее значение среди районов АЗ и РС (Я) в целом, отмечается в Оленекском районе – 0,01 чел. на 1 кв. км, наибольшее по АЗ РС (Я) – в Верхоянском районе – 0,08 чел. на 1 кв. км. Внутри зоны Верхоянский район считается самым заселенным и в нем проживает 11,4 тыс. чел. (16,7% от общего числа жителей АЗ РС(Я)), наименьшая численность стабильно отмечается в Аллаиховском районе – 2,7 тыс. чел. (4,0%).

По сравнению с 2010 годом численность населения АЗ РС(Я) сократилась на 5,7 тыс. чел. (на 7,8%), максимальное снижение отмечается в Верхоянском районе – 1,4 тыс. чел. (на 10,8%). Уменьшение численности менее чем на 100 человек наблюдается в Жиганском – 75 чел. (1,7%), Оленекском – 63 чел. (1,5%), Эвено-Бытантайском – 57 чел. (2%) районах. В Анабарском районе по итогам 2017 года зафиксирован рост к 2010 году на 64 чел. (1,8%).

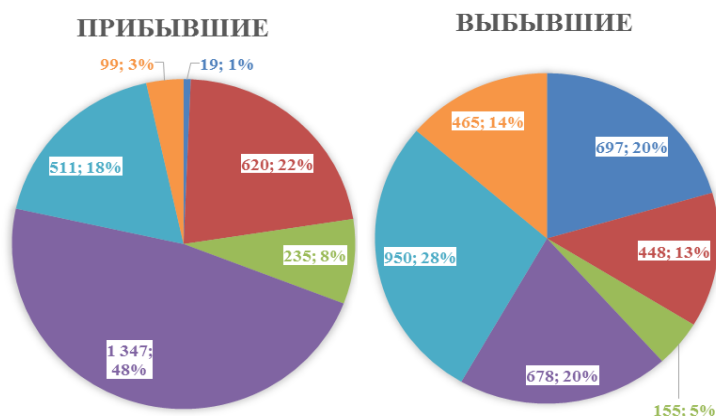
Снижается численность городского населения, что обусловлено, прежде всего, миграционным оттоком. Коэффициент миграционной убыли населения из АЗ РС (Я) за 2017 год составил – 10,2 на 1 тыс. человек населения, что более чем в 2 раза превышает среднереспубликанский показатель (-4,8%).

Отрицательное сальдо миграции за 2010-2017 годы составило 9 379 человек. Наибольший миграционный отток наблюдался из Верхоянского и Усть-Янского районов (2 229 и 1 281 человек соответственно). Наименьшие значения миграционной убыли населения, как в абсолютных значениях, так и в расчете на 1000 чел. отмечаются в Эвено-Бытантайском районе, что обусловлено оседлостью населения, занятостью в традиционных отраслях Севера.

На территории Республики Саха (Якутия) проживают 5 этносов, отнесенных к перечню коренных малочисленных народов Севера (КМНС) – долганы, эвены, эвенки, юкагиры и чукчи. Общая численность КМНС в РС (Я) составила 39,9 тыс. чел. (16,1% от численности КМНС РФ).

КМНС республики проживают в 70 населенных пунктах 21 муниципального образования² республики, которые отнесены к местам компактного проживания коренных малочисленных народов Севера; большинство – 49 населенных пунктов – находятся в АЗ РС(Я). Сегодня на территории арктической и северной зоны республики имеется 84 городских и сельских поселений. С 2002 года население здесь уменьшилось на 12,8 тысячи человек, а с 1990 года почти на 80 процентов, или на 53,8 процента. Миграция в пределах Якутии занимает 73 процента, межрегиональная 27 процентов.

Большую тревогу специалистов и самих жителей вызывают вопросы миграции. Основную долю миграционного оттока за указанный период составила молодежь 14-19 лет – 3,6 тыс. чел. (38,3% миграционной убыли), что в основном связано с учебой.

(по данным ЦСИ РС(Я))

Рис 1. Основные причины миграции среди населения за 2017 год

Среди причин прибытий по итогам 2017 года наиболее распространенными являются возвращение к прежнему месту жительства (48%) и трудоустройство (22%). По выбытию преобладают причины личного характера (28%), поступление на учебу (20%) и возвращение после временного отсутствия (20%).

В структуре общей миграции (с учетом внешней и внутрирегиональной) большая доля – 73,2% от миграционного оборота приходится на внутрирегиональные перемещения населения. Исключение составляют Верхнеколымский и Нижнеколымский районы, где доля внешних миграционных потоков превышает 50%. Это диктуется наличием транспортного сообщения с другими субъектами РФ и формированием в двух районах рабочих поселений преимущественно за счет внешних мигрантов, прибывших в свое время с целью успешного трудоустройства и повышения материального благополучия из-за пределов республики.

Миграционная убыль частично компенсируется за счет показателей естественного прироста населения. Данные мониторинга демографических показателей выявили, что Арктическая зона республики характеризовалась на протяжении длительного времени наличием показателей устойчивого естественного прироста населения. Однако, в 2017 г. коэффициент естественного прироста населения составил всего 5,3 в расчете на 1000 чел., что ниже среднего уровня по РС (Я) – 6,4. В Верхнеколымском районе отмечается устойчивая естественная убыль населения (по итогам 2017 года – 12 чел.), что

² Закон Республики Саха (Якутия) от 10.07.2003 59-3 N 121-III (ред. от 16.12.2010) «О перечне коренных малочисленных народов Севера и местностей (территорий) их компактного проживания в Республике Саха (Якутия)»

преимущественно связано с концентрацией в структуре населения значительной доли лиц, чей возраст превышает планку трудоспособного возраста.

Тем не менее, коэффициент естественного прироста в Арктической зоне республики по итогам 2017 года в 2,4 раза превысил средний общероссийский показатель (по арктической зоне РФ), т.е. составил 5,2 против 2,2 в расчете на 1000 чел. В наиболее благоприятных регионах европейской части Арктики отмечается максимальное значение коэффициента в Ямало-Ненецком АО – +9,1; минимальное – в Республике Карелия – (-10,7 на 1000 чел.).

Основными причинами выбытия населения за счет смертности в Арктике, по мнению специалистов, были болезни системы кровообращения – 41,9% от всех смертей (по РС (Я) – 44,7%), внешние причины – 19,8%, (по РС(Я) – 16,4%), новообразования – 14,2% (по РС(Я) – 16,7%).

Динамика показателей уровня общей смертности (2010-2017 гг.) по арктическому региону показывает стабильное превышение среднереспубликанских значений. При этом отмечается тенденция к снижению показателей смертности по разным причинам, кроме новообразований и болезней органов дыхания, где выявлен рост показателей на 68,2% и 16,2% соответственно.

Специалисты бьют тревогу по повышению уровня общей смертности от новообразований в Верхнеколымском (5,7 раз), в Анабарском, Нижнеколымском (4 раза), в Абыйском, Эвено-Бытантайском районах, (в 2,5-3 раза). Положительной тенденцией отмечается снижение уровня младенческой смертности (с 2010г.).

Таблица 3

**Динамика численности рабочей силы по районам Арктической зоны РС (Я)
за 2010-2017 г.г., чел.**

Регион, МО (район)	Численность рабочей силы, чел.		Рост 2017 г. к 2010 г. %
	2010	2017	
Республика Саха (Якутия)	493 621	497 787	100,8
Арктическая зона РС (Я)	38 784	35 430	91,3
Абыйский	2 156	2 047	94,9
Аллайховский	1 580	1 523	96,3
Анабарский	2 493	1 989	79,7
Булунский	4 639	4 138	89,2
Верхнеколымский	2 814	2 568	91,2
Жиганский	2 244	2 148	95,7
Верхоянский	6 049	5 726	94,7
Момский	2 458	2 185	88,9
Нижнеколымский	2 557	2 377	92,9
Оленекский	1 991	2 136	107,2
Среднеколымский	3 629	3 230	89,0
Усть-Янский	4 750	3 928	82,7
Эвено-Бытантайский	1 424	1 434	100,7

Источник: по данным Министерства экономики РС (Я)

По данным органов статистики и регионального Минэкономки, в 2017 году численность рабочей силы в Арктической зоне РС (Я) составила 35,4 тысячи человек, что на 10,8 процента меньше, чем в 2002 году или на 8,7% по сравнению с 2010 г. (табл.3).

Одной из причин высокого уровня безработицы в Арктике - отсутствие или низкий уровень профессионального образования населения. Данные статистики показывают, что численность безработных граждан трудоспособного возраста от 25 до 54 лет составляет 1848 чел., из них с высшим образованием 87 чел. (4,7%), со средним профессиональным образованием – 289 чел. (15,6%), отсутствует профобразование у 1474 чел., или 79,6 % населения Арктической зоны (по РС (Я) - 59,2%).

Организации, расположенные на арктических территориях, по расчетам специалистов, имеют возможность заполнить всего 529 вакансий или всего 5,3% от общего числа вакансий по региону. Самыми востребованными на рынке труда Арктического региона Якутии являются профессии водителей, бульдозеристов, экскаваторщиков, буровиков, т.е. работников промышленных отраслей. С учетом планируемого освоения Арктики и Севера вопрос подготовки кадров становится актуальным и вполне предсказуемо, что рынок труда будет функционировать за счет трудовых мигрантов и предоставления определенных преференций для инвесторов.

В настоящее время сохраняется тенденция наполнения рынка труда в регионе за счет работников бюджетных отраслей экономики при дефиците квалифицированных кадров в сфере образования, здравоохранения, обслуживания населения. В северных районах по оценке специалистов существует острая нехватка 400 специалистов, включая учителей-предметников, врачей узких специальностей и высокой квалификации, работников в сфере ЖКХ и энергетики.

В рамках реализации республиканского проекта «Местные кадры в промышленность» предпринимаются меры по улучшению ситуации на рынке труда путем трудоустройства местного населения. Преимущественно проводится обучение рабочим специальностям в ускоренном режиме представителей из числа молодежи и безработных, по направлению центров занятости улусов.

Наши мониторинговые исследования показывают, что благородная цель трудоустройства местных кадров, тем более представителей КМНС в отрасли промышленности, не всегда учитывает ментальность этносов, их желание приносить пользу обществу в новых сферах приложения труда. Положительные результаты по реализации республиканского проекта получены, по данным Госкомитета занятости РС (Я) в условиях районов т.н. алмазоносной провинции: с учетом стажировок из Оленекского района в Удачнинский ГОК по линии АК «АЛРОСА» трудоустроено 80 чел., в АО «Алмазы Анабара» – 32 чел., в Верхне-Мунский участок АК «АЛРОСА» – 8 чел. Из Анабарского района в 2017 году в АО «Алмазы Анабара» трудоустроены 143 чел., из них 90 чел. по рекомендации Центра занятости района.

В связи с переходом экономики на профессиональные стандарты, формированием Национальной системы квалификаций в стране и исполнением поручений Президента РФ по разработке, утверждению и применению профессиональных стандартов и обязательном учете положений профессиональных стандартов при формировании федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) профессионального образования необходимо в срочном порядке корректировать программы подготовки профессиональных кадров. В этом плане органам власти, отвечающим за подготовку кадров, следует предусмотреть в своей работе вопросы взаимодействия с федеральными органами власти, учитывая стремительные перемены в российском обществе.

Согласно Схеме расстановки кадров РС(Я), потребность отраслеобразующих предприятий Арктической зоны до 2022 года в трудовых ресурсах составляет 1304 человек, из них почти 90% со средним профессиональным образованием. Согласно расчетов Минэкономики РС (Я), необходимость в кадрах производственной сферы варьируется в

пределах от 34% (ЖКХ и энергетика) до 18,7% (сельское хозяйство), промежуточные положения занимают отрасли – транспорт и промышленность (26 – 21,5%). Рабочие кадры для арктических предприятий готовят в четырех учебных учреждениях: п.Тикси, с. Жиганск, г. Верхоянск и Нижней Колыме – п. Черский (в основном для ЖКХ и энергетике и переработке сельхозпродукции).

В 2017 году трудоустроены из выпускников профессиональных и высших учебных заведений, в т.ч. прошедшие целевое обучение - 291 чел., из них с высшим образованием – 75 чел., со средним специальным – 111 чел., квалифицированные рабочие и служащие – 99 чел., профессиональное обучение – 6 чел.

Численность безработных, зарегистрированных в государственной службе занятости по Арктической территории РС (Я) имеет тенденцию к снижению. На конец 2017 года данный показатель равнялся 1,7 тыс. человек или 17,4% от численности безработных республики. Наибольшая доля официально зарегистрированных безработных в Верхоянском - 14%, Среднеколымском - 12%, Усть-Янском - 11%, Жиганском районах - 10% от численности населения. Уровень официально зарегистрированной безработицы в среднем по АЗ РС (Я) в 2,7 раза превышает среднереспубликанский уровень и составляет 5,4%. Наибольший уровень отмечен в Эвено-Бытантайском (10%), Оленекском (8,2%) и Среднеколымском (8,4%) районах, наименьший – в Булуновском (1,6%) и Верхнеколымском (3,1%) районах. Анализ территориального распределения безработных граждан показывает преимущественное наличие их в сельской местности. Возрастная структура безработных выявила преобладание молодого трудоспособного населения в возрасте 20-29 лет. Этническая структура безработных характеризуется наличием их большого числа среди представителей КМНС, независимо от возраста. Объединяющим фактором большинства безработных является низкий уровень квалификации/образования. В распределении безработного населения по уровню образования 34,1% составляют граждане со средним общим образованием, 35,1% – со средним профессиональным образованием, 19,4% – с высшим образованием.

На фоне промышленного освоения арктического региона не только Якутии, но и России в целом, четко выявились огромные пробелы в планировании и подготовке кадров, профессионального образования. Так, в Якутии из 57 востребованных профессий (специальностей) в учреждениях профессионального образования ведется подготовка только по 31 профессии (54%) для отраслей промышленности, ЖКХ и энергетике, транспорта и сельского хозяйства.

На основе данных Саха (Якутия)стата за 10 последние лет ситуация на рынке труда республики существенно улучшилась. За 2008-2018 г.г. уровень безработицы снизился с 9,0 до 7,0%. Уровень занятости населения за это же время с 63,2 % возрос до 65,5 %. Общая численность безработных граждан снизилась на 13,2 тыс. человек и составила 32,4 тыс. чел. (сентябрь 2018 г.). Численность официально зарегистрированных безработных имеет тенденцию к снижению и сократилась с 12,5 до 8,0 тыс. чел. (ноябрь 2018 г.).

Положительное влияние на структуру рабочей силы и трудовую занятость населения оказывает рост экономики, в т.ч. показатель ВРП. По данным статистики увеличилась численность рабочей силы и численность занятых в экономике, что повлияло на снижение уровня общей безработицы. Таким образом, за последние годы отмечаются позитивные изменения: снижается уровень безработицы и коэффициент напряженности на рынке труда. Сохраняющийся уровень безработицы обусловлен ежегодным снижением следующих показателей: занятости сельского населения, потребности работодателей в работниках, количества зарегистрированных субъектов малого предпринимательства.

По линии центров занятости населения в районах проводится целенаправленная работа: трудоустраивается безработное население на общественные работы (благоустройство территорий, делопроизводство, помощь в строительных и ремонтных работах, оказание социальных услуг населению); обучаются новым профессиям/навыкам по программе профобучения; организуются выездные профориентационные занятия для несовершеннолетних и их родителей и профориентационные семинары для граждан, желающих создать собственное дело и для женщин, находящихся по уходу за ребенком до 3-х лет по программе «Карьера и Я».

Обеспечение отдельных категорий населения государственными услугами по профессиональной ориентации мало влияет на изменение рынка труда. Так, потребность экономики по АЗ РС(Я) в специалистах с 2016 по 2020 годы составляет 1217 чел., из них со средним профессиональным образованием - 594 чел. (48,8%) и высшим образованием - 623 чел. (51,2%). Актуальна потребность в традиционных специалистах - учителях, работников медицинских учреждений и сельского хозяйства. Отмечаются высокие показатели напряженности на рынке труда во всех арктических районах Якутии, кроме Булунского, где показатель нагрузки на 1 вакансию (1,6) приближен к среднереспубликанскому уровню (1,3). В Оленекском и Анабарском районах 36 чел. и Жиганском районе 26 чел. приходится на 1 вакансию.

Прогноз потребности в специалистах на период до 2027 года выявил существенное заполнение рынка труда за счет специалистов со средним профессиональным образованием (до 70% в отдельных отраслях).

В рамках государственной программы РС (Я) «Содействие занятости населения Республики Саха (Якутия) на 2012-2019 годы» и Комплексной программы социально-экономического развития арктических и северных улусов РС (Я) на 2014-2016 годы и на период до 2020 года предусмотрены мероприятия по стимулированию экономической активности населения, социальной поддержки безработных граждан.

Демографические тенденции, характерные для арктических районов республики на протяжении десятилетий - невысокий воспроизводственный потенциал населения (естественный прирост, рождаемость, смертность). Смертность, болезни вызывают ухудшение социально-экономической ситуации в целом, а дальше появляются проблемы на рынке труда – безработица, низкие доходы населения, специфика занятости – вот далеко не полный перечень проблем, актуальных для арктического региона Якутии.

Результаты наших исследований показывают, что рынок труда региона характеризуется наличием факторов:

1. Стимулирующих его развитие - высокий уровень квалификации; трудоспособный возраст; персональная мотивация к труду; постоянная занятость; поступление трудовых доходов; доступность работы в различных секторах экономики и населенных пунктах, преимущественно городских поселениях; активная политика в отношении этнических меньшинств; политика равенства возможностей пришлого и коренного населения; толерантное отношение коренного населения к трудовым мигрантам.

2. Факторов, затрудняющих развитие рынка труда - наличие длительной или частой безработицы; значительный возраст трудоспособного населения; низкая квалификация и отсутствие трудовых навыков населения; преобладание женского населения среди экономически активного населения; неустойчивые условия занятости; контроль государства за доступом на рынок труда, включая самостоятельную занятость.

Библиографический список

1. *Baisheva S.* Regional study the labour market and employment: path of development (Региональное исследование рынка труда и занятости населения: траектории развития) // *International Research Journal*. –2016. –№ 9(51). –С.110-113. [DOI: 10.18454 / IRJ.2016.51.156].
2. *Башиева С.М.* Особенности трудовой занятости населения Республики Саха (Якутия) в условиях нового промышленного освоения: территориальный аспект // Сб. науч. тр. «Специфика территориальных и природных условий в социально-экономическом развитии страны» (материалы 2-й междунар.конф., 16-17.09.2015 г.) - Улан-Батор, Монголия.- 2015. - С. 177-187.
3. *Башиева С.М.* Арктический вектор социально-экономической трансформации Якутии в условиях глобализации // *Современная наука: теория и практика*, 2015, №2-3 (9-10). – С. 5-15.
4. *Васильева О.В., Маклашова Е.Г.* Молодежь Арктики: идентичности и жизненные стратегии /О.В. Васильева, Е.Г. Маклашова; отв. ред.к.и.н. Игнатьева; - Якутск: ИГИИПМНС СО РАН, 2018. – 177 с.
5. *Ignatyeva V.B.* Influence of the Northern Sea Route on Social and Cultural Development of Indigenous Peoples of the Arctic Zone of the Sakha Republic (Yakutia). - Lysaker: Fridtjof Nansen Institute (Norway), 1996.
6. *Маклашова Е.Г.* Сельское и традиционное хозяйство как основа уникальной самобытности и полиэтничности Якутии: к проблеме устойчивости (анализ статистических и социологических данных) //Региональные проблемы. 2019 – Т.22.№3 – С. 98-107
7. *Писарева Л.Ю., Башиева С.М., Константинова Т.Н.* Арктический социум Якутии в контексте изменений условий жизнедеятельности: опыт социологического исследования //Теории и проблемы политических исследований. 2018. Т.1. №5А – С. 300-311.
8. *Писарева Л.Ю.* Образ жизни коренных этносов арктической зоны Якутии: социально-экономический аспект //Социология.2018, №4. – С. 194-204.
9. *Татаркин А.И.* и др. Российская Арктика: современная парадигма развития – СПб: Нестор-История, 2014. - 844с.
10. *Fondahl G., Susie C., Filippova V.* Sakha Republic (Yakutia), Russian Federation // *Arctic Social Indicators : ASI II: Implementation/* Editors: Joan Nymand Larsen, Peter Schweitzer, Andrey Petrov - Copenhagen: Nordisk Ministerråd, 2014. – P.55-91.

Ньургун Дмитриевич Ефремов
студент 3 курса исторического факультета
Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова
Россия, г. Якутск

Nyurgun Dmitrievich Efremov
The 3rd year Student of the Faculty of History,
North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov
Russia, Yakutsk

e-mail: nurgun_efremov97@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ТВОРЧЕСКИХ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА В АРКТИКЕ: НЕОБХОДИМОСТЬ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

REALIZATION OF CREATIVE AND PROFESSIONAL HUMAN NEEDS IN THE ARCTIC: NECESSITY AND SOCIO-ECONOMIC PROSPECTS

Аннотация. *В данной статье раскрывается проблема развития арктической инновационной экономики в аспекте реализации творческих и профессиональных потребностей жителей Арктики. Отмечено, что без творческой самореализации работника экономика Арктики не сможет совершить социально-экономический и экономический рывок.*

Abstract. *This article reveals the problem of development of the Arctic innovation economy in the aspect of the implementation of the creative and professional needs of the inhabitants of the Arctic. It is noted that without the creative self-realization of the worker, the economy of the Arctic will not be able to make a socio-economic and economic breakthrough.*

Ключевые слова: *потребность, творческая самореализация, мотивация, экономика знаний и инновационная экономика.*

Keywords: *necessity, creative self-realization, motivation, knowledge economy and innovative economy.*

Актуальность данной темы заключается в важности осознания развития экономики Арктической зоны Российской Федерации (далее – АЗ РФ) через внедрение инноваций и новых технологий. Эта цель сложна и процесс ее достижения многогранен, необходимо учитывать малейшие детали в экономической системе, чтобы она через какой-то промежуток времени без особых потрясений встала на инновационные рельсы, потому что всякое потрясение чревато потерей важных связующих звеньев в социально-экономических отношениях.

Данная статья призвана раскрыть значимость учета потребности творческой и профессиональной самореализации человека в Арктической зоне Российской Федерации в аспекте социально-экономической перспективы развития региона в целом.

АЗ РФ является тем регионом, инновационное развитие которого имеет приоритетное направление в государственной политике, ориентированной на углубление и расширение

мероприятий, призванных повысить эффективность социально-экономической деятельности в целях реализации освоения Арктики в целом. Как отмечается в Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года, инновационный потенциал АЗ РФ полностью не раскрывается [9]. Данный факт заставляет задумываться над тем, каким образом рассмотреть на новом уровне инновационный потенциал социально-экономической деятельности в регионе.

В статье Цукермана В.А. и Горячевской Е.С. подчеркивается важность развития высокотехнологической отрасли путем реализации четкой государственной стратегии, призванной скоординировать усилия государства, бизнеса и науки в этом направлении [11]. Также они отмечают необходимость концентрации ресурсов на поддержание относительно высокого образовательного уровня развития сети университетов, академических институтов и других государственных научных организаций, формирование нового научно-технического задела. В этом контексте необходимо более углубленно определить место творческой и профессиональной потребности людей в структуре развития арктической инновационной экономики.

Для начала раскроем понятие потребность человека, так как именно она во многом определяет индивидуальные мотивационные предпочтения и желания, удовлетворение которых мотивирует его достигать определенных целей в жизни и работе. Знаменитыми учеными, которые изучали проблему потребностей человека, были А. Маслоу, Ф. Герцбергер и Д. Макклеланд. Их труды являются основой для дальнейшего углубления и изучения данной проблематики. Поэтому кратко остановимся на основных положениях их теорий.

Всеми известная пирамида потребностей была изложена в книге А. Маслоу «Мотивация и личность» (Motivation and Personality) в 1954 году. Суть данной теории заключается в том, что, если люди не смогли удовлетворить свои низшие потребности, удовлетворение высших потребностей невозможно ввиду того, что постоянный голод не способствует человеку думать о таких возвышенных потребностях, как любовь или желание реализовать свои таланты и возможности. Поэтому Маслоу считал, что ТОЛЬКО постоянное удовлетворение физиологических потребностей помогает человеку думать о безопасности, социальных отношениях, престиже и духовной жизни [5]. Проблема же этой теории заключается в отсутствии количественного измерителя удовлетворения потребностей, возможности изменения иерархической лестницы потребностей и невозможности объяснения того, почему некоторые потребности продолжают быть мотиваторами даже после того, как они были удовлетворены.

Следующая интересная теория приобретенных потребностей была разработана Дэвидом Макклелландом в книге «Мотивационные тренды в обществе» в 1971 году [6]. Данная теория гласит о том, что мотивация опирается на высшие потребности, такие как стремление иметь власть, причастность или успех. Потребность человека во власти не всегда означает наличие или закрепление на какой-либо определенной должности, получения звания или статуса, потому что она проявляется именно в стремлении навязывания своей воли другим людям. Человеку с такой потребностью свойственна энергичная целеустремленность в достижении своих целей, его привлекает ощущение собственной значимости по достижении успеха в делах, тут уже проявляется вторая потребность по Макклелланду в успехе. Чувство причастности ассоциируется с социальными потребностями (по Маслоу), т.е. взаимопонимание и ощущение единства целей с коллегами, совместное выполнение заданий, обеспечивающее общность группы [7].

Наиболее интересна и актуальна двухфакторная теория Фридриха Герцберга, суть которой заключается в том, что внешние «гигиенические» факторы, такие как справедливое вознаграждение труда (по теории Стеймса Адамса), доброжелательные межличностные

отношения между работниками, прекрасные условия труда и социальная защищенность, не являются достаточным условием для мотивации [12, с. 119], потому что есть ещё один немаловажный внутренний фактор стимулирования. Суть данного фактора в том, что необходимо создавать условия для реализации творческих и профессиональных потребностей, способностей работника, его карьерного роста, признания и уважения его труда в рамках трудового коллектива. Только выполнение внешнего «гигиенического» и внутреннего факторов позволяет работнику стимулировать самого себя ради повышения производительности своего труда.

Важно отметить, что Фридрих Герцберг экспериментально подтвердил свою двухфакторную теорию. Субъектами данного исследования были состоявшиеся, профессиональные и маститые сотрудники отдела, по взаимоотношениям с акционерами в транснациональной компании. Проблема персонала данного отдела заключалась в их низкой производительности труда, несмотря на высокую квалификацию, и Ф.Герцберг решил повысить их производительность труда с помощью внедрения системы повышения квалификации, персональных достижений, ответственности за работу, признания важности их рабочей деятельности, обучения и творческого совершенствования рабочего процесса. Ради должной проверки теории их условно разделили на контрольную и достигающую группы, которым не давали «гигиенических» стимулов, кроме повышения заработной платы. Однако, второй группе систематически в течение 8 месяцев давали возможность повышать свою квалификацию, самостоятельно самосовершенствоваться и творческим подходом улучшать свой рабочий процесс и так далее. В итоге у достигающей группы производительность труда в течение всего периода проведения эксперимента долгосрочно улучшалась значительно, чем у контрольной группы, рост производительности труда которой был кратковременным [10].

Данные теории явились основой для дальнейших исследований и рассуждений о потребностях человека в целом. Важность таких изысканий заключена в выработке целостных теорий мотивации трудового поведения, потому что это чрезвычайно важно для полноценного развития инновационной экономики [8]. Отечественными теоретиками в области исследований потребности человека в аспекте его творческой реализации являются Н.А. Бердяев, Н.А. Беляев, И.Я. Левяш, Л.И. Ермакова. В.С. Лысенко и др.

Самым известным исследователем духовной и творческой составляющей человека был несомненно, Н.А. Бердяев, труды которого в свое время подтвердили, что дух человека всегда превалирует над его природой, потому что «объективированное познание стоит под знаком общества и этим отличается от познания существования, которое стоит под знаком общения» и что «внутреннее существование находится в порядке свободы, а не в порядке природы» [2, с. 63, 67]. Мысли ученого-философа, как отмечает исследователь его идей Т.А. Логиновских, говорят о том, что духовное присутствие человека в мире есть его внутреннее творческое стремление к индивидуальному приобщению и общению как способу познания этого мира [4, с. 45].

Последователи идей Бердяева основывались на его основных философских постулатах. Одним из примеров является Н.А. Беляев, который в своей статье «Творчество как форма становления индивидуальной целостности человека» подчеркивает, что человек постигает через творчество свою духовную индивидуальную целостность. Это самоощущение способствует ему в отождествлении самого «себя с самим собой как природно-социально-духовной целостностью, становясь существом, способным выстраивать гармоничные отношения с доступными фрагментами Мира и приобщаться к тайнам бытия» [1, с. 61]. Без всего этого человек не может эффективно выстраивать вектор своего индивидуального и профессионального развития. Именно данное обстоятельство рассмотрел

И.Я. Левяш в системе креативного менеджмента в контексте целостности структуры производительных сил. Он анализировал труды философов и мыслителей разных течений и времен, рассмотрел ситуации в некоторых трудовых коллективах и пришел к такому выводу, что все-таки в современную эпоху прогресса инноваций и технологий усложнение труда изменило отношение к самому рабочему, который признается «человеком». Центральная проблема научного менеджмента заключается в поиске «меры между демократическими и либеральными методами участия работников в управлении». Он привел в качестве примера японские предприятия, которые «малую толику креативных работников направляют на дальнейшее обучение для последующего их карьерного роста, но их большинство увольняют во избежание претензий на повышение, так постоянное повышение квалификации и профессионализма работников, их инициативы признается главным фактором роста производительности труда и повышения их в должности [3, с. 15].

Исходя из вышеперечисленного, получается, что настоящее творческое стремление в личностное развитие рождается тогда, когда человек свободен от «оков» выживания в самой природе человека. Дух человека возвышается тогда, когда он способен индивидуализировать целостность своей личности и приобщиться к индивидуальному общению с миром через реализацию своих творческих и профессиональных потребностей. Именно свобода человека от необходимости выживания в суровых условиях Арктики способствует индивидуальному приобщению человека к творчеству, которое является основой возвышения его духа над существованием в порядке природы.

Поэтому, развивая арктическую инновационную экономику, необходимо опираться на творческое начало в человеке. Этот аспект очень важен в процессе научно-технического развития. В целях создания условий для инновационного развития экономики в АЗ РФ, необходимо развивать социально-экономическую инфраструктуру, работать над повышением уровня и качества жизни ее жителей. Все это является основой повышения производительности труда, что, в свою очередь, будет способствовать росту ВВП страны в целом.

В докладе аналитической группы «The Boston Consulting Group» «Россия 2025: от кадров к талантам» было отмечено, что почти весь мировой рост экономики в XX в. обеспечили всего 25 стран, экономики которых на четверть состояли из кадровиков по категории специальностей «Знание» [7, с. 11]. Авторы доклада основывались на подходе Йенса Расмуссена. Для сравнительного анализа структуры рынков труда разных стран они условно разделили всех занятых в экономике на три категории – «Умение», «Правило» и «Знание»:

- категория «Умение»: более 50% задач для работника – это повторяющиеся типовые задачи, предполагающие использование преимущественно физического труда; подготовка работника не требуется или осуществляется в рамках короткого цикла обучения (уборщики, продавцы, водители, грузчики, охранники);

- категория «Правило»: более 50% задач – это техническая, рутинная работа. Принятие решений происходит в рамках предписанных правил и инструкций; требуется специализированная, прикладная подготовка работника (слесари, бухгалтеры, медсестры, офисные администраторы);

- категория «Знание»: более 50% задач подразумевают аналитическую работу, импровизацию, творчество, работу в условиях неопределенности. Имеется высокая автономность при принятии решений: требуются высокий уровень образования, длительный цикл подготовки, широкий кругозор (преподаватели, врачи, ученые, высококвалифицированные инженеры, руководители) [7, с. 14].

Интересен прогноз развития рынка, приведенный в докладе. Дальнейшая цифровизация, развитие и внедрение инновационных технологий в мировой экономике до 2025 года позволит рынку труда настолько измениться, что будут наиболее востребованы специальности из категории «Знание» и что начавшаяся автоматизация/цифровизация бизнес-процессов, по разным оценкам, ставит под риск исчезновения от 9 до 50% всех ныне существующих профессий в ближайшее десятилетие [7, с. 17]. Россия в этом плане сильно отстает по темпам внедрения специальностей из категории «Знание» целого комплекса причин. Среди них выделяются: отсутствие критической массы спроса на знания ввиду того, что российская экономика преимущественно сырьевая; отсутствие должной системы образования для подготовки кадров из категории «Знание»; отсутствие социально-экономической инфраструктуры, необходимой для развития и самореализации человека [7, с. 9].

Таким образом, преодоление всех этих препятствий важный залог роста производительности труда и экономики России и АЗ РФ в целом. В этом аспекте особо важно отметить современные объективные общественно-экономические процессы, которые выдвигают на первый план творческую самореализацию человека, потому что технический и социальный процесс достиг такого уровня, что без должной системы образования, призванного взрастить духовно-интеллектуального специалиста из категории «Знание», просто невозможно достичь инновационного прогресса экономики АЗ РФ. Именно свободное и духовно-интеллектуальное развитие человека, так, как это видели выдающиеся русские философы Н.А. Бердяев и И.А. Беляев, позволит ему найти свой путь развития в экономике знаний через общение с себе подобными и приобщение к самому себе как природно-социально-духовной целостности. Западные теории потребностей и стимулирования также подчеркивают важность творческой реализации человека, потому что именно это является высшей стадией счастья и удовлетворения от процесса не только самой жизни, но и работы. Двухфакторная теория Фридриха Герцберга убедительно доказывает необходимость творческой и профессиональной самореализации работника как фактора повышения его производительности труда.

В целях реализации творческих и профессиональных потребностей людей в АЗ РФ необходимо развивать сеть научно-образовательных учреждений, привлекать высококвалифицированных специалистов из категории «Знание», которые будут обучать, и направлять в нужном творческом и профессиональном направлении коренных местных жителей, а также создавать благоприятные социально-экономические условия для комфортного проживания на территории, отдаленной от центров цивилизации. Повышение уровня и качества жизни людей, проживающих в экстремальных условиях Арктики, повлияет на степень удовлетворения духовных и профессиональных потребностей, которые являются основой развития арктической инновационной экономики.

Библиографический список

1. *Беляев И.А.* Творчество как форма становления индивидуальной целостности человека // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010, № 10(116). – С. 57-61.
2. *Бердяев Н.А.* Я и мир объектов: Опыт философии одиночества и общения. – Париж: Ymsa Press, 2006. – 146 с.
3. *Левяш И.Я.* Креативность менеджмента в контексте целостности структуры производительных сил // Креативный менеджмент. – 2016, № 3. – С. 9-19
4. *Логоновская Т. А.* Н. А. Бердяев о духовных ценностях человека и значение его идей в формировании личности современного студента // Вестник Курганского государственного университета. – 2013, № 4 (31). – С. 44-48 [электронный ресурс]: (дата обращения: 01.05.2019)

5. Маслоу А.Х. Мотивация и личность. М: Питер, 2013. – 351 с.
6. Макклелланд, Д. Мотивация человека. СПб.: Питер, 2007. – 665 с.
7. Россия 2025: от кадров к талантам // The Boston Consulting Group. 2017. – 69 с.
8. Содержательные теории мотивации, [Электронный ресурс]. (дата обращения: 01.05.2019)
9. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года (утверждена Президентом РФ).
10. Фредерик Х. Еще раз: как вы мотивируете сотрудников? // Harvard Business Review. 2003, с. 3-11. [электронный ресурс]:
11. Цукерман В.А., Горячевская Е.С. Инновационное развитие экономики арктической зоны Российской Федерации: проблемы и перспективы промышленной и хозяйственной деятельности // Россия: тенденции и перспективы развития. 2016, № 11-2. [электронный ресурс]: (дата обращения: 09.09.2019).
12. Холлифорд С., Уиддет С. Мотивация: Практическое руководство для менеджеров. М.: ГИППО, 2008. – 354 с.

Александр Олегович Новоприезжий
студент-магистрант
Северо-Восточного федерального университета
Россия, Якутск

Alexander Olegovich Novopriezhiy
Undergraduate Student,
North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov
Russia, Yakutsk

e-mail: Novopr170697@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРСониФИЦИРОВАННОЙ И ПАРТИЙНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ЖИТЕЛЕЙ СЕВЕРНЫХ РАЙОНОВ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

FEATURES OF PERSONIFIED AND PARTY IDENTITY IN THE POLITICAL CULTURE OF RESIDENTS OF THE NORTHERN REGIONS OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

Аннотация. В статье изложены результаты социологического исследования, проведенного в приленской зоне северных районов Республики Саха (Якутия): Кобяйский, Жиганский и Булунский. В статье проводится попытка сопоставления партийной и персонифицированной идентичности будущих избирателей, комплексного анализа политических предпочтений по географическому, возрастному и гендерному критериям.

Abstract. The article presents the results of a sociological study conducted in the Prilena zone of the northern regions of the Republic of Sakha (Yakutia): Kobyaysky, Zhigansky and Bulunsky. The article attempts to compare the party and personified identities of future voters, a comprehensive analysis of political preferences according to geographical, age and gender criteria.

Ключевые слова: идентичность, политология, аполитизм, абсентеизм, политическая культура, партикуляризм.

Keywords: identical, political science, apolitism, absenteeism, political culture, particularism.

В политической культуре особое место занимают партийная и персонифицированная идентичность гражданина, посредством которой он себя сопоставляет с конкретными политическими институтами и с политической системой в целом. Несомненно, эти компоненты политической культуры зависят от социально-экономических, геополитических, идеологических, этнокультурных и пр. факторов. Перед нами была поставлена цель изучить партийную и персонифицированную идентичность жителей северных районов Республики Саха (Якутия) как представителей отдаленной арктической зоны, подверженных влиянию общероссийских внутренних тенденций, мировой глобализации.

Обратимся к теоретической части исследования. Рассматривая дефиницию понятия «идентичность», исследователи непременно заостряют внимание на его полидисциплинарной трактовке. Этот термин вошел в обиход с сер. XX в., и сегодня является

предметом исследования социологов, политологов, экономистов и др. Обобщенную трактовку можно обозначить как тождественность, одинаковость, совпадение чего-нибудь с чем-нибудь; в социально-гуманитарном знании – осознание человеком самого себя через набор устойчивых характеристик, ответ на вопрос «Кто я?» [1]. В данной статье будет раскрываться понятие политической идентичности как неотъемлемого аспекта политической и социальной сферы жизни общества. Существуют различные трактовки понятия политическая идентификация. Так, Пантин В.И. характеризует идентичность как совокупность наиболее значимых политических ориентаций, которые во многом определяют политическое поведение и политические установки человека [2, с. 12-16]. В ином определении она предстает как интегрированное представление индивида о самом себе, выраженное в фиксированном «Мы-образе», содержащем культурные, политические, этнические, конфессиональные характеристики [3]. Общим для дефиниций является раскрытие идентичности как неотъемлемого свойства индивида, проявляющегося в отождествлении человека с кем-либо или чем-либо в политической системе (будь то идеологии или политические группы).

Политическая идентичность представляет собой динамичное и многоуровневое образование. Его динамика заключается в состоянии имманентного политического выбора гражданина в системе социальных ролей. Так, его позиция не устанавливается лишь одним способом и только одним дискурсом, а, скорее, ему предписывается много различных позиций различными дискурсами [4]. Например, в день выборов избиратель должен определиться, с какой позиции ему голосовать – как христианину, интеллигенту или представителю партии. Окончательный выбор определяется степенью значимости идентичности в жизни человека. Одновременно она подразделяется на два уровня. Первый уровень – институциональный: политическая идентичность связана непосредственно со структурой политического строя. Второй уровень включает в себя идентичности, которые изначально не были политическими, но которые становятся политизированными с того момента, когда ее требования в свою защиту, так или иначе связаны с властью [5]. Политическая идентичность находится в постоянном взаимодействии с иными видами идентичности. Таким образом, ее границы являются нечеткими, постоянно меняются. Это проявляется как в идентификации самого человека, так и в пределах взаимодействия политического среди других идентификаций.

На основе чего формируется политическая идентичность? Здесь играет роль целый комплекс явлений, «чаще всего исследователи акцентируют внимание на следующих факторах процесса политической идентификации: социальная стратификация, социальные процессы и политические институты, политическая культура и социализация» [6]. Из-за сложности определения этого понятия некоторые исследователи утверждают, что западные концепции идентичности невозможно полностью адекватно приложить к условиям российской действительности, поскольку они основываются на других особенностях ментальности [7]. Это также связано с проблемой качественной оценки роли факторов формирования политической идентичности.

Существует два наиболее распространенных типов политической идентичности – групповая и референтная идентичность. Самоопределение индивида как члена политической группы на основе ценностей, разделяемых им и группой, понимается как групповая политическая идентичность. Самоопределение личности в терминах соотношения себя с политической группой называется референтной политической идентичностью [8]. Т.е. понятие идентичности реализуется не только в рамках интеграции сообщества на основе общих ценностей, но и в формировании политической повестки дня через институт

политического представительства. По этой причине политическая идентичность является неотъемлемой частью гражданского общества.

Политическая идентичность выполняет важные функции в жизни общества: ориентировочная (поиск места в сфере политического), целевая (построение модели поведения), экзистенциальная (прогнозирование) и пр. Одними из важнейших являются структурная и мобилизационная функция. Структурная функция проявляется в сохранении определенности в системе взаимоотношений «свой – близкий – чужой». Это позволяет гражданам объединяться для решения общественных задач. Мобилизационная функция проявляется в консолидации общества в процессе кризиса. Отсутствие идентичности наоборот может усилить кризисные процессы. Следовательно, политическая идентичность является необходимым условием развития общества и государства.

Обратимся к структуре институциональной политической идентичности и ее реализации в современной жизни. Наиболее значимыми в этой сфере являются персоналистская и партийная идентификация. Оба явления имеют место в политических системах, но их значение варьируется в разных странах. Часть исследователей предполагают кардинальную оценку этих явлений – персонализацию идентичности как негативный, а идеологическую – как позитивный аспект развития общества. Для нас большой интерес представляет иная трактовка – можно предположить, что персонализация – процесс нелинейный. Скорее всего, она носит волнообразный характер [9]. Это можно проследить на примерах из мировой истории: в частности, в Великобритании в 1979 г. консерваторы выиграли на выборах на подъеме неоконсервативной волны 70-80-ых гг., хотя глава проигравшей партии Д. Кэллаган был намного популярнее М. Тэтчер. А в 1997 г. лейбористы смогли победить во многом благодаря личной харизме Т. Блэра, при том, что значение идеологии в общественной повестке было минимальным.

Если говорить о политической идентичности в современной России, большинство исследователей склоняются к мысли о значимости персоналистской идентификации в российском обществе. Это определяется историческими и социальными причинами. Уже с начала демократических процессов с конца 1980-ых гг. фокус общественного интереса был прикован к личностям. Партии в то время только формировались и не играли большой роли, но к борьбе М. Горбачева и Б. Ельцина, Р. Хасбулатова и Б. Ельцина было приковано значительное общественное внимание. Таким образом, можно резюмировать, что в политической идентификации россиян личностный аспект превалирует над партийным.

Обратимся к практической части исследования. Методикой работы послужило опросное анкетирование. В процессе подготовки к социологическому опросу нами была составлена анкета из 9 вопросов. Работа проводилась в несколько этапов:

Подготовительный: июнь-июль 2017 г. – разработка методологического аппарата, подготовка анкеты, первый срез 20 респондентов в г. Якутске.

Полевой: 20 июля – 11 августа 2017 г. – работа на объектах посещения Плавучего университета (п. Сангар Кобяйского улуса, с. Жиганск Жиганского улуса, п. Тикси Булунского улуса, с. Сиктях Булунского улуса и с. Батагай Кобяйского улуса). Полевыми исследованиями были охвачены 3 улусных центра и 2 сельских поселения. Всего было опрошено за период проведения данного этапа анкетирования 80 человек, в том числе в улусных центрах по 20 респондентов, а в селах по 10 чел.

Дополнительный: август 2017 г. – в целях расширения респондентской базы было также опрошено 20 человек в г. Якутске, всего за время эмпирической части исследования по г. Якутску было опрошено 40 респондентов. Итого на всех этапах социологического опроса анкетированием охвачено 120 жителей трех улусов республики.

Аналитический: сентябрь-октябрь 2017 г. – анализ и интерпретация результатов исследования.

Стандартный опрос заключался в анкетировании случайных респондентов в общественном здании, на улице или в доме. В случае согласия опрашиваемые получали анкету-опросник. Пример анкеты приведен ниже:

Анкета-опросник «Ваше видение значения политики в РФ»

Пол: мужской / женский

Возраст:

Образование:

1. *Интересуетесь ли Вы политикой:*
а) интересуюсь; б) отчасти интересуюсь; в) не интересуюсь.
2. *Как Вы относитесь к российской власти:*
а) хорошо, доверительно; б) не до конца доверяю; в) совсем не доверяю.
3. *Собираетесь ли вы участвовать в выборах президента РФ 2018 г.:*
а) собираюсь; б) пока не уверен; в) не собираюсь.
4. *Собираетесь ли вы участвовать в выборах Ил Дархана и Ил Тумэн:*
а) собираюсь; б) пока не уверен; в) не собираюсь.
5. *Какую роль играет политика в вашей жизни:*
а) непосредственно влияет; б) отчасти затрагивает; в) не влияет.
6. *«Политика – дело каждого», согласны ли вы с этим утверждением:*
а) да; б) частично; в) нет.
7. *Какой политической партии Вы больше всего симпатизируете:*
а) Единая Россия; б) Справедливая Россия;
в) КПРФ; г) ЛДПР;
д) Другая партия; е) Не симпатизирую.
8. *В современной жизни политика играет роль:*
а) определяющую; б) весомую; в) незначительную.
9. *Кто из современных политиков выражает ваше общественное мнение (впишите самостоятельно):*

Для интерпретации результатов опроса, проанализируем ответы на вопросы о политической партии и представителях-политиках (7 и 9 пункт анкеты). Проанализируем ответы респондентов на уровне республики и по улусным центрам и селам. Важно рассмотреть вопрос не только по территориальному, но и социальному критерию. Поэтому отдельно рассмотрим разделение ответов респондентов по категориям возраста (младшее поколение: от 18 до 35 лет; старшее поколение: от 35 лет и выше) и гендерного состава.

Базовая гипотеза заключается в следующем: личностная идентичность в ответах респондентов будет превалировать над партийной. Разнообразие ответов будет возрастать по восходящей от меньших к большим населенным пунктам. При ответе на вопрос сельские жители будут идентифицировать себя с действующими партиями или политиками. Старшее поколение будет ближе к действующим политическим институтам, чем младшее.

Партийная идентификация приленских районов и г. Якутска

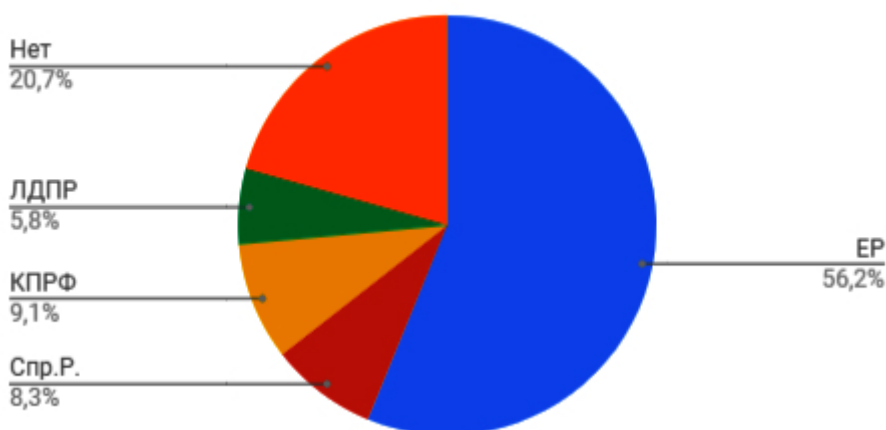

Рис. 1

Личностная идентификация приленских районов и г. Якутска

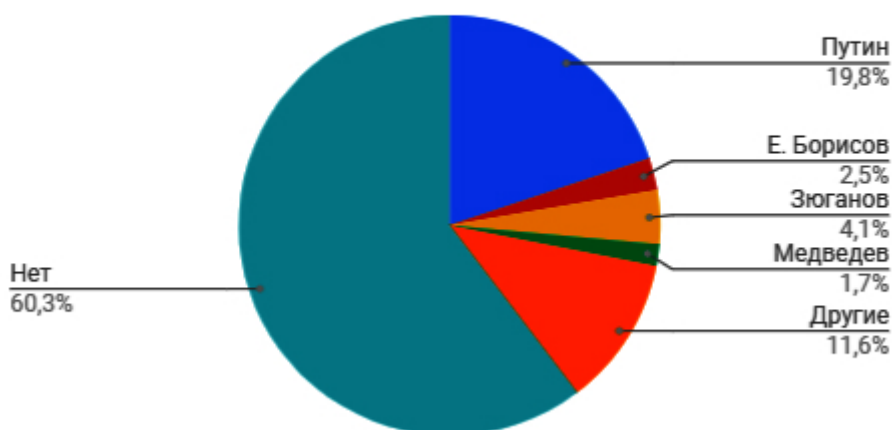

Рис. 2

Обобщенные результаты опроса можно рассмотреть на рис. 1 и 2. Ответы респондентов частично подтверждают гипотезы исследования. Большинство респондентов (56,2%) среди партий идентифицировали себя с “Единой Россией”. Второе место (20,7%) заняли неопределившиеся. Среди других парламентских партий нет существенных корреляций. В вопросе личной идентификации опрошенные в подавляющем большинстве не имеют конкретного представителя (60,3%). Следующим в ранжировании ответов находится кандидатура действующего президента РФ В. Путина (19,8%). Достаточно многие респонденты отмечали как представителей самых разных политиков и общественных деятелей, однако немногие из них имели более 1–2 голосов. Они были зафиксированы в диаграмме под группой “Другие”, занимают третье место с 11,6%. Из других личностей можно выделить только лидера партии КПРФ Г. Зюганова, которого назвали 4,1 % респондентов. В целом, данные опросов соответствовали гипотезе, однако вне рамок выделяется партийная идентификация, которая превалирует над личной. Большое число опрошенных не имеют никаких симпатий к современным политикам России. Это можно объяснить методикой исследования: если большинство пунктов анкеты были закрытыми, 9 пункт анкеты был намеренно оставлен открытым. Как результат можно наблюдать

серьезный процент неопределившихся с ответом, хотя в случае наличия предлагаемых вариантов скорее всего количество ответов было бы выше.

Рис. 3

Рис. 4

Отдельно стоит рассмотреть результаты опроса через географический критерий (рис. 3 и 4). Результаты опроса показывают большую поддержку партии «Единая Россия» в северных улусах, чем центральных округах (61,9% и 50% против 45% и 42,1%). В противовес число неопределившихся с партией значительно больше в Якутске и Кобяйском улусе (25% и 45,1% против 9,5 и 10%). Также можно отметить определенную поддержку парламентских оппозиционных партий в Жиганском и Булунском районах (соответственно «Справедливая Россия» – 19%, КПРФ/СР – по 15%). Процент неопределившихся в отношении партийных представителей падает от центра по направлению к Северу: 71% (Якутск) – 55% (Сангар) – 45% (Тикси); аналогично в селах: 70% (Батамай) – 30% (Сиктях). Из этого ряда выбиваются результаты по Жиганскому району, 70%. В обратной пропорции возрастает поддержка В. Путина: 12,1% – 15% – 20% – 30% (в селах: 20% – 40%). Число выделивших других политиков высока в центре: 14,6% и 20%. В Тикси зафиксирована высокая поддержка Зюганова – 15%. В селах появляются представители, выдвинувшие

Медведева. Результаты опроса по данному срезу раскрывают несколько закономерностей: поддержка действующей власти и лидера повышается по мере удаления от центра республики на арктические зоны. Это может быть связано с комплексом причин: проблемами инфраструктуры, превалированием социально-бытовой повестки дня над политической, размытия этнической компоненты на Севере и др. Из этого ряда выбиваются результаты по Жиганскому улусу, связанные с особенностями развития данного района: сильным этническим ядром и работой администрации. Но данный срез можно рассматривать в диалектически противоположном ключе: большее число неопределившихся в центре показывает меньшую заинтересованность в политике, в то время как северные жители показывают активную готовность голосовать как за своих провластных, так и оппозиционных представителей. Это можно наблюдать на примере Жиганского и Булунского улусов (районов), которые с большей интенсивностью проявляют поддержку в отношении оппозиционных партий и лидеров.

Рис. 5

Рис. 6

Рассмотрим результаты опроса в разрезе возрастных групп (рис. 5 и 6). В отношении «Единой России» опрошенные дали любопытную корреляцию: младшая группа – 60%, старшая – 53,3%. Параллельно у младшей группы ниже поддержка парламентских партий и больший процент неопределившихся (23,3%), в то время как у старшей группы поддержка

оппозиционных партий существует – 15% у «Справедливой России», 13,3% у КПРФ. В отношении личностей наблюдается большое число неопределившихся у младшей возрастной группы – 78,3% против 63,3%. У старшей группы – большая поддержка действующих политиков – Путин (23,3%), Зюганов 6,6% и т.д. В целом результаты соответствуют выведенной гипотезе. В то же время можно сформулировать следующие предположения: влияние «Единой России» воспроизводится не столько из-за приверженности идеям партии, сколько из-за самого выигрышного положения организации и влияния старшего поколения. В то же время парламентские оппозиционные партии не имеют таких возможностей для воспроизведения влияния на младшее поколение, чем и объясняется низкий интерес молодежи. Данные выводы подкрепляются результатами личностной идентификации молодежи.

Рис. 7

Рис. 8

Результаты анализа опроса по гендерному признаку позволяют высказать следующие суждения (рис. 7 и 8). Большую поддержку «Единой России» оказывают женщины (61,6 против 51,6%). При этом у них же наблюдается более низкая поддержка оппозиционных партий, чем у мужчин («Справедливая Россия» – 10%, КПРФ – 11,6%). Процент неопределившихся представителей-политиков более ярко выражен у женщин – 76,6% против 66,6%. В противовес поддержка Путина высока у мужчин – (23,3% против 16,6%). Более

высокая поддержка провластной партии подтверждается общими выводами в отношении политической культуры женщин, как носительниц традиционных/консервативных ценностей. В то же время интерес вызывает относительно меньшая поддержка ими же В. Путина.

В рамках настоящей статьи в отношении персонифицированной и партийной политической идентичности граждан приленских районов наблюдаются интересные тенденции.

Можно констатировать, что по опрошенным районам проводится эффективная работа региональных отделений партий и административного ресурса, где чаще представлены члены или сторонники «Единой России». Для примера: на прошедших выборах 9 сентября на уровне городских округов / районов (улусов) из 16 муниципальных единиц в 11 из них выиграли представители партии «Единая Россия».

Наша гипотеза о соотношении партийной и персонифицированной политической идентичности не подтвердилась. Это можно объяснить тем, что персональная идентичность не является актуализированной в межвыборный период (2017 г.). Например, ближе к президентским выборам избиратели начинают определяться в отношении политического лидера. Также, по результатам опроса наблюдается, что функции федерального лидера не так актуализированы, как партийные, т.к. партии больше взаимодействуют с людьми через исполнительные органы власти и органы местного самоуправления. Подтверждение этому можно проследить в упомянутых выборах 9 сентября – «Единая Россия» получила 50,84% голосов, что является преобладающим результатом по сравнению со всеми другими партиями.

Вновь ярко выражен и удивляет ранее выделенный нами «жиганский феномен». Определенно стоит повторить выдвинутые тезисы: в Жиганском улусе эффективную работу проводит администрация района, большую роль играют местные этнические объединения, которые выполняют консолидирующую роль в отдельно взятом сообществе. Одновременно, на селе человек более зависим от администрации. Относительно большего числа неопределившихся в центре республики можно отметить, что люди в этих регионах более информированы в политической сфере, чего нельзя подтвердить касательно арктических районов, где нет скоростного интернета и актуальная информация приходит с опозданием. Наблюдается, что чем более удалена от центра территория реальных избирателей, тем меньшую роль играет этнополитический компонент, и выше надежда на федерального лидера, как гаранта Конституции. В Тикси наблюдаются левые настроения, связанные с уже упомянутыми социально-экономическими проблемами.

Большое число неопределившихся в отношении партий и представителей у группы молодых избирателей. Это можно объяснить тем, что старшая группа представляется более политизированной, склонной к ознакомлению с политической информацией. Поэтому данная группа избирателей быстрее определяется с выбором перед голосованием, в этой связи у нее наблюдаются предпочтения широкой палитры партий и представителей. В то же время молодежь более аполитична. В этой группе наблюдается высокий процент неопределившихся, равнодушие, которое порождает нейтральное отношение, приводит к готовности в мобилизации за ведущую партию. Это же подтверждается на уровне личностной идентификации. Женщины показывают высокую степень мобильности и готовности голосовать за системную партию. В обеих группах мобилизуются за Президента, эта неопределенность является готовностью голосовать за любого кандидата.

Подтверждаются изложенные нами в теоретической части тезисы, раскрывающие многосоставную структуру политической идентичности. В нашем случае самыми значимыми элементами выступают пространственный, этнический, инфраструктурный и др. факторы. В

то же время ни партийную, ни личностную идентичность нельзя охарактеризовать как групповую (т.к. многие результаты и выводы показывают на искусственность идентификации респондентов), скорее она предстает как референтная. Это основывается не столько на разделяемых политических ценностях, сколько на силе авторитета и традиции. Незрелость политической идентичности в обществе предполагает слабую выраженность ее функций, и как следствие в результате отсутствия ориентационных функций вырабатывается аполитичность, что оказывает негативное влияние на способность к конструктивному диалогу, склонности к компромиссам.

Библиографический список

1. *Большая Российская энциклопедия* / Министерство культуры Российской Федерации, 2005-2018. URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/2000174> (дата обращения: 07.08.2018).
2. *Пантин В.И.* Политическая и цивилизационная самоидентификация современного российского общества в условиях глобализации // *Политические исследования*. – 2008. – №3. – С.12-16.
3. *Корниенко Т.А.* Теоретические аспекты исследования политической идентичности // *Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. 2009. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-issledovaniya-politicheskoy-identichnosti> (дата обращения: 07.08.2018).
4. *Зайцев И.В.* Факторы политической идентичности // *Logoset Praxis*. – 2007, №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-politicheskoy-identichnosti> (дата обращения: 07.08.2018).
5. *Саегараев А.Д.* Политическая идентичность в России // *Вестник ТГГПУ*. 2010. №21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-identichnost-v-rossii> (дата обращения: 08.08.2018).
6. *Маренич Л.А.* Политическая идентичность: понятие и факторы идентификации // *Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: сб. ст. по мат. XI междунар. студ. науч.-практ. конф. № 11*. URL: sibac.info/archive/social/11.pdf (дата обращения: 07.08.2018)
7. *Ачкасов В.А., Бабаев С.А.* «Мобилизованная этничность». Этническое измерение политической культуры современной России / Ачкасов В.А., Бабаев С.А. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2002. – 144 с.
8. *Абашин И.Г.* Политическая идентичность: полидисциплинарные аспекты исследования // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2011. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-identichnost-polidistsiplinarnye-aspekty-issledovaniya> (дата обращения: 09.08.2018).
9. *Галлямов А.Р.* Личность против идеи: как персонализация меняет политику // *РБК*. 03.08.2018. URL: https://rbc.ru/opinions/politics/03/08/2018/5b63370d9a79475ee56998f5?from=center_17 (дата обращения: 07.08.2018).

Василий Романович Дарбасов
доктор экономических наук, профессор

Михаил Николаевич Охлопков
кандидат географических наук
старший научный сотрудник

Екатерина Ярославовна Федорова
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
Отдел региональных экономических и
социальных исследований

Vasily Romanovich Darbasov
Doctor of Economic Sciences, Professor

e-mail: vrdarbasov@mail.ru

Mikhail Nikolaevich Okhlopkov
Candidate of Geographical Sciences, Senior Researcher

e-mail: michailnic@rambler.ru

Ekaterina Yaroslavovna Fedorova
Candidate of Economic Sciences,
Leading Researcher of the Department of Regional Economic and Social Research,
Yakutsk Scientific Center of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences (YSC SB RAS)

e-mail: fedorova_ey@rambler.ru

О РАЗВИТИИ ПРОМЫСЛОВЫХ ОТРАСЛЕЙ И СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

ON THE DEVELOPMENT OF FISHING INDUSTRIES AND AGRICULTURE IN ARCTIC ZONE OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

***Аннотация.** В статье рассматривается современное состояние и развитие промысловых отраслей и сельского хозяйства в Арктической зоне Якутии. В результате проведенных исследований авторы предлагают развивать пункты переработки сырья из мяса, рыбы и дикоросов в центрах муниципальных районов путем создания предприятий полного цикла сельскохозяйственной и промышленной деятельности «добыча, производство – переработка – реализация» с внедрением современных инновационных технологий на всех этапах жизненного цикла продукции. В конце статьи авторы предлагают свои рекомендации по улучшению показателей промысловых отраслей и сельского хозяйства на Севере Якутии.*

Abstract. *The article discusses the current state and development of fishing industries and agriculture in the Arctic zone of Yakutia. As a result of the research, the authors propose developing points for processing raw materials from meat, fish and wild plants in the centers of municipal regions by creating enterprises of a full cycle of agricultural and fishing activities “production, production - processing - implementation” with the introduction of modern innovative technologies at all stages of the product life cycle. At the end of the article, the authors offer their recommendations on improving the performance of fishing industries and agriculture in the North of Yakutia.*

Ключевые слова: *Охотничий и рыбный промыслы, сельское хозяйство, охотничье хозяйство, природоохранные меры, традиционное занятие.*

Keywords: *Hunting and fishing, agriculture, hunting, conservation measures, traditional occupation.*

Колоссальный объем биологических и разнообразие природных ресурсов в Арктической зоне Якутии предопределяется природно-географическими особенностями обширных по площади территорий, простирающихся на значительном расстоянии друг от друга не только в широтном направлении, но и меридионально, вдаваясь довольно далеко вглубь на Крайнем Северо-Востоке евразийского континента. Все имеющиеся на ней природные ресурсы были сформированы в течении длительного периода времени в условиях протекания сложных геологических, климатических, криогенных и иных процессов в коэволюционном развитии. Вследствие крайнего северного расположения характер протекания всех экзогенных процессов определяется близостью Северного Ледовитого океана и наличием множества водных объектов (болот, озер, рек и речек, морей, подземных вод), которые сформировали современный облик природных комплексов на данной территории. Несмотря на колоссальный объем биологических ресурсов Севера, сегодня мы недостаточно эффективно используем в промысловых и сельскохозяйственных целях разные виды лекарственных трав, грибов, ягод, повсеместно произрастающих во многих улусах региона, а также сырье некоторых промысловых видов животных. До сих пор в республике практически отсутствуют производства по безотходной переработке шкур сельскохозяйственных животных и пушнины. Деятельность человека и объем промысла пушных зверей при этом непосредственно зависят от взаимодействия и взаимоотношения с окружающей природной средой. В Арктической зоне зависимость сельскохозяйственного производства от капризов природы возрастает существенно в отличие от остальной части республики. Несмотря на высокие риски, сельское хозяйство играет важную роль в обеспечении местного населения сельскохозяйственной продукцией собственного производства и в сохранении традиционного уклада жизни, культуры и быта коренных малочисленных народов Севера. В арктических улусах основой сельскохозяйственного производства выступают домашнее оленеводство и клеточное звероводство, где данными видами традиционного природопользования в основном занимаются коренные малочисленные народы Севера. В северных улусах, таких как Абыйский, Верхоянский и Среднеколымский, Оймяконский среди отраслей сельского хозяйства развитие получили скотоводство и коневодство. Наибольший вклад в производство продукции вносят Верхоянский улус (44% от всей продукции), Среднеколымский (17%) и Эвено-Бытантайский (9%) улусы, которые преимущественно занимаются разведением крупного рогатого скота и мясных табунных лошадей якутской породы.

Оленеводство. В 2018 г. в Арктической зоне содержалось 106,3 тыс. голов оленей или 72,5% от общего поголовья по РС (Я). По сравнению с 2010 годом поголовье оленей в Арктической зоне Якутии сократилось на 16,2% (– 20 574 голов), несмотря на постоянную

государственную поддержку. Основная доля поголовья оленей (63,7%) содержится в хозяйствах Усть-Янского (16,5% от общего поголовья оленей Арктической зоны РС (Я)), Анабарского (12,1%), Булунского (9,7%), Эвено-Бытантайского (9%), Нижнеколымского (8,9%), Момского (7,5%) улусов (табл. 1).

Таблица 1

Численность оленей в Арктической зоне РС (Я)

Улусы	2010 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.		2010 г. /2018 г.	
	гол.	гол.	гол.	гол.	доля, %	гол.	%
Аллаиховский	1 766	0	0	0	0	-1 766	0,0
Анабарский	17 333	15 407	16 964	17 682	12,1	349	102,0
Булунский	17 095	12 337	13 351	14 148	9,7	-2 947	82,8
Нижнеколымский	18 425	19 920	18 317	13 094	8,9	-5 331	71,1
Усть-Янский	16 832	22 774	22 456	24 203	16,5	7 371	143,8
Абыйский	460	515	20	59	0	- 401	12,8
Верхнеколымский	1 085	1 355	1 386	1 171	0,8	86	107,9
Верхоянский	4 771	3 273	2 358	2 469	1,7	-2 302	51,8
Жиганский	6 701	2 709	2 779	2 931	2,0	-3 770	43,7
Момский	16 838	10 847	10 872	10 997	7,5	-5 841	65,3
Оленекский	4 946	4 403	4 591	5 016	3,4	70	101,4
Среднеколымский	3 174	2 080	1 379	1 371	0,9	-1 803	43,2
Эвено-Бытантайский	17 426	15 750	14 477	13 137	9,0	-4 289	75,4
Арктическая зона РС (Я)	126 852	111 370	108 950	106 278	72,5	-20 574	83,8
РС (Я)	200 280	156 835	154 630	146 585	100	-53 695	77,2

Источник: <https://sakha.gks.ru/folder/53269> (Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия))

Наибольшее сокращение поголовья, начиная с 2010 года, наблюдается в Колымо-Индибирской группе улусов. Главной причиной существенного снижения поголовья оленей является потепление климата, из-за которого происходят резкие температурные скачки в весенне-летние периоды то в сторону потепления, то похолодания, что в свою очередь, приводит к деградации пастбищ в виде обледенения или заболачивания. Образование глубокого снежного покрова и наста смертельно опасны для оленей. По сравнению с 2010 годом поголовье оленей существенно выросло в 2018 г. в Усть-Янском улусе на 43,8 % (+7 371 голов). Рост поголовья также отмечается в Анабарском, Оленекском, Верхнеколымском улусах.

Для сохранения и развития северного домашнего оленеводства в новых условиях хозяйствования следует учесть, что достижение устойчивого роста отрасли зависит от модернизации производственных процессов; внедрения современных передовых технологий в разведении оленей в родовых общинах; увеличения товарности продукции оленеводства путем организации эффективной системы закупок продукции. Для обеспечения комплексной защиты оленей следует: – внедрить электронную систему учета поголовья оленей, мониторинг выпаса при помощи спутниковой системы слежения в целях минимизации потерь животных от травежа хищников и увода их дикими оленями; следует исключить из оборота в экологическом отношении загрязненные пастбища от последующего выпаса; осуществлять своевременный контроль и ветеринарное обслуживание оленеводческих стад. Для стимулирования глубокой безотходной переработки продукции оленеводства принять меры: приобретение убойных цехов, организация сбора эндокринного ферментного сырья в

оленоводческих стадах; улучшение материально-технической базы оленеводов (обеспечение товарами первой необходимости, приобретение вездеходной и снегоходной техники, средств навигации).

Звероводство. Как традиционная отрасль сельского хозяйства стала быстро развиваться с середины прошлого века, когда правительством СССР было принято специальное распоряжение о развитии этой отрасли в северных регионах страны [2, с. 100-101]. Следует отметить, что организация звероферм при совхозах в сочетании с скотоводством, табунным коневодством и оленеводством способствовала эффективному использованию непроемких отходов от основной деятельности. В связи с этим размер звероферм непосредственно зависел от поступающих объемов непроемких отходов основных отраслей хозяйств [10, с. 142]. Сокращение поголовья пушных зверей произошло в начале 90-х годов прошлого века в связи с ухудшением общей местной кормовой базы из-за реорганизации крупных животноводческих хозяйств, сокращением завоза специальной дополнительной минеральной подкормки, а также отсутствием соответствующих селекционных, зоотехнических и ветеринарных работ. К тому же состояние отрасли усугубляется такими проблемами, как изменения спроса и предложения на пушно-меховую продукцию местных производителей, установление на внутреннем рынке страны высокой цены реализации, тогда как завозная продукция из стран дальнего зарубежья на порядок дешевле. Тенденция нарастания вышеназванных процессов носит негативный характер не только внутри республики, но и в масштабах страны, что не лучшим образом отражается в деятельности особенно звероводческих хозяйств в регионе. Вместо ликвидированных государственных сельскохозяйственных предприятий образовались небольшие частные хозяйства. Для дальнейшего развития звероводства необходимо предпринять следующие меры: развивать рыбную отрасль в улусах или заключать контракты по поставке рыбопродуктов из соседних регионов по оптовой цене; усилить подготовку кадров по пошиву меховых изделий; следует организовать мастерские по обработке и пошиву пушно-меховых изделий в сельских наслеггах; производить денежное или товарное кредитование хозяйств, занимающихся звероводством; следует организовать систему сбыта сельскохозяйственной и промысловой продукции в рабочих поселках и городах республики.

Рыболовство. По данным отчета 1926 г. Якутской экспедиции АН СССР П.В. Виттенбурга есть указания (Осипов), что с Ленских песков в период 1910–1916 гг. рыбы вывозилось от 575 до 1000 тонн в год. По Евгенову (1924 г.) с низовьев Лены вывозилось ежегодно рыбы 650–1150 тонн. Известно также, что рыбный промысел производился в основном в озерах Булунского и Колымского районов и по таким рекам как Оленек, Яна, Индигирка, Колыма, но данных об объемах улова в этих местах сведений до сих пор нет и о них можно только догадываться. Поэтому едва ли будет преувеличением утверждать, что в водах Якутии ежегодно вылавливается рыбы для нужд местного населения не менее 6500 тонн. Но потребность, конечно, превосходит эти цифры. Якутская республика помимо внутреннего рынка могла бы дать немалое количество рыбы для вывоза в другие районы внутренней Сибири и даже в регионы Европейской части России. Главная причина отсутствия экспорта рыбы за пределы республики была связана со сложной транспортной схемой, удаленностью объектов вылова. В водоемах Якутии добываются из осетровых пород – осетр и стерлядь, из других, не менее ценных пород – таймень, пеструшка, нельма, омуль, муксун, чир, хариус, пелядь, восточно-сибирская ряпушка. Для полноценного поддержания жизнедеятельности в суровых природно-климатических условиях Севера рыбная пища занимает одно из главных мест в меню жителей Якутии в группе пищевых продуктов животного происхождения [7, с. 33–35]. По итогам 2018 года сконцентрировано более 83,4% промышленного улова республики (по итогам 2010 года – 77,9%). Большая часть ценных

пород рыб, т.е. 68,5% улова по Республике Саха (Якутия) добывается в 4 бассейнах крупных рек: Лена, Яна, Индигирка и Колыма. В разрезе улусов лидирующие позиции занимают следующие улусы: Булунский (23% улова по РС (Я)), Усть-Янский (19,2%), Аллаиховский и Нижнеколымский (по 13%). Объем улова в Арктической зоне РС (Я) за 2018 г. составил 4,67 тыс. тонн в пределах установленных квот, что на 25% выше объемов 2010 г. [11].

Охотничий промысел. Считается одним из главных отраслей традиционного природопользования Арктики. Основными объектами охотничьего промысла на Севере республики являются заяц-беляк, дикий северный олень, белый песец, лисица, соболь, ондатра, горноста́й, колонок, белка, куро́патка. В Арктической зоне РС (Я) имеются значительные ресурсы соболя (35% общей популяции по РС (Я), зайца-беляка (31%), лисицы (38%), горноста́я (53%), колонка (39%), белки (26%), волка (45%), росомахи (68%), куро́патки (66%) и водоплавающих птиц [11]. Самая крупная численность пушных зверей сохраняется в северо-таежной и горно-таежной зонах Верхоянского, Момского, Оленекского и Абыйского улусов [3, с. 28–40]. Еще в советские годы один из руководителей Якутии М.К. Аммосов на заре становления Советской власти писал, что «Золото и пушнина – вот альфа и омега якутского хозяйства с точки зрения разделения хозяйственной деятельности между различными республиками, областями Советского Союза» [1, с.4–5].

В целях обеспечения потребности населения в мясе в улусах ежегодно производится добыча популяции диких северных оленей, преимущественно Лено-Оленекской провинции. Самые крупные популяции в настоящее время отмечены в Булунском (39,1%), Жиганском (29,3%) и Аллаиховском (23%) улусах. В снижении численности диких копытных животных в исследованном регионе оказывает быстрорастущая популяция полярного волка. Эффективность регулирования численности волков возрастет за счет стимулирования населения путем повышения денежных выплат по их отстрелу. В результате длительных природоохранных мер возросла численность диких северных оленей, достигшая своего пика к 1960 г.г. – свыше 200 тыс. голов. Так, сформировалось новое направление охотничьего промысла – мясное [4, с.8].

В области охоты и сохранения охотничьих ресурсов, объявленным в РС (Я) в 2014 году основная работа была направлена на охрану тундровых популяций дикого северного оленя, недопущение угона домашних оленей дикими оленями, снижение ущерба сельского и охотничьего хозяйства от вредного воздействия хищников. В том же году правительством Российской Федерации утверждена Стратегия развития охотничьего хозяйства до 2030 года. В числе главных задач Стратегии обозначены сохранение традиционного образа жизни и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов в сфере охоты, развитие предпринимательства в сфере охотничьего хозяйства. В результате работы правительства Республики Саха (Якутия) в федеральное законодательство в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов внесены дополнения, позволяющие охотпользователям полноценно вести производственный охотничий контроль, отменяющие запрет на применение капканов и петель при добыче волков, а также упрощающие порядок любительской охоты [6, с. 5–9].

Предвидя разрушительные силы надвигающегося «дикого» рынка Президент Республики Саха (Якутия) Николаев М.Е. указом «Об образовании национального концерна «Сахабулт» (№ 241, 28.09.1992 г.)» создал специализированное промышленное предприятие, определив основной целью его работы «... увеличение на основе промышленной технологии выпуска высококачественных меховых изделий, рационального использования и воспроизводства охотничьих ресурсов и организации материально-технического обеспечения охотников». Предприятием постановлением правительства республики наделялось «монопольным правом» государственного и производственного управления отрасли [8, с. 1–3]. Для устранения этого негативного явления должны быть использованы, главным образом,

организационно-экономические методы (ценовая, налоговая и т.д.). Полезно будет и возрождение из прошлого ярмарочных форм закупок продукции. Для этого в республике имеется достаточное число квалифицированных кадров охотоведов и товароведов. Для увеличения производства в республике высококачественных конкурентоспособных пушно-меховых изделий необходимо коренным образом перестроить экономику и организацию деятельности ОАО «Сахабулт» и в особенности кадровый потенциал предприятия. Полнее использовать возможности населения северных районов республики. Требуется совершенствование и состояние структуры управления охотхозяйств в республике. Совершенно неверно объединение функций использования охотничьих ресурсов и их охрану в одном ведомстве – Департаменте охоты и воспроизводства ресурсов. Предстоит работа по совершенствованию структуры управления в новых экономических условиях. Считаем, что охотничье хозяйство республики должно развиваться в составе Министерства сельского хозяйства и продовольствия. Армия любителей охоты может объединяться в республиканском обществе охотников-любителей и рыболовов «Росохотрыболовсоюз». Департамент охотничьего хозяйства РС (Я) с функцией надзора и воспроизводства фауны, по нашему мнению, должен функционировать и развиваться в составе Министерства охраны природы РС (Я). Такая организационная структура управления, считаем, будет наиболее эффективной формой управления отраслью. Наконец, предстоит разработать Концепцию развития охотничьего и рыбопромыслового хозяйства республики на отдаленную перспективу в условиях рыночного развития общественного производства [9, с.4].

Сегодня на Севере республики наблюдается сложная ситуация, которая характеризуется снижением численности и уровня жизни населения в арктических и северных улусах, ростом внутренней и внешней миграции, отсутствием дорог и изолированности улусов от г. Якутска в связи с уменьшением авиасообщений, удаленностью охотничьих угодий от улусных центров, развалом бывшей системы господдержки промысловиков, снижением спроса на пушнину на российском рынке. Все эти факторы привели к стремительному сокращению добычи основных промысловых видов животных, кроме рыбы. До 2010 года использование биологических ресурсов, закупка сырья, изготовление меховой продукции производилось в основном ОАО ФАПК «Сахабулт». В связи с экономическими преобразованиями в стране и изменением системы организации управления охотничьим хозяйством сформировались частные предприятия. Основным приоритетом по закреплению охотничьих угодий был представлен частным предпринимателям и родовым общинам представителей коренных малочисленных народов Севера. По состоянию на 01.04.2019 г. на долю 197 родовых общин КМНС приходится 53,0% всех охотугодий, 76 предприятий и организаций – 22,7%, ОАО ФАПК «Сахабулт» – 17,0% и 78 индивидуальных предпринимателей – 7,3%. Для эффективного использования сырья и получения качественной продукции охотничьего хозяйства и клеточного звероводства на Севере необходимо внедрить: – новые передовые технологии мира в отслеживании состояния охотничьих угодий и в улучшении качества продукции клеточного звероводства, рыболовства, в том числе переработке пушного и иного сырья; вовлечение сырья и отходов производства продукции оленеводческих, звероводческих и промысловых хозяйств в процесс переработки и производства кожевенного сырья, изделий из кости и меха высокого качества, обладающего экспортным потенциалом; развитие системы пунктов по заготовке и переработке пантов, пушнины, продукции оленеводства, охотпромысла и дикоросов, в том числе создание условий для развития проектов по экспорту пантовой, меховой и молочной продукции.

Скотоводство. Во всех улусах поголовье крупного рогатого скота, как и по всей республике имеет тенденцию к снижению. Так, по итогам 2018 года в сравнении с 2010

годом поголовье сократилось на 58,7 % до 5 737 голов, что составляет 3,1% от общего поголовья в республике (табл. 2). Снижение поголовья обусловлено высокими затратами на приобретение кормов, затоплением сенокосных угодий из-за глобального потепления, отсутствием рынков сбыта продукции в улусах Арктической зоны и т.д. Около половины поголовья содержится в ЛПХ, 30% в КФХ и 20% в КХ или СХПК. Разведением крупного рогатого скота занимаются во всех улусах кроме Анабарского и Нижнеколымского. Основные скотоводческие улусы в регионе Верхоянский (48% поголовья) и Среднеколымский (17%). Всего в 3 улусах сохранилась якутская порода скота, из которых только Эвено-Бытантайский улус является резерватом сохранения генофонда якутского скота, где разведением занимается ГБУ «Генофондный питомник «Бытантай». Поголовье якутского скота в Арктической зоне РС (Я) сократилось на 14,3% до 690 голов, что составляет 41% от общего поголовья якутского скота.

Таблица 2

Численность крупного рогатого скота и лошадей в Арктической зоне РС (Я)

Улусы	Крупный рогатый скот				Лошади			
	2010 г.	2018 г.	2018 г. / 2010 г.		2010 г.	2018 г.	2018 г. / 2010 г.	
	гол.	гол.	гол.	%	гол.	гол.	гол.	%
Аллаиховский	14	12	-2	85,7	180	18	-162	10,0
Анабарский	0	0	0	-	23	47	24	204,3
Булунский	106	28	-78	26,4	558	277	-281	49,6
Нижнеколымский	18	23	5	127,8	255	54	-201	21,2
Усть-Янский	109	59	-50	54,1	577	324	-253	56,2
Абыйский	758	418	-340	55,1	1 854	859	-995	46,3
Верхнеколымский	283	171	-112	60,4	740	147	-593	19,9
Верхоянский	4 786	2 764	-2 022	57,8	7 501	7 013	-488	93,5
Жиганский	89	75	-14	84,3	16	8	-8	50,0
Момский	663	360	-303	54,3	1 617	1 408	-209	87,1
Оленекский	102	86	-16	84,3	210	195	-15	92,9
Среднеколымский	2 044	983	-1 061	48,1	4 197	2 064	-2 133	49,2
Эвено-Бытантайский	805	758	-47	94,2	1 674	1 898	224	113,4
Арктическая зона РС (Я)	9 777	5 737	-4 040	58,7	19 402	14 312	-5 090	73,8
РС (Я)	233 877	183 468	-50 409	78,4	163 444	177 967	14 523	108,9

Источник: <https://sakha.gks.ru/folder/53269>. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия).

Коневодство. Разведением лошадей занимаются во многих улусах Арктической зоны РС (Я). Согласно статистическим данным в 2018 г. наблюдается спад на 26,2% до 14 312 голов по сравнению с 2010 годом. По категориям хозяйств видно, что лидируют ЛПХ населения (доля КХ и СХПК снизилась с 42% до 26%). Наибольшее поголовье лошадей – 7013 гол. содержится в Верхоянском (49% от общего поголовья в регионе соответственно), Среднеколымском (14,4%), Эвено-Бытантайском (13,2%), Момском (9,8%) улусах (табл. 2). Из всех улусов Арктической зоны РС (Я) стратегическое значение для сохранения и развития в республике якутской породы лошадей имеют только два: Среднеколымский улус с колымским типом якутских лошадей и Верхоянский улус с янским типом. В сравнении с 2010 годом сокращение поголовья наблюдалось в 11 улусах, из них наибольшее отмечено в Среднеколымском улусе (на – 2 133 голов или на 50,8%)[11].

Пищевая и перерабатывающая промышленность. В Арктической зоне РС (Я) слабо развиты и представляют собой в основном небольшие цеха по производству хлеба и

хлебобулочных изделий, а также по переработке рыбы. Такие улусы как Верхоянский, Среднеколымский, Верхнеколымский отличаются от остальной части региона тем, что в них имеются небольшие цеха по производству сливочного масла, сливок и кондитерских изделий (табл. 3). Практически не развиты переработка мяса, изготовление субпродуктов и мясных полуфабрикатов в регионе.

Таблица 3

Производство пищевых продуктов в Арктической зоне РС (Я) в 2018 году

	Полуфабрикаты мясные, мясосодержажие, охлажденные, замороженные		Рыба переработанная и консервированная, ракообразные и моллюски		Масло сливочное		Молоко		Изделия хлебобулочные недлительного хранения	
	тонн	в % к 2017 г.	тонн	в % к 2017 г.	тонн	в % к 2017 г.	тонн	в % к 2017 г.	тонн	в % к 2017 г.
Аллаиховский	0,0	0,0	733,5	101,2	0,0	0,0	0,05	118,4	113,0	104,7
Анабарский	6,1	55,8	18,4	86,4	0,0	0,0	0,00	0,0	163,4	78,8
Булунский	0,0	0,0	1 295,6	125,4	0,0	0,0	0,06	194,4	244,6	101,8
Нижнеколымский	0,0	0,0	731,6	104,3	0,0	0,0	0,07	47,7	147,8	92,7
Усть-Янский	0,0	0,0	1 059,8	86,6	0,0	0,0	0,47	105,2	42,0	102,4
Абыйский	0,0	0,0	203,4	89,4	0,0	0,0	5,66	112,7	141,8	96,8
Верхнеколымский	0,0	0,0	91,1	118,0	0,6	60,0	2,28	93,4	160,9	93,4
Верхоянский	3,0	42,9	3,0	60,0	72,0	80,0	34,82	94,3	551,0	102,9
Жиганский	0,0	0,0	273,7	152,5	0,0	0,0	0,37	83,3	142,9	87,4
Момский	0,0	0,0	5,8	99,3	0,0	0,0	3,12	117,5	159,8	80,2
Оймяконский										
Оленекский	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,55	88,3	240,3	109,5
Среднеколымский	0,1	7,3	190,9	100,6	3,7	36,3	11,81	101,1	313,7	98,3
Эвено-Бытантайский	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	3,04	76,3	160,4	113,8
Арктическая зона РС (Я)	9,2	46,8	4 607,0	105,0	76,3	75,4	62,30	96,7	2 581,6	97,3
РС (Я)	3 567,1	96,4	6 042,1	100,4	2 123,7	98,4	1 657,27	99,7	37 863,9	94,2

Источник: <https://sakha.gks.ru/folder/53269>. (Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия)).

Низкие показатели современного состояния сельского хозяйства Арктической зоны РС (Я) обусловлены влиянием таких негативных природных факторов как глобальное потепление, лесные пожары, разрушение естественных ландшафтов крупными промышленными компаниями, таяние вечной мерзлоты и вследствие всех этих процессов происходят быстрые изменения погодных условий преимущественно в весенние и летние месяцы. В результате таких негативных процессов за последние годы на Севере Якутии происходят катастрофические по разрушениям весенние и летние наводнения. На относительно благополучных по погодным условиям территориях начали происходить резкие температурные перепады, сильно влияющие на полноценное протекание вегетационного периода овощных культур, а также снижение урожайности травостоя на

лугах. Из-за чего мы наблюдаем существенный недостаток естественных кормов для скота и лошадей.

В настоящее время в магазинах и на рынках улусов Арктической зоны реализуют продукты питания низкого качества по высоким ценам, что отрицательно влияет на здоровье населения. Чтобы искоренить эту ситуацию в срочном порядке необходимо организовать или создать перерабатывающие предприятия агропромышленного комплекса в улусных центрах, где должны перерабатываться сырье мясной, молочной, рыбной продукции до изготовления готовых к употреблению продуктов питания. Из-за экстремальных условий обитания и произрастания живых организмов концентрация витаминов и микроэлементов намного раз превышает аналоги средней полосы России и южных районов планеты. Глубокая переработка экологически чистого, воспроизводимого природного и сельскохозяйственного сырья (оленеводства, табунного коневодства, охотничьего промысла, рыболовства и сбора дикоросов) с использованием современных биотехнологий позволит получать ценную полезную продукцию медицинского, пищевого, косметологического и технического назначения с высокой потребительской стоимостью на мировом рынке и полезной для здоровья населения.

Реализация проектов по глубокой переработке природного и сельскохозяйственного сырья позволит существенно повысить уровень жизни населения в Арктике. Так как развитие новых высокотехнологичных производств в улусных центрах создаст дополнительные рабочие места, что приведет к закреплению части коренного населения к местам проживания в Арктической зоне республики. Потенциал для внедрения всего этого имеется в нашей республике. Сравнительно благополучная экологическая ситуация некоторых улусов региона и соответствующий кадровый потенциал по введению традиционных отраслей природопользования среди коренного населения (коренных малочисленных народов Севера, северных якутов, русских старожилов), а также их работоспособность, навыки к физическому труду, адаптация к новым условиям жизни, будут способствовать к возможности применения новых технологий ведущих стран мира. В комплексе все это позволит развивать оленеводство, рыболовство с применением новых технологий, расширять сети инновационных предприятий по глубокой переработке охотничьих и других биоресурсов.

Комплексные мероприятия, реализуемые на этих территориях, полностью отвечают основным направлениям государственной политики в области сохранения и развития исконной среды обитания и традиционного образа жизни народов Севера [5, с. 165-171]. Плюс ко всему этому есть авторские разработки якутских ученых по переработке биологического сырья как растительного, так и животного происхождения (древесина лиственницы даурской, березы растопыренной, листья иван-чая, мясо-жировая ткань и эндокринные органы якутской лошади и северного оленя и др.).

Следует предпринимать комплекс мер, способствующих созданию баз переработки и хранения продукции традиционных отраслей в центральных поселениях и улусных центрах. Наиболее эффективными для создания в этом плане являются фактории и крупные опорные торгово-закупочные пункты по приему сырья, продукции и оптовые базы по их реализации. При этом расширение рынков сбыта сельскохозяйственной и промышленной продукции возможно лишь за счет организации крупного холдинга при участии и поддержке государства и местных товаропроизводителей, где должен быть организован полный жизненный цикл изготовления продукции (товара), начиная от добычи сырья и производства продукции до его глубокой переработки для конечного потребителя.

Из вышеизложенного следует, что для повышения уровня самообеспеченности населения улусов в продовольствии и кормах для животных необходима поддержка частных

лиц и организаций, занимающихся выращиванием овощных культур и разведением сельскохозяйственных животных, переработкой и производством продуктов питания (хлеба, молока, мяса и т.д.) в Арктической зоне РС (Я). На Севере следует развивать проекты по глубокой переработке ценной рыбы и дикоросов малой мощности. Для реализации вышесказанных предложений и проектов необходимо эффективное и оптимальное сочетание предпринимательских инициатив с традиционным укладом жизни народов Севера. Велика роль местного населения в сохранении самобытной культуры и ведении натурального хозяйства по производству экологически чистых продуктов питания, которые в будущем во всем мире будут пользоваться наибольшим спросом.

Библиографический список

1. *Аммосов М.К.* Якутия – как золотопромышленная республика // С помощью русских рабочих и крестьян. – Якутск, 1987. – С. 4-5.
2. *Государственная целевая программа «Социально-экономическое развитие села Республики Саха (Якутия) на 2007-2011 годы»* – Якутск, 2007. – С. 100-101.
3. *Доппельмаир Г.Г.* Пушной и охотничий промысел Якутии // Якутия. Сб. статей под редакцией П.В. Виттенбурга. – Ленинград: Изд.-во АН СССР, 1927 (2012). – С. 28-40.
4. *Доппельмаир Г.Г.* Программы и инструкции по изучению пушного и охотничьего промысла Якутской АССР // Материалы комиссии по изучению Якутской АССР. – Вып. 7. – Л., 1926. – С. 8
5. *Егоров Е.Г., Дарбасов В.Р.* Аграрная экономика Севера. – Якутск, компания «Дани-Алмас», 2008. – С. 165-171.
6. *Коган М.И.* Нормальный выход пушнины в СССР // Пушное дело. – 1925. № 3. – С. 5-9.
7. *Мордосов И.И.* Состояние и перспективы развития охотничье-промыслового хозяйства Якутской АССР в работах Якутской экспедиции АН СССР (1925-1930 гг.) // Вестник ЯГУ, 2005. Т. 2. № 2. – С. 33-35.
8. *Об образовании национального концерна «Сахабулт»:* Закон РС (Я) №№ 241, 28.09.1992. – С. 1-3.
9. *Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов:* Закон РС (Я) от 19.04.2013. З№ 198-IV. – С. 4.
10. *Сельское хозяйство Республики Саха (Якутия): Учебное пособие /* Коллектив авт.: А.Ф. Абрамов, Н.Д. Алексеев, Д.Е. Афанасьев и др.; Мин-во сель. хозяйства РФ, Якут. гос. с.-х. акад. – Якутск: Бичик, 2001. – С.142.
11. *Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия).* <https://sakha.gks.ru/folder/53269>.

Яна Михайловна Санникова
кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
отдела истории и арктических исследований
Института гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН
Россия, Якутск

Yana Mikhailovna Sannikova
Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher of the Department of History and Arctic Research,
The Institute for Humanities Research and Indigenous
Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Science
Russia, Yakutsk

e-mail: sannikova@mail.ru

ТРАДИЦИОННОЕ СЕВЕРНОЕ ХОЗЯЙСТВО В СОВРЕМЕННОЙ АГРАРНОЙ СИСТЕМЕ: ОБЗОР ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ ИССЛЕДОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЯКУТИИ)

TRADITIONAL NORTHERN ECONOMY IN THE MODERN AGRARIAN SYSTEM: OVERVIEW OF THE MAIN TERMS OF THE STUDY (BY THE EXAMPLE OF YAKUTIA)

Аннотация. *Актуальным в жизнедеятельности традиционного хозяйства является поиск адаптационных стратегий дальнейшего развития в контексте особенностей этносоциальных процессов в регионе. В частности, обращено внимание на изучение факторов и критериев стратегий адаптации традиционного северного хозяйства в современной аграрной системе. В данной статье в постановочно-обзорном плане обозначены понятия, определяющие представленную тему.*

Abstract. *The search for adaptation strategies for further development in the context of ethno-social processes in the region is relevant in the life of the traditional economy. In particular, attention is paid to the study of factors and criteria of adaptation strategies of the traditional Northern economy in the modern agricultural system. In this article, in terms of formulation and review, the defining terms that reveal the presented topic are identified.*

Ключевые слова: *традиционное хозяйство, коренные народы, аграрная система, стратегии адаптации.*

Keywords: *traditional economy, indigenous peoples, agrarian system, adaptation strategies.*

Проблема развития традиционного хозяйства коренных народов в условиях современного мира является одной из наиболее изучаемых в научном сообществе. Интерес к отдельным аспектам темы исследования имеет как теоретическое, так и практическое значение, и по мере дальнейшего противоречивого развития цивилизации будет возрастать – с одной стороны, как основа традиционного образа жизни коренных народов, в целом сельской жизнедеятельности местных сообществ, и с другой стороны, как феномен,

вынужденный каждый раз адаптироваться к политическим и экономическим вызовам современности. Суровые природно-климатические условия и особенности культурно-исторического освоения Якутии предопределили развитие особой аграрной системы региона. В настоящее время социально-экономические интересы коренных народов республики непосредственно связаны с основой их исконного образа жизни – традиционным хозяйством, которое развивается в достаточно сложных условиях модернизационных трансформаций второй половины 2010-х гг. Применительно к Республике Саха эта проблема представляется особо чувствительной потому, что здесь исторически сформировались и сохранились до нашего времени исконные формы хозяйства – основа системы жизнеобеспечения и традиционного образа жизни коренных народов Севера и Арктики. Северное комплексное хозяйство включает в себя традиционные занятия эвенков, эвенов, юкагиров, долган, саха (якутов) – оленеводство, скотоводство, табунное коневодство, охотничий и рыболовный промыслы.

В современных условиях проблема изучения социальной мобильности как проявления этносоциальных процессов в российском обществе предполагает исследование различных форм и достаточно противоречивых сторон данного явления. Изучение региональных особенностей социальной мобильности обращено на коренные народы Якутии, ведущие традиционный хозяйственный уклад жизни с точки зрения их адаптации в современной аграрной системе. В этом плане актуальным в жизнедеятельности традиционного хозяйства является поиск адаптационных стратегий их дальнейшего развития в современной аграрной системе в контексте особенностей этносоциальных процессов в регионе. В частности, обращено внимание на изучение факторов и критериев стратегий адаптации традиционного северного хозяйства в современной аграрной системе. В связи с этим в данной статье в постановочно-обзорном плане обозначены понятия, определяющие представленную тему. Подробнее в коллективной монографии, посвященной региональным особенностям территориальной и социальной мобильности в РС(Я), автором обоснованы данные подходы на материалах полевых исследований [4, с. 90-129.].

В литературе, в определении понятия «традиционное хозяйство» народов Севера, существуют несколько трактовок. По мнению И.И. Крупника, традиционное хозяйствование подразумевает целую систему ведения хозяйства, включая экономику, социальное устройство, демографию, природопользование и экологию общества [3, с.11]. Относительно функционирования традиционного хозяйства в современных условиях К.Б. Клоков подчеркивает, что традиция по своей сути – это то, что передается от поколения к поколению, от человека к человеку при непосредственном их контакте, то есть это то, чему нельзя научиться по учебникам или чему нельзя научиться, окончив какие-нибудь специальные, скажем, курсы или институт. В этом надо участвовать [2]. А.Н. Ямсков считает, что к «традиционному хозяйству» следует отнести ведение современным населением любой отрасли хозяйства, при которых ими сохраняется преемственность форм хозяйствования от своих непосредственных предков (время до начала коллективизации в СССР) в каждом из следующих аспектов хозяйства: типы используемых природных ресурсов; типы трудовой деятельности; используемая территория или акватория; типы получаемой первичной продукции. Такое определение, с одной стороны, исключает все второстепенные аспекты, не относящиеся непосредственно к содержанию понятия (наличие и распространенность технологических инноваций, например, внедрение снегоходов, моторных лодок, сетеподъемников и т.п.), с другой – не акцентирует цели хозяйственной деятельности (не оценивается уровень товарности и доходности производства, близость к натуральному хозяйству). Важное значение данной интерпретации определяется тем, что в предложенном виде она исключает возможность законодательного установления и

закрепления барьеров на пути технической модернизации традиционных отраслей хозяйства, увеличения их товарности и доходности, соответственно, и роста уровня жизни практикующих их групп коренного населения [5].

Классическое понимание социальной мобильности как изменения индивидом/группой места, занимаемого в социальной позиции, достаточно специфично применительно к субъектам сельскохозяйственного производства, ибо преобладающая горизонтальная мобильность работников - перемещение в пределах одного и того же социального слоя, по сути демонстрирует процесс их адаптации к меняющимся условиям функционирования традиционных хозяйств, в т.ч. различные, порой противоречивые, формы их социальной мобильности. Вместе с тем, традиционный аграрный мир посредством изменения позиций хозяйствующих субъектов в социальном пространстве пытается как-то сохранить исконный хозяйственный уклад жизни коренных народов.

В общепринятом значении адаптация как процесс приспособления к изменяющейся среде предполагает наличие и комбинацию различных приемов и способов; стратегия определяется как направляющий, организующий способ ведения действий, поведения, рассчитанный на достижение не случайных, сиюминутных, а значимых, долгосрочных целей; стратегия адаптации – как способ гармонизации индивида/группы со средой, способ приведения в соответствие его потребностей, интересов, установок, ценностных ориентаций и требований окружения, рассматриваемый в контексте жизненных целей и жизненного пути человека. В этой связи стратегия адаптации традиционного хозяйства предполагает выявление и анализ значимых, определяющих направлений его развития. Понятия факторы и критерии используются по отношению к определенным стратегиям адаптации – как условия, причины, параметры, показатели, оказывающие влияние на данный процесс, а также на его результаты, на основе которых формируется оценка адаптационного процесса.

Отметим, что достаточно полемичной является понятие современной аграрной системы, которая формируется и развивается в широкой общественной среде, с которой она связана множественностью производственных, экономических, социальных, социально-культурных и других общественных связей. Благодаря этим связям аграрная система, с одной стороны, реализует свой потенциал и свои производственно-хозяйственные и социальные функции по обеспечению всего общества необходимыми продуктами и услугами. С другой, создается совокупность производственно-технических, социально-экономических и других внешних условий и предпосылок, требующихся для воспроизводства и жизнедеятельности самой сельской системы и обеспечения жизнедеятельности связанных с ней людей [1].

Для выявления адаптационных стратегий традиционного хозяйства в современной аграрной системе основой являются факторы – условия: понимание традиционного хозяйственного образа жизни и составляющие стратегий адаптации.

Возможности анализа существенно расширяются при выделении трех уровней понимания традиционного хозяйственного образа жизни коренных народов региона (условно обозначаемого как «пирамидальное»):

1) первый уровень (основание пирамиды) – охватывает широкое понимание, приложимое ко всему сельскому населению, для которого в целом основа хозяйственного обеспечения их повседневной жизнедеятельности является исконно сложившейся и базируется на продукции традиционных отраслей и промыслов;

2) второй уровень (середина пирамиды) – учитывает его двойственную природу в современном мире: как хозяйствующего субъекта в аграрной системе государства и социокультурного феномена коренных сообществ Севера и Арктики;

3) третий уровень (вершина пирамиды) – подразумевает индивидуальное ведение традиционных хозяйственных занятий представителями сельского населения в качестве хозяйствующих единиц аграрной экономики и личных подсобных хозяйств.

Генезис адаптационных стратегий традиционных хозяйств коренных народов в современной аграрной системе происходит в пространстве постоянного пересечения и взаимодействия экономических институтов, культурных традиций и социальных представлений/оценок, регулирующих в той или иной мере общественное поведение.

Соответственно, исходя из них, можно обозначить следующие постоянно взаимодействующие составляющие стратегий адаптации:

1) духовная, или этнически-историческая: в целом исторически сложившийся традиционный хозяйственный образ жизни коренных народов региона; преемственность традиционных хозяйственных занятий в поколениях семей респондентов – представителей хозяйств;

2) реализуемая, или общественно-государственная: социально-хозяйственная деятельность сельских тружеников, которые разделены в экономической системе государства на категории хозяйств: родовые общины, сельскохозяйственные предприятия (в основном государственные или муниципальные предприятия), крестьянские (фермерские) хозяйства и личные подсобные хозяйства; также специализация хозяйства на основе природно-хозяйственного районирования изучаемого региона;

3) субъективная, или личностно-оценочная: оценка хозяйства и аграрной политики самим респондентом, значение традиционного хозяйства для его (и всей его семьи) жизненного пути.

Если уровни пирамидального понимания традиционного хозяйственного образа жизни условно свести с одним наиболее для данного уровня преобладающим составляющим адаптационных стратегий традиционного хозяйства коренного населения, то эти факторы - условия можно соотнести в следующем виде:

1. Сельский образ жизни коренного населения – духовная, или этнически-историческая составляющая адаптации;

2. Специфика явления традиционного хозяйства в современных условиях – реализуемая, или общественно-государственная составляющая адаптации;

3. Характер ведения традиционных хозяйственных занятий представителями коренного населения – субъективная, или личностно-оценочная составляющая адаптации.

На основе вышеизложенного подхода можно говорить о представлении критериев адаптационных стратегий традиционного хозяйства, для которых основными индикаторами служат такие показатели, которые приложимы для оценки состояния традиционного хозяйства независимо от их официальной типологии: 1) для природного критерия – общее число хозяйств и доступность земельных и природных ресурсов; 2) для экономического критерия – измерение развития хозяйств на основе базовых показателей их экономической деятельности (форма хозяйствования и первичная учредительная документация; состав (членство); основные виды деятельности и их отраслевые направления; объемы производства продукции; наличие государственной поддержки); 3) для личностно-оценочного критерия – оценка представителей хозяйств собственной хозяйственной деятельности и отношение к традиционному укладу жизни.

Существующие реалии функционирования традиционной хозяйственной системы отражают процесс непрерывной адаптации конкретных хозяйств в современной аграрной системе. Выделенные факторы-условия и критерии-индикаторы стратегий адаптации не могут находиться в статичном состоянии, находясь в постоянном движении и пересечении природного, ментального и экономического начал в традиционном хозяйственном образе

жизни коренных народов региона. Понятно, что в современных условиях экономический критерий в формировании адаптационных стратегий хозяйств всегда будет представлен достаточно прочно, в том числе ориентированный на удовлетворение материальных потребностей представителей изучаемой социальной группы. Вместе с тем, эффективность стратегий адаптации непосредственно связана и зависит от природного и личностно-оценочного критериев, учитывающих, с одной стороны, меняющиеся природно-климатические условия жизни, влияющие на доступность ресурсов, с другой - созидательную духовную основу традиционного труда. Продолжение исследований по рассматриваемой проблематике позволит в будущем разработать соответствующую типологию адаптационных стратегий традиционного северного хозяйства в современной аграрной системе, и тем самым выявить, какие именно модели стратегий адаптации в совокупности образуют картину мира сельского человека, живущего в труднодоступных и изолированных поселениях, рассеянных в громадном пространстве Севера и Арктики.

Библиографический список

1. *Гусманов И.У.* Аграрная система в структуре общества //Никоновские чтения. 2007. №12. С.94-96; Традиционное хозяйство в системе культуры этноса //Материалы Девярых Санкт-Петербургских чтений. СПб, 2010. – С.188-192.
2. *Клоков К.Б.* // http://www.rian.ru/arctic_analytics/20100719/256230505.html (Дата обращения 15.10.2018).
3. *Крупник И.И.* Арктическая этноэкология. М., 1989. – 272 с.
4. *Томаска А.Г., Федотова Н.Д., Санникова Я.М., Винокурова Д.М.* Республика Саха (Якутия): особенности территориальной и социальной мобильности. Коллективная монография. DOI: 10.25693/9807.2018.27.11.001 – Якутск: Изд-во: Центр научно-технической информации Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, 2018. - <http://igi.ysn.ru/files/publicasii/Tomaska.pdf>. – 185 с.
5. *Ямсков А.Н.* Традиционное природопользование: проблемы определения и правового регулирования // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000. – С.172-185.

Алена Георгиевна Томаска
научный сотрудник Центра этносоциологических исследований
Институт гуманитарных исследований и
проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Россия, Якутск

Alena Georgievna Tomaska
Research Fellow of the Center for Ethno-Sociological Research,
The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Russia, Yakutsk

e-mail: algepo@mail.ru

**МИГРАЦИОННЫЕ НАМЕРЕНИЯ НАРОДОВ АРКТИКИ
(НА ПРИМЕРЕ С. ЭБЯХ СРЕДНЕКОЛЫМСКОГО УЛУСА
РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ))**

**THE MIGRATION INTENTIONS OF THE ARCTIC PEOPLES
(BY THE EXAMPLE OF THE VILLAGE OF EBIAKH,
SREDNEKOLYMSKY ULUS OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA))**

Аннотация. *Статья посвящена анализу миграционных намерений народов Арктики на примере населения с. Эбях Среднеколымского улуса Республики Саха (Якутия) в современных условиях. Анализируются миграционная ситуация, факторы социально-экономической жизни арктического села, формирующие пространственную мобильность и влияющие на миграционные намерения населения.*

Abstract. *The article is devoted to the analysis of migration intentions of the peoples of the Arctic of the Republic of Sakha (Yakutia) on the example of the population p. Ebyakh of the Srednekolymsky district of the Republic of Sakha (Yakutia) in modern conditions. The migration situation, the factors of the socio-economic life of the Arctic village, which form spatial mobility and affect the migration intentions of the population, are analyzed.*

Ключевые слова: *Арктика, Север Российской Федерации, Якутия, сельские поселения Арктики, миграционные намерения*

Keywords: *Arctic, North of the Russian Federation, Yakutia, rural settlements of the Arctic, migration intentions*

В Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу одним из основных стратегических приоритетов является улучшение качества жизни коренного населения и социальных условий их хозяйственной деятельности. Особенности Арктической зоны указаны экстремальные природно-климатические условия, очаговый характер промышленно-хозяйственного освоения территорий и низкая плотность населения, удаленность от основных промышленных центров, высокая ресурсоемкость и зависимость хозяйственной

деятельности и жизнеобеспечения населения от поставок топлива, продовольствия и товаров первой необходимости из других регионов России.

Указанный в перечне сухопутных территорий Арктической зоны Российской Федерации Среднеколымский улус один из самых отдаленных (около 3 тыс. км от столицы республики – г. Якутска) районов северо-востока Якутии, граничащий на востоке с Чукотским автономным округом и Магаданской областью. Площадь района – более 125,2 тыс. км². Плотность населения – 0,06 человек на км² [6. с. 7]. Возрастно-половой состав населения сельских поселений улуса характеризуется низким удельным весом лиц трудоспособного возраста, высокой долей лиц старше трудоспособного возраста и детей (рис. 1), что ведет к высокому коэффициенту демографической нагрузки. Коэффициент демографической нагрузки на 1000 трудоспособного населения в сельских поселениях улуса выше средне-республиканских, как среди населения младше трудоспособного возраста (539,6 и 551,6 соответственно), так и среди населения старше трудоспособного возраста (336,1 и 398,8).

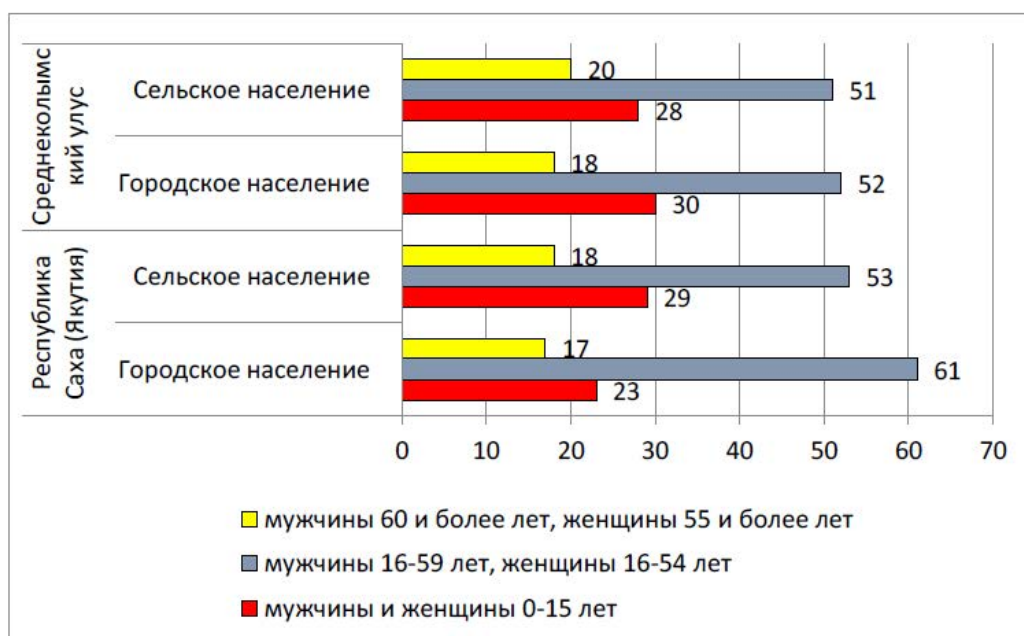

Рис. 1. Доля возрастных групп в общей численности населения на 1 января 2018 г., %¹

Если рассматривать возрастно-половую структуру сельского населения улуса, то необходимо отметить чрезвычайно низкий удельный вес населения в группе лиц 25-29 лет (рис. 2). Здесь вызывает тревогу крайне малое количество лиц женского пола в наиболее фертильном возрасте – женщины составляют всего 33,1% в этой возрастной группе. Отмечается низкая доля мужчин и женщин в самых продуктивных работоспособных возрастных группах от 25 до 49 лет. Наблюдается высокая доля населения в возрастной группе от 50 до 59 лет, что свидетельствует о старении населения и перспективах роста демографической нагрузки лицами старше трудоспособного возраста.

¹ Возрастно-половой состав населения Республики Саха (Якутия) на 1 января 2018 г. Статистический сборник №24/537. ТОФС ГС по РС(Я). С. 7-9.

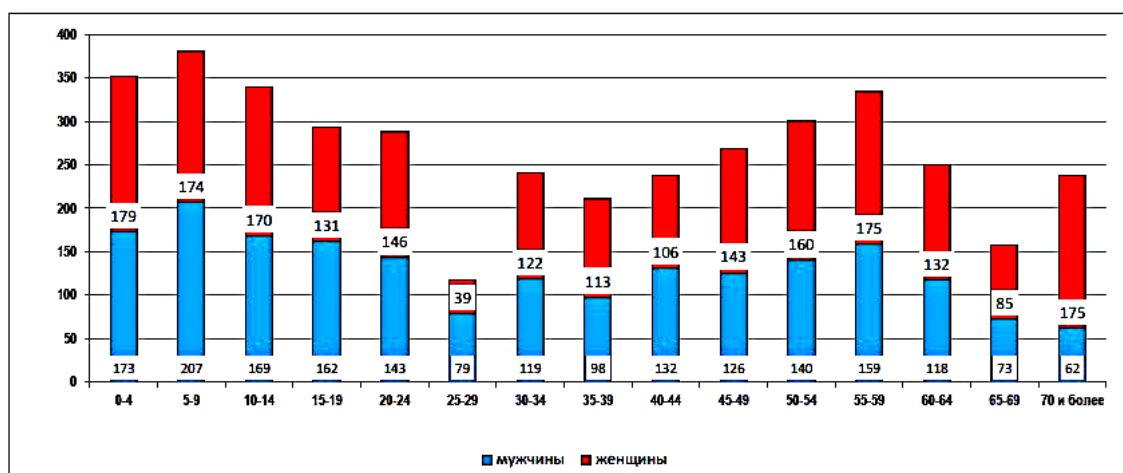

Рис. 2. Доля возрастных групп сельского населения Среднеколымского улуса в общей численности населения на 1 января 2018 г., %¹

В качестве объекта генеральной совокупности социологического исследования в рамках проекта РФФИ 17-02-00619-ОГН «Сравнительный анализ источников формирования доходов и проблема бедности в традиционных общинах северных регионов России, США и Канады» выступают частные домохозяйства сельских поселений Республики Саха (Якутия) [5. с. 290-294]. Для формирования выборочной совокупности применяется ступенчатая выборка, построенная по территориальному принципу. Первая ступень формируется квотной выборкой на базе данных Всероссийской переписи населения 2010 года о числе частных домохозяйств в сельских поселениях. Следующая ступень: случайный отбор сельских поселений для формирования выборочного списка домохозяйств. Выборочную совокупность по арктической зоне составили 44 домохозяйства и 5 – резервных села Эбях Среднеколымского района.

В статье рассматриваются миграционные намерения жителей села Эбях – центра Кангаласского 2-го наслега Среднеколымского района. Площадь наслега – 13,9 тыс. км² [1]. Плотность населения – 0,04 человек на км². Село Эбях признано труднодоступным и отдаленным поселением согласно Закона РС(Я) от 4 октября 2002 г. Закон устанавливает следующие критерии труднодоступности и отдаленности: отсутствие круглогодичного автотранспортного сообщения, водного сообщения, наличие естественных преград для передвижения любого вида наземного транспорта и отсутствие оборудованных посадочных площадок для авиационного транспорта, а также значительная отдаленность местности от улусного (районного) центра. Расстояние от села до районного центра г. Среднеколымск составляет 240 км наземным путем, который представляет собой временный автозимник в зимнее время. В летнее время с районным центром сообщение осуществляется воздушной авиaperевозкой.

73,5% опрошенных не имеют никаких миграционных намерений. 55,6% из них проживают в селе с рождения и получают помощь государства в виде специальных программ, пособий, субсидий, кредитов. Кратко об особенностях данной группы можно указать следующее: 33,3% респондентов считают, что лишены возможности обеспечить

¹ Возрастно-половой состав населения Республики Саха (Якутия) на 1 января 2018 г. Статистический сборник №24/537. ТОФС ГС по РС(Я). С. 64-65.

своим детям доступ к высшему образованию. 38,9% из них не получают никакие государственные пособия и 77,8% из них рассчитывают на помощь родственников в трудных жизненных обстоятельствах. 58,3% считают государственную поддержку семей с детьми в республике недостаточной.

Для 75,0% респондентов, не имеющих миграционных намерений, не доступны ипотечные, для 44,4% потребительские кредиты и так же их доходы не покрывают текущие расходы. 47,2% выезжают в отпуск из села в другие места и 66,7% пользуются северным проездом. 65,6% отмечают, что средств хватает только на питание и товары первой необходимости. Другими словами, население не планирующее принять участие в процессах миграции, может быть ограничено отсутствием ресурсов мобильности. Урри Дж. пишет: «Физическое или виртуальное перемещение между различными местами может стать источником статуса или власти, выражением права на передвижение, временное или постоянное. Там, где движение заблокировано, может возникать социальная депривация или отчуждение» [4. с. 76-77].

Около пятой части опрошенных домохозяйств хотели бы уехать из населенного пункта – 18,4%. Для 77,8% из них предпочтительным местом миграции является столица республики – г. Якутск. Сельская миграция за счет городской местности в улусе имеет отрицательный прирост за счет мигрантов трудоспособного возраста. Основные причины смены места жительства выбывающих из улуса: в связи с учебой (25,0%), причины личного, семейного характера (24,4%). Число мигрантов женского пола, выбывающих, из улуса всегда превышает число мужчин.

Все желающие поменять место жительства среди наших респондентов состоят в браке, у всех доходы 30000 рублей и более в месяц. Среди причин миграционных намерений указаны: желание найти или сменить место работы для меня/для супруга(и), нет здоровья заниматься прежними сельскими работами, отсутствие нормальных жилищных условий, и главное – чтобы дать образование детям; быть ближе к услугам здравоохранения, социального обслуживания. В отдаленном и труднодоступном селе отмечается дисбаланс между спросом на образование, медицинские услуги и их доступностью, что способствует миграционной активности населения. Это один из главных факторов деформаций возрастнополовой структуры села. В последние годы ситуацию усугубляют климатические явления современности. Среди них по своим масштабам выделяются участвовавшие наводнения, сопровождающиеся огромным ущербом для объектов жизнеобеспечения, особенно в отдаленных и труднодоступных населенных пунктах Якутии; потерями сенокосных, охотничьих, рыболовных угодий; крупного рогатого скота, лошадей, оленей [3. с. 59].

Еще 6,1% не определились с желанием остаться жить в населенном пункте. Среди желающих уехать из села 66,7% составляют лица, живущие в данном селе с рождения. Больше всего миграционные намерения имеют из них работники системы образования – 44,4% опрошенных. Таким образом, уровень миграционных намерений довольно высок, что свидетельствует о недостаточно стабильном и благополучном социальном положении и самочувствии селян и в перспективе может сформироваться этнодемографический дисбаланс в арктических сельских районах Якутии со всеми вытекающими социально-экономическими последствиями.

Обратимся к имеющимся факторам социально-экономической жизни села, влияющим на миграционные намерения населения. По данным Всероссийской переписи населения – 2010 г. в Кангаласском 2-м наслеге с. Эбях проживало 504 человек, из которых 249 мужского пола (49,4%), 255 женского (50,6%). Численность населения в с. Эбях на 1 января 2018 г. составила 485 чел. [6. с. 49]. 85,7% опрошенных отметили наличие детей. Однако, в сравнении с другими сельскими поселениями республики, в селе не много многодетных

семей. Такая ситуация свидетельствует о напряжении в режиме замещения поколений в селе, который может вызвать ослабление и деградацию производственного потенциала и как следствие населенного пункта в целом. В то же время число лиц среди респондентов трудоспособного возраста, состоящих в зарегистрированном браке довольно высоко – они составляют 71,4% респондентов. Но также высок и процент разведенных – 6,1%. 12,2% – никогда не состояли в браке. Вдовых – 6,1%. Живут в гражданском браке – 4,1%.

Трудовой деятельностью заняты 79,6% опрошенных. Неработающих пенсионеров среди респондентов 10,2%. 16,3% обозначили вид трудовой деятельности как самозанятость. Если взять по отраслям, наибольшее количество респондентов заняты в бюджетной сфере (63,1%) – работают в системе образования (32,6%), сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства (16,3%) и предоставления коммунальных, социальных и персональных услуг (14,2%).

Образовательный уровень взрослого населения села дает представление о качестве населения как современной производительной силы данного поселения и уровне и структуре их потребления и притязаний к материальным и культурным благам. По данным анкетного опроса, в целом профессиональное образование имеет 67,4% населения. Это не очень высокий показатель в сравнении с другими сельскими поселениями и можно заключить, что относительно других сел Якутии трудоресурсный потенциал не в полной мере может обеспечивать социально-экономические, духовные потребности населения села и способствовать его развитию. По образовательному уровню в селе преобладают лица с высшим и неоконченным высшим профессиональным образованием – 34,7%, 32,7% – со средним специальным, 28,6% респондентов имеют общее среднее и 4,1% – неполное среднее образование. Среди лиц, имеющих более высокие доходы, лидируют респонденты с высшим или незаконченным высшим образованием и со средним профессиональным образованием (Рис. 3).

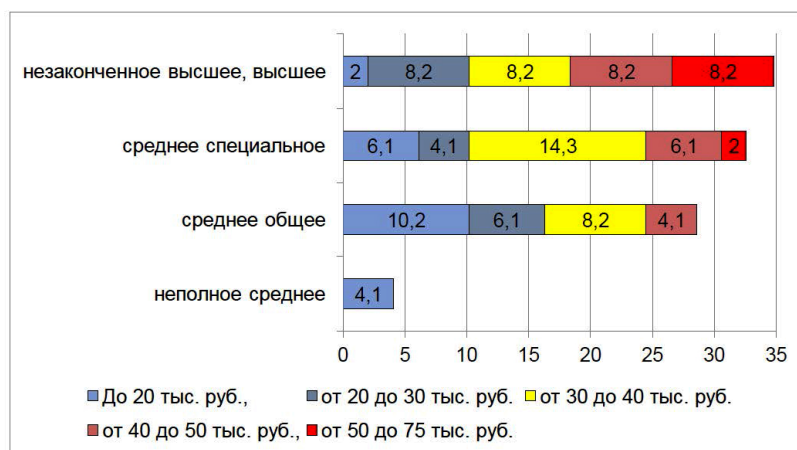

Рис. 3. Сопряженность доходов и уровня образования респондентов, в %

По данным анкетного опроса, почти треть респондентов с. Эбях имеет от 30 до 40 тыс. рублей месячного дохода. Пятая часть респондентов имеет доход до 20 тыс. руб. – 22,4%. Максимальную сумму доходов, указанную в опросе – от 50 до 75 тыс. руб. имеет 10,2%. В соответствии с Законом Республики Саха (Якутия) от 5 декабря 2013 г. 1237-3 №29-V «О потребительской корзине в РС(Я)» потребительская корзина для основных социально-демографических групп населения устанавливается по двум зонам. Среднеколымский улус относится к первой зоне. На момент опроса прожиточный минимум на душу населения по первой зоне составлял 20060 руб.

Таблица сопряженности по составу семьи и семейным доходам

		Семейный доход в месяц в 2016-2017 г., всего, рублей				
		До 20 тыс. руб.	от 20 до 30 тыс. руб.	от 30 до 40 тыс. руб.	от 40 до 50 тыс. руб.	от 50 до 75 тыс. руб.
Всего членов семьи	1	-	1	2	1	-
	2	5	1	2	4	1
	3	4	4	1	2	1
	4	-	-	5	1	2
	5	2	2	4	-	1
	6	-	-	1	1	-

Если рассматривать данные опроса во взаимосвязи состава семьи и их доходов, то 20,4% из всех ответивших на вопрос о доходах имеют суммарную величину денежного дохода, обеспечивающую прожиточный минимум семьям (табл. 1). И соответственно 18,4% респондентов отмечают, что доходы покрывают все текущие расходы. 9,1% респондентов отмечают, что уровень благосостояния у них устойчивый, и они могут позволить себе купить машину и квартиру с привлечением кредитов. Однако, имеющих относительно удовлетворительные доходы и указывающих, что семейных доходов хватает на покупку крупной бытовой техники, но не хватает на приобретение машины, квартиры 27,3% опрошенных, что свидетельствует о наличии, по крайней мере, у 6,9% респондентов дополнительных источников доходов.

79,6% респондентов указывают, что не обеспечены прожиточным минимумом. При этом 32,7% – затруднились с ответом на вопрос: Покрывают ли Ваши доходы все текущие расходы? 44,9% указали, что доходы не покрывают текущие расходы. При этом 43,2% считают, что денежных доходов хватает только на питание и товары первой необходимости. 13,6% домохозяйств отмечают, что денег хватает на покупку промтоваров (одежды и обуви), но не хватает на покупку товаров длительного пользования (телевизор, холодильник, мобильный телефон). А 6,8% домохозяйствам не хватает средств даже на питание.

Социальные гарантии государства (в виде государственной поддержки семей с детьми специальных программ, пособий, субсидий, кредитов) 53,1% опрошенных считают недостаточными. 69,8% респондентов указывают на то, что им не доступны ипотечные кредиты. 73,5% респондентам не доступно жилье, которое они бы хотели. 42,9% опрошенных домохозяйств указывают, что их доходы не позволяют им оформить потребительские кредиты.

Социальные условия, по мнению респондентов преимущественно не обеспечивают полноценный доступ к социальным благам в связи с труднодоступностью и отдаленностью. Так, например, не удовлетворены медицинскими услугами 88,6%. 33% считают, что медицинские услуги доступны лишь частично – в населенном пункте есть учреждение здравоохранения, но часть услуг (стоматология, хирургия, родовспоможение и др.) организована в другом населенном пункте. 13,6% представителей домохозяйств считают медицинские услуги недоступными – в населенном пункте нет учреждения здравоохранения, которое оказывает требуемые им услуги в рамках государственных гарантий или за плату. 65,3% опрошенных пользуются северным проездом.

Миграционные намерения сельских жителей, в первую очередь, связаны с факторами экономического характера и с социальной деятельностью федеральных и региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления. Доминирующим направлением потенциальной миграции селян является внутрисубъектная миграция из

села в город. В ходе исследования выявилось, что миграционные намерения жителей арктического села Эбях зависят от социально-экономических ресурсов мобильности. Намерения территориальной мобильности в основном имеют домохозяйства, обладающие образовательными и материальными ресурсами.

Высокие показатели миграционных намерений и отрицательный миграционный прирост сельских поселений свидетельствуют о неудовлетворенности населения качеством жизни и социальных условий их хозяйственной деятельности, об имеющихся серьезных социально-экономических проблемах арктического села и угрозе оттока населения с Севера и Арктики. С целью улучшения социально-бытовых условий проживания коренного населения необходимо обратить серьезное внимание на эффективность системы государственного управления социально-экономическим развитием региона, усовершенствование объектов социальной инфраструктуры, особенно учреждений образования, здравоохранения, а также на развитие жилищного строительства, на обеспечение доступности и качества медицинского обслуживания, образовательных услуг населению труднодоступных и отдаленных местностей Арктики и Севера.

Библиографический список

1. *База данных показателей муниципальных образований.* <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst98/DBInet.cgi>.
2. *Возрастно-половой состав населения Республики Саха (Якутия) на 1 января 2018 г.* Статистический сборник №24/537. Т. 2. ТОФС ГС по РС(Я). – 99 с.
3. *Томаска А.Г., Федотова Н.Д., Санникова Я.М., Винокурова Д.М.* Республика Саха (Якутия): особенности территориальной и социальной мобильности. [Электронный ресурс]: коллективная монография; отв. ред. к.и.н. В.Б. Игнатьева. – Якутск, изд-во: Центр научно-технической информации ИГИИПМНС СО РАН, 2018. – 185 с.
4. *Урри Дж.* Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева, вступ. статья Н.А. Харламова. – М.: издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2012. – 576 с.
5. *Федорова Е.Н., Пономарева Г.А., Егоров Е.Г.* Вопросы социально-экономического районирования территории Якутии. // Проблемы современной экономики. 2014. №4. – С. 290–294.
6. *Численность населения Республики Саха (Якутия) на 1 января 2018 г.* ТОФС ГС по РС(Я). – Якутск, 2018. – 76 с.

РАЗДЕЛ II

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ ЯЗЫКОВ И ФОЛЬКЛОРА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ, РЕТРАНСЛЯЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ

УДК 81:39(571.56)

Тамара Егоровна Андреева,
кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник отдела северной филологии
Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Россия, Якутск

Tamara Egorovna Andreeva,
Candidate of Philological Sciences,
Leading Researcher of the Department of Northern Philology,
The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Russia, Yakutsk

e-mail: taan2001@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В РС(Я): ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

LANGUAGE POLICY IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA): EXPERIENCE AND PROSPECTS

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые итоги и перспективы функционирования языков коренных малочисленных народов РС(Я). Коренные малочисленные народы Севера и их родные языки находятся под угрозой исчезновения. Утеря языков – это не только лакуна в языковом мире, это есть и симптом утраты самого этноса. В России языки всех народов в Законе «О языках народов Российской Федерации» (25.10.1991) объявлены народным достоянием и историко-культурным наследием. Им гарантируется государственная поддержка, содействие в их сохранении и развитии. При дальнейшей разработке программы сохранения и развития языков коренных малочисленных народов Севера необходимо учитывать все аспекты языковой ситуации и особенности языковой политики в ее широком понимании, как активной, так и пассивной. Принимаемые меры должны охватывать весь этнос независимо от возраста и степени знания родного языка, меры по преподаванию и развитию языков должны носить долговременный характер, а конструктивная работа будет успешной только тогда, когда в языковой политике будут устранены некоторые недочеты, допущенные в последнее время из-за недостатка финансирования.

Abstract. *The article discusses some results and prospects for the functioning of the languages of the indigenous peoples of the RS (Y). Indigenous peoples of the North and their native languages are threatened with extinction. The loss of languages is not only a gap in the linguistic world it is also a symptom of the loss of the ethnos itself. In the Russian Federation, the languages of all peoples in the Law "On the Languages of the Peoples of the RSFSO" (10.25.1991) are declared to be a national treasure and a historical and cultural heritage. They are guaranteed state support, assistance in their preservation and development. At further development of the program of maintenance and development of languages of native small in numbers people of North it is necessary to take into account all aspects of language situation and feature of language politics in her wide understanding, both active and passive. Taken measure must embrace all ethnos regardless of age and degree of knowledge of the mother tongue, measures on teaching and development of languages must carry of long duration character, and structural work will be successful only then, when some shortages suffered lately to want of financing will be removed in language politics.*

Ключевые слова: *народы Севера, языковая политика, родные языки, языковая ситуация, концепция, экономико-социологические исследования.*

Keywords: *peoples of the North, language policy, native languages, language situation, concept, economic and sociological research.*

Понятие устойчивого развития возникло в середине 80-х годов в недрах ООН, как своеобразная реакция мирового сообщества на все обостряющиеся экологические проблемы. В 1992 г. эта идея получила единодушную поддержку конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро и рассматривается с тех пор международным сообществом как магистральный путь развития общества XXI века.

Устойчивость развития – это не только чисто экологическая задача, это прежде всего дальнейшее улучшение политико-правового, экономического, социального и культурного положения нынешнего поколения людей, осуществляемое без нанесения ущерба природной среде. Развитие общества не может быть устойчивым без ликвидации голода, нищеты и болезней, без равноправия всех государств и народов, без сохранения и развития их самобытных культур. Устойчивое развитие – задача не только мирового сообщества, но и каждого национального государства, в том числе и нашей республики.

Среди многочисленных проблем российского общества особое место занимают коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. Применительно к ним идея устойчивого развития имеет свои особенности. Этнокультурные аспекты проблемы устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера РС(Я) предполагают активную государственную помощь в пропаганде их традиционной культуры, возрождении национальных ремесел, ревитализации родных языков.

Государственная дума 22 мая 1996 г. приняла закон РФ “О национально-культурной автономии” (17 июня 1996 г. №74-ФЗ), который дал народам права и широкие возможности для выбора путей и форм своего национально-культурного развития. Однако этот закон практически не работает. В условиях экономического кризиса у самих коренных малочисленных народов Севера нет средств для его реализации, а финансирование из федерального бюджета почти не осуществляется. Но практически дело не только в отсутствии финансирования, а и в самих народах, которые не знают как это делать. Государство теперь просто должно *взять* на себя ответственность за реализацию этого права.

Особую важность приобретает политический аспект проблемы устойчивого развития – создание органов местного самоуправления коренных малочисленных народов Севера, их достойное представительство в органах законодательной и исполнительной власти. Создание

органов местного самоуправления коренных малочисленных народов Севера – важнейшее условие сохранения их как этнических сообществ. Наиболее заметным на республиканском уровне является закон о самоуправлении юкагирского народа “Суктуул” (“О Суктуле...”, 1998). Этот закон дает особую защиту юкагирам в пределах Республики Саха (Якутия) и предусматривает важную детализацию их прав на самоуправление.

Еще девятнадцать лет назад ученый-северовед Донской Ф.С. разработал «Концепцию развития аборигенов Российского Севера в XXI веке». Его сорокалетняя исследовательская деятельность показывает широту, глубину и высоту освоения. Он был современен, четко улавливал непредсказуемые повороты мировых процессов на уклад, образ жизни коренных народов Севера. Донской Ф.С. свободно владел как традиционными, так и современными приемами и методами исследований, занимался одновременно академическими и прикладными исследованиями социально-экономических проблем коренных малочисленных народов Севера. В качестве примера можно привести названия его статей: «Методологические основы обеспечения возрождения малочисленных этносов Севера (на примере юкагиров)», «Интеграция коренных малочисленных народов Севера в общероссийскую культуру». За годы работы в избранной сфере деятельности Донской Ф.С. доказал, что он один из крупных лидеров России в области исследований проблем малочисленных аборигенов Севера [З. с. 56].

По инициативе первого президента Республики Саха (Якутия) М.Е. Николаева на базе отдела ИЭКОПРС СО РАН и сектора северной филологии ИЯЛИ ЯФ СО РАН было создано первое в истории коренных малочисленных народов Севера академическое научное учреждение – Институт проблем малочисленных народов Севера СО РАН, который получил широкое признание не только в России, но и за рубежом.

Как говорилось выше, уже тогда Ф.С. Донской говорил о том, что, не поддерживая и не способствуя сохранению и развитию родного языка, культуры, традиций и обычаев народа, невозможно сохранять и укреплять государственность многонациональной Российской Федерации.

Республика Саха (Якутия) является уникальным многонациональным (полиэтничным) государством, где проживает более 120 национальностей и народностей. Принятие 27 сентября 1990 года Декларации о государственном суверенитете РС(Я), провозгласившей государственный статус якутского и русского языков и официальный статус языков коренных малочисленных народов Севера РС(Я), успешно решило проблемы межэтнического согласия и межконфессионального диалога, что стало в свою очередь гарантией стабильного динамичного развития экономики, решения проблем социальной политики, культурно-образовательной и духовной сферы.

Существующие в Республике Саха (Якутия) языковая политика и планирование носят статусный, или нормативный характер. Язык – самое объективное, демократическое и независимое явление национальной культуры. Созданный в результате сложного исторического развития, он является символом нации, её культурной неповторимости. В целях содействия развитию родного языка и письменности коренных народов Севера Указом президента республики от 9 февраля 1996 г. 13 февраля объявлен Днем родного языка и письменности. С 2002 года действует Совет по языковой политике при Главе РС(Я). Начала функционировать подпрограмма «Сохранение, изучение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия)», направленная на поддержание благоприятной языковой ситуации в республике. В то же время, как в Бурятии, так и в нашей республике «в обществе стихийно возникает запрос на изменение норм литературного языка, подогреваемое группой людей, далеких от лингвистики, языковой политики и языкового планирования. Эти действия носят деструктивный характер, с другой стороны, возможно

действительно нужны некоторые реформы в кодифицированном языке, но реальная ситуация такова, что какие-либо изменения могут еще более ослабить жизнеспособность бурятского языка» [5. с.73-74], в том числе и языков коренных малочисленных народов Севера. Поэтому мы согласны с бурятскими коллегами, считаем, что необходимо придерживаться нормативного планирования, которое нацелено на повышение качества литературного языка.

В обеспечении эффективности системы устойчивого развития республики особую роль играет человек, человеческий капитал, в основе которого лежит интеллектуальный потенциал и здоровье личности. Обществу нужен культурный, образованный и здоровый человек, необходимо формировать жизнеспособное молодое поколение. В последние годы наблюдается возрастание роли образовательных учреждений в формировании и развитии национально-русского двуязычия/многоязычия.

Проблема сохранности актуальна для всех языков – международных, мировых, национальных, языков малочисленных народов и народностей, независимо от числа говорящих на нём. Возможно ли в условиях стремительного сокращения количества миноритарных языков в мире сохранить язык, предотвратить натиск глобализации? В данных условиях у каждого народа под действием различных факторов, в силу ментальных особенностей и т.д. формируется собственное видение проблем, связанных с языком, собственные стратегии поведения и тактики проявления этничности.

Поэтому конструктивная языковая политика, нацеленная на сохранение, изучение, развитие и поддержание позиций родных языков в республике, учитывает интересы и потребности народов и каждой языковой личности. У нас созданы правовые основы – основываясь на базовых документах государственной языковой политики (статьях Конституции РС(Я), республиканского закона «О языках в Республике Саха (Якутия)», закона «О статусе языков коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)»), разрабатываются и эффективно реализуются программы по сохранению, изучению и развитию государственных и официальных языков, сохранению, изучению и распространению якутского эпоса Олонхо, созданию условий для духовно-культурного развития народов Якутии, в которых получили отражение проблемы региональной жизни языков, которые ждут своего исследования, системы мер, мероприятий, направленных на разнообразную деятельность.

Сегодня в республике важность сохранения языков коренных народов остаётся по-прежнему актуальной. На фоне процессов всемирной глобализации, унификации, интеграции, характеризующихся в языковом плане сокращением числа языков и диалектов, этноязыковые ситуации в субъектах федерации претерпевают различные трансформации. Также немаловажным объективным фактором является то, что язык находится в постоянном развитии, движении – каждое новое поколение вносит что-то свое не только в философское и эстетическое осмысление действительности, но и в формы и способы выражения этого осмысления.

В этих условиях, условиях активной языковой конкуренции, этноязыковые процессы, происходящие в республике, имеют разнонаправленный характер: повышение интереса к национальной культуре, стремление к этнической самоидентификации, с одной стороны, и падение знания родного языка у молодого поколения, сокращение числа говорящих на родном языке, с другой стороны. Так, социолингвистические исследования и данные переписи 2010 г. показали возрастание социально-демографических и национально-культурных показателей языков коренных народов республики, высокую степень приверженности к родному языку у молодежи коренных малочисленных народов Севера.

Языковая политика представляет собой сознательное воздействие государства на функционирование языка в обществе, и, в конечном счете, она всегда есть отражение

политики государства. Каждый этап развития общества выдвигает свои актуальные проблемы в языковой политике. В 20-е гг. XX в. наиболее актуальной была политика ликвидации неграмотности и расширения письменности на родных языках, затем в 30-е гг. – политика внедрения начального, неполного среднего и среднего образования, развития литературы, политического просвещения масс на родном языке и т.д. В настоящее время наиболее актуальным и сложным является воплощение в жизнь задачи – укрепление и развитие, кроме государственного статуса русского и якутского языков, официальных статусов языков коренных малочисленных народов Севера. Языковая политика должна быть направлена на то, чтобы создать все условия для свободного и равноправного функционирования живого современного языка, дать ему возможность развиваться, проявить себя, закрепиться в любых языковых состояниях и в любых ситуациях, а в ряде случаев – обеспечить государственную поддержку преимущественному развитию государственного и официального языка.

О научном обеспечении функционирования официальных языков

Научное сообщество сегодня работает над созданием научных основ государственной языковой политики – своевременное выполнение этих задач в соответствии с запросами и потребностями сегодняшнего общества, предполагает качественно новый уровень и совершенствование литературных форм, ориентирование на общенародные нормы, активизацию внутренних ресурсов и потенциала родных языков. Изучению и описанию языковых ситуаций эвенков, эвенов и юкагиров в РС(Я) посвящены исследования и статьи Роббека В.А., Мыреевой А.Н., Стручкова К.Н., Андреевой Т.Е., Аргуновой Т.В., Прокопьевой П.Е., Прокопьевой А.Е., Саввиновой С.Н. и др.

С 1991 г. по настоящее время фундаментальными и прикладными исследованиями эвенкийского, эвенского и юкагирского языков и фольклора в РС(Я) занимался ИПМНС СО РАН, с 2008 г. продолжает в стенах ИГИиПМНС СО РАН. Для эффективного обучения родным языкам необходимо создание фундаментальной научной базы. Несмотря на достигнутые значительные результаты, языки народов Севера остаются одними из наиболее малоисследованных в североведческой науке. Практически неизученным остается язык лесных юкагиров, не исследованы фонетика двух юкагирских языков, синтаксис; по эвенскому языку необходимы диалектологические исследования, а также изучение фонетики, синтаксиса, морфологии и т.д. По эвенкийскому языку остаются малоисследованными морфология, синтаксис и т.д. Бесспорно то, что проведение научных исследований будет способствовать сохранению этих исчезающих языков, а в перспективе и возрождению.

По эвенкийскому языку проводятся исследования по фонетике, лексике, фольклору, социолингвистике, психолингвистике; опубликованы эвенкийско-русские словари, разговорники, сборники эвенкийских песен, книги по эвенкийскому фольклору, переводы «Библии» на эвенкийский язык, а также электронные пособия. Одним из достижений 2013 г. является издание эвенкийского эпоса «Дулин Буга Торгандунин» – Торгандун Средней Земли, составителем которой являлась Мыреева Анна Николаевна, лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники. Грандиозные эпические полотна, философски глубокая мифология, своеобразные языки, обряды и церемонии и др. виды народного творчества составляют культурное наследие народов Севера. Реализация данного проекта представила миру общечеловеческие ценности арктических народов.

В 2018 году опубликованы труды по фольклору: «Эпос алданских эвенков» Варламовой Г.И., Варламова А.Н., Дьяконовой М.П., Яковлевой М.П., «Специфика историзма в фольклоре эвенков» Варламова А.Н. Издан первый опыт «Словообразовательного словаря Эвенкийского языка. Глагол», составленный научными

сотрудниками Захаровой Н.Е., Стручковым К.Н., Николаевой Н.П. под руководством Андреевой Т.Е.

По эвенскому языку под руководством В.А. Роббека были подготовлены и изданы 12 монографий по лексике, морфологии и синтаксису, изданы 2 словаря (до 35 тыс. слов). Его ученики продолжают исследования говоров и диалектов, изучение уникального фольклорного наследия. В 2018 г. в издательстве «Наука» опубликована монография Шариной С.И. и Кузьминой Р.П. «Нижеколымский говор эвенского языка». Были разработаны сборники эвенских сказок, разговорник, словари, пособие для детских садов, учебники для начальных классов, учебник для педучилищ, электронные пособия и др.

Известный юкагирский ученый, общественный деятель, поэт Курилов Г.Н. – Улуро Адо со своими учениками ведет исследования по лексике и морфологии, фольклору и традиционной культуре юкагирского народа. Одним из фундаментальных итогов является издание двуязычного юкагирско-русского словаря (около 11 тыс. слов). В 2018 г. вышла из печати в издательстве «Наука» в Новосибирске монография Прокопьевой П.Е. «Устная несказочная традиция юкагиров» и др.

Сегодня самобытное развитие коренных народов Севера и Арктики оказалось под серьёзной угрозой глобального бедствия, следствием которого может стать бесследное исчезновение уникальных культур. В настоящее время в России и республике рождается новая концепция развития арктических и субарктических территорий, предусматривающая и новое отношение к уникальной культуре северных народов. Так, 2019 г. объявлен Президентом РФ В.В. Путиным Годом языков коренных народов мира.

Таким образом, объективные факторы реальной языковой ситуации и субъективное воздействие языкового планирования в совокупности привели к положительным результатам в основании системы взглядов на роль языков в современном социокультурном пространстве, активизации деятельности научного сообщества, но и выявили более глубокое, детальное видение проблем в данной сфере и новые перспективные задачи: дальнейшее изучение языков и развитие литературных норм родных языков, в т. ч. решение вопросов орфографии; обновление учебно-методических комплексов официальных языков для образовательных учреждений; привлечение молодёжи к проблемам языков, подготовка кадров для работы в научных учреждениях; популяризация научных знаний о языках республики.

Большую роль в сохранении и развитии языков коренных малочисленных народов Севера играет общественность и перед ней стоит важная задача проводить основательную работу со старейшинами, носителями языка и культуры, мотивируя их на передачу своих знаний, ведь основой сохранения любого языка является семья; нужно развивать национальную культуру. Здесь велика роль работников культуры и интеллигенции. Одним из ресурсов должна стать литература на языках коренных малочисленных народов Севера.

Библиографический список

1. *Донской Ф.С.* Жажда жизни. – Якутск, 2010. 144 с.
2. *Роббек В.А.* Основоположник экономико-социологических исследований проблем коренных малочисленных народов Севера РФ // Материалы научно-практической конференции, посвященной 90-летию Ф.С. Донского. – Якутск, 2010. – С. 52-56.
3. *Тихонов Н.Н.* Академик Ф.С. Донской – один из крупных лидеров России в области исследования проблем малочисленных аборигенов Севера // Материалы научно-практической конференции, посвященной 90-летию Ф.С. Донского. – Якутск, 2010. – С. 56-60.
4. *Уткин К.Д.* Теоретико-концептуальные подходы североведческих исследований Феодосия Донского // Материалы научно-практической конференции, посвященной 90-летию Ф.С. Донского. – Якутск, 2010. – С. 69-76.

5. *Цыренов Б.Д.* Бурятский язык: вопросы выживания // Материалы международной конференции «Языки в полиэтническом государстве: развитие, планирование, прогнозирование». 11-4 июля 2019, Улан-Удэ, 2019, с. 73-74.

Сардана Ивановна Шарина,
кандидат филологических наук,
заведующий отдела северной филологии
Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Россия, Якутск

Sardana Ivanovna Sharina,
Candidate of Philological Sciences,
Head of the Department of Northern Philology,
The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Russia, Yakutsk

e-mail: sarshar@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ У КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

THE LANGUAGE SITUATION OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH IN THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

Аннотация. *Рассматриваются особенности языковой ситуации, которые определяются региональными факторами: территориальным и этносоциальным. Приводятся основные показатели витальности языков коренных малочисленных народов Севера: социально-политические показатели, социально-функциональные количественные показатели, социально-демографические количественные показатели, собственно лингвистические параметры и национально-культурные показатели.*

Abstract. *The features of the language situation, which are determined by regional factors: territorial and ethno-social are considered. The main indicators of the vitality of the languages of the indigenous peoples of the North are given: socio-political indicators, socio-functional quantitative indicators, socio-demographic quantitative indicators, linguistic parameters proper and national-cultural indicators.*

Ключевые слова: *коренные малочисленные народы Севера, языковая ситуация, официальный статус, полноценное функционирование, условия.*

Keywords: *indigenous peoples of the North, language situation, official status, full functioning, conditions.*

По данным переписи 2010 года в Республике Саха (Якутия) проживают более 40 тысяч представителей малочисленных народов Севера, в том числе эвенков – 21008, чукчей – 670, эвенов – 15071, юкагиров - 1281, долган – 1906 человека. Общая языковая ситуация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) с точки зрения их реального функционирования не может быть характеризована однозначно. Функционирование данных языков сведено до минимума (эвенский, эвенкийский), некоторые подошли к грани исчезновения (юкагирский). Как видно из таблицы, в республике проживают более половины эвенков, 2/3 эвенов и подавляющее большинство юкагиров России. По данным переписи 2010 года остается низким доля лиц, указавших

родным язык, соответствующий национальности. При этом в сравнении с показателями предыдущих переписей эта доля постоянно снижается.

Таблица

**Численность коренных малочисленных народов Севера РС (Я)
(по результатам Всероссийской переписи населения РФ 2010 г.)**

КМНС	общая числ-ть в РФ (чел.)	в т.ч. в РС (Я) (чел.)	в % от общ.числ-ти	считают родным язык (чел.)	в % от общ.числ-ти
Эвенки	38396	21008	54,7	4802	12,5
Эвены	21830	15071	69	5656	25,9
Юкагиры	1603	1281	80	370	23,1
Чукчи	15908	670	4,2	5095	32
Долганы	7885	1906	24,2	1054	13,4

Особенности языковой ситуации у малочисленных народов Севера РС(Я) определяются несколькими факторами.

Первый – территориальный: в РС(Я) представлены все три наречия эвенского языка, все диалекты юкагирского языка, диалектный же состав эвенкийского и чукотского языков достаточно однороден. Это означает, что в отличие от других регионов, в РС(Я) наличествует исключительная диалектная разобщенность. Степень этнической консолидации отличается от других регионов в сторону понижения в силу исторических и географических факторов. Различия в хозяйстве и культуре между отдельными территориальными группами населения коренных малочисленных народов Севера РС(Я) также достаточно значительны и обусловлены различными природно-климатическими условиями и этнокультурными связями.

Второй фактор – этносоциальный: в РС(Я) для большинства исторически характерно национально-якутское двуязычие, а в XX в. – национально-якутско-русское трехязычие. Якутский язык играет практически ту же роль, что и русский язык для других регионов проживания народов Севера, в том числе он выполняет роль языка межэтнического общения. Для отдельных улусов, таких, как Нижнеколымский, характерно многоязычие, выраженное в распространении эвенского, юкагирского, чукотского, якутского языков и диалекта русских старожилов-колымчан за пределами соответствующих этносов. Характер использования этих языков как средств межэтнического общения требует специального исследования.

Особенности языковой ситуации коренных малочисленных народов Севера РС(Я) порождают ряд серьезных проблем в преподавании языков в школах республики, развитии художественной литературы, популяризации образцов фольклора, работе средств массовой информации.

В силу хозяйственно-культурной специфики определенных групп малочисленных народов Севера республики языковая ситуация остается благоприятной для пользования устным и письменным языком в 7 населенных пунктах компактного проживания коренных народов: эвенкийский – в с. Березовка Среднеколымского, с. Себян-Кюель Кобяйского, с. Тополиное Томпонского, с. Андрюшкино Нижнеколымского улусов, эвенкийский – в с. Иенгра Нерюнгринского и с. Тяня Олекминского улусов, чукотский – в с. Колымское Нижнеколымского улуса. В остальных районах родные языки практически утратили функции языка общения.

Основываясь на условиях функционирования родных языков народов Севера и характеристике языковой ситуации, приведем основные показатели витальности языков коренных малочисленных народов Севера в республике.

Наиболее важными представляются социально-политические показатели, предполагающие создание государственно-правовых и программных основ языковой политики, реализацию государственной целевой программы по развитию языков малочисленных народов Севера, наличие социальной инфраструктуры их полноценного функционирования (учреждения образования от детских садов, школ до специальных учебных заведений, СМИ).

В Республике Саха (Якутия) проводится определенная работа по созданию правовой базы поддержки малочисленных народов Севера, остается в зоне внимания и «языковой» вопрос. В республике приняты государственно-правовые и программные основы языковой политики. Это Законы «О правовом статусе коренных малочисленных народов Севера», «О языках в Республике Саха (Якутия)», «О статусе языков коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)», «О государственной поддержке средств массовой информации, издаваемых (выпускаемых) на языках коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия)».

В целях содействия развитию родного языка и письменности коренных народов Якутии Указом Президента республики от 9 февраля 1996 года 13 февраля объявлен Днем родного языка и письменности. Указом Президента Республики Саха (Якутия) от 12 февраля 2013 года № 1870 «О совершенствовании языковой политики в Республике Саха (Якутия)» продолжено вручение ежегодных премий Президента/ныне Главы Республики Саха (Якутия) в области сохранения, изучения и развития родных языков. В том числе, премия имени В.Д. Лебедева за вклад в сохранение и развитие эвенского языка, имени Г.М. Василевич за вклад в сохранение и развитие эвенкийского языка, Н.И. Спиридонова - Тэки Одулока за вклад в сохранение и развитие юкагирского языка.

С 2002 г. действует Совет по языковой политике при Президенте РС(Я), созданный в целях создания оптимальных условий для развития взаимодействия государственных и официальных языков РС(Я). Функционировала государственная программа «Сохранение, изучение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия) на 2012-2016 годы», направленная на поддержание благоприятной языковой ситуации в республике.

Согласно Закону РС (Я) «О статусе языков коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» языки народов Севера являются официальными в местах компактного проживания этих народов.

Специалисты признают, что планомерное воздействие на языковую ситуацию у малочисленных народов Севера может обратить ассимиляционные процессы, приводящие к утрате языка. В этой связи концептуально важным для ревитализации языков малочисленных народов Севера является целенаправленная деятельность по обучению языкам малочисленных народов Севера в общеобразовательных учреждениях.

Изучение языков коренных малочисленных народов Севера проводится в 40 школах: в 19 школах дети изучают эвенский язык, в 12 – эвенкийский, в 3 – юкагирский, чукотский и долганский – по одной школе, а также в 10 кочевых школах, где обучается 113 детей. Эвенкийский язык изучают 946 учащихся, эвенский – 718, юкагирский – 101, долганский – 132 и чукотский – 59 учащихся.

Однако эти данные не отражают всей серьезности ситуации: только в двух школах ведется обучение на родном языке в начальной школе – это Себян-Кельская и Берёзовская школы, как предмет родные языки изучаются в 15 стационарных и 7 кочевых школах. В остальных школах языки изучаются как факультатив, один час в неделю, что совершенно недостаточно для сохранения исчезающих языков. Учитывая ситуацию, во всех учебных заведениях в 70 местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера,

в которых языки имеют официальный статус, северные языки должны изучаться как предмет. Одним из путей решения этой проблемы в пределах действующей учебной программы должна стать возможность выбора родного языка как основного предмета изучения и факультативное изучение якутского языка. Только в таком случае мы решим и проблему достойной оплаты труда учителей родных языков, т.к. меры по увеличению заработной платы не касаются факультативов и кружков (сегодня в большинстве школ изучение языков коренных малочисленных народов Севера ведется факультативно).

Важно увеличить финансовую поддержку 9 базовых школ по языкам коренных малочисленных народов Севера (Андрюшкинская, Березовская, Иенгринская, Колымская, Нелемнинская, Себян-Кюельская, Тополинская, Юрюнг-Хаинская школы и школа-интернат «Арктика»). Эти дополнительные средства должны быть направлены на восстановление штатных единиц методистов по родным языкам, ставки которых были оптимизированы за последние годы, оплату работы по созданию и апробации учебных и учебно-методических пособий на языках народов Севера, поддержку учебно-воспитательной и внеклассной работы по сохранению и развитию языков коренных малочисленных народов Севера.

Одной из проблем большинство школ указывают отсутствие учебников на языках коренных малочисленных народов Севера. Реальная языковая ситуация такова, что из детей, изучающих родные языки, не владеют ими около 80% учащихся. Имеющиеся учебники не отвечают современным требованиям, рассчитаны только на меньшинство и обслуживают только интересы 20% детей. Современные учебники родного языка для народов Севера не соответствуют реальной языковой ситуации. Если первоначально учебник служил лишь средством обучения грамоте на родном языке, на котором же велось и обучение, то уже по крайней мере 40 лет учебник родного языка должен был стать средством обучения языку. Среди педагогов стало расхожей фразой то, что дети изучают эвенкийский, эвенский и юкагирский язык как иностранный язык. Однако учебники родных языков в целом, тем не менее, до сих пор не стали в методическом плане похожими на учебники иностранного языка, обучающие языку как средству общения, а не только грамоте.

Методистам и ученым, работающим в этом направлении, давно известно положение дел, однако на сегодня нет в наличии ни одного учебно-методического комплекта, ни одной программы, по которому можно обучать родному языку не владеющих им, хотя в республике имеется уникальный опыт учителей и преподавателей, воспитателей, руководителей детских фольклорных коллективов по возрождению родных языков.

Несколько лет назад были приняты Федеральные государственные образовательные стандарты России и утверждены новые учебные программы, в т.ч. и по языкам народов Севера. Но за эти годы не создано ни одного комплекта учебников даже для 1-го класса по этим стандартам. Проводимая работа над ними неоправданно затянулась. Министерству образования РС(Я) необходимо изыскать средства для финансирования создания учебно-методических комплектов для обучения языкам коренных малочисленных народов Севера для всех классов по годам.

Одним из важнейших достижений последних лет стало введение ЕГЭ по языкам коренных малочисленных народов Севера. Это позволяет не только стандартизировать требования к знаниям, умениям и навыкам учащихся, но и дает возможность выявить наиболее проблемные вопросы обучения родным языкам. К сожалению, многие школы не ввели в практику сдачу экзаменов по родным языкам в форме ЕГЭ, аргументируя это разными причинами. Одним из главных была названа нацеленность учащихся на сдачу ЕГЭ по общеобразовательным предметам, от результатов которых зависит успешность поступления в учебные заведения. Исходя из вышеизложенного, предлагаем сделать ЕГЭ по родным языкам обязательным для школ народов Севера.

Одним из главных условий успешности языкового образования является его системность. Немаловажную роль в изучении языков занимает дошкольное образование. Вероятность успеха многократно увеличивается с более раннего начала языкового обучения. Однако из года в год количество дошкольных групп с языками народов Севера неуклонно сокращается.

При условиях отсутствия сферы обращения языков и языковой среды после окончания школы все усилия по обучению языкам представителей коренных малочисленных народов Севера сводятся на нет. В сфере профессионального образования в настоящее время языки коренных малочисленных народов Севера изучаются только на кафедре северной филологии СВФУ им. М.К. Аммосова и в Якутском педагогическом колледже.

Среди представителей коренных малочисленных народов Севера в последнее время заметно увеличился количественный показатель обучающихся по специальностям технического и технологического направления, весьма высок показатель поступающих на экономические и медицинские специальности, отмечается ежегодное заметное повышение количественного показателя зачисленных на рабочие специальности. Можно было бы продолжить изучение родных языков молодежью коренных малочисленных народов Севера в условиях профессионального и вузовского образования. В настоящий момент назрела необходимость введения преподавания языков коренных малочисленных народов Севера на всех факультетах СВФУ, других ВУЗах, ССУЗах, учреждениях НПО.

Сегодня необходима разработка новых методов и методик языкового образования. Анализ работы педагогов показывает, что обучение родному языку методом погружения с целью интенсивного усвоения пользуется большим успехом у не владеющих им детей и взрослого населения в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера. Так, в результате академического 45-минутного урока дети, совершенно не владеющие родным эвенским языком (с. Найба Булунского улуса - 2008 г., с. Казачье Усть-Янского улуса - 2011 г., преподаватель - Белолобская В.Г.), в конце урока написали мини-сочинения, рассказы. Результат весьма воодушевил детей и их родителей, дети, присутствовавшие на уроках, отметили в анкетах, что они хотят учить родной язык.

Данная методика, предполагающая упор на устный язык и запрет на пользование другим языком на уроке, не столько обучает, сколько заинтересовывает учащихся, создает положительный импульс по отношению к языку и культуре предков, повышает уровень мотивации детей к изучению родного языка, что совершенно немаловажно в условиях наметившейся опасной тенденции утраты интереса у детей к культуре предков, к родному языку в местах компактного проживания народов Севера, где еще функционирует языковая среда.

Однако изучение родного языка методом погружения с целью интенсивного усвоения в данное время используется не повсеместно. На общественных началах силами преподавателей СВФУ им. М.К. Аммосова в рамках реализации проектов по языковому образованию эвенов и эвенков (пилотный проект Департамента по делам народов и федеративным отношениям РС(Я)) удалось приобщить определенное количество учителей к данному методу. Но его использование, в связи с отсутствием какой бы то ни было программы и пособий, предполагает большой творческий потенциал учителя, организацию весьма затратных семинаров и мастер-классов (учитывая авиатранспорт). Здесь есть альтернатива в виде создания специального ресурсного методического веб-сайта для учителей языков коренных малочисленных народов Севера с видео уроками лучших методистов. Веление времени – внедрение инновационных технологий в образование детей малочисленных народов Севера: создание электронных образовательных ресурсов, электронных пособий по обучению языкам и их размещение на ресурсный сайт для учителей.

Интересным представляется и изучение методики кластерного/гнездового обучения родным языкам, успешность которой доказана возрождением языков маори в Новой Зеландии, саамов в Норвегии и т.д.

Витальность языков коренных малочисленных народов Севера определяется и социально-функциональными количественными показателями: коммуникативно-функциональным статусом языков (быт, производство, выпуск средств массовой информации – газет, журналов, теле- и радио передач на родных языках), употреблением языков в публичной жизни общества (использование языков в работе органов власти, ведение документооборота, использование языка в официальной наглядной атрибутике и информации, географических и дорожных указателях, официальной переписке, официальных документах, в наглядной агитации, рекламе, в издании печатной продукции) учебно-педагогическим статусом (ведение языка как предмета или организация учебного процесса на официальных языках).

Официальный статус языка предполагает употребление языка в публичной жизни общества:

1) в органах власти, государственных организациях – использование языка в процессе работы органов власти, издание законодательства и нормативных актов на родных языках, ведение документооборота, использование языка в официальной наглядной атрибутике и информации, географических и дорожных указателях, официальной переписке, официальных документах граждан, а также обеспечение синхронного перевода;

2) наличие языковой среды на работе и языковых квалификационных требований – это обязанности по владению официальными языками работников определенных профессий и по определенным должностям, включая необходимость знания языков для работников органов власти;

3) в средствах массовой информации – в наглядной агитации, рекламе, в издании печатной продукции, выпуске средств массовой информации – газет, журналов, ТВ- и радио-передач на родных языках, обеспечение синхронного перевода передач на русском и якутском языке на языки народов Севера в местах их компактного проживания;

4) в образовании – организация учебного процесса на официальных языках, т.е. не только ведение языка как предмета, но и обучение на родном языке.

Многое из вышеперечисленного кажется невероятным, но так должно быть, когда мы говорим о равноправии языков, тем более о статусе официального языка. В реальности же наблюдается другая ситуация, которая характеризуется следующими моментами:

- в большинстве из 70 населенных пунктов – местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия) отсутствуют внешние проявления официального статуса языка, т.е. использования языка в официальных вывесках, наименованиях улиц, атрибутике и информации;

- ни в одном из населенных пунктов языки народов Севера не используются в процессе работы органов власти и документообороте, включая перевод основных нормативно-правовых актов;

- ни в одном из них нет языковых квалификационных требований по знанию официального языка для муниципальных служащих;

- нет единых языковых стандартов оформления официальных документов и вывесок, наглядной агитации.

Фактически языки коренных малочисленных народов Севера не выполняют полноценно роль официальных языков.

При этом следует отметить низкую ответственность муниципалитетов – мест компактного проживания народов Севера, многие из которых имеют статус национальных

наследов или районов и лишь считанные из которых предусматривают в своих бюджетах поддержку функционирования официальных языков.

Важным направлением активного созидательного языкового строительства представляется содействие использованию официальных языков в средствах массовой информации. В ноябре 2011 г. был принят Закон РС (Я) «О государственной поддержке средств массовой информации, издаваемых (выпускаемых) на языках коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия)». Однако правоприменительная практика неудовлетворительна.

С начала 1990-х годов выпускает передачи на языках коренных малочисленных народов Севера телерадиостудия «Геван». В 90-х годах в штате объединенной студии было до 6 человек, работали 3 диктора, ведущих передачи на эвенском, эвенкийском и юкагирском языках. Общее эфирное время теле- и радиопередач доходило до 5 часов в неделю, что составляло 5% всего эфирного времени национальной вещательной телерадиокомпании «Саха». К сожалению, в последние годы наблюдается отступление от достигнутых в начале 1990-х годов позиций. Произошло сокращение штатов, нет ведущего ТВ программ на юкагирском языке. Сегодня выпуски передач студии «Геван» на НВК «Саха» и «Саха 24» включают две телепередачи по 30 минут и четыре – по 20 минут по радио. Суммарно это составляет всего 2 часа в неделю на эвенском, эвенкийском и юкагирском языках. И это на фоне увеличения телевещания НВК «Саха» и введения круглосуточного канала «Саха 24». Вещание на пяти официальных языках коренных малочисленных народов Севера с учетом радио составляет менее 1% эфирного времени. НВК «Саха» должно расширить вещание на языках коренных малочисленных народов Севера до 5-6 часов в неделю, что соответствовало бы 5% их эфирного времени. Для этого надо увеличить штат ТО «Геван», открыв дополнительно штаты редакторов на юкагирском, чукотском и долганском языках. В сетке вещания ТО «Геван» можно было бы предусмотреть по одной передаче в неделю на каждом официальном языке и дополнительно одну передачу в неделю проблемного характера по общим проблемам коренных малочисленных народов Севера. При этом передачи на родных языках было бы желательно пускать с титрами на русском языке, что повысило бы обучающий эффект и существенно расширило аудиторию передач. То же самое касается улусных филиалов радио и телевидения.

В сфере печатных СМИ единственной газетой на языках народов Севера остается «Илкэн», который выходит 12 раз в год. Материалы на официальных языках в этой газете составляют всего 25-30%. Единичные заметки на языках коренных малочисленных народов Севера, носящие нерегулярный характер, встречаются в пяти районных газетах. При современных технологиях не представляет труда предоставлять 1-2 полосы в улусных (районных) газетах для материалов на родном языке. Учитывая официальный статус языков малочисленных народов Севера, эта норма могла бы быть обязательной для улусов и наслегов, имеющих статус национального. Учитывая сложности финансирования из республиканского бюджета, расходы по оплате услуг корреспондента мог бы взять на себя местный бюджет. Тем более, что затраты составят не более 200 тысяч рублей в год. Можно использовать и потенциал детей, обучающихся на родном языке. Эта работа может быть построена и на грантовой основе. Еще проще эту работу организовать в рамках школ в виде выпуска листков/бюллетеней/стенгазет.

Оставляет желать лучшего и представленность языков малочисленных народов Севера в сети Интернет. В 2007 г. был открыт портал «Куйаар», в котором помещены несколько материалов на эвенском и эвенкийском языках, которые практически не обновляются. С 2011 г. на портале СВФУ arctic-megapedia.ru функционируют страницы на эвенском и юкагирском языках. Открыт сайт ewesel.org на эвенском языке, отмечается

наличие страниц с ресурсами по эвенкийскому и юкагирскому языкам в социальных сетях. В 2018 году начал пополняться «Аудиовизуальный фонд эвенского языка» на сайте ИГиПМНС СО РАН. Однако, на сегодня возможности сети Интернет для поддержки исчезающих языков используются не в полной мере. Здесь возможно размещение материалов на родных языках на сайтах национальных школ, администраций национальных наслегов и районов.

К сожалению, никакими образовательными программами невозможно компенсировать разрушение языковой среды. Островками традиционного способа ведения хозяйства и традиционного образа жизни с использованием родных языков являются производственные коллективы, сохраняющиеся в оленеводстве. Современные проблемы коренных малочисленных народов Севера диктуют необходимость увязывания образования с традиционным укладом жизни малочисленных народов Севера. Кочевые школы появились в результате общественной активности и гражданской позиции представителей Севера и играют большую роль в обучении и воспитании, приобщении к языку, традиционным занятиям и родной культуре детей оленеводов и охотников, для укрепления семьи и для сохранения среды функционирования языка. В настоящее время кочевые школы Якутии переживают новое рождение в условиях инновационного развития педагогической теории и уникальной образовательной практики.

Языковая среда, в которой язык чувствует себя комфортно и существует стабильно – это разновозрастная языковая среда. Это значит, что для сохранения языка необходимо избежать старения языкового коллектива. Это может быть достигнуто в идеале только единственным способом: изучением языка как первого, материнского, в семье. Например, эвен должен заговорить по-эвенски в традиционной семье, где разговаривает на родном языке более старшее поколение. Здесь должны развернуть всевозможную пропагандистскую, организационную деятельность общественные этнические ассоциации и союзы. Для поднятия социального престижа языка важно активно пропагандировать историю и культуру своих народов, показать молодому поколению этносов уникальность и ценность языков и культур коренных малочисленных народов Севера для мирового сообщества.

Социально-демографические количественные показатели включают указание на общее количество представителей этносов, количество говорящих, количество знающих язык среди молодежи и другие сведения. Сегодня, к сожалению, органами государственной статистики России не ведется статистический учет определенных количественных показателей, например, таких, как и количество знающих родной язык представителей этносов и т.д. Считаем, что в данной ситуации возможно проведение мониторинга по функционированию официальных языков РС(Я) в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера через органы местного самоуправления совместно с ИГиПМНС СО РАН.

К объективным признакам витальности относятся и собственно лингвистические параметры (наличие литературного стандарта, кодификация письменных норм, диалектные различия, степень разработанности отраслевых терминологий и др.) В связи с угрозой исчезновения языков и значительного пласта устного народного творчества в условиях меняющегося мира актуальна своевременная документация и фиксация языков коренных малочисленных народов Севера. В Институте гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН в рамках государственных заданий ведутся фундаментальные исследования языков коренных малочисленных народов Севера. За прошедшие десятилетия достигнуты значительные результаты, опубликованы наиболее полные национально-русские словари, проведены масштабные диалектологические исследования, составлены грамматические очерки, опубликованы десятки монографий по фонетике,

морфологии, лексике, фольклору, социолингвистике. Для выполнения задачи документации и фиксации языков коренных малочисленных народов Севера сотрудниками института важна оперативная публикация результатов научных исследований по языкам КМНС.

Прикладные исследования проводились только в рамках государственной программы «Сохранение, изучение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия)». Сотрудниками института были разработаны разговорники, словари, пособия, сборники сказок, электронные пособия по эвенкийскому, эвенскому и юкагирскому языкам. Интересен и опыт создания разговорника эвенкийского языка для мобильных устройств, разработанного ведущими специалистами института Г.И. Варламовой и А.Н. Варламовым. Хотя уровень финансирования этих исследований был мизерным, но работа по поддержке языков велась. Однако уже три года ГЦП в республике не реализуется. Приостановлена экспедиционная работа по сбору лингвистического и фольклорного материалов. Сегодня уходят из жизни последние знатоки эвенкийского, эвенского, юкагирского языков и фольклора, дорога каждая минута для сбора аутентичного материала. Для более точной оценки функционирования языков коренных малочисленных народов Севера необходимо проведение мониторинга, позволяющего своевременно выявлять темпы утраты и степень сохранения и развития языков, создание благоприятной языковой среды. Весьма востребованы терминологические словари, в частности, общественно-политической лексики, для приведения к единообразию оформление официальных документов, вывесок, наглядной агитации на языках народов Севера. Поэтому назрела настоятельная необходимость разработки новой ГЦП по сохранению, изучению и развитию языков коренных малочисленных народов Севера.

Национально-культурные показатели включают в себя традиционные промыслы, национальное искусство и др. К сожалению, никакими образовательными программами невозможно компенсировать разрушение языковой среды. Островками традиционного способа ведения хозяйства и традиционного образа жизни с использованием родных языков являются производственные коллективы, сохраняющиеся в оленеводстве. Современные проблемы коренных малочисленных народов Севера диктуют необходимость увязывания образования с традиционным укладом жизни малочисленных народов Севера. В данной связи поддержка государством оленеводства и других отраслей традиционного хозяйства народов Севера – это одна из основных и необходимых мер и для сохранения их языков.

Инициативный проект «Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», автором которого является В.А. Роббек, имеет целью издание памятников культурного наследия народов Севера. В рамках серии изданы 35 томов по культурному наследию народов Севера, Сибири и Дальнего Востока – это подлинная сокровищница, к сожалению, до сих пор малоизвестная мировому сообществу. Она представлена грандиозными эпическими полотнами, философски глубокой мифологией, редкими и исчезающими языками с изысканной поэтической образностью, колоритными обрядами и экзотическими церемониями, красивейшими образцами декоративно-прикладного искусства и народного творчества. Серийное издание этих памятников делает достоянием России и всего человечества образцы уникального наследия. Сегодня из-за отсутствия целевого финансирования десятки готовых работ ждут публикации. Предлагаем предусмотреть ежегодное целевое финансирование издания серии «Памятников этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» в рамках ГЦП.

Для поддержки функционирования фольклорных традиций народов Севера весьма существенно учреждение ежегодной республиканской стипендиальной поддержки носителям и исполнителям фольклора коренных малочисленных народов Севера Республики

Саха (Якутия) – сказителям архаического эпоса *нимкаланам*, т.к. ежегодно стремительно сокращается количество сказителей, знатоков языков народов Севера.

Основываясь на условиях функционирования долганского, эвенского, эвенкийского, чукотского, юкагирского языков, языковая ситуация с родными языками народов Севера однозначно оценивается как кризисная и может служить одним из индикаторов социально-экономического неблагополучия малочисленных народов Севера. Предстоит организация широкомасштабной работы по сохранению традиционного образа жизни, целенаправленная деятельность по обучению языкам малочисленных народов Севера в общеобразовательных учреждениях, продолжение фундаментальных и прикладных исследований языков, разработка и реализация государственной целевой программы по развитию языков малочисленных народов Севера, расширение социальной среды их функционирования. Соблюдение всех перечисленных условий может способствовать улучшению языковой ситуации и создаст условия для поддержания полноценного функционирования языков народов Севера на перспективу.

Библиографический список

1. *Архипов А.В.* Документирование малых языков: научные и технические аспекты // Языковое разнообразие в киберпространстве: российский и зарубежный опыт. Сборник аналитических материалов. / Сост.: Е. И. Кузьмин, Е. В. Плыс. – М.: МЦБС, 2008. – С. 76-84.

2. *Бурыкин А.А.* Интернет-ресурсы по теме «Языки малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока России». Обзор имеющегося материала и пользовательские запросы // Языковое разнообразие в киберпространстве: российский и зарубежный опыт. Сборник аналитических материалов. / Сост.: Е. И. Кузьмин, Е. В. Плыс. – М.: МЦБС, 2008. – С. 111-129.

3. *Варламова Г.И., Варламов А.Н., Дьяконова М.П., Пикунова З.Н.* Учим эвенкийский язык. Учебно-методическое пособие для изучения эвенкийского языка. С приложением CD-ROM. – Воронеж, 2018.

4. *Возвращение к живому языку.* Пособие для изучения языка по методу «Мастер-ученик». Составлено по книге Leanne Hinton и др. Перевод, адаптация и редакция: Екатерина Груздева, Софья Оскольская, Мария Пупынина Аржаана Сюрюн, Максим Федотов, Юха Янхунен. – Helsinki: Terra ludens, 2018. – 166 с.

Самона Николаевна Курилова,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник отдела северной филологии
Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Россия, Якутск

Samona Nikolaevna Kurilova
Candidate of Philological Sciences,
Research Fellow of the Department of Northern Philology,
The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Russia, Yakutsk

e-mail: samonakur@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ТУНГУСИЗМОВ В ЯЗЫКЕ ТУНДРОВЫХ ЮКАГИРОВ

THE FEATURES OF MORPHOLOGICAL ADAPTATION OF THE TUNGUSIC WORDS IN TUNDRA YUKAGHIR

Аннотация. Автор анализирует лексемы эвенкийского и эвенского происхождения, которые стали постепенно проникать в язык тундровых юкагиров после XII в. в связи с началом расселения по северо-востоку Сибири тунгусо-язычных племен из южных районов Прибайкалья и Забайкалья. Последние исследования иноязычной лексики в юкагирском языке показали функционирование около 800 слов из корякского, чукотского, якутского и русского языков, из которых приблизительно 53 единицы тунгусского происхождения, представленные тематическими группами родства, оленеводства, религии, орудий труда, фауны, гардероба, этнонимов, глаголов, междометий и разного. Тунгусизмы подчинились законам юкагирского языка и в связи с этим выявлены и проанализированы особенности морфологической адаптации тунгусизмов среди имен существительных, глаголов и междометий. В интеграции тунгусизмов участвуют различные словоизменяемые и словообразовательные аффиксы юкагирского языка.

Abstract. The article considers words originated from Evenk and Even languages gradually entering into Tundra Yukaghir since XII century as a result of initial settlement of the Tungusic tribes in north-eastern Siberia from southern regions of Pribaikalye and Zabaikalye. The last research of the foreign lexicon in Tundra Yukaghir allowed discovering about 800 words from Koryak, Chukchee, Yakut and Russian, of which about 53 words are of Tungusic presented by thematic groups of kinship, reindeer-breeding, religion, tools, fauna, wardrobe, ethnonyms, verbs, interjections and various. The tungusisms adopted to the Yukaghir grammar rules and in this regard the features of morphological adaptation of the tungusic nouns, verbs and interjections are identified and analyzed. Various inflectional and word-building affixes of Tundra Yukaghir take part in integration of the tungusisms.

Ключевые слова: язык тундровых юкагиров, тунгусские языки, лексические переносы, части речи, морфологическая адаптация, аффикс, падеж, категории, выделение.

Keywords: Tundra Yukaghir, tungusic languages, lexical transfers, speech parts, morphological adaptation, affix, case, category, focus.

Оказавшись в языке-реципиенте, лексемы из языка-источника начинают соотноситься с соответствующими грамматическими классами и категориями, а также подвергаются дальнейшей грамматической адаптации. Большинство тунгусизмов относятся к именам существительным (ок. 39 ед.), остальные к глаголам (ок. 12 ед.) и междометиям (ок. 2 ед.).

Формальной грамматической адаптации не обнаруживаем в имеющихся материалах у 8 тунгусизмов (эвк. мн. *һэвэкэл* от эвк. *һэвэк*, *сэвэк* ‘посвященный, табуированный, священный олень’ [17, с. 529, 583], эв. *һэвык* уст. ‘олень, предназначенный для поминок’ [16, с. 195], эв. берез. *хэвук* ‘олень – шаманский помощник при камлании; олень, предназначенный для поминок’ [18, с. 316] > юк. **һэвэкэл** ‘шаманский олень’; эвк. *нэри* ‘женский посох для езды на олене; верхний крюк лыжной палки; крюк женского посоха’ [17, с. 423], эв. *ньюри* ‘железный наконечник посоха’ [16, с. 180], эв. *аллаих. н’оори* ‘женский посох’ [4, с. 65], эв. берез. *нэри* ‘наконечник женского посоха’ [18, с. 192] > юк. **Нуории** ‘женский посох’ [13, с. 295; 11, с. 24], эв. мн. *энил* от эв. *аллаих. эни* ‘важенка до одного года’ [4, с. 63], эв. берез. *эни* ‘важенка-однолетка (отелившаяся)’ [18, с. 345], эв. *ламунх. эни* ‘отелившаяся важенка (одного года)’ [9, с. 72] > юк. **энил** ‘важенка одного года’ [13, с. 606; 22, р. 161], и др.).

Некоторые эвенкийские и эвенские лексемы поменяли свой частеречный статус в языке-реципиенте. Например, переход эвенских имен прилагательных в класс имен существительных (эвк. *сахал. бипкэ* ‘сильный, крепкий, неподдающийся’ [17, с. 85], эв. *аллаих. бипкэ* ‘крепко, твердо’ [4, с. 90], эв. берез. *бипкэ* ‘крепкий, прочный, тугой, упругий; упорный; крепко, прочно, туго; упорно; с рождения, с появления’ [18, с. 56] > юк. **бипкэ** ‘бородавка’; эв. *кабата* ‘плешивый, лысый’ [16, с. 169], эв. *аллаих. кабата* [4, с. 103], эв. берез. *кабата* ‘плешивый, лысый; комолый, безрогий’ [18, с. 134] > юк. **хабатаа** ‘лысына; лысый’ [8, с. 248; 13, с. 497; 22, р. 373]) и глаголов (эв. *бэтэкэ* ‘уродливый (об отростке дерева)’ [16, с. 175], эв. берез. *бутэкэдэй* ‘болеть копытницей’, *бэтэкэ* ‘уродливый’ [18, с. 65, 70] > юк. **бэтэкээ** = ~ **бэчэкээ** = ‘опухнуть’ [13, с. 56; 22, р. 116-117]; эвк. *томм.*, *ороч. чупчуриин* ‘заостренный, острый’ [17, с. 736], эв. *аллаих. чупун’а* ‘остроконечный’ [4, с. 135], эв. берез. *чубуня, чупуня* ‘торчащий, выступающий, остроконечный; остроносый’ [18, с. 334] > юк. **чупонэ** = ~ **чупонэ** = ~ **чупунэ** = ‘быть островерхим’ [13, с. 572; 20, р. 109] и др.).

Переносу из системы одного языка в систему другого языка в первую очередь всегда подвергаются имена нарицательные. Класс имен существительных в юкагирском языке имеет наибольшее число тунгусских переносов, морфологическая адаптация которых проявляется по нескольким показателям.

1. Тунгусские переносы пополняют именную лексику тундрового юкагирского языка благодаря различным словообразовательным аффиксам. Например: эвк. *муктыы* ‘тупой (об острие чего-либо); отломанный; слепая кишка’ [17, с. 371], эв. *муупкийа* ‘тупой’ [16, с. 54, 175], эв. берез. *мукты* ‘тупоконечный’ [18, с. 172] > юк. **муктийэ** ‘нож с обрубленным кончиком’ [13, с. 270; 22, р. 279] > *муктичэндэ* ‘обрубленный’; эв. берез. *нэнукуэн, хээнкуэн* ‘загадка, шарада’ [18, с. 215, 320] > юк. **нэнукуэ** ‘загадка’ [13, с. 300; 22, р. 304] > *мэ нээнкуэ* = ‘загадать загадку’, эв. берез. *элинэ* ‘брезгливый; лентяй, бездельник’ [17, с. 228] > **элэньэ(л)** ‘лень’ [22, р. 324] > *элэньийэ* ‘лентяй’ > *мэр элэньэ* = ‘быть ленивым’ > *элэньэй* ‘ленивый’, и др.

2. Тунгусизмы-существительные склоняются по девяти из одиннадцати падежей юкагирского языка.

Примеры с аффиксами винительного падежа:

(а) в нулевом выражении: эвк. *токк.*, *иенг. зват. амаа* ‘родители; отец и другие с ним’ [17, с. 41]; эв. *обращ. ама* ‘папа, отец’ [16, с. 149]; эв. *аллаих. ама* ‘отец’ [5, с. 77; 4, с. 69-70,

71, 86]; эв. берез. ама, аман ‘отец, папа’ [18, с. 41] > юк. **амаа** ‘отца’ [6, с. 268; 7, с. 450; 8, с. 248; 11, с. 29; 23, р. 23, 78; 19, р. 65; 20, р. 91; 22, р. 102] (напр., *мэт амаа мэ пуньмэк* ‘моего отца убил=ты’);

(б) *-лэ ~ -э*: эв.>юк. **ээнил** + вин. *-э* ‘годовалую важенку’ (напр., *ээнилэ ингэр моойнунга* ‘годовалую важенку отдельно держали=они’);

(в) *-банэ ~ -бала ~ -балэ*: эв. иитэн ‘домашний олень двух-трех лет’ [16, с. 166], эв. аллаих. иитэн ‘домашний олень-самец двух-трех лет’ [4, с. 63, 71, 102], эв. берез. иитэн ‘домашний олень-самец двух-трех лет’ [18, с. 132], эв. ламунх. итэн ‘домашний олень-самец (двух-трех лет)’ [9, с. 72] > юк. **иитээнил** [8, с. 248; 13, с. 90; 22, р. 178] + вин. *-банэ* ‘быка-трехлетку’ (напр., *иитээнилбанэ мэ пуньим* ‘быка-трехлетку забил=он’); эвк. барг. мирээмэктэ ‘молодая; невеста’ [18, с. 361], эв. берез. меерэннэ ‘невеста’ [19, с. 166]; также ср. эв. миерындэйи ‘выходить замуж’ [17, с. 174] > юк. **мирийэ** ‘жена’ [7, с. 400, 457; 8, с. 249, 274; 13, с. 243; 23, р. 46, 80; 22, р. 269] + принадл. *-да* + вин. *-бала* ‘его жену’ (напр., *мирийэдабала кэурэна* ‘его жену увели=они’); тунг.>юк. **мирийэ** + мн. *-пул* + вин. *-балэ* ‘жен’ (напр., *тудэ мирийэпулбалэ мэ wonчийэм* ‘своих жен пошел=он искать’).

Примеры с аффиксом дательного-направительного падежа *-нинь > -нь ~ -ин*: тунг.>юк. **амаа** + дат.-напр. *-нь* ‘отцу’ (*амаань уусэм* ‘к отцу отвел=он’); эвк. энии ‘мама, мать; сестра матери’, обращ. энее [17, с. 773-774], эв. энъын ‘мать’ [16, с. 200]; эв. аллаих. эн’э ‘мать, мама’ [4, с. 69-70, 71, 137], эв. берез. энин ‘мать; материнский’, обращ. эне ‘мама’ [18, с. 345] > юк. **эньиэ** [6, с. 268; 7, с. 470; 8, с. 249; 11, с. 29; 23, р. 21, 83; 19, р. 164; 20, р. 93; 22, р. 161] + принадл. *-ги* + пр.-род. *-н* + дат.-напр. *-ин* ‘ее отцу и матери’ (напр., *чомодилэгулэк амаагинин, эньиэгинин* ‘большой поклон ее отцу и матери’).

Пример с аффиксом совместного падежа *-ньэн*: тунг.>юк. **амаа** + совм. *-ньэн* ‘с отцом’ (напр., *тэт амааньэн сабанэйли* ‘с твоим отцом жили=мы’).

Пример с аффиксом местного падежа *-ба*: эв. эб, эп ‘мокро, влажно, сыро’ [16, с. 199], эв. аллаих. эб³ ‘мокро, сыро, влажно’ [4, с. 136], эв. берез. эб, эп ‘сырость, мокрота, влага; мокро, влажно, сыро’ [18, с. 338] > юк. **эбэкиэ** [13, с. 578] < мест. *-ба* ‘в сырости’ (напр., *мотуоркалэн эвриэнул титэ бандьэ эбэкиэба* ‘моторка ездит в такую сырость’).

Пример с аффиксом исходного падежа *-бат*: эвк. аниими ‘дарить, присылать подарки’ [17, с. 46], эв. анидайи ‘дарить’ [16, с. 149], эв. аллаих. анидай ‘подарить’ [4, с. 87], эв. берез. анидай ‘дарить; награждать’ [18, с. 43] > юк. **ани**= ‘подарить; дарить кого-либо, что-либо; давать, вручить подарок’ [13, с. 45; 22, с. 104] + и.д. *-л* + исх. *-бат* ‘от подарка’ (напр., *тэт анилбат пунгуодьэн* ‘твоему подарку рад=я’).

Пример с аффиксом продольного падежа *-бан*: тунг.>юк. **амаа** + юк. прод. *-бан* ‘по отцу’ (напр., *тудэ амаабан кэвэйльэдэ, амунлэк мэ чамуотэй* ‘если (он) пошел по отцу, ростом будет=он большим’).

Примеры с аффиксами приименно-родительного падежа:

(а) в нулевом выражении: эв.>юк. **хабатаа** ‘лысый’ (напр., *туридьиэ абуодьэ монхапэ маранмэ хабатаа йуопэдиэк* ‘сами по себе стоящие пригорки прямо как лысые головки’);

(б) *-н*: тунг.>юк. **эньиэ**+ пр.-род. *-н* ‘принадлежащий маме’ (напр., *эньиэн сукун* ‘мамины вещи’);

(в) *-д*: тунг.>юк. **амаа** + пр.-род. *-д* ‘принадлежащий отцу’ (напр., *амаадаруу* ‘слова отца’).

Примеры с аффиксами превратительного падежа *-(д)уол ~ -(о)ол*: тунг.>юк. **мирийэ** + превр. *-(д)уол* ‘в качестве жены’ (напр., *мирийэдуол ванчаальэлум* ‘невестку начал=он искать’, *мэт мирийуол кэчитэм* ‘привезет=он (мне) жену’); тунг.>юк. **мирийэ** + превр. *-(о)ол* ‘в качестве жены’ (напр., *тидэн кэлүл пайплэ мирийоол мэдым* ‘на той пришедшей бабе женился=он’, *мирийол тадим* ‘в жены отдал=он’).

Зафиксированных случаев оформления аффиксами творительного и сравнительного падежа не выявлено.

В юкагирском языке падежные аффиксы оформляют слово в конечной позиции. Все остальные показатели, такие как множественности, принадлежности, уменьшительности и увеличительности примыкают сразу после основы, и только потом их замыкают падежные аффиксы. Например: эвк. уч.-з., чульм., сахал. кукут 'детские меховые рукавицы без большого пальца' [17, с. 311], эв. кукутын 'рукавицы' [16, с. 172], эв. н.-кол. коколда, эв. оймяк., эв. охот. кукатан 'рукавицы' [3, с. 43], эв. аллаих. кокутан, кукутан; кокалда, кукалда 'рукавицы' [4, с. 59, 105], эв. берез. кукатан 'рукавицы из камуса для зимней носки' [18, с. 152] > юк. **кокотаа** 'наглухо зашитый конец рукава в детском комбинезоне, сбоку рукава разрез до запястья' [13, с. 156; 11, с. 24; 22, р. 225] > *кокотааба* 'в кокота' где мест. -ба, тунг.> юк. **Эньиэ** > *эньиэгинь* 'своей маме', где принадл. -*ги* + дат.-напр. -*нь*, тунг.> юк. **амаа** > *амаальтэбят* 'от своего отца (олений)', где принадл. -*льэ* + мн. -*нэ* + исх. -*бят*, и др.

3. Одной из особенностей грамматической системы юкагирского языка является наличие специальных средств для логического выделения каждого из членов предложения [см. 11, с. 79]. Такие показатели логического выделения характерны нарицательным именам, и они призваны формально выделить в речи определенный компонент предложения, выраженный именем существительным с конкретно-предметным или обобщенным значением, с целью подчеркивания его значимости. В юкагирском языке к таким показателям логической акцентуации относятся форманты -*лэн* и его усеченная форма -*эн*, а также усеченная форма -*к* от выделительного форманта -*эк*. Конкретных закономерностей, по которым следует употреблять вышеобозначенные форманты с той или иной основой, или словом в определенной функции, пока не установлено. Как показывает языковой материал, на это не влияет ни синтаксическая роль слова в предложении, ни наличие определения при слове. Но если в предложении при логически выделенном слове есть сказуемое с ним связанное, то такое сказуемое получает, как правило, соответствующие личные окончания. В целом, употребление той или иной формы выделительного форманта зависит от конечного звука основы. Для тунгусизмов отмечено употребление со следующими выделительными показателями и их формами:

(а) -*лэн* ~ *эн*: эвк. токк., томм., уч.-з., чульм. ичээн 'вещатель, колдун, предсказатель; предвидение, предсказание' [17, с. 262], эв. ичэн 'зоркий, обладающий способностью хорошо видеть' [16, с. 53], эв. аллаих. ичэн 'зоркий' [4, с. 101], эв. берез. ичэн, ичэн 'взгляд, смотр; зоркий, зорко' [18, с. 133] > юк. **ичээ(н)**, **иичэ**, **ичиан** 'провидец', фольк. имя шамана [см. *иичаан* в 14, с. 118; 13, с. 90, 100, 101; 11, с. 24] > *иичэлэн* 'именно провидец' (напр., *тунг кэдэн, тудэйлэдэ нунгиндэбэ гэдэк, иичэлэн* 'тот человек сам же видел вещие сны, был провидцем'); эв. мн. ирангал от эв. аллаих. иранган 'темно-серой масти с красноватым оттенком; светло-коричневый' [4, с. 65, 100], эв. берез. иранган 'желтоватый, песочный, сероватый (о масти)' [18, с. 126] > юк. **ирангал** 'олень светло-коричневой масти' [13, с. 98] > *ирангалэн* 'именно олень светло-коричневой масти' (напр., *ирангалэн вангинулльэнгумлэ аньибэдилэ гол* 'оленя светло-коричневой масти ищут=они в качестве ездового оленя для детской нарты');

(б) -*к*: тунг.>юк. **эньиэ** > *эньиэк* 'именно мама' (напр., *маархан эньиэк – тит эньиэ* 'единственная мама – ваша мама').

Выделительные форманты употребляются в конечной позиции после других показателей, как например, после аффикса множественного числа (напр., эвк. зват. акаа 'брат, братец', прит. акин 'старший брат; дядя (младший брат отца, матери)' [18, с. 31], эв. акын 'старший брат; первенец (мальчик)' [16, с. 148], эв. аллаих. ака, акан 'старший брат' [5, с. 77; 4, с. 69, 71, 86], эв. берез. ака 'брат(ец)', акан 'старший брат' [18, с. 38] > юк. **акаа**

‘старший брат’ [6, с. 269; 7, с. 116, 449; 8, с. 248, 271; 11, с. 29; 23, р. 22; 19, р. 165; 20, р. 91; 22, р. 99] > обращ. *акаанэн* ‘братья’).

4. В юкагирском языке для обозначения множественности используются аффиксы *-нэ* (несколько объектов) и *-пул* (множество объектов как одно целое), которыми также оформляются тунгусизмы.

(а) *-нэ*: тунг.>юк. **ичиан** + мн. *-нэ* ‘провидцы’ (напр., *тиндаа вадулнэбанэн ичианнэ мэ льиэльэлли* ‘раньше и у юкагиров были провидцы’);

(б) *-пу(л)*: эв. намыткын ‘помор, житель побережья’ [16, с. 176], эв. аллаих. намоткан ‘житель побережья (моря)’ [4, с. 109], эв. берез. намоткан, намоткан ‘приморский житель, помор’ [18, с. 187], эв. арман. лааминкаар, эв. ольск. наамиткын ‘помор, приморский житель’ [1, с. 250-251; 2, с. 332] > юк. **лаамэткаан** ~ **лааматкаан** ‘ламэткан (тунгусоязычное племя, род)’ [12, с. 110; 22, р. 233] + мн. *-пул* ‘ламэтканы’ (напр., *лаамэткаанпул вэрвийэпулэн* ‘ламаткане сильные люди’); тунг.>юк. **мирийэ** + мн. *-пу* + принадл. *-ги* + пр.-род. *-н* + принадл. *-да* + вин. *-балэ* ‘жен’ (напр., *тудэ мирийэпугиндабалэ мэ мэнчэна* ‘его жен похитили=они (букв. пошли=они взяли)’).

Аффиксы множественности всегда занимают позицию сразу после основы имени существительного и уже за ним примыкают остальные показатели падежа. Но, как говорилось выше, множественный аффикс предшествует показателю логического выделения (напр., обращ. тунг.>юк. **акаа** > *акаанэн* ‘братья’, где мн. *-нэ* + выдел. *-н*).

Некоторые тунгусизмы перешли в юкагирский язык в форме множественного числа (напр., эв. мн. иранал от иранган ‘темно-серой масти с красноватым оттенком; светло-коричневый’ > юк. **ирангал** ‘олень светло-коричневой масти’, тунг. мн. кэтэмэл от кэтэм ‘бесплодная важенка’ > юк. **кэтэмэл** ‘неотелившаяся важенка’). Переносу подверглись также собирательные формы с тунгусским аффиксом *-йал/-йэл* во множественном числе, который обозначает отдельное множество людей, связанных какими-либо отношениями с тем или иным лицом (эв. амийа ‘отец с родственниками’, акийа ‘старший брат со своими родственниками’) [16, с. 44]. В языке тундровых юкагиров этот аффикс освоен как *-йил(ь)* ~ *-йэл* (напр., тунг.>юк. **акаа** > *акаайиль* ‘братья’; эвк. майск., томм. обращ. экээ(й) ‘тетя, сестрица’ [17, с. 761], эв. экын ‘старшая сестра’, зват. экэ ‘старшая сестра’ [16, с. 199], эв. аллаих. экэ [5, с. 77; 4, с. 69, 71, 137], эв. берез. экээ ‘старшая сестра, сестрица’ [18, с. 342] > юк. **экыэ** ~ **экиэ** ‘старшая сестра’ [6, с. 269; 7, с. 240, 469; 8, с. 249; 11, с. 29; 23, р. 18, 83; 20, р. 93; 22, р. 154] > *экыэйэл* ‘сестры’; эв. мн. нёрканал от эв. аллаих. н’уоркан, н’ооркан, ‘домашний олень-самец четырех лет’ [4, с. 61, 63, 115], эв. берез. нёркан ‘олень-бык трех-четырёх лет’ [18, с. 192], эв. ламунх. н’оркан ‘олень-самец (четырёх лет)’ [9, с. 72] > юк. **ньюорканал** ‘дикий олень-самец пяти лет’ [8, с. 248; 22, р. 310] > *ньюоркайэл* ‘дикий олень-самцы пяти лет’) и может употребляться в терминах родства с показателем взаимности *нынг-* и принимать вторичную множественность через автохтонные показатели языка-реципиента (напр., *нынгакаайиль* ‘братья’ от взаим. *нынг-* + тунг.>юк. **акаа** + эв.>юк. собир. *-йиль*, *нынгэкыэйэлэ* ‘сестры’ от взаим. *нынг-* + тунг.>юк. **экыэ** + тунг.>юк. *-йэ(л)* + мн. *-нэ*) [см. 8, с. 44; 22, р. 48].

5. Юкагирский язык характеризуется наличием системы лично-притяжательных форм для обозначения принадлежности предмета определенному лицу или предмету. Это аффиксы принадлежности *-ги*, *-дэ* и *-лэ*. Аффикс *-ги* употребляется с существительными в именительном падеже, а *-дэ* – в косвенных падежах [см. 11, с. 72]. Показатель *-лэ*, встречаемый с притяжательными формами местоимений (*мэтьлэ* ‘мой’, *титльэ* ‘ваш’, *тудэльэ* ‘его’ и др.), употребляется для построения т.н. «свободных» притяжательных форм [21, р. 51]. С тунгусизмами встречаются следующие показатели принадлежности и их фонетические и усеченные формы:

(а) *-ги*: эв. көөлэкэ ‘пуп’ [16, с. 171], эв. аллаих. көлэкэ, көөлэкэ ‘пупок’ [4, с. 67, 105], эв. берез. көөлэкэ ‘пуп, пупок’ [18, с. 149] > юк. **куолэкээ** ~ **куолэкаа** ~ **куолакаа** ‘пуп, пупок’ [куолэккэ – 11, с. 24, 29; 13, с. 171; 23, р. 498; 22, р. 217] + принадл. *-ги* ‘его пупок’ (напр., *уо куолакааги пиисиэнуунуй* ‘пупок ребенка обматывают=они’);

(б) *-дэ* ~ *-да* ~ *-д*: эвк. куйирги ‘цепь’ [17, с. 309], эв. куйыргы ‘цепь’ [16, с. 172] > юк. **куйарга** ‘железная цепь’ + принадл. *-дэ* + прод. *-бан* ‘по железной цепи’ (напр., *куйаргадэбан өлдөбүэ мэр ширэм* ‘своими железными цепями у лодки привязал=он’); тунг.>юк. **мирийэ** + принадл. *-да* + вин. *-бала* ‘его жену’ (*мирийэдабала кэурэна* ‘его жену увели=они’); тунг.>юк. **амаа** + принадл. *-д* + дат.-напр. *-ин* ‘его отцу, для его отца’ (напр., *Третьяков амаадин тунг чаайлэчундэбэлэ шиэльэлум* ‘для отца Третьякова этот календарь сделал=он’);

(в) *-льэ*: тунг.>юк. **эньиэ** + принадл. *-льэ* ‘принадлежащий матери’ (напр., *мэт мэдьюлуол лэвэйинбурэбэ – Чамадэну. Эньиэльэ – Хавархадэну*. ‘место, где я родился – (река) Хавархадэну. Мамино – (река) Чамадэну’), тунг.>юк. **экыэ** + мн. *-нэ* + принадл. *-ги* + пр.-род. *-н* + принадл. *-льэ* ‘принадлежащий старшим сестрам’ (напр., *өйчэ лаабар-дабу экыэпэгинльэ* ‘у верхушки (дерева) старших сестер (крылья висят)’).

Показатель принадлежности *-ги* обычно употребляется сразу после основы (эв. тэмбэньэ ‘мягкий’ [16, с. 52, 187], эв. берез. тэмбэкэн ‘мягкий; пухлый (о ребенке)’ [18, с. 261], эв. ламунх. тэмбэку, тэмбэгйэ ‘мягкий, пушистый; пухлый’ [9, с. 102] > юк. **тамбака(а)** ‘чукотский комбинезон из оленьей шкуры’ [13, с. 459; 22, р. 426] > *тамбакааги* ‘его/ее комбинезон’) или основы с аффиксом множественности (тунг.>юк. **амаа** > *амаапэги* ‘их отец’, тунг.>юк. **экыэ** > *экыэпэги* ‘ее/его старшие сестры’). От показателя *-ги* образована также форма *-гин* в сочетании с приименно-родительным показателем *-н*, используемым для построения словосочетаний с определяемым компонентом (тунг.>юк. **амаа** > *амаагин* ‘его отца’, тунг.>юк. **экыэ** > *экыэгин* ‘его старшей сестры’, тунг.>юк. **эньиэ** > *эньиэпин* ‘их матери’). Напр., *танг амаагин монуол лукунпурэбэ* ‘место, на которое указал его отец’, *экыэгин адуо* ‘сын его старшей сестры’, *эньиэпин эньиэ* ‘его бабушка’ (букв. его мамы мама), *эньиэпин ииси* ‘молоко своих матерей’, и др.

Показатель принадлежности *-дэ* употребляется, во-первых, если существительное с аффиксами косвенных падежей (тунг.>юк. **мирийэ** > *мирийэдабанэ* ‘его жену’, тунг.>юк. **эньиэ** > *эньиэпэдэбанэ* ‘их матерей’) и, во-вторых, при необходимости двойного выражения принадлежности в одном слове через сочетание *-гиндэ* ~ *-гинда* (принадл. *-ги* + пр.-род. *-н*, принадл. *-дэ* > *-да*) для указания на то, что *-ги* имеет отношение к обладателю, а *-дэ* – к объекту обладания (напр., тунг.>юк. **мирийэ** > *тудэ мирийэпугиндабалэ* ‘его жён’, тунг.>юк. **экыэ** > *экыэгиндэбанэ* ‘его старшую сестру’).

Показатель принадлежности *-льэ* может идти сразу после основы и за ним уже остальные показатели (напр., тунг.>юк. **амаа** > *амаальэ* ‘отца, отцовское, принадлежащий отцу’, *амаальэпэбат* ‘от отцовских (оленей)’), или после приименно-родительной формы принадлежности существительного (напр., тунг.>юк. **экыэ** > *экыэпинльэ* ‘принадлежащие старшей сестре (крылья)’).

Все остальные аффиксы следуют после показателей принадлежности – падежные аффиксы (тунг.>юк. **амаа** > *амаагиндабатэн* ‘и даже от отца’, где принадл. *-ги* + пр.-род. *-н* + принадл. *-да* + исх. *-бат* + выдел. *-эн*), показатель со значением охваченности (тунг.>юк. **эньиэ** > *эньиэпиннуо* ‘вместе с их мамой’, где принадл. *-ги* + пр.-род. *-н* + обл. *-нь* + вспом. *-уо*), вспомогательные сочетания (тунг.>юк. **акаа** > *акаагинолльэлк* ‘включая старшего брата’, где принадл. *-ги* + пр.-род. *-н* + вспом. *-(н)олльэлк*; напр., *эйк эмдэагинолльэлк эвльиэльэл*, *эйк шиэн акаагинолльэлк эвльиэльэл* ‘ни ее младшего брата не оказалось, ни ее другого старшего брата не оказалось (на месте)’), и др.

6. Тунгусизмы могут принимать юкагирский показатель аугментативности *-тэгэ* (напр., эвк. амаркаан ‘олень-бык от пяти лет и старше; медведь от пяти лет и старше’ [17, с. 40], эв. амыркын ‘дикий или домашний олень четырех-пяти лет’ [16, с. 149], эв. аллаих. амаркан ‘четырёх-пятiletний дикий или домашний олень-самец’ [4, с. 63, 87], эв. берез. амаркан ‘дикий или домашний олень четырех-пяти лет; самка оленя пяти лет’ [18, с. 41-42] > юк. **амарканэл** ~ **амарка(а)ньэл** ‘домашний олень-самец четырех-пяти лет’ [13, с. 40; 8, с. 248; 22, р. 103] > *амаркааньэлтэгэ* ‘крупный домашний олень’).

Стоит отметить, что сочетания диминутивного показателя *-диэ* с тунгусскими терминами родства *акаа* ‘старший брат’ и *экыэ* ‘старшая сестра’ встречаются в текстах на языке юкагиров в качестве имен собственных (напр., *валаанунум Экыэдиэ* ‘Экэде вдохновляет’, *мэт кирийэ Акаадиэ* ‘меня зовут Акаде’).

Также отмечено употребление тунгусизмов с другими юкагирскими формантами ласкательности *-лиэ* и *-каа* (напр., тунг.>юк. **эньиэ** > *эньиэлиэ* ‘мамочка’, *эньиэкаа* ‘мамочка’; эв. мн. ирангал от эв. аллаих. иранган ‘темно-серой масти с красноватым оттенком; светло-коричневый’ [4, с. 65, 100], эв.>юк. **ирангал** ‘олень светло-коричневой масти’ > *ирангалиэ* ‘олешек’), эмотивно-оценочными показателями (тунг.>юк. **эньиэ** > *эньиэ-вэдьиэ* ‘бедная мама’).

Интеграция некоторых иноязычных имен существительных в языке-реципиенте подразумевает гибридизацию по модели «корневая морфема + именной аффикс». Так, с помощью исконного именной показателя *-ийэ* в юкагирском языке в лексический состав вошли два тунгусизма: *мирийэ* ‘жена’ от эвк. мирээ-, эв. меерэ- ‘жена’ + юк. имен. *-ийэ*, *муктийэ* ‘нож с обрубленным кончиком’ от тунг. мукты(ы) ‘отломанный’ + юк. имен. *-ийэ*.

От тунгусизмов-существительных могут продуцироваться причастные, глагольные и деепричастные образования с помощью соответствующих формантов, личных окончаний и аффиксов, свойственных различным категориям глагола юкагирского языка (тунг.>юк. **амаа** > *мэр амааньэйэн* ‘у меня есть отец’, где обл. *-ньэ* + 1 ед. *-йэн*; эв.>юк. **ирангал** > *ирангальэл* ‘обладание оленем светло-коричневой масти’, где обл. *-ньэ* + и.д. *-л*; эв. бэчэнэ ‘хромой (об олене)’ [16, с. 155], эв. аллаих. бэчэнэ, бэчэнэ ‘хромой (об олене)’ [4, с. 68, 92], эв. берез. бэчэнэ ‘хромой (об олене)’ [18, с. 70], эв. ламунх. бэчэнэ ‘старый (о животных)’ [9, с. 93] > юк. **бэчэнээ** ~ **пэчэнээ** ‘самый старый олень; хромой олень; старый олень, болящий копытницей’ [13, с. 56; 22, р. 116-117] > *мэ бэчэнээльэнь* ‘ревматизмом болеет=он, оказывается’, где очев. *-льэ* + 3 ед. *-нь*; тунг.>юк. **мирийэ** > *мэрийэрнаальэнь* ‘собрался=он жениться’, где посесс. *-р* + дур. *-н<-наа* + очев. *-льэ* + 3 ед. *-нь*; эв. наара ‘недохолощенный олень’ [16, с. 176], эв. аллаих. наара [4, с. 63, 110], эв. берез. нара ‘недохолощенный олень’ [18, с. 188], эв. ламунх. нара, наара ‘недохолощенный олень’ [9, с. 72, 98] > юк. **наарэ** ‘недохолощенный олень’ [22, р. 290] > *наарэнголэр* ‘будучи полухолощенным’, где вспом. *гол-* ‘быть’ + деепр. *-(э)р*; тунг.>юк. **кокотаа** > *кокотааньэй* ‘имеющий глухие рукава-рукавицы’, где обл. *-ньэ* + прич. *-й*; эв.>юк. **элэньэ** > *элэньэй* ‘ленивый’, где прич. *-й*, и др.). От причастных форм тунгусизмов, в свою очередь, могут образовываться составные имена существительные с компонентом *рукун<сукун*, обладающим абстрактным значением ‘некто, нечто’ (тунг.>юк. **экыа** > *экыэньэйрукун* ‘имеющий старших сестер и братьев’, где обл. *-ньэ* + прич. *-й* + субст. *рукун*).

В юкагирском языке выявлено восемь лексем, которые в языке-источнике имели статус имен прилагательных. Однако, оказавшись в юкагирском языке, лишь одно сохранило функцию определения. Два тунгусских имени прилагательных перешли в класс непереходных глаголов (эв. бэтэкэ ‘уродливый’ > юк. **бэтэкээ** = ‘опухнуть’, эв. чупуня ‘острый, торчащий’ > юк. **чупунэ** = ‘быть островерхим’), пять – в класс имен существительных (тунг. бипкэ ‘крепкий, прочный’ > юк. **бипкэ** ‘бородавка’, тунг. мукты(ы)

‘тупой; отломанный’ > юк. **муктийэ** ‘нож с обрубленным кончиком’, и др.). Всего одно имя прилагательное употребляется в двух категориях – причастие и имя существительное (эв. кабата ‘лысый; безрогий’ > юк. **хабатаа** ‘лысина; лысый’).

Помимо продуцирования глаголов от основ имен существительных путем словообразования и словоизменения, переносу были подвергнуты собственно глаголы. Адаптация тунгусских глаголов происходит двумя способами. Во-первых, переносу подвергается только корневая морфема из языка-источника. Например, эвк. аниими ‘дарить, присылать подарки’ [17, с. 46], эв. анидаи ‘дарить’ [16, с. 149], эв. аллаих. анидай ‘подарить’ [4, с. 87], эв. берез. анидай ‘дарить; награждать’ [18, с. 43] > юк. **ани**= ‘подарить; дарить кого-либо, что-либо; давать, вручить подарок’ [13, с. 45; 22, р. 104]; эв. бэтэкэ ‘уродливый (об отростке дерева)’ [16, с. 175], ср. эв. берез. бэтэкэ ‘уродливый’ [18, с. 65, 70] > юк. **бэчэкээ**= ~ **бэтэкээ**= ‘опухнуть’ [13, с. 56; 22, р. 116-117]; эв. берез. тилбаадай, тилбаалдай ‘раздавить, расплющить, размять’ [18, с. 247], эв. ламунх. тибэлдэдэй ‘топать; топтать’ [9, с. 101] > юк. **тилба(а)**= ‘топать, растоптать; раздавить’ [13, с. 464-465; 20, р. 110; 23, р. 27, 82]; эвк. чилками ‘раздавить, размять’ [17, с. 719], эв. аллаих. чилкадай ‘давить, дробить, побить’ [4, с. 135], эв. берез. чилка ‘раскрошившийся; раскрошенный, толченый, растертый; молотый’, чилкадай ‘размельчить, крошить, дробить; толочь, молотить; давить мух, комаров’ [18, с. 330] > юк. **чилкаа**= ‘давить, раздавить (убить); выщелкивать; толочь; мять; топтать (при обработке сухого камуса ногой); крыть (языком)’ [13, с. 550].

Во-вторых, переносу иноязычной корневой морфемы способствуют словообразовательные аффиксы глаголов языка-реципиента (с частичным усечением корня языка-источника). В юкагирском языке принято различать аффиксы непереходных и переходных глаголов, при этом третью группу аффиксов составляют такие, которые могут образовывать как непереходные, так и переходные [см. 10, с. 70]. В интеграции тунгусских глаголов отмечено участие следующих юкагирских аффиксов:

1) аффиксы непереходных глаголов

(а) *-гэ*, обозначающий действие, протекающее само по себе, вне временных рамок и без вмешательства посторонних сил (эв.>юк. **тилба(а)**= ‘топать, растоптать; раздавить’ > юк. **тибэгэ**= ‘издавать глухие звуки’);

(б) *-ба* ~ *-баа*, обозначающий размеренность и однообразность действия, без резких колебаний или изменений, (эв. берез. чиибалдай, чииптадай ‘щебетать, чирикать, петь (о птицах); пищать (о грызунах)’ [18, с. 328] > юк. **чибаџа**= ‘пищать (о мыши)’ [13, с. 549]; эв. берез. бобалдаттай ‘вздрагивать, порхать’ [18, с. 58] > юк. **бибаџаа**= ‘трепетать; дрожать’ [13, с. 55; 22, р. 118], и др.;

(в) *-льэ* ~ *-ља*, маркирующий действия совершенного вида (эвк. урм. бобирами ‘сморщиться’, урм., сахал. бобиргами ‘сморщиться; заложить складки’ [17, с. 88], эв. бобиргивкандай ‘сморщить; образовать морщины’ [16, с. 152], эв. берез. бобиндай ‘сморщиться, съежиться; кудрявиться, курчавиться, виться’ [18, с. 58] > юк. **бобильэ**= ~ **мобильэ**= ‘сморщиться (о сгоревшей, пересохшей шкуре)’ [13, с. 56, 244; 22, р. 118].

2) аффикс переходных и непереходных глаголов *-ну*, обозначающий действия несовершенного вида (эвк. урм., сахал. бэбэми ‘качать люльку’ [17, с. 115], эв. бэбэдэйи ‘баюкать’ [16, с. 154], эв. аллаих., берез. бэбэдэй ‘(у)баюкать в люльке ребенка’ [4, с. 91; 18, с. 66] > юк. **бэбээнү**= ‘баюкать (ребенка)’ [13, с. 56]).

Перенесенные из тунгусских языков глаголы и глагольные образования, производные от других именных слов изменяются, подчиняясь законам грамматической системы юкагирского языка. Тунгусизмы-глаголы принимают показатели:

1) лица и числа: тунг.>юк. **бэбээнү**= > *бэбээнүк* ‘убаюкай=ты’ (бэбээнү= + повел. 2 ед. -к); тунг.>юк. **чилкаа**= > *чилкаанунга* ‘выщелкивают=они’ (*чилкаа*= + хаб. -нун + 3 мн. -га);

2) времени прошедшего: тунг.>юк. **чилкаа**= > *чилкаам* ‘размял=он’ (*чилкаа*= + 3 ед. -м), настоящего длительного (эв. *хирбыдай* ‘выжимать’ [16, с. 192], эв. аллаих. *хирбадай* ‘выжимать’ [4, с. 129], эв. берез. *хирбадай* ‘жать, выжимать, отжимать’ [18, с. 295] > юк. **хирбаа**= ‘выжимать’ [10, с. 227, 242] > *хирбаануни* ‘отжимают=они’ (*хирбаа*= + дур. -ну + 3 мн. -ни), будущего (тунг.>юк. **ани**= > *анитэмэн* ‘подарю=я’ (*ани*= + буд. -тэ + 1 ед. -мэн));

3) наклонения очевидного: эв.>юк. **тилба(а)**= > *тилбальуолльэлнги* ‘оказывается, раздавлены=они’ (*тилба(а)*= + резул. -уол + очев. -льэл + 3 мн. -ни), повелительного (эв.>юк. **тилба(а)**= > *тилбаангик* ‘давите=вы’ (*тилбаа*= + 2 мн. -ни + повел. -к), желательного (эв.>юк. **бэчэкээ**= ~ **бэтэкээ**= > *бэчэкээлбуньи* ‘собирается=он (букв. хочет=он) опухнуть’ (*бэчэкээ*= + и.д. -л + дез. -бунь + 3 ед. -и), сослагательного (эв.>юк. **тилба(а)**= > *ат эл тилбальэсчишльэльдээк* ‘не дал бы (ты) раздавить’ (сосл. *ат* + отриц. *эл* + *тилба*= + отриц. -льэ + кауз. -с + мнкр. -чиш + очев. -льэл + 2 ед. -дээк));

4) способа многократного действия: эв.>юк. **бибаџа**= > *бибаџануни* ‘трепещет=он’ (*бибаџа*= + хаб. -нун + 3 ед. -и), мгновенного действия (эв. аллаих., берез. *хаададай* ‘смазывать, натирать шкуру при выделке специальной массой из вареной оленьеи печени’ [4, с. 127; 18, с. 279] > юк. **хаадэ**= ‘смазывать’ > *хаадэттэрэйнунум* ‘смазывает=он’ (*хаадэ*= + мгнов. -ттэрэй + хаб. -нун + 3 ед. -(у)м), начинательного действия (эв. берез. *тибаландай*, *тибалчидай* ‘глухо стучать, ударять; стучать, биться (о сердце)’ [18, с. 244], эв. ламунх. *тибэлдэдэй* ‘топать; топтать’ [9, с. 101] > **тибаџаа**= ~ **тибэгэ**= ‘издавать глухие звуки (о сердцебиении, об ударах палкой обо что-либо); топотать’ [13, с. 461; 22, р. 430] > *тибэгийтэй* ‘будет=оно издавать глухие звуки’ (*тибэгэ*= + начин. -иэ + буд. -тэ + 3 ед. -й));

5) залога страдательного (тунг.>юк. **ани**= > *эл анийуолдэн* ‘не будучи подаренной’ (*ани*= + страд. -йуол + деепр. -дэн), и др.

Тунгусизмы-глаголы, как и исконные юкагирские глаголы, принимают и такие личные показатели, которые указывают на логическое выделение в предложении прямого дополнения. Например, при логическом выделении сказуемого происходит выделение глагола путем употребления препозиционной частицы *мэ(р)* и соответствующих личных аффиксов (*тудэл илэк мэр аним* ‘он оленя подарил’), но при логическом выделении дополнение оформляется выделительным аффиксом, а у глагола-сказуемого утвердительный *мэ(р)* опускается и он принимает уже иные окончания (*тудэл илэлэн анимэлэ* ‘он оленя подарил’). Приведу другие примеры: *мэт монголэн анитэмэн* ‘я шапку подарю’, *пимэлэн чилкаанунгумлэ* ‘вшей раздавливают=они’. Отрицательное спряжение передается в юкагирском языке через препозиционную частицу *эл* при глаголе и немного измененными личными аффиксами (*тудэл эл анисэ* ‘он не подарил’, где *эл* + тунг.>юк. **ани**= + кауз. -сэ + 3 ед. -0; *тит эл хирбаайэмут* ‘вы не выжали’, где *эл* + эв.>юк. **хирбаа**= + 2 мн. -йэмут). Тунгусизмы-глаголы могут переходить в разряды деепричастий (*хирбаарэлэк* ‘выжав’, где эв.>юк. **хирбаа**= + деепр. -рэлэк; *бибаџаачширэн* ‘потрепав’, где эв.>юк. **бибаџаа**= + димин. -чиш + деепр. -рэн) и имен действия (*анил* ‘подарок’, где тунг.>юк. **ани**= + и.д. -л; *тибэгэл* ‘топот’, где эв.>юк. **тибэгэ**= + и.д. -л).

Производные от тунгусизмов-существительных глагольные формы также подчиняются грамматической системе юкагирского языка (*акааньэйли* ‘у нас есть старший брат’, где тунг.>юк. **акаа** + обл. -нэ + 1 мн. -йли; *нээнукээйэн* ‘загадал=я загадку’, где эв.>юк. **нээнукээ** ‘загадка’ + 1 ед. -йэн; *мирийэрк* ‘женись=ты’, где тунг.>юк. **мирийэ** + посесс. -р + повел. 2 ед. -к). Как и собственно глаголы, производные глаголы могут переходить в разряды деепричастий (*наарэнгорширэн* ‘сделав полухолощенным (оленья)’, где эв.>юк. **наарэ** ‘недохолощенный олень’ + вспом. *но(л)*= + кауз. -риш + деепр. -рэн) и имен действия (*ирангалньэл* ‘имеющий серого оленя’, где эв.>юк. **ирангал** ‘олень светло-коричневой масти’ + обл. -нэ + и.д. -л).

К междометиям в юкагирском языке отнесены тунгусизмы, которые в языке-источнике имели статус имен существительных (эвк. амакаа ‘дед, дедушка; дядя (старший брат отца, матери); предок; медведь; небо’ [17, с. 39] > юк. амакаа ‘ой, батюшки; милый’, выражающее удивление, недоумение по отношению к лицу мужского пола [13, с. 38; 15, с. 177]. Одному из них интеграции в язык-реципиент способствовал именной показатель (эв. берез. этикэн ‘старик; муж, хозяин; иноск. медведь’ [18, с. 349] + юк. имен. -дьэ > юк. этикээндыэ ‘бедняжка’).

Таким образом, в системе частей речи юкагирского языка тунгусизмы представлены именами существительными, глаголами и междометиями. Тунгусизмы-существительные склоняются по девяти из 11 юкагирских падежей, принимают показатели логического выделения, адаптируются по категориям числа, принадлежности, аугментативности, диминутивности и эмотивности. Некоторые тунгусизмы стали частью системы языка-реципиента посредством словообразовательного аффикса, часть из них сменила свой частеречный статус (из имени прилагательного в имя существительное, а также дальнейшее преобразование в причастие, глагол и деепричастие). Тунгусизмы-глаголы адаптируются путем переноса собственно корневой основы или посредством словообразовательных аффиксов юкагирского языка. Тунгусизмы-глаголы, подчиняясь законам языка-реципиента, оформляются показателями лица, числа, времени и логического выделения, а также соответствующими аффиксами наклонения, способа действия, залога, характерные юкагирским качественным и процессивным глаголам. Производные глаголы и собственно глаголы от тунгусизмов-существительных могут переходить в деепричастия и имена действия.

Сокращения

1 – первое лицо

2 – второе лицо

3 – третье лицо

Аллаих. – аллаиховский говор эвенского языка

Арман. – арманский говор эвенского языка

Барг. – баргузинский говор эвенкийского языка

Берез. – березовский говор эвенского языка

Буд. – будущее время

Взаим. – взаимный способ действия

Вин. – винительный падеж

Вспом. – вспомогательный показатель, вспомогательный глагол

Выдел. – показатель выделения (усиления)

Дат.-напр. – дательно-направительный падеж

Деепр. – деепричастие

Дез. – дезиратив

Димин. – диминутатив

Дур. – дуратив

Ед. – единственное число

Зват. – звательная форма

И.д. – имя действия

Иенг. – иенгринский говор эвенкийского языка

Имен. – именной показатель

Исх. – исходный падеж

Кауз. – каузатив

Ламунх. – ламунхинский говор эвенского языка

Майск. – майский говор эвенкийского языка
Мгнов. – мгновенный способ действия
Мест. – местный падеж
Мн. – множественное число
Мнкр. – многократный способ действия
Напр. – например
Начин. – начинательный способ действия
Н.-кол. – нижнеколымский диалект эвенского языка
Обл. – показатель обладания
Обращ. – обращение
Оймяк. – оймяконский говор эвенского языка
Ольск. – ольский говор эвенского языка
Ороч. – говор орочонских эвенков КНР
Отриц. – отрицательный показатель, отрицательная частица
Охот. – охотский говор эвенского языка
Очев. – очевидное наклонение
Повел. – повелительное наклонение
Посесс. – показатель посессивности
Превр. – превратительный падеж
Принадл. – показатель принадлежности
Прит. – притяжательная форма
Прич. – причастие
Прод. – продольный падеж
Пр.-род. – приименно-родительный падеж
Сахал. – сахалинский диалект эвенкийского языка
Собир. – показатель собирательности
Совм. – совместный падеж
Сосл. – сослагательное наклонение
Ср. – сравните
Страд. – страдательный залог
Субст. – субстантиватор
Токк. – токкинский говор эвенкийского языка
Томм. – томмотский говор эвенкийского языка
Тунг. – тунгусские языки
Урм. – урмийский говор буреинско-урмийско-амгунского диалекта эвенкийского языка
Уст. – устаревшее
Уч.-з. – учурско-зейский диалект эвенкийского языка
Хаб. – хабитаулис
Чульм. – чульманский говор эвенкийского языка
Эв. – эвенский язык
Эвк. – эвенкийский язык
Юк. – язык тундровых юкагиров

Библиографический список

- 1 *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд. – М., Новосибирск: Наука, 2000. – 768 с.
2. *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. – Новосибирск: Наука, 2003. – 788 с.

3. Данилова А.А. Бытовая лексика эвенского языка: монография. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1991. – 116 с.
4. Дуткин Х.И. Аллаиховский говор эвенов Якутии: монография. – СПб.: Наука, 1995. – 144 с.
5. Дуткин Х.И. Термины родства в Аллаиховском говоре эвенского языка // Вопросы языка и фольклора народностей Севера: сб. научн. тр. – Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1980. – С. 77-79.
6. Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе: монография. – Якутск: Бичик, 2005. – 272 с.
7. Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы: монография. – Новосибирск: Наука, 2005. – 675 с.
8. Крейнович Е.А. Юкагирский язык: монография. – М.-Л.: АН СССР, 1958. – 288 с.
9. Кузьмина Р.П. Язык ламунхинских эвенов: монография. – Новосибирск: Наука, 2010. – 115 с.
10. Курилов Г.Н. Лексикология современного юкагирского языка (развитие лексики и роль в нем якутского языка): монография. – Новосибирск: Наука, 2003. – 288 с.
11. Курилов Г.Н. Современный юкагирский язык: учебное пособие. – Якутск: Офсет, 2006. – 280 с.
12. Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. – Якутск: Кн. изд-во, 1990. – 356 с.
13. Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2001. – 608 с.
14. Курилов Н.Н. Тидаанэ титэ моннунни (Раньше так говорили): пословицы, загадки, образные выражения, сравнения. – Якутск: Дани Алмас, 2007. – 152 с.
15. Курилова С.Н. Междометия и междометные слова юкагирского языка: монография. – Новосибирск: Наука, 2012. – 235 с.
16. Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии: монография. – Л.: Наука, 1978. – 207 с.
17. Мыреева А.Н. Эвенкийско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2004. – 798 с.
18. Роббек В.А., Роббек М.Е. Эвенско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2005. – 256 с.
19. Fortescue M. Language relations across Bering Strait: reappraising the archeological and linguistic evidence / M. Fortescue. – London / New York: Cassel, 1998. – 307 p.
20. Maslova E. Yukaghir Texts / E. Maslova. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2001. – 200 p.
21. Maslova E. Tundra Yukaghir / E. Maslova. – München: Lincom Europa, 2003. – 97 p.
22. Nikolaeva I.A. A historical dictionary of Yukaghir. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2006. – 500 p.
23. Veenker W. Tundrajukagirisches wörterverzeichnis zusammengestellt von Wolfgang Veenker // Opuscula Sibirica 1. – Hamburg: Universität Hamburg, 1989. – 83 p.

Прасковья Егоровна Прокопьева,
кандидат педагогических наук,
ведущий научный сотрудник отдела северной филологии
Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Россия, Якутск

Praskovya Egorovna Prokopyeva,
Candidate of Pedagogical Sciences,
Leading Researcher of the Department of Northern Philology,
The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Russia, Yakutsk

e-mail: pproe@yandex.ru

РОЛЬ СТАРЕЙШИН В СОХРАНЕНИИ И РАЗВИТИИ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ ЮКАГИРСКОГО НАРОДА

THE ROLE OF ELDERS IN THE CONSERVATION AND DEVELOPMENT OF THE LANGUAGE AND CULTURE OF THE YUKAGIR PEOPLE

Аннотация. *Статья раскрывает роль юкагирских старейшин в сохранении родного языка и традиционной культуры. Показаны различные аспекты и результаты их подвижнической деятельности – вклад информантов в сбор языковых и фольклорных материалов, общественная работа, издание учебной и художественной литературы, творчество, направленное на возрождение наследия предков.*

Abstract. *The article reveals the role of Yukagir elders in preserving their native language and traditional culture. Various aspects and results of their selfless activities are shown - the contribution of informants to the collection of language and folklore materials, community work, the publication of educational and fiction literature, and local arts aimed at reviving the heritage of their ancestors.*

Ключевые слова и выражения: *юкагирский язык, традиционная культура, лесные юкагиры, старейшины, сохранение культурного наследия.*

Key words and expressions: *Yukagir language, traditional culture, forest Yukagirs, elders, conservation of cultural heritage.*

В условиях утрачивания самобытных языков и традиционных культур коренных малочисленных народов Севера старейшины зачастую выступают последними истинными носителями культурного наследия предков. В деле сохранения исчезающих языков и культур их знания, понимание важности проводимых мероприятий, стремление передать духовные и культурные ценности народа молодому поколению помогают достичь значительных успехов.

Отдавая дань уважения каждому из юкагирских старейшин – знатоков языка, традиционного образа жизни, информантов, от которых записаны уникальные языковые, фольклорные и этнографические материалы, отмечая их большую лепту в сохранение и

развитие родной культуры, в данной статье хотелось бы показать роль некоторых из них, представителей лесных юкагиров.

Местом компактного проживания лесных юкагиров является село Нелемное Верхнеколымского улуса Республики Саха (Якутия). По данным Похозяйственной книги села, в 2014 г. в Нелемном проживало 267 чел., в т.ч. 173 юкагира.

Василий Константинович Спиридонов (1925?–1998). Юкагирский язык в Нелемнинской средней школе начали изучать на факультативной основе с начала 80-х гг. XX в. В 1993 г. школа получила статус республиканской экспериментальной площадки (РЭП) «Формирование и развитие личности ребенка-юкагира в полиэтнической среде», с 1996 г. юкагирский язык преподается в школе как предмет. С введением в учебный план школы юкагирского языка в качестве учителя был приглашен блестящий знаток языка В.К. Спиридонов, деятельность которого, человека, не имеющего педагогического образования, стала синонимом высочайшей ответственности и глубокого творческого поиска.

Одаренный художественным талантом, обладатель красивого почерка, он сам изготавливал наглядные материалы для уроков, таблицы по грамматике.

Первый учитель, В.К. Спиридонов оставил своему народу достояние в виде первых рукописных программ по языку, первого букваря на языке лесных юкагиров, составленного в соавторстве с лингвистом И.А. Николаевой (С-Пб, 1993), первого «Школьного русско-юкагирского словаря» (Якутск, 1997). Его труды представляют интерес не только как учебные издания – они ценны для лингвистов, т.к. содержат незарегистрированные ранее лексемы, лексико-фонетические варианты слов, служащие иллюстрацией процессов внутри языка малочисленной группы лесных юкагиров.

И.А. Николаева отзывалась о нем как «прекрасном консультанте и переводчике», чьи переводы «отличаются краткостью, точностью и выразительностью» [4, с. 85]. Его ученица Чиркина Алла вспоминает: «На его уроках мы чувствовали себя спокойно, свободно. Учитель никогда нас не ругал, не осуждал и, главное, не ставил двоек. Вел уроки интересно, увлекательно. <...> Удивляюсь, откуда брались энергия, сила, воля в этом сухом невысоком старике, чтобы несмотря на это [жизненные невзгоды – прим. П.П.] учить нас полузабытому исчезающему языку. Я думаю, что он догадывался о своём предназначении. Как-то на уроке он сказал: "Мне осталось мало жить. Надо сделать всё, что задумал. Боюсь – не успею". Теперь я знаю: успел» [5].

Василий Гаврилович Шалугин (1934–2002). Сказитель, чей богатейший репертуар был представлен сказками, мифами, преданиями, песнями, малыми жанрами фольклора, талантливый рассказчик, носитель традиционных знаний. Исследователь И.А. Николаева, работавшая с ним, отмечала: «Исполняет их [фольклорные образцы – прим. П.П.], как правило, не торопясь, очень подробно и обстоятельно, на прекрасном языке с богатой лексикой, сложными синтаксическими конструкциями, редко употребляемыми в обыденной речи. <...> Хорошее знание русского языка позволяет ему делать точные и адекватные переводы, передающие тончайшие оттенки значения, не только лексического, но и грамматического» [4, с. 87]. Впервые от него я услышала, считаю, абсолютно уникальное определение, демонстрирующее, как мифологический рассказ, подлинный с точки зрения носителей культуры, утрачивал со временем свои признаки достоверности: «Это рассказ, ставший сказкой».

В.Г. Шалугин является автором первых художественных произведений на языке лесных юкагиров – «Рассказов для детей» (Якутск, 1995). Ценность данных рассказов, по словам юкагирского писателя и ученого Г.Н. Курилова, и в «добротной юкагирской речи», и в «неоценимой исторической значимости»: «Каждый рассказ В.Г. Шалугина является как бы

маленьким осколочком прошлой жизни сегодняшних пожилых юкагиров и тем самым открывает перед современными и последующими читателями мир юкагирских детей 30-х годов нашего столетия» [7, с.3].

В.Г. Шалугин в соавторстве с И.А. Николаевой выпустил школьный «Юкагирско-русский и русско-юкагирский словарь» (С-Пб, 2002), который имеет огромное значение для изучения лексического состава языка лесных юкагиров. Так, в первом разделе данного словаря насчитывается около 2 200 юкагирских лексем.

Хранитель духовных традиций юкагиров, имеющий познания в области религиозных практик предков, В.Г. Шалугин по просьбе этнографа Л.Н. Жуковой изготовил деревянные идолы, среди которых *уон йуойа* – фигура-оберег для ребенка, охранители домашнего очага, идол охотничьей удачи и др. [3, с. 97-100]. О деревянных антропоморфных амулетах, выполнявших функции индивидуальных или семейных защитников, известно еще из трудов В.И. Иохельсона [2, с. 221]. В настоящее время фигурки, выполненные В.Г. Шалугиным, хранятся в Музее музыки и фольклора народов Якутии в г. Якутске.

Акулина Егоровна Шадрина (1930–2015). Долгие годы работала воспитателем в детском саду. С началом работы республиканской экспериментальной площадки (РЭП) А.Е. Шадрину как отличного знатока родного языка, специалиста с большим педагогическим стажем пригласили работать в школу. Всего сфере образования она посвятила около 30 лет. За свой многолетний труд удостоена высокого звания «Почетный работник общего образования Российской Федерации».

Она не только прекрасно знала родной юкагирский язык, но и обладала природным филологическим чутьем, безукоризненно грамотной речью. А.Е. Шадрина глубоко анализировала слова, уточняла их значения и оттенки, вспоминала всевозможные формы. В процессе моей работы над составлением словаря лесных юкагиров с ее помощью были выявлены десятки нигде ранее не задокументированных юкагирских лексем, видовых и залоговых форм значительного количества глаголов, уточнены и дополнены значения слов из изданных словарей, записаны фразовые примеры к словам. Она полностью потеряла из-за болезни зрение, но продолжала удивлять своим жизнелюбием, жизнестойкостью, невероятной работоспособностью. Я каждый раз с восхищением отмечала для себя ее безупречное владение русским языком, очень верные толкования слов и грамматических форм. Поразительно точные определения значений слов, данные ею, можно было сверять по толковым словарям русского языка.

Талантливый переводчик, творчески думающий человек, она принимала активное участие в создании учебных пособий по юкагирскому языку, осуществляла переводы на юкагирский язык произведений детской литературы, консультировала по вопросам языка учителей и ученых. Благодаря ее переводам увидели свет такие издания на юкагирском языке, как «Мит лэбиэ – Наша земля» (сост. Л.Н. Жукова), «Земля Олонхо» (сост. Е.П. Чехордуна), «Почему животные такие» (сост. П.Е. Прокопьева), «Легенда о мамонте» (ред. Л.Н. Жукова) и многие другие. Она оказала мне огромную помощь при разработке учебно-методического пособия «Юкагирский (одульский) язык для дошкольников» (Якутск, 2005). В числе главных достижений А.Е. Шадринной – создание в 2009 г. в соавторстве с молодой учительницей юкагирского языка А.Н. Мироновой первого разговорника на языке лесных юкагиров (Якутск, 2009).

За вклад в сохранение и развитие юкагирского языка и культуры А.Е. Шадрина награждена Республиканской премией имени Текки Одулока.

Акулина Васильевна Слепцова (1930–2010). Мастерница, сказительница, талантливый автор стихов и песен на юкагирском языке.

Ее работы, выполненные по канонам традиционного юкагирского шитья – национальная одежда, сумочки из лапок птиц, рыбы и др. представлены в экспозициях музеев Верхнеколымского района, г. Якутска. Так, в Музее музыки и фольклора народов Якутии имеются сшитые А.В. Слепцовой вещи: детская верхняя одежда из ровдуги, женская шапка с «рожками», передник – составная часть юкагирского костюма [3, с. 92-95].

А.В. Слепцова являлась постоянным советчиком и помощником школы с. Нелемное, ведущей работу по сохранению юкагирского языка. Выступала активной участницей всех школьных мероприятий. Еще до создания на базе школы РЭП А.В. Слепцова вела факультативный курс для девочек «Юкагирская мастерица», где учила их обрабатывать шкурки, работать с ровдугой, бисером, рассказывала о духовной и материальной культуре юкагиrow.

А.В. Слепцовой принадлежат удивительно поэтичные песни и душевные стихи, в которых она воспеваeт родную природу, родовые места:

*Пудэнмиэдьэ чоҕось будиэньэй
Мэт ууй лэбиэһиэ,
Пукэдьуодьэ ньанманьасыил Нунгэн ангильиэ.
Одун, одун наймыканьэл
Одун мархильиэ,
Одун, одун шөткариньэл
Одун адильиэ.
Чөнул, чөнул оожиньэсьиил
Чаахадан эмэйлиэ,
Чомуол, чомуол чаманинньэл
Чахадаан этиэһиэ.
‘С высокими берегами
Моя родимая земля,
С гибкими тальничками устье Рассохи.
В юкагирском костюме
Юкагирская девушка,
В юкагирских шёткарях*
Юкагирский юноша.
С высокими берегами
Моя родимая земля,
Со вкусной водичкой
Ясачная-мать,
С громадными нельмами
Ясачная-бабушка’.*

(Материалы автора. Записано в 2001 г. в с. Нелемное).

Л.Е. Шадрина, в разное время работавшая учителем, директором школы, главой Нелемного, пишет о ней: «Сколько стихотворений и песен на русском, якутском, юкагирском языках написала она, когда на душе – как признавалась сама – было светло, когда приходило творческое вдохновение» [6]. Ее самобытные стихи и песни на родном языке стали достоянием молодого поколения юкагиrow. Сейчас их можно услышать на различных культурных мероприятиях с. Нелемное.

А.В. Слепцова с удовольствием делилась с исследователями знанием родного фольклора и культуры. «Манера исполнения фольклорных текстов у А.В. Слепцовой яркая, эмоциональная, сочетающая рассказ и пение отдельных отрывков», – характеризует ее

---

* Обувь с подошвой из щёток оленя

исполнительство И.А. Николаева [4, с. 85]. Как и другие информанты, А.В. Слепцова охотно предоставляла нам записи фольклорных и авторских произведений, своих воспоминаний как по нашей просьбе, так и по собственному желанию. Самозаписи фольклора на юкагирском языке заслуживают особого внимания.

Ввиду пожилого возраста наших информантов, невозможности очной долгосрочной работы на месте, часто приходилось находить другие формы работы. Одной из таких форм явилось составление заданий-вопросов, преимущество которых в том, что с ними можно было работать в любое удобное время. Ответы на задания демонстрируют то, с какой ответственностью А.В. Слепцова подходила к ним. Например, над некоторыми словами ею указано, из какого языка слово заимствовано, при объяснении слова *ожуу* написано, что при помощи корня *лиственницы*, обозначаемого данным словом, прошивали берестяную посуду. Записи ценны еще тем, что содержат словосочетания и предложения. И.А. Николаева ранее тоже говорила об интересе А.В. Слепцовой к родному языку: «Ей свойственно также повышенное внимание к собственному языку, попытки осмысления происхождения и значения слов обычно на уровне народной этимологии» [4, с.85].

За свою подвижническую деятельность А.В. Слепцова награждена Республиканской премией имени Текки Одулока.

Любовь Николаевна Демина (1950 г.р.) – одна из последних знатоков языка лесных юкагиров.

Л.Н. Демину отличает глубокая заинтересованность родным языком, фольклором и культурой. Работая много лет назад руководителем юкагирского фольклорного ансамбля «Лондол» в с. Нелемное, она много общалась с носителями традиционной культуры, записывала языковой и фольклорный материал. Свои знания передает исследователям, работникам культуры, учителям и школьникам.

Широкие познания в области юкагирской культуры, многолетний опыт преподавания в школе в качестве учителя юкагирского языка, юкагирской национальной культуры, писательский талант позволяют Любови Николаевне плодотворно работать над созданием учебных пособий и книг для детей на юкагирском языке. Она является автором таких изданий, как «Азбука в стихах» (С-Пб, 2005), «Юкагирская говорящая азбука» (Якутск, 2011), «Юкагирская азбука» (Якутск, 2013), «Одун ньэмолҕил. Юкагирский год» (Якутск, 2014), «Лондо. Хоровод» (Якутск, 2014) «Литературнэй чунулэк. Литературное чтение: учебное пособие для начальных классов» (Якутск, 2015), «Одун ньэмолҕил. Юкагирский год: учебное пособие для средних классов» (Якутск, 2015). В них представлены собственные сочинения на языке лесных юкагиров – стихи, рассказы, сказки, песни, переводы сказок разных народов, произведений детской литературы. Авторские произведения Л.Н. Деминой характеризуются удачным обращением к фольклорному наследию юкагиров, направленностью материала на занимательное изучение юкагирского языка, осмысление значений слов:

Чэкчиль-эпиэльеэ

Чэкчэй эпиэльеэ тудэ маҕилдиэгэлэ

Кэйлэндьюодэ шөрилэшум.

Чэкчэй эпиэльеэ тудэ маҕилдиэгэлэ

Эмбэйбэлэ тукнэшум.

Чэкчэй эпиэльеэ иильисьэ маҕилньаасьии.

«Чэкчиль-эпиэльеэ,

Чэкчиль-эпиэльеэ,

Тэт чэкчиль

Митин кэйк!»

Божья коровка (буквально с юкаг.: мастерица-бабушка)

‘Мастерица-бабушка

Свое пальтишко красным раскрасила,

Мастерица-бабушка свое пальтишко

черными бусинками расшила,

Красивое пальтишко у мастерицы-бабушки.

Мастерица-бабушка, дай нам твое мастерство!’[1, с. 22-23].

Благодаря мастерскому владению словом, природной музыкальности, артистичности, Л.Н. Демина успешно выступает в различных проектах как диктор. Так, в 2007 г. в рамках образовательного проекта ЮНЕСКО и Министерства образования Республики Саха (Якутия) по юкагирскому языку и культуре она озвучила электронные пособия для детского сада и школы. В 2011–2013 гг., как автор произведений на юкагирском языке, переводчик и диктор, участвовала в проекте СВФУ им. М.К. Аммосова и ИГиИПМНС СО РАН по сохранению и развитию юкагирского языка и культуры на цифровых носителях и в киберпространстве.

Л.Н. Демина постоянно оказывает помощь учителям Нелемнинской СОШ, осуществляя для них переводы учебных материалов.

Многогранная личность Л.Н. Деминой проявляется и в следующем: она не только одаренная поэтесса и писательница, пишущая на родном и русском языках, но и юкагирская мастерица, чьи работы не раз представлялись на различных республиканских и всероссийских выставках творчества коренных малочисленных народов Севера. Из шкурки и лап птиц, кожи и костей рыб, перьев, бисера Л.Н. Демина создает сумочки в традиционном юкагирском стиле, а также удивительные картины, в которых отражается самобытный мир Севера. В 2015 г. издана ее книга – красочный альбом «Фантазии северной мастерицы», куда вошли стихотворения автора на русском языке и фотографии ее изделий и поделок.

При помощи Л.Н. Деминой четвертый год ведется обучение языку лесных юкагиrow в мессенджере WhatsApp, где даются озвученные уроки по лексике и грамматике, фольклорные образцы, песни.

Она имеет знак «Отличник образования РС(Я)», Почетные грамоты Министерства образования РС(Я), Министерства культуры РС(Я), Благодарственные письма АКМНС РС(Я), удостоена Республиканской премии им. Текки Одулока.

В заключение хочу еще раз отметить то, с какой готовностью, с каким желанием, самоотдачей старейшины делились и делятся своими знаниями, сохраняя таким образом для будущего поколения звучание родного языка, внося неоценимый вклад в возрождение древней культуры предков.

Когда-то Акулина Васильевна Слепцова подарила мне стихотворение на юкагирском языке, в котором есть такие слова: «Ничком упаду, навзничь упаду, пусть Бог поможет нашей девушке. Пусть наш язык, наши песни, наши танцы не останутся в небытии, не забудутся». «Ничком упаду, навзничь упаду» – она имела в виду то, что уже сильно болеет, но все равно будет помогать мне. В этих словах огромная надежда на всех нас, от кого зависит сохранение исчезающего культурного наследия.

Библиографический список

1. *Демина Л.Н.* Одуон ньэмолбил=Юкагирский год: книга для чтения для учащихся средних классов общеобразовательных школ. – Якутск: Бичик, 2015. – 96 с.
2. *Иохельсон В.И.* Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / Пер. с англ. В.Х. Иванова, З.И. Ивановой-Унаровой. – Новосибирск: Наука, 2005. – 675 с.
3. *Решетникова А.* Юкагирская коллекция Музея музыки и фольклора народов Якутии / Фольклор палеоазиатских народов: (Материалы и сообщения междунар. конф.): 26-30 ноября 2003 г. – Якутск: Изд-во ИПМНС СО РАН, 2005. – С. 92-102

4. Фольклор юкагиров Верхней Колымы / Сост. Жукова Л.Н., Николаева И.А., Дёмина Л.Н. Якутск: Изд. Якутского госуниверситета, 1989. Ч. 2. – 89 с.
5. *Чиркина А.* Просветитель своего народа. Режим доступа: <https://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/drugie-yazyki/library/2019/04/20/sochinenie-prosvetitel-svoego-naroda>
6. *Шадрина Л.Е.* Жизнь как река / газета «Колымские новости», 21 января, 2011.
7. *Шалугин В.Г.* Ньэдьиипэлэк уөрпэнин: учебное пособие. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1995.

Александр Николаевич Варламов,
доктор филологических наук,
старший научный сотрудник отдела северной филологии
Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Россия, Якутск

Aleksandr Nikolaevich Varlamov,
Doctor of Philological Sciences,
Senior Researcher of the Department of Northern Philology,
The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Russia, Yakutsk

e-mail: ataki2006@yandex.ru

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЭВЕНКИЙСКОГО ПРАЗДНИКА ИКЭНИПКЭ

THE ORIGIN AND SUMMARY OF THE EVENKI FESTIVAL IKENIPKE

Аннотация. *Статья посвящена эвенкийскому празднику «Икэнипкэ». В исследовании описывается история происхождения праздника от древнего шаманского коллективного внутривидового обряда «Добывания охотничьей удачи». По мнению автора, возникновение шаманского обряда «Икэнипкэ» происходило во взаимосвязи с неолитическим культом лося. С течением времени обряд сохранился в виде отдельного шаманского камлания «Сэвэкан» и личного охотничьего обряда «Синкэлавун». К настоящему времени обряд, перешагнув внутривидовые границы, существует в виде современного праздника в различных регионах России.*

Abstract. *The article is dedicated to the Evenki holiday “Ikenipke”. The history of holiday’s origin is described in the research from the ancient shamanistic collective intra-clan rite “Getting the hunting luck”. According to the author’s opinion the origin of shamanistic rite “Ikenipke” occurred in conjunction with the Neolithic cult of moose. In process of time the rite preserved as separate shamanistic ritual “Sevekan” and private hunting rite “Sinkelavun”. Thus far, the rite through the intra-clan borders exists as the contemporary holiday in different regions of Russia.*

Ключевые слова: *эвенки, шаманизм, культ лося, обряд Икэнипкэ, Бакалдын.*

Key words: *the Evenki, shamanism, cult of moose, the rite of Ikenipke, Bakaldyn.*

Происхождение эвенкийского праздника «Икэнипкэ» непосредственно связано с неолитической эпохой, в которой не позднее, чем 4-5 тыс. лет тому назад сформировалась древняя тунгусская культура кочевых сибирских охотников. Согласно гипотезе Г.М. Василевич, основа древней прототунгусской культуры пеших охотников начала складываться в неолите в горно-таежных районах Прибайкалья [2]. Основанием для этого являлись антропологическое сходство неолитических племен Прибайкалья и современных тунгусо-маньчжурских народов, а также многочисленные культурные параллели, наблюдаемые в

археологических культурах байкальского неолита. Согласно научным сведениям, начиная с «исаковского» неолитического периода в Прибайкалье получает стремительное развитие новая охотничья культура мобильных таежных охотников, вооруженных луками. Появление лука в Прибайкалье датируется «хиньским» этапом неолита [8, с. 63]. Последовательное развитие охотничьей культуры было обусловлено экономическими причинами – тайга и тундра по-прежнему обеспечивали все необходимые потребности человека, и проблема избытка населения решалась, в основном, за счет более интенсивного освоения охотничьих угодий [5]. Овладение луком позволило изменить технику охоты, с тем, чтобы подстроиться под изменяющиеся условия природной среды. Теперь главным объектом охоты в горно-таежной зоне стал лось. Сходство охотничьих элементов тунгусского культурного комплекса впервые обнаруживается в «серовской» культуре байкальского неолита, на что указывают результаты археологических [7, с. 259] и генетических исследований [6].

Подстраиваясь под глобальные изменения окружающей среды, предки эвенков и других тунгусо-маньчжурских народов продвигались от Байкала по долинам крупных рек, осваивая огромные пространства тайги в соответствии с ареалами обитания своего главного объекта промысла. Естественным образом, фигура лося, как важнейшего объекта охоты, прочно вошла в систему мировоззрения древних охотников. По всей восточной Сибири до настоящего времени сохранились тунгусские *Онё* (*Онёни*, *як.: Оннёс*) – наскальные рисунки с изображением сцен охоты и мировоззренческих традиций, основной фигурой которых, чаще всего, является лось.

Образ лося тесно переплетен с важнейшими символами зародившейся в то древнее время языческой религии, черты которой мы можем наблюдать вплоть до наших дней. Именно в неолитическом времени прослеживаются корни возникновения ряда мировоззренческих представлений эвенков: образ Лосихи-прародительницы, космогонические представления о лосе-солнце, охотничий обряд «Сиңкэлавун», сюжеты мифа о небесной охоте на лося, а также мифологических и охотничьих преданий. С лосем у эвенков до настоящего времени связано множество охотничьих обрядов и верований, запретов и правил. Именно с образом лося и развитием шаманского мировоззрения связано происхождение древнего праздника «Икэнипкэ».

Рис. 1. Иллюстрация книги А.И. Мазина «Традиционные верования эвенков-ороченов»

Обряд Икэнипкэ – «обновление жизни» воспринимался эвенками как важнейший праздник и обязательный ежегодный календарный коллективный обряд. Следует пояснить, что хозяйственный цикл эвенков на протяжении длительного исторического времени зависел исключительно от охоты, что нашло отражение в названиях месяцев и периодов года у всех

групп эвенков [3, с. 42.]. Кочевой охотничий уклад жизни диктовал необходимость постоянного перемещения по огромным территориям – охотничьим угодьям, которые были равноправно поделены между родами на обширной территории современной Сибири на протяжении десятков, сотен лет [8, с. 58.]. В течение года эвенки жили отдельно – семьями, либо небольшими родовыми объединениями, встречаясь с сородичами крайне редко, буквально один-два раза в году, после долгой зимы. Именно в это весеннее время проводился Икэнипкэ.

Насколько эти дни считались торжественными, можно судить по специальному костюму. Праздничный костюм готовили заблаговременно, совершенствуя его в течение жизни и иногда передавая по наследству. Надевали такую одежду только раз в году. Костюм должен был быть «самым красивым» и «самым нарядным», поэтому на него шло огромное количество бисера, металлических украшений, выбиралась лучшая шкурка с летнего оленя, для него специально покупались конские хвосты и специально откочевывали в горные местности для добычи коз и баранов, полоски шкур которых с длинной шерстью служили опушкой одежды [1, с. 152].

Праздник-обряд Икэнипкэ в традиционном виде к началу XX века сохранился лишь у самой западной группы эвенков – сымской, которая в своей значительной части состояла из потомков ангарских эвенков. Икэнипкэ представлял собой сложное коллективное обрядовое действие – восьмидневный хоровод, в котором эвенки «проигрывали» весь годовой хозяйственный (охотничий) цикл. Главным содержанием обряда являлась мистическая погоня всех присутствующих вместе с шаманом и его духами-помощниками за воображаемым лосем (либо оленем-сокжом), добывание объекта охоты и коллективное приобщение к мясу зверя. Проведению обряда предшествовала большая подготовительная работа: специально устанавливался большой чум-дюкча, изготавливались шаманские обрядовые атрибуты и сложные декорации для общения с миром духов. Сам обрядовый охотничий праздник представлял собой восьмидневный обряд-хоровод, в котором участники Икэнипкэ вместе с шаманом в погоне за небесным зверем проникали в верхний мир, стараясь добыть его душу – символ охотничьей удачи.

Далее, на основе публикаций Г.М. Василевич и других этнографических сведений, приведем подробное описание древнего обряда «Икэнипкэ», чтобы современные читатели могли представить себе его содержание и древнюю мировоззренческую специфику.

Икэнипкэ обычно проводился в период с середины апреля до конца мая, который эвенки ранее называли *Умудян* – «объединение» [11, с. 681]. К этому времени эвенки, кочевавшие преимущественно по 1-2 семьи, собирались вместе. Первоначально на Икэнипкэ собирались члены рода и соседних родов вместе со своими шаманами, принимавшими в обряде одинаковое участие со всеми остальными сородичами.

Перед началом обряда шаман «очищал» всех присутствующих, для чего проводилось специальное камлание, во время которого шаман «защищал» людей обрядовыми действиями, обращался к верховному божеству (*Буга*, *Экишери*) и другим духам, угощая и задабривая их, испрашивая покровительство для проведения обряда.

Первый день обряда назывался *Илбэдекит* (у западных эвенков «Илбэдекич») – «вспугивание зверя», «начало погони»: *Илбэми* – глагол «гнать», «поднять» (зверя); *-де* – суффикс постоянства действия; *-кит* – суффикс территориальной, географической принадлежности («место») [10, с. 238].

Перед началом мистической охоты эвенки в коллективном пении рассказывали, как рождалась-творилась Срединная земля *Дулин Буга*. Затем шаман, войдя в транс, вел своим пением под звуки бубна всех присутствующих по известным только ему шаманским дорогам. Повторяя каждую строку пения-икэн за шаманом, люди двигались в хороводе по

солнцу, «путешествуя в духовном потустороннем мире», уместаясь на «большом плоту» – бубне шамана.

Вслед за шаманом люди в пении и танце описывали увиденные им местности, происходившие события и встретившихся животных. В этот день все участники, ведомые шаманом спускались по его шаманской реке до ее устья, поднимаясь затем вверх по течению *Эудекит* – главной реки мира духов [11, с. 777]. Обряд в пении и хороводном танце продолжался до ночи. Во сне шаман должен был увидеть направление для дальнейшего пути в поисках Небесного Зверя.

Второй день назывался *Кутудекит* – досл., вероятно, от «куту» – счастье, удача, благополучие [10, с. 322]. В этот день охотники в своем коллективном обрядовом танце-пении продолжали поиски, пока не встречали свою главную цель – Божественного Зверя, символа охотничьей удачи *Сиукэн*, который в начале мистической погони эвенков является лишь теленком, вырастая постепенно с каждой пропетой строкой шаманской песни.

К ночи шаман призывал участников охоты сделать загон, чтобы зверь не ушел, пока люди отдыхают. Люди вместе с шаманом просили помощи у своих духов-предков и покровителей с надеждой, что те не оставят своих земных родичей одних без охотничьей удачи. Ближе к ночи, преодолев земли злых сил, люди, как и в предыдущий день, устраивали загон Зверя и засыпали до следующего утра.

На четвертый день, который назывался *Агияндэжит* – от слова «аги», «означающего во всех тунгусо-маньчжурских языках – тайга» [10, с. 13], людям предстояло пройти трудные, едва проходимые места прошлых пожарищ. Шаман вел своих сородичей вперед, вслед за убегающим Зверем. Эвенки догоняли его в своей коллективной песне, двигаясь в танце и подпевая своему проводнику без усталости.

Пятый и шестой день мистерии назывались *Гулэндэжит*. Г.М. Василевич интерпретирует название как «Хороший путь» [1, с. 159]. В эти дни участники обряда все ближе и ближе подбирались к теряющему силы Зверю, постепенно настигая его. К костюму шамана привязывались новые металлические части – символы духов-помощников.

На седьмой день – *Гоендэжит* (от эвенк. слова «гоеми» – ранить (зверя) [12, с. 141]), мистический шаманский обряд близился к своему финалу. В этот день догоняли и добывали Зверя. Мужчины проводили имитацию охоты – подкрадывались и стреляли в чучело лося, сделанное из тальника или дерева. После «охоты», всем участникам обряда раздавали «мясо» – части тальникового или деревянного макета, которые хранились вместе с семейными реликвиями до следующего обряда *Икэнипкэ*. Считалось, что вместе с деревянными частичками добытого лося, каждой семье достается охотничья удача.

Восьмой, заключительный день обряда назывался *Дярибдяжит* – «завершение, отход, возвращение» [1, с. 159]. В этот день шаман обращался к Буга (Экшери), подробно рассказывая о проведенной охоте, а затем отводил своих сородичей в Средний Мир, откуда 8 дней назад эвенки вместе отправились на Небесную Охоту. На этом *Икэнипкэ* заканчивался.

К середине XX века подобный обряд сохранялся в среде эвенков севера Амурской области и юга Якутии в виде отдельного шаманского обряда «Сэвэкэн», «Сиукэлавун», в котором главным объектом шаманской погони-мистерии был по-прежнему лось, душу которого следовало добыть, чтобы получить удачу на охотничьем промысле [4, С. 91-98]. Подобный обряд добывания удачи – *Синкэлавун* (*Хиукэлэвун*, *Шинкэлэвун*) был характерен для всех групп эвенков. В наиболее ранней форме такой обряд сохранился у амурских и алданских эвенков. Выполняли его охотники без шамана. Если охотника на долгое время покидала удача на охоте, он связывал из прутьев изображение лося или дикого оленя. Затем изготавливал маленький лук, стрелу и уходил, забрав все, в тайгу. Там он ставил изображение и, отойдя, стрелял в него. Если оно падало, то охота должна была быть

удачной. Тогда охотник имитировал разделку туши, укладывал ее на ритуальный лабаз и, забрав часть «туши», уходил домой, чтобы из дома отправиться на настоящую охоту [3, с. 238.].

Само название *Икэнипкэ* составляется из корня *ин* – *и* – «жизнь», «жить», суффикса подражания –*кэн* – *икэн* – «подражать жизни», «имитировать жизнь», соединительного гласного –*и*, а также суффикса, обозначающего обрядовое назначение –*ипкэ*. Таким образом, *и+кэн+и+пкэ* – буквально «жизнь» + «подражание» + «обряд». Слово *икэн* в современном языке имеет также значение пения, танца, игры [1, с. 152.].

Тесная взаимосвязь древнего обряда «Икэнипкэ» с обрядовой и песенно-танцевальной культурой эвенков прослеживается во многих культурных элементах. Почти повсеместно в среде современных эвенков слово «*икэн*» по-прежнему имеет несколько значений: «обряд», «игра», «пение», «хороводный запев». Отметим также, что древняя традиция проигрывания годового хозяйственного цикла в общем праздничном хороводном запеве «Дэвэ» сохраняется и в настоящее время у южно-якутских и амурских эвенков.

С течением времени, древний обряд Икэнипкэ перешагнул внутривидовую функцию и, превратившись в празднование, к настоящему времени стал общенародным, отмечаемым коллективно эвенками, объединенными территориально в пределах сел, районов в разных регионах России. Современная история праздника получила развитие в конце XX в. во взаимосвязи с ростом этнического самосознания эвенков. Утерянный ранее обрядовый праздник был возрожден благодаря энтузиазму тунгусоведов Г.И. Варламовой, А.Н. Мыреевой при поддержке эвенкийской общественности Якутии. Первый праздник Икэнипкэ был проведен вблизи г. Якутска в 1991 г., получив новое название «Бакалдын», быстро распространился в местах проживания эвенков в Якутии и других регионах. Современный праздник имеет специфические отличия в разных регионах, называясь Икэнипкэ, Бакалдын, Мучун, Больдер, не существенно отличаясь в основном содержании.

Таким образом, мы можем наблюдать культурный феномен, когда древний коллективный шаманский обряд с течением времени трансформировался в личный охотничий обряд, превратившись в настоящее время в коллективное празднование. Существование подобного феномена демонстрирует адаптивные свойства различных элементов традиционной культуры в условиях глобализации.

Библиографический список

1. *Василевич Г.М.* Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков // Сб. МАЭ. Т.17, 1957. – С. 151-186.
2. *Василевич Г.М.* Эвенки (к проблеме этногенеза тунгусов и этнических процессов у эвенков) // Докл. на соиск. уч. степ. докт. ист. наук. ИЭ – Л., 1968. – 67 с.
3. *Василевич Г.М.* Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII–начало XX в.). – Л.: Наука, 1969. – 304 с.
4. *Мазин А.И.* Традиционные верования и обряды эвенков–орочонов (конец XIX – начало XX в.) – Новосибирск: Наука, 1984. – 201 с.
5. *Мочанов Ю.А.* Древнейшие этапы заселения человеком северо-восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1977. – 264 с.
6. *Мовсесян А.А.* Некоторые аспекты популяционной генетики современного и древнего населения Сибири // Вопросы антропологии, 1973. – Вып. 45. – С. 77-84.
7. *Окладников А.П.* Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья. Вест. древн. истории, 1938. – № 1(2). – 259 с.
8. *Окладников А.П.* История Якутии. Том 1. – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1949. – 439 с.
9. *Рычков Ю.Г.* Кочевники Сибирской тайги (этноэкологическая грань проблемы сохранения биоразнообразия) // Природа. 1995. N 1. – С. 52-59.

10. *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков* / Отв. ред. В.И. Цинциус. Т. 1. – Л.: Наука, 1975. – 672 с.
11. *Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков* / Отв. ред. В.И. Цинциус. Т. 2. – Л.: Наука, 1977. – 992 с.
12. *Эвенкийско-русский словарь* / Сост. А.Н. Мыреева. – Новосибирск: Наука, 2004. – 798 с.

Анатолий Васильевич Жожиков,
доктор педагогических наук,
заведующий кафедрой ЮНЕСКО
«Адаптация человека и общества в арктических
регионах в условиях изменения климата и глобализации»
Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,
Россия, Якутск

Anatoly Vasilievich Zhozhikov,
Doctor of Pedagogical Sciences,
Chair of UNESCO of the Department “Adaptation of Man and Society
in the Arctic Regions in the Context of Climate Change and Globalization”
North - Eastern Federal University named after M.K. Ammosov,
Russia, Yakutsk

e-mail: jav1@mail.ru

**РЕВИТАЛИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУРЫ
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ АРКТИКИ
НА ОСНОВЕ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ
И КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

**REVITALIZATION OF THE LANGUAGES AND CULTURES
OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE ARCTIC
BASED ON THE USE OF INFORMATION
AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES**

Аннотация. В статье рассматривается роль цифровых технологий и глобальной сети Интернет в сохранении и поддержке языков и культур коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Представлен проект кафедры ЮНЕСКО Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова «Сохранение языков и культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации на цифровых носителях и в киберпространстве».

Abstract. The article discusses the role of digital technologies and Internet in preserving and supporting the languages and cultures of the indigenous peoples of the Arctic regions, Siberia and the Far East. This paper represents the actual ongoing project of UNESCO Department at Northeast Federal University named after M.K. Ammosov, “Preservation of the languages and cultures of the indigenous peoples of the Arctic, Siberia and the Far East of the Russian Federation on digital media and in cyberspace”.

Ключевые слова: ИКТ, Интернет, коренные малочисленные народы Севера, сохранение языков и культуры, языковое и культурное разнообразие в киберпространстве, электронные образовательные ресурсы.

Keywords: ICT, Internet, indigenous peoples of the North, the preservation of indigenous languages and culture, linguistic and cultural diversity in cyberspace, electronic educational resources and devices.

Наступившее столетие и тысячелетие – это период становления интегрального социокультурного строя как основы диалога и взаимодействия цивилизаций, культур, религий, который будет определять мировоззрение поколений нового века и их устойчивое развитие. На современном этапе развития нашего общества (формирования информационного общества) мы наблюдаем процессы беспрецедентной передачи информации по объему и скорости. Развитие www, блогосферы, цифровых библиотек, мобильных средств связи и передачи информации формируют сообщества по продуцированию, обмену и распространению знаний, глобального и локального характера. Бурное развитие Интернета и сотовой связи послужило толчком в развитии социальных сетей, в результате чего возникла новая среда поликультурного общения, в которой нет границ, расстояний и временных ограничений. В глобальном информационном пространстве (сети Интернет) сегодня формируется новая этнокультурная среда, которая имеет право на жизнь. Каждый, даже совсем малочисленный народ, получил возможность не только представить и сохранить в глобальной сети Интернет свой язык и культуру, но и возможность для дальнейшего своего развития.

Интернет предоставляет огромные возможности пользователям в плане обеспечения свободы выражения мнений, получения образования, сохранения и развития культуры, духовности, языков коренных малочисленных народов Севера. Однако очень серьезной проблемой является то, что сегодня получить информацию и услуги в Интернете можно только на доминирующих языках. Например, люди, языки которых не представлены в Интернете (а в Интернете используется лишь около 400 языков из 6 700 существующих), не могут адекватно участвовать в информационном обмене и вынуждены жить как бы в тени «господствующих» наций, которые, навязывая свой язык, также навязывают свое мировоззрение и свои обычаи. Все это значительно ускоряет темпы вымирания языков и культуры коренных малочисленных народов Севера. Также необходимо отметить катастрофическое уменьшение количества носителей языков коренных малочисленных народов Севера и постепенной утраты их самобытного культурного наследия.

Российская Федерация, как и многие другие государства мира, по своей структуре является полиэтничной, но она является единственной страной, которая, несмотря на зигзаги истории, смогла сохранить малочисленные народы с их традиционным образом жизни и традиционными формами хозяйствования в их классическом виде. На ее территории соседствуют и проживают более 160 этносов, из числа которых 45 относятся к коренным малочисленным народам Российской Федерации. Из этих 45 народов, согласно распоряжения Правительства РФ от 17.04.2006 N 536-р (ред. от 18.05.2010) «Об утверждении перечня коренных малочисленных народов Севера (КМНС), Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», 40 народов относятся к коренным малочисленным народам Севера (КМНС), Сибири и Дальнего Востока.

Каждый язык является уникальным хранилищем информации о говорящем на нем этносе и его культуре, о своей собственной эволюции, а также о природе человека как биологического вида. На протяжении всей истории человечества происходило рождение одних языков и отмирание других. В целом, в мире за три последних поколения жизни человечества исчезло около 200 языков – таково свидетельство нового «Атласа языков мира, находящихся под угрозой исчезновения», изданного ЮНЕСКО. Новый номер «Курьера ЮНЕСКО», подготовленного к Международному дню родного языка (21 февраля 2009 года), посвящен явлению, вызывающему тревогу: исчезающие языки уносят с собой не только слова, но и системы мировоззрения, общения, ценные знания, целые миры различных способов мышления. Поэтому для того, чтобы сохранить языковое разнообразие в нашей

стране и на всей планете, а вместе с ним и разнообразие культур, необходимо предпринимать экстренные меры.

Коренные малочисленные народы Севера (КМНС) являются создателями и хранителями уникальной человеческой культуры и составляют важную часть современной мировой цивилизации. Они являются и остаются носителями адаптационных систем жизнеобеспечения в суровых условиях Арктики и Крайнего Севера, уникальных самобытных традиций и своеобразных духовных ценностей. Обитатели Севера на протяжении многих веков осваивали арктические ландшафты, адаптировались к экстремальным природно-климатическим условиям в условиях вечной мерзлоты, развивали свою самобытную культуру и жили в гармонии с природой, не нарушая и сохраняя экологию ранимой северной природы. Однако коренные малочисленные народы Севера как никто испытывают на себе вызовы современного общества: углубляющиеся процессы глобализации, техногенные процессы, активное промышленное освоение их исконной среды обитания оказывают разрушительное воздействие на традиционный образ жизни. Бурные процессы глобализации и промышленного освоения Севера привели к тому, что эти народы, оказались, сегодня на грани исчезновения. Как подчеркивалось на IV съезде коренных малочисленных народов, в таком положении оказались 12 из 40 малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

В начале XXI века, 2 ноября 2001 г. ЮНЕСКО приняла Всеобщую декларацию о культурном разнообразии, в которой утверждается, что уважение разнообразия культур, терпимость, диалог и сотрудничество в обстановке доверия и взаимного понимания является лучшим залогом мира и международной безопасности. Будучи источником обменов, новаторства и творчества, языковое и культурное разнообразие так же необходимо для человечества, как биоразнообразие – для живой природы.

Сегодня, в условиях формирования информационного общества, необходимо обратить особое внимание на возникающие противоречия между глобальными процессами формирования информационного общества и сохранения национальной идентичности любого, даже самого малочисленного народа. Одним из таких противоречий, как отмечается [1], является столкновение глобализации и национальной идентичности.

Информационные и коммуникационные технологии (ИКТ), особенно глобальная сеть Интернет, с одной стороны, способствуют развитию процессов глобализации, выполняют интегрирующую роль в выстраивании нового мироустройства, а с другой, открывают новые возможности для сохранения языков и культуры всех народов, населяющих нашу планету, и в том числе, коренных малочисленных народов Севера. Учитывая это обстоятельство и то, что в Республике Саха (Якутия) проживают коренные малочисленные народы Севера (эвены, эвенки, долганы, юкагиры и чукчи), нами был инициирован проект, направленный на сохранение языков и культур КМНС в Киберпространстве.

Реализация данного проекта начата по Программе развития Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова в рамках проекта 4.1 «Сохранение и развитие языка и культуры народов Северо-востока Российской Федерации», мероприятия 2.50 под названием «Программа сохранения и развития языков и культуры коренных малочисленных народов Севера на цифровых носителях и в Киберпространстве» Центром новых информационных технологий (ЦНИТ) СВФУ, совместно с ведущими учеными Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук Российской Федерации [2].

В рамках данного проекта организованы экспедиции в места компактного проживания КМНС, для организации видео и фотосъемки уже исчезающих носителей языка и культуры КМНС (юкагиры, долганы, эвены, эвенки, чукчи).

Собранный материал использован в двух направлениях:

создании цифровых образовательных мультимедийных DVD-дисков по языку и культуре КМНС;

создании общедоступного многоязычного портала коренных малочисленных народов Севера www.arctic-megapedia.ru.

На первом этапе (2011-2013 гг.) в рамках данного проекта организованы экспедиции в места компактного проживания КМНС по Республике Саха (Якутия) для организации видео и фотосъемки уже исчезающих носителей языка и культуры КМНС (юкагиры, долганы). На основе собранных материалов создано 18 очень содержательных образовательных DVD-дисков по языку и культуре коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Республики Саха (Якутия), разработан мега-портал КМНС www.arctic-megapedia.ru, на котором уже размещены практически все имеющиеся материалы.

Работа по данному направлению показала большую востребованность проекта не только в Республике Саха (Якутия), но и в других регионах Российской Федерации, где проживают представители КМНС (стали поступать предложения о сотрудничестве от представителей КМНС Ямало-Ненецкого автономного округа, Чукотки и Хабаровского края). Данный проект также был представлен в марте 2013 г. на VII съезде коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, проходившем в г. Салехарде и вызвал большой интерес и поддержку. Арктический многоязычный портал КМНС www.arctic-megapedia.ru стал финалистом Дальневосточной интернет-премии «Стерх» в секции «Лучший некоммерческий или тематический проект Дальнего Востока» в апреле 2013 г.

Следующим этапом реализации проекта стало расширение проекта на весь Дальний Восток. Были организованы экспедиции по записи на цифровые носители представителей коренных малочисленных народов Севера: на Чукотку (чукчи, эскимосы), Камчатку (коряки и ительмены) и Хабаровский край (нанайцы, негидальцы и удэгейцы). К сожалению, пока не удалось охватить все народы, но в ближайших планах намечается представление на портале всех коренных малочисленных народов Дальнего Востока, а в далекой перспективе всех коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. В рамках экспедиций сделаны записи уже почти исчезающих носителей языка и культуры, собраны имеющиеся на местах материалы. Вся эта информация постепенно размещается на едином Арктическом многоязычном портале КМНС www.arctic-megapedia.ru.

Значимость проекта заключается в сохранении на цифровых носителях практически уже немногочисленных носителей языка и самобытной культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. С уходом из жизни пожилых представителей КМНС безвозвратно уходит их язык и культура. На едином Интернет-портале будут представлены все 40 коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

Например, в рамках данного проекта сохранен язык и культура уже почти исчезающего народа – лесных юкагиров, у которых осталось всего два-три полноценных носителя языка и культуры. Полученные ресурсы используются на уроках юкагирского языка и доступны в сети Интернет. В целом, проект будет реализовываться как сетевой проект, в котором смогут принять участие все регионы, в которых проживают КМНС. В результате реализации данного проекта в глобальной сети Интернет появится информационная среда, в которой будут представлены уникальные записи языка и культуры всех коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. И это позволит не только сохранить самобытное наследие, но и развивать языки и культуру коренных малочисленных народов, которых с каждым днем становится все

меньше. Чем быстрее будет развиваться проект, тем больше носителей языка и культуры мы сможем увековечить на цифровых носителях и представить в киберпространстве.

Предложение о дальнейшем развитии данного проекта было представлено и включено в резолюцию VII Международного форума «Арктика: настоящее и будущее» в 2017 году по двум секциям:

В секции «Историческое и культурное наследие русской Арктики» пункт 16.5 на стр. 175 следующего содержания: «Рассмотреть возможность поддержки проекта кафедры ЮНЕСКО СВФУ «Сохранение и развитие языков и культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока на цифровых носителях и в Киберпространстве» и расширить его как сетевой проект федерального масштаба».

В секции «Сохранение национальных традиций» п. 10.16 на стр. 134 следующего содержания: «Предлагается создать информационный портал, содержащий сведения о культуре и традициях коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в целях их защиты и популяризации».

Проект также был представлен в марте 2019 г. в г. Сыктывкаре на II Северном форуме и в г. Ханты-Мансийске, где стартовал год языков коренных народов отмечаемый под эгидой ЮНЕСКО. Проект «Сохранение и развитие языков и культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока на цифровых носителях и в Киберпространстве» был одобрен и рекомендован как сетевой проект федерального масштаба с охватом в рамках проекта всех коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации.

Имеются дальнейшие планы развития проекта совместно с Северным Форумом и выходом на международный уровень с включением в проект всех коренных народов, проживающих в арктической зоне мира. Есть планы представления проекта в Арктический Совет на заседании Рабочей группы по устойчивому развитию (SDWG) в рамках членства Российской Федерации в Арктическом Совете, а также её предстоящего в 2021-2023 гг. председательства в нём. Проект планируется представить в уполномоченный орган Российской Федерации через международную организацию северных регионов «Северный Форум», включающий в свой состав большинство арктических и дальневосточных регионов Российской Федерации, а также штат Аляска США.

Подготовительные этапы проекта:

Презентация проекта на Международной научно-практической конференции «Языки коренных народов как фактор устойчивого развития Арктики» в г. Якутске 27-29 июня 2019 г.;

Представление проекта на Международной конференции «Сохранение языков народов мира и развитие языкового разнообразия в киберпространстве: контекст, политика, практика» в рамках Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» в г. Якутске 30 июня – 5 июля 2019 г.;

Формирование и утверждение состава рабочей группы Проекта в рамках работы международного форума «Северный форум по устойчивому развитию» (СФУР) в г. Якутске 24-28 сентября 2019 г. и далее постоянно;

Представление проекта на заседание SDWG Арктического Совета в декабре 2019 г.;

Реализация проекта в 2020-2023 гг., в периоды председательства Исландии и Российской Федерации в Арктическом Совете.

В настоящее время ведётся работа, чтобы представить на портале все культурные объединения КМНС – это музеи, театры, фольклорные коллективы, центры национальных культур, например, музей музыки и фольклора Якутии. Портал <http://arctic-megapedia.ru> содержит почти 500 уникальных статей об Арктике. На образовательном разделе портала представлены русско-юкагирский разговорник, учебное пособие по юкагирскому языку,

учебное пособие «Эвенский язык для начинающих», материалы по климату, карта проживания КМНС, мультфильмы (камчадалы, эскимосы), народная музыка, в том числе современная, национальные песни, документальные фильмы, персоналии – представители коренных малочисленных народов Севера, носители языка и самобытной культуры, видео лекции зарубежных исследователей.

Конечный результат данного проекта – единый Арктический многоязычный портал www.arctic-megapedia.ru станет доступной информационной, поликультурной образовательной средой для всех коренных малочисленных народов, проживающих в Арктике, как часть единого мирового поликультурного информационного пространства XXI века, позволяющий вести диалог цивилизаций и межкультурное сотрудничество.

От успешной реализации этих задач может зависеть будущее России: продолжится ли исчезновение малочисленных языков, игнорирование процессов интеграции в мировое пространство или у страны есть шансы стать нацией высококультурных людей, способных влиться в общее мировое информационное пространство с поликультурной средой общения во всех сферах деятельности: политической, экономической, культурной и духовной жизни общества.

Библиографический список

1. *Жожиков А.В., Жожикова С.И.* Языковое и культурное разнообразие коренных малочисленных народов Севера в век цифровых технологий //Науки о культуре в перспективе «digital humanities»: Материалы Международной конференции 3-5 октября 2013 г., Санкт-Петербург/ Под ред. Л.В. Никифоровой, Н.В. Никифоровой. – СПб: Астерион, 2013. – С.438-441.

2. *Сиганатулин И.М.* Роль и место народной педагогики в формировании этнической идентичности // Реальность этноса. Роль образования в формировании этнической и гражданской идентичности. Материалы VIII Международной научно-практической конференции. – СПб: Астерион, 2006. – С.341-344.

3. Working Group Common Operating Guidelines // https://oaarchive.arctic-council.org/bitstream/handle/11374/1853/13184-v1_Procedural-Documents_WG-Common-Operating-Guidelines.pdf?sequence=8&isAllowed=y

Кирилл Намсараевич Стручков,
кандидат филологических наук,
научный сотрудник отдела северной филологии
Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Россия, Якутск

Kirill Namsaraevich Struchkov,
Candidate of Philological Sciences,
Research Fellow of the Department of Northern Philology,
The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Russia, Yakutsk

e-mail: kstruchkov@mail.ru

ЭВЕНКИЙСКИЙ ЯЗЫК: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

EVENK LANGUAGE: CURRENT PROBLEMS AND FUNCTIONING AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Аннотация. *Статья посвящена вопросам мониторинга тех изменений, которые произошли за период с 2002 г. в современной языковой ситуации эвенков Республики Саха (Якутия). Рассматриваются социолингвистический и социокультурный аспекты функционирования и перспектив развития эвенкийского языка. Общая языковая ситуация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия), в том числе эвенков, с точки зрения их реального функционирования не может быть характеризована однозначно. Проблемы сохранения и развития традиционной культуры, языка эвенков и в настоящее время остаются актуальными социолингвистическими и социокультурными проблемами. Возникла проблема лингвоэтнической консолидации, касающаяся вопросов литературной формы языка. Она связана не только с внутриязыковыми проблемами их становления (развития наддиалектной подсистемы национального языка, его нормативности, кодифицированности, полифункциональности, стилистической дифференцированности), но и с ростом высокого социального престижа в среде носителей данного национального языка. Эвенки постепенно приходят к выводу, что для сохранения и развития родного языка необходимо формировать наддиалектную форму языка, сохраняя при этом свои говоры.*

Abstract. *The article is devoted to the consideration of those changes that took place from 2002 to the present in the modern linguistic situation of the Evenks of the Republic of Sakha (Yakutia) in sociolinguistic and sociocultural aspects, modern problems of functioning and prospects of development. The general linguistic situation of the small indigenous peoples of the North of the Republic of Sakha (Yakutia), including the Evenks, cannot be clearly characterized in terms of their real functioning. Problems of preservation and development of traditional culture, Evenk language remain current sociolinguistic and sociocultural problems. There was a problem of linguoethnic consolidation concerning the problem of the literary form of language. It is connected not only with the intra-language problems of their formation (development of the supra-dialect subsystem of the national language, its regularity, codification, polyfunctionalities, stylistic differentiation), but also with the growth of high social prestige among the speakers of this national language. Evenki gradually comes to the idea that it is necessary for the preservation and*

development of the native language to create the supra-dialect form of the language, while maintaining their dialects.

Ключевые слова: *эвенки, эвенкийский язык, функционирование, полиэтничный, перспективы.*

Keywords: *Evenks, Evenk language, functioning, multi-ethnic, perspectives.*

Проблема сохранения и развития традиционной культуры, языка эвенков и в настоящее время остается самой актуальной социолингвистической и социокультурной проблемой. По данным переписи 2010 года в Республике Саха (Якутия) проживают более 40 тысяч представителей малочисленных народов Севера, в том числе эвенков – 21008, чукчей – 670, эвенов – 15071, юкагиров – 1281, долган – 1906 человека. Общая языковая ситуация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) с точки зрения их реального функционирования не может быть охарактеризована однозначно.

Функционирование данных языков сведено до минимума (эвенский, эвенкийский), некоторые подошли к грани исчезновения (юкагирский). Ситуация с родными языками народов Севера однозначно оценивается как кризисная и может служить одним из индикаторов социально-экономического неблагополучия малочисленных народов Севера.

По данным переписи 2010 года остается низким доля лиц, указавших родным язык, соответствующий национальности. При этом в сравнении с показателями предыдущих переписей эта доля постоянно снижается. Вместе с тем, организация и проведение различного рода научных и общественных мероприятий в республике показывают, что интерес ее жителей к проблемам современного состояния и положения языков коренных малочисленных народов Севера, в том числе эвенкийского не ослабевает. Население в целом поддерживает меры по возрождению языка и национальной культуры эвенков.

В республике проживают более половины эвенков от общего числа эвенков России. По итогам переписи населения прослеживается рост численности этноса: если в 2002 г. в республике насчитывалось 18232 эвенка, то в 2010 г. эвенков стало 21008 чел. К сожалению, владение родным языком остается низким, при этом в сравнении с показателями предыдущих переписей эта доля постоянно снижается.

Таблица

Владение родным языком (в % от общей численности)

	1970	1979	1989	2002	2010
эвенки	15,1	11,2	8,5	6,5	4,5
эвены	41,7	44,1	34,7	20,7	18,8
юкагиры	51,5	39,7	35,2	19,2	23,1

Источник: по данным Переписей населения.

Языковая ситуация характеризуется постепенным переходом эвенков в республике на якутский и русский языки.

Неожиданно обострившейся в последние годы оказалась проблема лингвоэтнической консолидации, она касается проблемы литературной формы языка. Многократно были высказаны пожелания о создании необходимых учебников и учебных пособий на ряде диалектов и говоров. Например, у нас в Республике Саха (Якутия) возможно их издание на восточном диалекте с помощью временных творческих коллективов ученых с привлечением отдельных носителей языка (число которых сокращается в виду ухода из жизни людей старшего возраста).

В настоящее время готовятся и уже изданы учебники, отражающие диалектные особенности. Так, на говорах восточного наречия изданы учебники Н.Я. Булатовой, А.В. Лапуко, учебные пособия А.И. Максимовой, Ф.М. Лехановой, Т.Ф. Александровой, К.И. Макаровой, В.П. Марфусаловой и др.; в 2017 г. опубликованы рабочие программы для 1-4 классов по эвенкийскому языку и литературному чтению на эвенкийском языке Ф.М. Лехановой, М.М. Кулешовой, С.В. Дмитриевой и т.д.

В целом вопросы применения литературного языка связаны не только с внутриязыковыми проблемами их становления (развития наддиалектной подсистемы национального языка, его нормативности, кодифицированности, полифункциональности, стилистической дифференцированности), но и с ростом высокого социального престижа в среде носителей данного национального языка.

Эвенки считают так: «нам нравится, что в нашем языке много диалектов и говоров, по ним мы узнаем, кто амурский, кто из Бурятии и т.д. Пусть все разговаривают на своем говоре или диалекте, это даже интересно. Но деловые письма, деловые бумаги и т.д. мы должны писать на принятом эвенкийском языке, т.е. на красноярском диалекте. Говорите на эвенкийском языке дома, с друзьями, везде». И в заключение пишут: «к этому идем, путь длинный, пока все привыкнут, главное есть начало», «когда подрастающее поколение выучит родной язык».

Каковы же конкретно языковые ситуации в местах компактного проживания эвенков и каковы дальнейшие перспективы функционирования эвенкийского языка? Фольклорно-лингвистические экспедиции к эвенкам Амурской области, Нерюнгринского и Алданского района позволили собрать языковой и фольклорный материалы, а также провести обследование степени сохранности и перспектив развития эвенкийского языка.

Эвенки Усть-Нюкжи Амурской области говорят на джелтулакском говоре, сохраняя при этом и свои особенности. Здесь живут представители родов Баттаки, Бута, Букэчэр, Бэллет, Донгой, Дэнмэ, Нюрмагат, Чакагир, много выходцев из с. Чары Читинской области и с. Тяни Олекминского улуса РС (Я). Особенность общения современных эвенков – смешение говоров сопредельных территорий, что представляет большой научный интерес [Словарь джелтулакского говора..., Благовещенск, 2011, с. 198-200].

В Усть-Нюкже отмечалась наиболее благоприятная ситуация с родным языком – на эвенкийском говорят жители почти всех возрастов. Отметим одну особенность, характерную для всех мест компактного проживания эвенков. Внутри своего общества эвенки каждого поселка проводят деление на две группы: «посёлкачэр» и «эгдачэр», «тайгачэр». Поселковые – живущие и работающие постоянно в поселке, не занимающиеся традиционными видами хозяйствования, эгдачэр (от слова эгдэн 'тайга') – таежные люди, занимающиеся промыслом, охотой; тайгачер – ведущие традиционный вид хозяйствования и кочующие в тайге. Отдельные представители «поселковых» являются уже не первым поколением, живущим в поселке. «Эгдачэр» гордятся тем, что они знают родной язык лучше, чем «поселковые», знают свой язык в тонкостях употребления. Приходилось слышать диалоги между «эгдэчэр» и «поселковыми», подобно приводимому:

- Тэгэкэл, эр тэгэчивун (поселковая).

- Эвэдыт гукэл, тэгэк, гукэл!- возражает приехавший из тайги оленевод-охотник.

Многие поселковые изучали язык на уроках эвенкийского языка, они активно пользуются новообразованиями, употребляют слова, присущие для других говоров. «Эгдачэр» говорят только на своем говоре, упорно употребляя только свою местную лексику. Иногда с юмором поправляют поселковых детей, т.к. те могут, к примеру, употребить фразу «орон укледерэн», вместо правильной «орон тоготчорон»: «Орон уклевки

до? Орон тогочивки веет!» Укледерэн – лежит, а лежать может только человек, либо предметы. Животные, имеющие четыре ноги, могут только «тоготто».

В поселке много интернациональных семей и детей-метисов. Языком общения в таких семьях является русский язык. Но у большинства из них все остальные родственники являются эвенками, поэтому они понимают эвенкийский язык. Часть из данных детей прекрасно понимает свой язык, но держит его в пассивном запасе, используя его лишь в общении с «эгдачер» и «тайгачер», а также на уроках эвенкийского языка. Такие дети выбрали весьма своеобразный способ общения в родной среде: родители говорят им по-эвенкийски, они отвечают на русском.

В основном только в таежных условиях в настоящее время эвенкийский язык является средством общения эвенков. Для этого есть много причин. Главная из них: только на эвенкийском языке можно точно и правильно передавать охотничью информацию, характеризовать следы зверей, описывать местность, погоду и т.д. Русский язык не всегда удобен в тайге даже для тех, кто не владеет хорошо эвенкийским языком, ибо предметы, явления и их характеристика на эвенкийском могут передавать точно всю охотничью и оленеводческую терминологию. При кочевой жизни одного русского слова «седло» (на оленя) мало, ибо седло на оленя может быть под выюки, для человека, мужское и женское, а также и детское, и все имеет свою терминологию (свое название). Также уздечки и упряжь имеют свои конкретные наименования, которые употребляются в традиционной жизни. В тайге люди, не знающие эвенкийского языка хорошо, являются в некотором смысле обузой. Приходилось быть наблюдателем и такой ситуации непосредственно перед самой кочевкой, когда уже выючились олени. В стадо приехал мальчик, редко бывавший в тайге, т.к. родители его являются поселковыми. Он приехал на летние каникулы, все таежники общались с ним на русском языке. Начали выючить оленей, оседлывать верховых. Мальчик помогал, поднося выюки и вещи, седла.

- Принеси эмэгэн, – сказал хозяин. Тот подал.

- Я же тебе сказал эмэгэн, а не намэ!

- Давай тынгэптун. Что ты мне даешь? Это же горги!

[Словарь джелтулакского говора..., Благовещенск, 2011, с. 198-201].

Русский язык прочно вошел в быт и жизнь эвенков, употребление русских слов в эвенкийской речи самая характерная особенность бытования эвенкийского языка в современных условиях.

Например: *Нонон сомат эвэдыт мут поселкаду биин.* 'Раньше в нашем поселке все по-эвенкийски было'.

В 2015 г. научные сотрудники ИГиПИМНС СО РАН провели социолингвистические экспедиции в с. Хатыстыр Алданского и с. Иенгра Нерюнгринского районов. Обобщенные полученные данные показывают, что для детей в Хатыстыре с рождения является родным якутский язык, в Иенгре – русский язык. Некоторые дети отвечали, что родной язык слышат только в школе на уроках эвенкийского языка. Как показал опрос эвенков этих поселений, есть много желающих родителей обучать детей родному языку. Это говорит о росте этноязыкового самосознания.

Несомненно, рост уровня этнического самосознания – один из важнейших факторов поддержки языка. Однако, ясно, что в период так называемого этноязыкового ренессанса необходимо приложить максимум разнообразных усилий для сохранения языка. Приведем несколько примеров. Только в августе 2019 года в республике прошло несколько крупных мероприятий, посвященных Международному дню коренных народов мира: Межрегиональный молодежный фестиваль эвенкийского фольклора «Аюкта», в СВФУ была проведена научно-практическая конференция эвенков «Сохраним культуру – сохраним

народ», в ИГиИПМНС международная научно-практическая конференция «Языки коренных народов как фактор устойчивого развития Арктики».

Накануне дня коренных народов мира состоялась встреча с японским ученым Рё Матсумото из университета Ямата, г. Кобо. В Якутию его привело желание изучать эвенкийский язык. Эвенкийским языком Рё Матсумото заинтересовался еще будучи аспирантом. Несколько лет назад он приезжал в Якутию и обучался азам эвенкийского языка у одного из ведущих специалистов по эвенкийскому языку Т.Е. Андреевой, совершил ознакомительную поездку с автором этой статьи в с. Иенгра Нерюнгринского района. На вопрос журналиста газеты «Илкэн» «можно ли смотреть с оптимизмом на сохранение эвенкийского языка», японский ученый ответил утвердительно. «У эвенков есть достаточно носителей, собрано много научного материала, так что язык может быть возрожден», – ответил он, – «Иная ситуация у айнов в Японии».

Национальная библиотека республики в г. Якутске объявила набор слушателей на бесплатные языковые курсы, в том числе и по эвенкийскому языку. В 2019 году в августе Амурским государственным университетом (Благовещенск) были проведены международные молодежные этноязыковые тренинги по эвенкийскому, английскому и ороchonскому языкам, стартовал курс «Юный оратор» в г. Нерюнгри РС(Я), 12-14 октября с.г. проводилась Международная олимпиада по языку и культуре эвенков России и ороchonов Китая, в провинции Хэйлуцзян Внутренняя Монголия КНР. Ежегодно Министерством образования и науки РС(Я), Институтом развития образования и повышения квалификации, СВФУ им. М.К. Аммосова в республике проводятся олимпиады по родным (эвенскому, эвенкийскому, юкагирскому, чукотскому) языкам.

Все эти мероприятия демонстрируют интерес к проблемам сохранения и развития национальной культуры и языка эвенков. Демократическое государство определяется тем, как хорошо оно заботится о своих меньшинствах. Обеспечили ли им новые альтернативные государственные и общественные структуры более справедливое и устойчивое место в российском и нашем республиканском обществе?

Но, зачастую некоторые принятые новые законы и постановления оказываются декларативными, не имеющими реального воплощения в жизни. И только когда подключаются отдельные общественные организации, группы активных, неравнодушных людей, духовные лидеры КМНС на федеральном или республиканском уровнях начинают более настойчиво напоминать о не реализованном на практике законе из числа объявленных ранее принятыми, и требовать его исполнения, только тогда начинается этап пересмотра современной законодательной базы по правам коренного населения.

Эвенкийский язык, как и у эвенов, юкагиров имеет статус официального в местах компактного проживания народов в РС(Я). Однако понятие статуса официального языка в нормативных документах не определено. По аналогии с международной практикой официальный статус языка предполагает употребление языка в публичной жизни общества: в органах власти, государственных организациях; географических и дорожных указателях, официальной переписке, официальных документах граждан и др.; в средствах массовой информации в местах их компактного проживания; в образовании. Многие из выше перечисленного кажется невероятным, но так должно быть, когда мы говорим о равноправии языков. Фактически языки коренных малочисленных народов Севера, в том числе и эвенкийский, не выполняют или не могут полноценно выполнять роль официальных языков, в силу разных причин.

Большие возможности в сохранении и развитии языка и традиционной культуры предоставляет система образования, но в какой мере ими воспользоваться решают на местах. По данным Министерства образования и науки РС(Я) обучение языку эвенков проводилось в

2017 г. в 18 школах и охватывало 1574 чел, в 2018 году число детей, обучающихся эвенкийскому языку, возросло до 1621 чел.; в 2019 г. уроки эвенкийского языка проводились в 20 школах, но только для 1423 учащихся.

На экспертный вопрос о языке, на котором больше или чаще говорил респондент до поступления в школу, были получены следующие ответы, в зависимости от места проживания: в Хатыстыре – на якутском, в Иенгре – чаще на русском, в Усть-Нюкже – могли на родном и русском.

Перед нами стоят большие задачи в сохранении и развитии эвенкийского языка. Необходимы дальнейшие комплексные исследования и проведение мониторинга функционирования официальных языков коренных этносов Якутии. Очень востребованы терминологические словари, в частности общественно-политической лексики на языках коренных малочисленных народов Севера, в том числе и на эвенкийском, для приведения к единообразию оформление официальных документов, вывесок, наглядной агитации на языках народов Севера. Андреева Т.Е. и Стручков К.Н. подготовили рукопись «Общественно-политическая терминология эвенков» (объемом примерно 4 п.л.), она еще не опубликована. Интересен и опыт создания разговорника эвенкийского языка для мобильных устройств, разработанного ведущими специалистами института Г.И. Варламовой и А.Н. Варламовым на средства гранта Департамента по делам народов РС(Я).

Важнейшим направлением остается научное сопровождение языкового образования в республике и за ее пределами, которым занимается отдел северной филологии ИГиПМНС СО РАН, где по сей день работают представители коренных малочисленных этносов и его духовные лидеры, связанные с носителями языков и вносящие свою посильную лепту в духовное возрождение и рост этнического самосознания своих народов.

Несмотря на предпринимаемые меры, языковая ситуация у народов Севера ухудшается. Одной из главных проблем является утеря языком своей функциональности – служить средством общения и формирования мысли, что ведет к ее быстрому вытеснению из оборота. Ясно, что языки не умирают сами по себе, это происходит из-за действий человека, который отказывается от своего языка. Понятно, что здесь есть много объективных и субъективных факторов, влияющих на повышение или снижение роли национального наследия, воспитания любви к своим корням, обычаям, традициям. Но обязательно должно быть чувство ответственности за свой язык и обучение ему младших поколений.

Нужно сохранять и развивать национальную культуру. 2018 год в культурной жизни эвенков прошел с большим воодушевлением и духовным подъемом в связи с проведением Республиканского Ысыаха Олонхо в Алданском районе. Особенностью прошедшего ысыаха была тема эвенкийского эпоса – нимџакана. В конкурсе сказителей эпоса приняли участие старейшины, носители эвенкийского языка и культуры Анфиса Авелова из Алданского и Дария Осенина из Томпонского района. В конкурсе фольклора народов Якутии (КМНС) в разных номинациях приняли участие творческая группа Ассоциации эвенков совместно с коллективами ДДН им. А.Е. Кулаковского «Гиркилэн», «Аймулдан»; со сказаниями и сказками – Вера Александровна Дуткина, Валентина Волкова, с песней - Анна Черемкина, с эвенкийскими хороводами, нимџаканами, стихами – ансамбль «Осиктакан» Жиганского улуса, ансамбль «Эмнэкээн» Алданского района, Наташа Бубякина, Полина Анатольева, Ярослав Семенов, Зоя Порядина, Аида Туприна, Степа Николаев. Также эвенки приняли активное участие и получили дипломы и номинации в конкурсе национальной одежды Ысыаха Олонхо.

Несомненно, что рост уровня этнического самосознания – необходимый фактор поддержки языка в современных условиях. Решение задач по сохранению родных языков силами одного региона невозможно. Необходимо привлечение внимания к решению этих

задач и федеральных органов власти. Ведь процесс сокращения сфер использования эвенкийского языка продолжается, хотя и на фоне роста национального самосознания.

Несомненно, рост этнического самосознания – один из важнейших факторов поддержки языка. Г.А. Дырхеева пишет, что существует три типа языкового планирования [5, с. 14-16]: корпусное (создание словарей, грамматик и др.), статусное (определение статуса языка), планирование освоения языка с помощью образовательной системы (семья-детсад-школа-вуз). Можно сказать, что в нашей республике ведется работа в этих трех направлениях языкового планирования. Надо только отметить, что нарушается образовательная система – во многих семьях не разговаривают с детьми на родном языке.

Перед языковедами республики стоят актуальные задачи теоретического и прикладного исследования эвенкийского языка, дальнейшего анализа процесса сохранения, развития и адаптации эвенкийского языка к потребностям современной жизни, обусловленного развитием нового коммуникативного медиапространства.

В своих трудах и научных изысканиях Ф.С. Донской и его единомышленники, коллеги придавали большое значение комплексному изучению коренных малочисленных народов Севера, в т.ч. эвенкийского населения [1; 2, с. 285-290; 3, с. 316; 4, с. 372]. При этом первостепенная роль отводилась духовному возрождению этноса, что невозможно без знания языка, его роли во внедрении системы непрерывного языкового образования путем организации обучения детей родному языку, начиная с воспитания в семье.

Библиографический список

1. *Баишева С.М. и др.* Этносоциальная адаптация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия). – Новосибирск: Наука, 2012. – 363 с.
2. *Донской Ф.С., Роббек В.А., Шейкин Ю.И. и др.* Интеграция коренных малочисленных народов Сибирского Севера и Дальнего Востока в общероссийскую культуру. – Якутск: ЯФ Изд-ва СО РАН, 2003. – 396 с.
3. *Донской Ф.С.* Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX века. Т.2. – Якутск: ЯФ Изд-ва СО РАН, 2004. – 320 с.
4. *Донской Ф.С.* Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX века. Т.3. – Новосибирск: Наука, 2006. – 427 с.
5. *Дырхеева Г.А.* Бурятский язык десять лет спустя: проблемы функционирования и перспективы развития. // Языки в полиэтническом государстве. Развитие, планирование, прогнозирование. Международная конференция, Улан-Удэ, 1-4 июля, 2019. ИЯ РАН, ИМБТ СО РАН. – Улан-Удэ, 2019 г. – С. 14-16.
6. *Михальченко В.Ю.* Социолингвистический аспект классификации языков России // Языки в полиэтническом государстве. Развитие, планирование, прогнозирование, Международная конференция, Улан-Удэ, 1-4 июля, 2019. ИЯ РАН, ИМБТ СО РАН. – С. 8-12.
7. *Словарь джелтулакского говора* эвенков Амурской области. – Благовещенск, изд-во БГПУ, 2009. – 607 с.
8. *Словарь джелтулакского говора* эвенков Амурской области. Благовещенск, изд-во БГПУ, 2010. – Ч. 2. – 235 с.
9. *Стручков К.Н.* Эвенкийский язык: социолингвистическая ситуация и перспективы сохранения // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: мат-лы НПК, посв. Межд. десятилетию коренных народов мира (Якутск, 15 дек.2004 г.). – Новосибирск: Наука, 2005. – С. 243-246.

Наталья Егоровна Захарова,
кандидат филологических наук,
научный сотрудник отдела северной филологии
Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Россия, Якутск

Natalia Egorovna Zakharova,
Candidate of Philological Sciences,
Research Fellow of the Department of Northern Philology,
The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Russia, Yakutsk

e-mail: nataly@mail.ru

**ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ,
ВЛИЯЮЩИЕ НА ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА
(НА ПРИМЕРЕ ЭВЕНКИЙСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ СЕЛ
ОЛЕКМИНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ))**

**EXTRA-LINGUISTIC FACTORS THAT AFFECT
THE FUNCTIONING OF THE EVENK LANGUAGE
(BY THE EXAMPLE OF EVENK NATIONAL VILLAGES
IN OLEKMINSKY DISTRICT OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA))**

Аннотация. *Целью данной статьи является анализ экстралингвистических факторов, влияющих на развитие, функционирование эвенкийского языка в Республике Саха (Якутия). Такой анализ необходим для описания реальной языковой ситуации в местах компактного проживания эвенков, и особенно актуален для многонациональных регионов.*

Abstract. *The aim of this article is to analyze extra-linguistic factors affecting the development and functioning of the Evenk language in the Republic of Sakha (Yakutia). This analysis is necessary to describe the real language situation in the places of compact residence of Evenks, and is especially relevant for multinational regions.*

Ключевые слова: *эвенкийский язык, расселение эвенков, языковая ситуация, экстралингвистические факторы, функционирование языка.*

Keywords: *Evenk language, Evenk settlement, language situation, extra-linguistic factors, the functioning of language.*

Изучение любой языковой ситуации принято начинать с описания социально-демографических особенностей региона. Так, современная Якутия в нашем исследовании выступает как: 1) пространство совместного проживания более 120 национальностей, в том числе исследуемых нами – эвенков, якутов и русских; 2) общий культурный ареал, внутри которого у разных культур обнаруживается сходство в основных чертах, особенно у коренных народов. Более подробно рассмотрим пункт 1. Для этого проанализируем данные

имеющихся Переписей (см. Таблицу 1). Как видим, численность коренных народов (якутов и эвенков) за последнее столетие возросло вдвое. Пик численности русского населения пришелся на Переписи 1979 и 1989 годов – 50% всего населения республики. Последующие же данные постсоветского периода показывают уменьшение вдвое их численности. Это естественная миграция, основной причиной которой явилась реорганизация всего комплекса добычи и переработки недр, как следствие, закрытие многих промышленных поселков, а вместе с тем и отток приезжего населения.

Таблица 1

Численность эвенков, якутов и русских Республики Саха (Якутия)*

Национальность	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Якуты	233 273 (56,5 %)	226 053 (46,4 %)	285 749 (43,0 %)	313 917 (36,9 %)	365 236 (33,4 %)	432 290 (45,5 %)	466 492 (49,9 %)
Русские	146 741 (35,5 %)	215 328 (44,2 %)	314 308 (47,3 %)	429 588 (50,4 %)	550 263 (50,3 %)	390 671 (41,1 %)	353 649 (37,8 %)
Эвенки	10 432 (2,5 %)	9505 (2,0 %)	9097 (1,4 %)	11 584 (1,4 %)	14 428 (1,3 %)	18 232 (1,9 %)	21 008 (2,2 %)

* По результатам Переписей населения 1939-2010 гг.

Кроме того, количественные данные по коренным народам (якутам, эвенкам) в 1970-89 гг. увеличиваются, но процентное соотношение от общей доли населения республики уменьшается. Положительная динамика этого показателя видна в Переписях 2002-2010 гг. В данной статье мы не будем расписывать причины демографического прироста за счет восстановления национальной принадлежности людей записанных по родителю другой национальности, или, наоборот отказа от своей национальности в пользу, например, якутской. Это все результат государственных реформ. Но эти изменения оказали большое влияние на жизнь эвенков, начиная от расселения и заканчивая языком и культурой. По этому поводу Донской Ф.С. пишет: «Современное расселение коренного сельского населения обусловлено преимущественно воздействием внешних факторов, не зависящих от воли самих народов. Компактное расселение народов Севера было разрушено в результате кампании по ликвидации так называемых бесперспективных поселков и политики концентрации сельского населения в крупные поселки, а также отчуждения территорий традиционного природопользования под промышленное освоение» [1, с. 58].

Рассмотрим карту (рис. 1) [2]. Как видно, эвенки ныне расселяются в южной, юго-западной и северо-западной, небольшие группы в северной и юго-восточной части Якутии. Все эти локальные очаги сформированы естественным образом на протяжении долгого времени проживания на данной территории. Они соответствуют таким муниципальным районам Республики Саха (Якутия), как Олекминский, Алданский, Нерюнгринский, Усть-Майский, Оленекский, Жиганский, Анабарский, Булунский. Западная Якутия, пронизанная эвенкийскими топонимами, сегодня остается белым пятном, и лишь небольшой поселок Слюдюкар в Мирнинском районе является национальным эвенкийским наследием. В других районах эвенков практически нет или совсем незначительное количество.

Расселение КМНС Якутии по местам их компактного проживания
(Составлено по: Распоряжению
Правительства Российской Федерации
от 8 мая 2009 г. 631-р.)

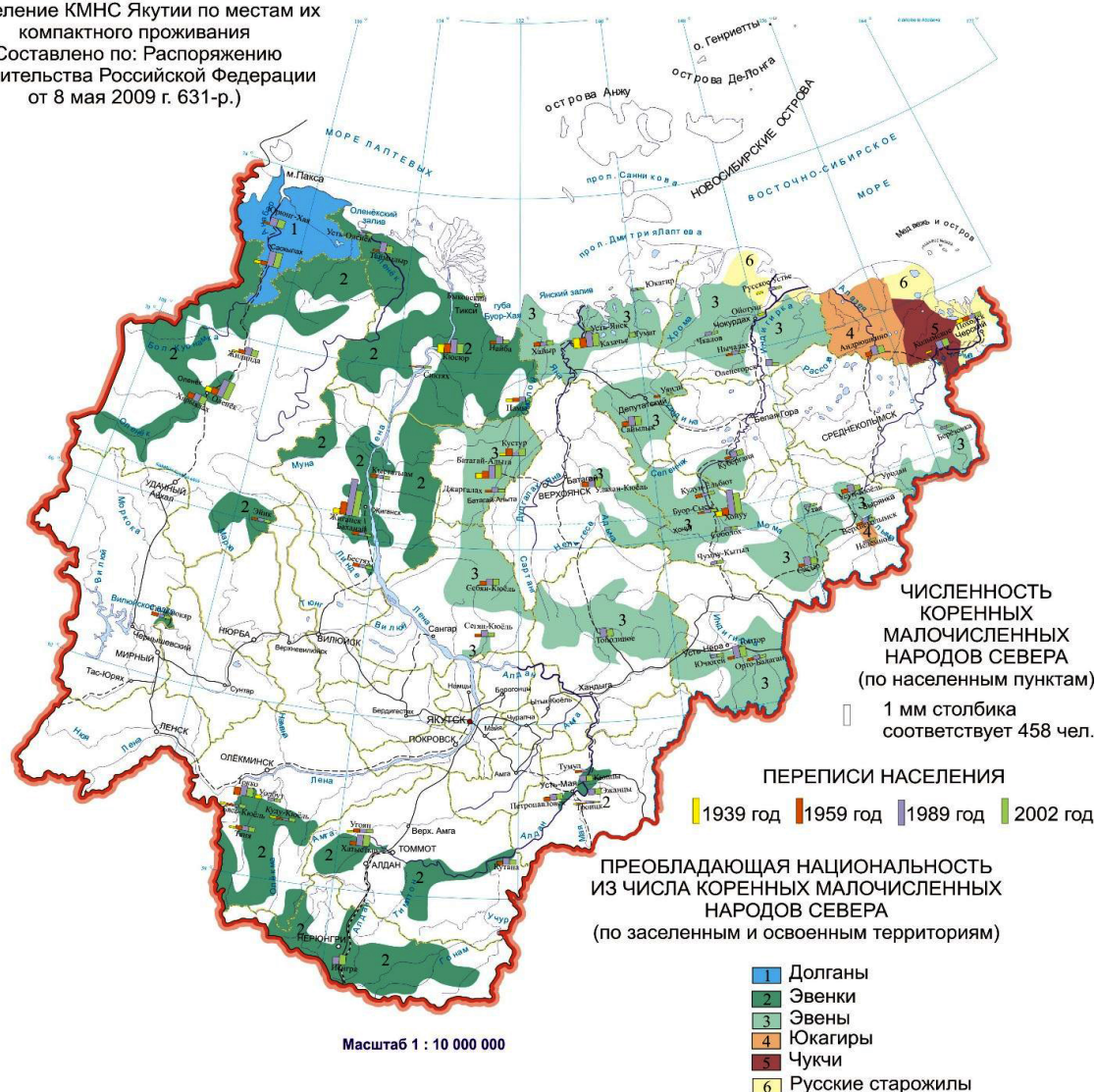

Рис. 1. Расселение КМНС Якутии по местам их компактного проживания

Промышленные районы республики, в которых велика концентрация русского населения – Мирнинский, Нерюнгринский, Алданский, Олекминский, Усть-Майский (см. табл. 2) – являются местами совместного проживания эвенков, якутов и русских, эти этнические группы здесь основные. Такая ситуация оказывает определенное влияние на развитие языков этих народов, и особенно сильное на функционирование эвенкийского языка. По этому поводу Стручков К.Н. отмечает: «Изучение этноязыковой ситуации в РС (Я) показывает, что в ее муниципальных районах коммуникативные возможности якутского и русского языков неодинаковы: в моноэтнических сельскохозяйственных улусах во всех сферах жизнедеятельности преобладает якутский язык, русский – функционирует в промышленной зоне и в городских поселениях. Языком межнационального общения в местах проживания малочисленных народов Севера является якутский, только в одном эвенкийском селе Иенгра Нерюнгринского муниципального района – русский» [3, с. 19-20].

Численность эвенков, якутов и русских по районам компактного проживания*

район / улус	якуты		русские		эвенки	
	2002	2010	2002	2010	2002	2010
Алданский район**	1 905	1 576	38 868	33 656	2 028	2 073
Анабарский улус	1 097	756	751	130	564	796
Булунский улус	2 271	2 123	3 500	2 617	2 345	2 259
Жиганский улус	1 445	1 199	619	549	2 046	2 362
Мирнинский район	5 735	6 686	59 096	64 929	494	553
Нерюнгринский район	1 905	2 042	67 924	64 647	1 013	1 123
Олекминский улус	11 481	11 402	13 284	12 206	1 061	1 234
Оленёкский улус	1 248	841	144	73	2 591	3 117
Усть-Майский улус	1 870	779	6 995	4 943	1 870	1 962

* По результатам Переписей 2002 и 2010 гг.

** Выделены промышленные районы, в которых эвенки проживают компактно

Для анализа выбран Олекминский район. Он находится на юго-западе Якутии. Все административные территории, с которыми граничит район, на юго-востоке с Алданским и Нерюнгринским районами Якутии, на юго-западе с Читинской и Иркутской областями РФ, являются местами расселения эвенков. А по северным границам граничит с вилюйской группой районов республики, топонимика которых указывает на присутствие на этих территориях в прошлом тунгусоязычных народов. Как известно, Олекминский район самый богатый запасами лесных ресурсов, залежами драгоценных металлов и полудрагоценных камней в регионе. Издавна здесь работали старательские артели, освоена промышленная добыча рудного золота. Как и в других промышленных районах, наблюдается миграционный отток населения за пределы республики, обусловленный закрытием промышленных поселков. Старательские артели из-за нехватки квалифицированных кадров вынуждены переходить на вахтовый метод работы и привозить людей из других регионов и нанимать местных жителей на сезонные работы. Кроме того, это один из сельскохозяйственных районов республики, географические условия которого позволяют выращивать злаковые и овощные культуры. Это откладывает некий отпечаток не только на национальный состав и численность населения района, но и на его быт. Соотношение русского и якутского населения почти равное по сравнению с другими районами.

Олекминские эвенки сохраняют традиционные виды хозяйствования и культуру. Так, по данным Всероссийской переписи 2010 г. основной национальный состав района: русские 48%, якуты 41%, эвенки 4%, татары 3% и незначительный процент, который приходится на другие национальности. Население проживает в 54 пунктах, в составе 1 городского и 22 сельских поселений, из которых 4 имеют статус национальных наслегов в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) – Токко (Жарханский национальный наслег) (численность - 1373 чел), Куду-Кюёль (Киндигирский национальный наслег) (354 чел), Тяня (Тянский национальный наслег) (499 чел), Бянь-Кюёль (Чаринский национальный наслег) (215 чел). Что дает статус «национального»? Наслег может быть наделен таким статусом если не менее 30% от общей численности населения села составляют эвенки и имеется согласие жителей, подтвержденное голосованием на общем собрании. Статус «национального наслега» определяется Законом РС (Я) и приобретает с

целью защиты и сохранения среды обитания, права на традиционное природопользование, возрождение национальной культуры и языка, удовлетворение духовных запросов [4]. Исходя из вышеизложенного можно предположить, что в этих наслегах созданы благоприятные условия для сохранения и развития языка и культуры эвенков. Какова же реальная ситуация?

В своей работе 2009 года Стручков К.Н. подчеркнул, что «в Республике Саха (Якутия) у большинства эвенков родным языком стал якутский, они полностью утратили собственный язык» [4, с. 23-24]. На сегодняшний день ситуация в рассматриваемых наслегах остается такой же. Результаты проведенного в 2017 г. социологического опроса в эвенкийских селах – Тяня (численность - 490 чел.), Куду-Кюёль (359 чел.), Токко (1280 чел.) это подтверждают. В опросе участвовало население сел от 18 лет и старше. Всего опрошено 300 человек. Так, нами выявлено, что:

– Тянский (с. Тяня) и Киндигирский (с. Куду-Кюёль) национальные наслеги имеют «эвенкийский» тип хозяйствования. Основным видом хозяйствования у эвенков считается охота, поэтому вся жизнь строится в соответствии с охотничьим календарем – сезоны охоты на копытных, на боровую дичь, водоплавающую дичь, сюда же можно отнести рыболовство и собирательство впрок. В перерывах между сезонами остается время на изготовление снастей, сбыт добытого. Если семья живет оседло в деревне, домашним хозяйством занимаются женщины и дети. Зажиточные семьи могут иметь оленей. Село Тяня одно из немногих мест Якутии, где ведется домашнее оленеводство. С этим видом хозяйствования также связано много традиций, которые тесно переплетаются с повседневным бытом эвенков. В таких поселениях практически не содержат крупный рогатый скот, подсобное хозяйство, как правило, состоит из собаки (и не одной) и небольшого огорода. Таким образом, полностью (или большей частью) пропитание семьи добывается в тайге;

– Жарханский (с. Токко) национальный наслег имеет «якутский» тип. Это объясняется меньшей плотностью эвенкийского населения, близостью районного центра, благоприятными географическими условиями для других видов хозяйствования (земледельческого и скотоводческого), т.е. помимо охоты, семья кормится подсобным хозяйством – содержат коров, лошадей, кур, кроликов, свиней, выращивают сельскохозяйственные культуры, имеют большие огороды, теплицы. Крестьянские хозяйства выращивают достаточное количество овощей, чтобы прокормить семью и выделить определенную часть урожая на продажу;

– большая часть населения с. Куду-Кюёль и с. Тяня это эвенки (80%), в с. Токко большинство якуты;

– во всех трех селах основным языком общения является разговорный якутский;

– эвенкийский язык функционирует в с. Куду-Кюёль (19% считают родным, говорят 1% и 13% считают родным смешанный якутский и эвенкийский и говорят на смешанном 1%) и с. Тяня (73% считают родным и говорят на смешанном якутско-эвенкийском 6%, русско-эвенкийском 1%, русско-эвенкийско-якутском 7%);

– в с. Токко родным языком считают якутский язык 84%, русский 3%, русско-якутский 13%. Это также можно объяснить тем, что с 1936 года по 1953 год с. Токко было центром Токкинского эвенкийского национального района, впоследствии он остался как совхоз «Токкинский». В с. Токко была восьмилетняя школа-интернат, в котором проживали и учились дети из эвенкийских сел Тяня, Куду-Кёль, Бясь-Кёль и др. Обучение велось на якутском языке.

Как видим, одним из немаловажных факторов функционирования языка является его статус. На сегодняшний день существует закон, который направлен на создание условий для сохранения, равноправного и самобытного развития языков коренных малочисленных

народов Севера – «О статусе языков коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» [5]. Он основывается на Конституции РФ, Законе РС (Я) и гарантирует равноправие языков народов РС (Я). Государство гарантирует защиту языков, проведение научно обоснованной и целенаправленной языковой политики, финансовое обеспечение государственных целевых программ по развитию, сохранению языков коренных народов. Таким образом, законодательно все защищено и гарантировано, но использование родного языка оставлено на самого носителя языка.

Каково же реальное функционирование эвенкийского языка? Как известно, все официальное делопроизводство со времен создания письменности ведется на русском языке. В многонациональном социуме для общения также чаще используется государственный русский язык, реже якутский. Обучение в школе ведется на русском языке, меньше на якутском. Печатной продукции на эвенкийском языке очень мало – имеется одна республиканская газета «Илкэн», немногочисленные художественные произведения и проза выпускаются малым тиражом и практически недоступны для населения. Что касается литературных произведений классиков и современников, то современные эвенки билингвы и могут читать на языке оригинала, на русском или якутском, поэтому перевод их на эвенкийский язык не стал первостепенной задачей. В то же время эвенки высказывают свое желание, что им интересны были бы радио- и телепередачи на эвенкийском языке, которые сейчас выходят с периодичностью только 1-2 раза в неделю по 15-30 минут. Положительным фактором является культурно-массовая деятельность самодеятельных коллективов. Это мощное воспитательное средство для детей прежде всего. Через самодеятельные ансамбли ребенок познает народные песни и танцы, фольклор, национальную одежду, общаясь со старшими познает культуру.

Таким образом, функции эвенкийского языка в указанных национальных наслегх сегодня сузились до школьного факультатива 1 час в неделю. В с. Куду-Кюёль и с. Токко нет специалистов эвенкийского языка, и даже если приезжают, по разным причинам не задерживаются. Преподавание родного языка ведется только в Тянской общеобразовательной школе с 1 по 11 класс. Это во многом объясняется тем, что они введут планомерную кадровую политику из числа своих выпускников, поэтому и детский сад, и школа там обеспечены учителями родного языка. Разговорный эвенкийский язык сохранен среди представителей старшего поколения, число которых с каждым годом уменьшается. Заметим, что это поколение не владеет эвенкийским письмом, большинство из них неграмотные вообще, или обучались якутской грамоте. Поколение 50-60 летних также не владеют эвенкийской грамотой, понимают, но не имеют навыка разговора на родном языке. Возрастные группы младше 50 лет уже умеют читать и писать на родном языке. У населения младше 60 лет эвенкийский язык сохраняется только в семьях, которые занимаются традиционными видами хозяйствования: оленеводством, охотой, народными промыслами. Вся лексика, отражающая быт эвенков в таких семьях активно используется в повседневной жизни. Из этого можно сделать вывод о том, что информационный разрыв произошел на возрастной группе 50-60 лет, и сегодня вопросами возрождения, сохранения и развития языка и культуры занимаются представители возрастной группы младше 50 лет, владеющие грамотой родного языка, билингвы и полилингвы. В этой ситуации для обучения родному языку важно осознание своей этнической принадлежности и желание учиться, а для успешного развития языка необходимо применение новых современных методик.

Таким образом, происходящие активные процессы взаимодействия и взаимовлияния различных этнических культур в Республике Саха (Якутия) в настоящее время способствуют созданию бикультурного сообщества, в котором должны быть учтены не только

национальная специфика контактирующих народов, но и изменения, происходящие в современном обществе.

Библиографический список

1. *Филиппова В.В., Саввинова А.Н.* Уточнение мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Якутии по разновременным картам // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Естественные науки. 2012. № 2. – С. 34-39.

2. *Донской Ф.С.* Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации в первой четверти XXI века: проблемы и перспективы. – Якутск, 2001. – 144 с.

3. *Стручков К.Н.* Функционирование эвенкийского языка в сфере образования Республики Саха (Якутия): состояние и перспективы. – Новосибирск: Наука, 2009. – 120 с.

4. *Закон Республики Саха (Якутия)* от 27.01.2005 207-З N 419-III (ред. от 27.12.2006) «О статусе национального административно-территориального образования в местностях (на территориях) компактного проживания коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) (новая редакция)» (принят постановлением ГС (Ил Тумэн) РС (Я) от 27.01.2005 3 N 420-III).

5. *Закон Республики Саха (Якутия)* от 20.02.2004 №111-3 №243-III «О статусе языков коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)».

Пантелеймон Пантелеймонович Петров,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела истории и арктических исследований
Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Россия, Якутск

Panteleimon Panteleimonovich Petrov,
Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher of the Department of History and Arctic Studies,
The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Russia, Yakutsk

e-mail: pantpetrov48@mail.ru

ЗАПОЛЯРНЫЕ ГОРОДА ЯКУТИИ: ИСТОРИЯ ОСНОВАНИЙ

POLAR CITIES OF YAKUTIA: HISTORY OF FOUNDATIONS

Аннотация. *Одно из центральных мест в исследовательском пространстве региональной истории занимает проблема возникновения и усовершенствования системы управления острожками и зимовьями, которые в процессе административных изменений превратились в города. Исследовательская разработка посвящена уникальному явлению в истории российского городоведения, а именно существованию на севере Якутии особой сети населенных пунктов, носивших статус «малолюдных городов».*

Abstract. *One of the central places in the research space of regional history is the problem of the emergence and improvement of the system of management of acreage and winter, which in the process of administrative changes have become cities. The research development is devoted to a unique phenomenon in the history of Russian city science, namely the existence in the north of Yakutia of a special network of settlements that have the status of "small cities".*

Ключевые слова: *острог, зимовье, Жиганск, Верхоянск, Зашиверск, Оленск, Среднеколымск.*

Keywords: *the strengthened settlement, Zhigansk, Verhoyansk, Zashiversk, Olensk, Sredniekolymsk.*

Развитие отношений центра с национальными окраинами неотделимо от процесса формирования политико-административной системы Российской империи. В XVIII в. правительство Российского государства предприняло ряд шагов, направленных на закрепление северных территорий, населенных представителями нескольких этносов, путем создания сети городских поселений на основе зимовий, оставшихся со времен колонизации севера Якутии в XVII в.

Первое поселение русских в полярной зоне реки Лены возникло во время освоения ее нижнего течения. Основатель Якутского острога сотник П. Бекетов посылал казачьи отряды «для государева ясачного сбора на сторонные реки на Вилюй и на Алдан, по Молоде реке, и в Ижиганы...». В начале августа 1632 г. вниз по Лене отправился небольшой отряд казаков под водительством А. Архипова и Л. Яковлева. Приплыв «в Жиганскую землю, и в Жиганской земле поставили ясачное зимовье». Вероятно, это случилось глубокой осенью 1632 г., но точное местонахождение зимовья неизвестно. На следующий год казаки

П. Иванов-Губарь и М. Стадухин, возможно, не заметив первое зимовье, спустились по реке дальше и на левом берегу недалеко от устья р. Муна поставили другое зимовье, которое, вероятно, из-за неудобного месторасположения, перенесено к устью р. Гулянки (*в местном наречии Күүлээнки – П.П.*) «на красных песках», но когда именно тоже неизвестно. Зимовье под названием «Жиганское» отмечено в чертеже С.У. Ремезова. Значит, оно «с красных песков» перенесено вверх по Лене к устью р. Стрекаловка на рубеже XVII–XVIII вв. [5, с. 1083].

Летописи 1764 г. сообщают, что «при Верховилуиском и Жиганском зимовьях никакой крепости и ограждения не имеется». В 1783 г. при образовании Иркутской губернии Жиганское зимовье превращено в уездный город. В 1798 г. в нем имелась деревянная Никольская церковь, казенные магазины, административные учреждения уезда, старинная часовня, 19 домов и 12 юрт горожан. Ревизской души насчитывалось 79 человек. В городе Жиганске находилась резиденция уездного исправника, который, руководствуясь российскими законами и поступавшими на его имя указами, управлял русским, якутским и тунгусским населением, расселенным на обширной территории, с двух последних собирал в пользу царского кабинета ясак ценной пушниной. В городе находились уездный суд с заседателями, городничий, соляная стойка, хлебозапасные магазины [1, л. 241].

В 1801 г. город Жиганск подвергся нападению т.н. «варнаков», беглых каторжан с Охотских солеварен. Каторжане убили нескольких сторожей, разграбили уездную казну, земские ясачные амбары, имущество горожан. В 1805 г. царским указом уезд и город Жиганск были упразднены. Оставшийся не у дел комиссар по распоряжению иркутского генерал-губернатора был вынужден перебраться в Якутск. В «уничтоженном городе» Жиганске, по данным 1829 г., были церковь, 7 домов, в которых проживали 95 чел. [6, л. 238; 20, С. 21].

Основание города Верхоянск принадлежит отряду енисейского казака Посника Иванова-Губаря, которые зимой в 1638 г. на левом берегу р. Яны на лугу под названием Боронук заложили зимовье «с нагородней». Во второй половине XVII в. вокруг него был поставлен «косой острог». К началу XVIII в. острог развалился и на карте С.У. Ремезова поселение показано как зимовье без укреплений. В 1775 г. Верхоянское зимовье становится административным центром комиссарства и по предписанию – резиденцией комиссара в чине обер-офицера, в подчинении которого находились «подканцелярист и копиист» [13, №18556]. В 1805 г. в составе Якутской провинции был образован Верхоянский уезд и одноименное поселение стало официально именоваться городом. К ведению Верхоянской администрации присоединили не только обширные территории упраздненного Зашиверского ведомства, но и Жиганского. Верхоянск входил в перечень городских поселений Якутской провинции и в нем имелись церковь во имя Благовещения, казенное здание, несколько лавок и около 15 жилых домов. Земские заседатели города с помощью приданных казаков собирали ясак с 37 якутских и тунгусских родов, проживавших в обширном округе, славящемся «отменной добротой промышленного зверя... отличающихся от прочих и цену имеет немалую» [9, с.167]. Переносу администрации уезда с левого берега реки Яны на правый способствовало строительство в 1823 г. церкви в местности «Эббэ» на средства прихожан. По реформе М.М. Сперанского в 1822 г. уезд переименовывается в округ, а Верхоянск возводится в ранг «малолюдного» города. К этому времени окружная администрация перебирается на правый берег, дома которой располагались у церкви. Поле, занимаемое городом, раньше принадлежало казакам и под этим предлогом они не платили земских налогов в казну города. По данным 1829 г., число домов Верхоянска составляло 10, из которых один казенный, в которых проживало 48 мужчин, 33 женщины [6, л. 210].

История заполярного «города-призрака» Зашиверска до 70-х гг. прошлого столетия привлекала большой интерес исследователей и научных организаций, которые в основном обращали внимание на чудом сохранившуюся древнюю Зашиверскую Спасскую церковь. Основанный русскими во время освоения северо-восточной части Азии острог испытал фееричный взлет и трагический конец. По данным авторов книги «Древний Зашиверск», в 1639 г. отряд служилых людей под началом Посника Иванова-Губаря с верховьев р. Яны сухим путем перешел на Индигирку. Здесь в среднем течении реки, за бурными порогами, называемыми «шиверами», было поставлено зимовье, которое на первых порах представляло из себя, по-видимому, простую избу с «нагородней». В середине века зимовье было обнесено острожной стеной, а внутри выстроены еще аманатская изба, а также амбары для хранения ясачной пушнины и «казны». По углам острога находилось несколько башен. Все укрепление было выстроено по принципу «косого острожка» [10, с.30].

В исторической литературе о дате основания Зашиверского зимовья существует иное мнение, которое, на мой взгляд, более обосновано. Первым на это обстоятельство обратил внимание М.И. Белов [2, с. 178]. Затем Б.О. Долгих в своей книге пишет буквально следующее: «Последнее ясачное зимовье на Индигирке Зашиверское, а с 1667 г. называвшееся Индигирским верхним, было основано, вероятно, в 1653 г.». Он установил, что в ясачных книгах Зашиверское зимовье появляется с 1655 г. В этом зимовье платили ясак юкагиры племени шоромба, а с 1656 г. отдельные группы тунгусов [4, с.379]. Его точку зрения по дате основания Зашиверского зимовья поддержали Ф.Г. Сафронов и О.Н. Вилков. Первый из них обратил внимание на существование на Индигирке трех зимовий: Нижнеиндигирское (Уяндинское), Среднеиндигирское (Подшиверское) и Верхнеиндигирское (Зашиверское). Приблизительной датой основания последнего зимовья, т.е. Зашиверского, он указывает 1653 г. [18, с. 21]. Новосибирский ученый О.Н. Вилков «возникновение около 1653 г.» Зашиверского зимовья связывает с изменением социально-экономической обстановки на северо-востоке Сибири к этому времени [3, с. 7, 8.].

В 1700 г. силами местных плотников во главе с А. Хабаровым была выстроена Спасо-Преображенская церковь. Церковь находилась внутри острога, в которую вели двое ворот: северные и западные. Над ними были надстроены боевые башни, 46 по углам острожных стен, по-видимому, вместо башен стояли амбары и избы. В 1740 г. в Зашиверске было 10 дворов и несколько якутских балаганов. В 1783 г. острог возведен в ранг уездного города Якутской провинции Иркутского наместничества и в его округе проживало русских: 62 крестьянина, 33 купца и 99 мещан. В самом городе в 1796 г. жило 32 купца, 83 мещанина, было 30 домов и 21 якутский балаган [7, л. 1–7].

Каждый год в декабре и в январе в городе проводилась ярмарка, на которую собиралось русское и местное население всей Индигирки, а также Алазеи и Колымы. За все годы существования города в нем случались опустошительные эпидемии кори и оспы, вследствие чего находящееся в городе и округе население, спасаясь, разбежалось, что предопределило его упадок. В 1803 г. Зашиверск был переведен в разряд заштатного города провинции. Обширная территория, населенная якутскими, тунгусскими, юкагирскими родами, была отнесена к Верхоянскому уезду и переподчинена городу Верхоянск. В 1829 г. «в уничтоженном городе» Зашиверске было 5 домов, одна церковь. Население составляло всего 43 чел. обоего пола [6, л.238].

Среднеколымское зимовье – первое русское поселение на р. Колыме. Оно поставлено русским землепроходцем М. Стадухиным в июле 1643 г. на землях оседлых юкагириков князца Алая. Зимовье представляло из себя обыкновенную избу «с нагородней». Впоследствии изба была обнесена деревянным частоколом. На карте С.У. Ремезова конца XVIII в. изображена значком-рисунком в виде частокола без башен и церкви. В начале XVIII в. построены острог

и церковь. По описанию 1764 г. Среднеколымский острог «деревянной, в заплоте, вышиною печатку сажень, а по окружности 100 сажень», однако «острог ветхой, разломан» [18, с.210]. В остроге находились Троицкая церковь и 7 обывательских дворов, вне острога – три частных дома. Всего проживало 60 человек. Основной функцией Среднеколымского зимовья, а потом острога, в течение XVII–XVIII вв. был сбор ясака с коренных народов. Кроме того, здесь производился небольшой обмен русских промышленников с юкагирами и эвенами, почему и сам острог одно время назывался «Ярмонка». Только за 1651 г. было «явлено» к таможене около 20280 шкур соболей, добытых промышленными и служилыми людьми [19, с.187].

Сохранилось краткое описание Среднеколымского острога начала XIX в.: «Крепость ветхая, рубленая из лиственничного тонкого лесу без крыши, расположенная в окружности на 43 сажнях с одним аршином вышиною, по местам от трех до четырех аршин. С восточной стороны над воротами амбар в виде башни, крытый тесом. Внутри крепости – дом, построенный из лиственничного лесу, расположенный вокруг на шести сажнях с аршином с сеньми, крыт тесом на желобах, обнесен завалинками по окна, а внутри – капитальной стеною и перегородкою с камельком на манер якутской. Дом занимается ныне караульным окружного управления». Составитель описи, пытаясь ответить на вопрос «кто, когда, кем, и по какому случаю и на какой предмет построена крепость», поднял архивные дела, относящиеся к 1785 г., но не нашел никаких сведений. Он выдвинул предположение, что «все постройки произведены при начальном еще заселении здесь русских для защиты от нападения небывших в то время в подданстве народов, нынешних ламут, юкагирей и чуванцев» [8, л. 3].

Среднеколымск был важным транспортно-транзитным пунктом на дороге с Индигирки на Алазею, Колыму и далее на северо-восток. В 1805 г. Среднеколымск был объявлен городом и стал центром Колымского уезда [14, № 15680]. К нему также была отнесена часть территории с прикрепленным населением упраздненного Зашиверского уезда.

Не менее загадочной является история возникновения и упразднения города Оленска. 2 марта 1783 г. именным указом была образована Якутская область с уездами, одним из которых был Оленский. Этим же указом Оленск был возведен в разряд городов. В деловых бумагах якутских бюрократов того времени он иногда пишется как «город Аленск», что, конечно, неправильно. В некоторых архивных документах название Верхневилуйского (Вилуйского) селения обозначается как «город Оленск», вероятно, по нахождению в этом селении управления Оленским уездом. Например, в «Походном журнале» экспедиции сержанта Степана Попова, которому в 1794 г. было приказано составить планы городов Якутска, Оленска, Олекминска и Жиганска.

Местонахождение и даже существование этого города до недавнего времени оставалось невыясненным, что давало повод для возникновения различных версий и разногласий между историками, которые, начиная с конца XIX в. в итоге создали трудноразрешимую проблему определения местонахождения города Оленска. Еще в конце XIX в. исследователи пытались определить местонахождение города Оленска. Некий Ф. Шперк, прослуживший чиновником в Якутском областном управлении в 1859–1860 гг., специально посвятил этому загадочному городу статью «Город Оленск». Изучив законодательные акты и статьи участвовавших в полемике авторов, он пришел к мнению, что город Оленск основан на берегу реки Оленек, впадающей в Ледовитый океан [15, с. 151]. При этом Шперк выразил удивление содержанием статьи Н.В. Берга, опубликовавшего воспоминания бабушки, в которой говорится будто бы город Оленск расположен «на берегу реки Лена». И здесь вполне резонно возникает вопрос, где же находился город Оленск: на берегу устья реки Оленек, или на территории современного Верхневилуйского улуса, или на

том месте, где располагалось Верхневилуйское селение? Наиболее была известна версия профессора Ф.Г. Сафронова о расположении города Оленска на широкой поляне, где росла трава «іліі», от названия которого будто бы и произошло видоизмененное слово номинации города, что, конечно, неправильно [18, с. 206, 207].

Автор статьи Шперк прав в одном, что город Оленск по высочайшему указу был основан не на территории Верхневилуйского улуса, а на берегу Ледовитого океана, вернее, на правом берегу устья реки Оленек. Он возник не на пустом месте. Еще в 30-х годах XVIII в. в устье реки Оленек обнаруживается поселение русских зверопромышленников. С Якутска туда добирались до устья р. Лена и далее морским путем, а зимой – на собачьих нартах. С учреждением города немногочисленное население сельского пункта было переведено в разряд мещан. Причем, русское население, проживавшее в вилуйских улусах и закрепленное за Верхневилуйским зимовьем, также вынуждено было перейти в мещанское сословие. В 1787 г. в Верхневилуйском селении проживало 57 «посадских и купецких» лиц, вошедших в разряд ревизских душ, т.е. в этой переписи, по сложившейся традиции, были учтены только лица мужского пола. В указе от 6 марта 1783 г. об устройстве Иркутского наместничества сказано: «В Якутской области состоят коменданту. По великой обширности уездов, для пособия земским исправникам в удобнейшем отправлении должности их, назначили мы в нижних земских судах всех четырех областей Иркутской губернии дворянских заседателей; а как там жительствующих дворян нет, то и наполнять сии места со стороны правления дворянами других губерний; тоже, разумеется, и о заседателях дворянских совестного суда» [14, № 15680].

Из «Записок» Н.В. Берга видно, что по этому указу чиновник из Малороссии Е.Ф. Ромадин был направлен в Сибирь и с семьей, преодолев многоверстное расстояние, сумел переехать в город Оленск. Вполне понятно, что в такую даль, как побережье Ледовитого океана, никто из чиновников не собирался ехать. Путники выбрали Верхневилуйское (Вилуйское) селение и остановились там. Е.Ф. Ромадин с помощью сосланных участников восстания Пугачева и башкир построил срубные дома, которых приняли за постройки города Оленск [11, с.78].

В Иркутское управление наместничества от князцов вилуйских наслегов поступали жалобы на то, что в такую даль как «в город Аленск с ясачной кладью ехать опасно и невмочь». На разных уровнях административной власти рассматривались несколько вариантов упразднения неудачно расположенного города. Одним из них было представление иркутского губернатора Л. Нагеля «об упразднении городов Оленска и Окланска (*Камчатская область – П.П.*) с обращением штатных сумм на обмундирование казаков и воинской команды Иркутской губернии». 10 февраля 1798 г. он писал сенатору князю Куракину, что «более шести лет замечает излишний казне убыток, обитателям отягощение» из-за того, что «Якутской области город Оленск, которого по пустоте, где ему быть назначено присутственные места расположены в Вилуйском селении» [16, Л.3].

Таким образом, органы управления Оленским уездом находились в Верхневилуйском (Вилуйском) селении, а само селение в 1822 г., как обычно бывает, указным порядком переименовано в город Вилуйск. Указом императора Павла от 18 июня 1798 г. город Оленск был упразднен без ущерба для казны. Территория Оленского уезда была разделена и передана Вилуйскому и Верхоянскому округам [11, с. 80; 13, № 18556].

Этнический фактор накладывал несомненный отпечаток на формирование административной инфраструктуры и экономическое развитие государства в отдаленной провинции, которое вынуждено было учитывать не только хозяйственные традиции коренного населения, но и их численность. Отток населения с коренных мест проживания предопределил упадок некоторых городов. Чтобы усовершенствовать старую систему

заполярных городов, правительство пошло на путь упразднения части городских поселений. В ходе административно-территориальных изменений города Оленск, Зашиверск и Жиганск были упразднены. Подведомственные им уезды включены в Якутский, Вилюйский, Верхоянский и Среднеколымский округа. Из городских поселений за полярным кругом остались Верхоянск и Среднеколымск, статус которых как центров округов был подтвержден реформой М.М. Сперанского в 1822 г.

Библиографический список

1. АСПб ФРАН. Ф.3. Оп.10 «а». Д. 199. Л. 241.
2. Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. // История открытия и освоения Северного морского пути. – М., 1956. – Т. 1.
3. Вилков О.Н. Источники и литература об условиях возникновения г. Зашиверска и об архитектурных особенностях Спасо-Зашиверской церкви // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI – первой половины XIX в. – Новосибирск, 1987. – 288 с.
4. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М., 1960. – 662 с.
5. Материалы по истории Якутии XVII в. – М., 1970. – Ч.3.
6. НА РС (Я). Ф.164-и. Оп.1. Д. 383. Л. 238;
7. НА РС (Я). Ф.177-и. Оп.1. Д. 24. Л.1–7.
8. НА РС (Я). Ф.366-и. Оп.1. Л. 3.
9. Описание Иркутского наместничества 1792 г. – Новосибирск, 1981.
10. Окладников А.П., Гоголев З.В., Ащепков А.Е. Древний Зашиверск / Древнерусский заполярный город. – М., 1977.
11. Петров П.П. Забытый город Оленск // Вилюйский улус: уважая прошлое, творить будущее. – Новосибирск, 2019.
12. ПСЗРИ, собр.1. – Т. XX.
13. ПСЗРИ, собр.1. – Т. XXV.
14. ПСЗРИ, собр.1. – Т. XXI.
15. Русская старина. – М., 1892. – т.75, июль.
16. РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 1245. Л. 3.
17. РГИА. Ф. 1374. Оп. 2. Д. 1407. Л. 22;
18. Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. – М., 1978.
19. Сафронов Ф.Г. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. – М., 1980.
20. Уваровский А.Я. Воспоминания. – [Предисл. В. Н. Иванова]; Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т яз., лит. и истории. – Якутск : Якут.-Саха информ. агентство, – 1995. – 224 с.

Екатерина Ивановна Корнилова,
кандидат исторических наук, доцент,
начальник цикла общих дисциплин
Центра профессиональной подготовки МВД
по Республике Саха (Якутия).
Россия, Якутск

Ekaterina Ivanovna Kornilova,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Head of the Cycle of General Disciplines of the Center for Training
of the Ministry of Internal Affairs in the Republic of Sakha (Yakutia)
Russia, Yakutsk

e-mail: tyrymas@mail.ru

ОПЫТ ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ТРАДИЦИОННУЮ ХОЗЯЙСТВЕННУЮ КУЛЬТУРУ

THE EXPERIENCE OF TRADITIONAL NATURE MANAGEMENT AND ITS IMPACT ON TRADITIONAL ECONOMIC CULTURE

Аннотация. *Формирование экологической культуры – необходимое условие перехода к устойчивому развитию. Важно анализировать понятия «традиционная» культура и экономика, а также изучить программу «Плана содействия», которая представляется наиболее неоднозначной из всех компонентов программы содействия и вызывает полярные точки зрения среди коренных народов.*

Abstract. *The formation of environmental culture is a necessary condition for transition to sustainable development. It is important to analyze the concepts of "traditional" culture and the economy as well as to study the "Assistance Plan" program that seems to be the most ambiguous of all components of all assistance programm and causes polar views among indigenous peoples.*

Ключевые слова: *традиционное природопользование, хозяйственная культура, этническая экология.*

Key words: *Traditional natural management, traditional economic culture, ethnic ecology.*

Важно не только рационально использовать природные ресурсы, но и содействовать их сбережению и восстановлению. Экологическая культура подразумевает поиск практических решений для осуществления такого взаимодействия. Человечество накопило богатый опыт гармоничного сосуществования с природой, выраженный в традиционных формах природопользования, при которых экосистемы остаются высокопродуктивными и, обеспечивая человека всеми необходимыми ресурсами, не утрачивают своей устойчивости. Отметим, что в данном случае экологическая культура является частью этнической культуры. Такое понимание согласуется с определением, данным в «Стратегии развития экологического образования в Российской Федерации», где под экологической культурой понимается совокупность опыта взаимодействия людей с природной средой, выраженная в виде теоретических знаний, нравственных норм, ценностей и культурных традиций,

обеспечивающая формирование экологического сознания, способы практического взаимодействия с этой средой.

Между Центром содействия коренным малочисленным народам Севера – канадско-российским проектом по институциональному строительству коренных народов Севера РФ, осуществляемым организациями коренных народов двух стран, Инуитской Циркумпольярной Конференцией (ИСС — Канада) и Ассоциацией коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ и Администрацией Президента и Правительства Республики Саха (Якутия) 11 декабря 2004 г. подписано соглашение о сотрудничестве. Подписание соглашения руководствуется стремлением внести конкретный вклад в дело социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Республики Саха (Якутия), сохранять традиционные и развивать новые формы хозяйствования, содействовать развитию предпринимательской деятельности общин коренных малочисленных народов Севера в условиях перехода к рыночной экономике. Предметом соглашения является сотрудничество в области практического обучения кадров из числа коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Якутии, с целью вовлечения их в сферу малого частного предпринимательства и обеспечения занятости, создания условий для роста экономической активности и улучшения условий жизни в местах их компактного проживания; мобилизация ресурсов местных органов и общественных организаций, а также научных и образовательных институтов, донорских организаций и частного сектора экономики с целью обеспечения устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия).

«Соглашение» направлено не только на развитие альтернативной модели экономики, но и на изменение общества в целом. Он формировал бы оценочные суждения и мотивировал бы коренные народы следовать определенным моделям поведения: действия в рамках цепочки «обучение бизнес-планам – взятие и возвращение кредитов – рыночная экономика – конкуренция» признаются устойчивыми, а «гранты на самообеспечение – традиционная экономика – кооперация» – неустойчивыми.

На примере традиционного природопользования можно наблюдать основы традиционной хозяйственной культуры коренных народов Севера и северо-западной части Якутии. Так, природно-средовая культура функционирует в рамках определенных территориальных ареалов историко-этнографических мест обитания. Устойчивость этих территориальных ареалов, особенно благоприятных микрорайонов, на значительных хронологических промежутках (порой это несколько сотен и даже тысячи лет) связана во многом со стабилизацией природных и социальных условий. И здесь заложены большие возможности для будущего изучения роли, состояния, развития, трансформации и разрушения природно-средовой культуры, как на традиционно-бытовом, так и на профессиональном уровне культуры, а также для изучения действия этнических факторов в природно-средовой культуре как составной части объекта такого научного направления как этническая экология.

В структуру природно-средовой культуры входит несколько компонентов. В том числе материально-объективированные явления культуры в сферах использования природных ресурсов для изготовления предметов производства и потребления, также предметов по сохранению и преобразованию природной среды. А сами предметы потребления могут использовать в сферах традиционно-бытовой культуры жизнеобеспечения – материальной, социо-нормативной, духовной. Далее, в природно-средовую культуру входят виды и формы человеческой деятельности по потреблению природных ресурсов, сохранению, воспроизводству и преобразованию природной среды.

Еще одним компонентом данной сферы культуры являются ориентации (установки) людей и в целом человеческих коллективов на отношения их с природной средой и взаимодействия друг с другом (человеческих общностей) по поводу их отношений к природной среде. Сама формулировка термина «этническая экология» все ещё находится в обсуждении. Как бы то ни было, этническая экология при этом понимается как часть социальной экологии, либо как самостоятельное направление в рамках антропо-экологии, наиболее тесно связанное с социальной экологией.

Социальная экология – область междисциплинарного изучения экосистем с включенными в них и служащими фокусом исследовательского интереса человеческими сообществами, т.е. антропоэкосистем. Иными словами, ее предметом являются экологические связи между сообществом людей и другими компонентами экосистем, частью которой они являются. При формировании экологических знаний имело место то, что эта область знаний подразделяется на собственно социальную экологию «современных» (индустриальных и постиндустриальных) обществ и на этническую экологию доиндустриальных (докапиталистических), или «традиционных» и близких к ним обществ [6, с. 178].

Первая рассматривает экологическую специфику урбанизированной части современного населения, в которой само общество как субъект взаимодействия с окружающей средой глубоко дифференцировано на многочисленные и имеющие различные потребности и интересы, социальные группы, организации и институты. В таком обществе для каждого из составляющих его социальных объединений процессы взаимодействия с окружающей средой имеют фактически глобальный характер, распространяясь на всю биосферу Земли и определяясь в первую очередь социально-экономическими положениями и властными возможностями членов этих объединений.

Социально-экологическая субдисциплина, то есть собственно этническая экология, специализируется на анализе взаимодействия с природной средой различных «традиционных» и близких к ним сообществ скотоводов, оленеводов, земледельцев, рыболовов, охотников и собирателей. Субъектами этого взаимодействия выступают общины или местные сообщества, т.е. тяготеющие к самообеспечению средствами существования группы сельского населения с достаточно гомогенной культурой, которая обычно имеет в подобных доиндустриальных обществах выраженную этническую специфику. Эти общины полностью или почти полностью зависят от возобновляемых природных ресурсов освоенных и контролируемых ими территорий. Естественно, изучение взаимодействия с природной средой таких местных сообществ требует применения иных концепций и понятий, чем в случае анализа связей с окружающей средой индустриально развитых и огромных по численности населения социумов, но исследовательские задачи и общие научно-методологические подходы в обоих случаях остаются одинаковыми, что важно учесть при разработке комплексного «Плана содействия» в рамках вышеуказанного Соглашения.

Представляется, что ключевые понятия этнической экологии – адаптация и этноэкосистема (частный случай антропоэкосистемы). Основными задачами этноэкологического исследования являются изучение процессов и результатов культурной адаптации конкретного местного сообщества или особенностей функционирования включающей такое сообщество этноэкосистемы [8, с. 64]. Достигнутый изучаемым сообществом уровень адаптации, или адаптированность к условиям среды обитания, определяется по состоянию здоровья и демографическим особенностям этой группы населения [8, с. 71]. Задачи изучения культурной адаптации и функционирования этноэкосистемы в действительности тесно взаимосвязаны, так как сам факт достаточно длительного, т.е. устойчивого существования определенной экосистемы с входящим в ее состав сообществом людей доказывает их в целом успешную адаптацию.

Традиционная экономика коренного населения Якутии, основанная в первую очередь на скотоводстве, коневодстве, оленеводстве, охоте, рыболовстве, продолжает играть важную роль в их жизни, что подтверждается высокой степенью вовлеченности коренного населения городов и крупных поселков в традиционное хозяйство. Общины не существуют автономно, между ними поддерживаются отношения взаимопомощи или конкуренции. Это помогает воплощать в жизнь идеи сразу в нескольких направлениях, что соответственно повысит шанс на выживание той или иной общины. Характерна сезонность природопользования. Живя совместно в одной географической среде, якуты, малочисленные народы, русские имели одинаковые механизмы природопользования [5, с. 51-56]. Следовательно, использование сенокосных, оленьих пастбищ коренными народами здесь рассматривается по роду занятий, меняющейся в зависимости от географических зон, а не по этнической принадлежности.

В условиях традиционного ведения хозяйства при наличии примитивного технического оснащения невозможно было создавать для скота запасы кормов на случай неблагоприятных природных условий. В результате были вынуждены довольствоваться только заготовленным количеством корма. Так, относительно благоприятные годы в большинстве традиционно расселенных мест чередовались с годами засухи, когда население оказывалось перед проблемой забоя значительной части скота. В целом жизнеобеспечение продуктами от традиционных видов хозяйства до революции развивалось в полном соответствии с внутренним кормовым потенциалом территории каждой местности [5, с. 179]. Несмотря на огромную территорию, всегда испытывали определенный дефицит в кормовых угодьях. В этой ситуации расширение площадей сенокосных земель происходило за счет спуска озер.

По историческим сведениям, первый опыт спуска большого водоема был совершен в 1960-е годы XIX века в бассейне реки Вилюй на территории Нюрбинского улуса [9]. Таким образом, благодаря спуску системы озер было сформировано огромное (в масштабах Севера) луговое пространство, где ныне размещается вся территория г. Нюрбы и большая часть ее сельскохозяйственной пригородной зоны. Г.П. Башарин особо отмечал, что «...в Вилюйском округе проводилась известная оросительная работа. Засушливые годы весной из высоко лежащих озер выпускали по узким и неглубоким канавам воду в травянистые речки. Если речки не имели глубоких оврагообразных русел, то вода, разливаясь по ровным полям, иногда могла орошать довольно большую площадь» [3, с. 58].

Однако, несмотря на положительный эффект Нюрбинского варианта спуска озер, все же этот метод не получил широкого распространения. Это объясняется тем, что в центральных округах Якутии таких удобных территорий для спуска озер оказалось не столь много. Спуск озер получил широкое распространение для резкого увеличения площади сенокосных угодий еще с 60-х гг. XIX века [9]. Для спуска выбирали озера с сапропелем, получая готовый плодородный сенокосный участок. Имеются сведения о расширении сенокосных участков путем раскорчевки леса и расчистки участка от остатков. Затем удобряли участок навозом. Таким способом иногда превращали потерявший плодородие пахотный участок в покосный.

Вплоть до начала 1940-х годов сельское население не было сконцентрировано в крупных населенных пунктах, следовательно, и скот был рассредоточен по всей занимаемой территории. В этих условиях даже нерегулируемый выпас скота не оказывал заметного отрицательного воздействия. В настоящее время встает вопрос о применении опыта традиционного природопользования на ведение современной экономики. Закон «Об организации общин» способствовал тому, что коренные народы не получили имущественных прав на территорию традиционного природопользования. Дополнительно, в Якутии, как и во многих других регионах Севера, представители коренных народов зачастую

вообще не были осведомлены об изменениях в законодательстве и вовремя юридически не оформили свои охотничьи угодья, рыбопромысловые участки и пастбища в аренду под сельскохозяйственные производственные кооперативы. В этом заключается основная причина постоянных судебных разбирательств между общинами, сельхозпроизводителями и представителями бизнеса.

В научной литературе идея закрепления земель за коренными малочисленными народами Севера активно обсуждается с 1990-х годов. Некоторые исследователи считают, что для России в целом характерно отношение к требованиям коренных народов и национальных меньшинств с позиций безопасности – в связи с нежеланием нарушать территориальное единство страны, так как именно возможность не контролируемого сверху самоуправления представляется властям основной угрозой безопасности. Более того, по мнению О.Н. Запороцкого и О.А. Мурашко, закон «О территориях традиционного природопользования» специально был разработан таким образом, чтобы земли не были закреплены за коренными народами. Это связано с негативным опытом предыдущих лет, когда территории традиционного природопользования за незначительную компенсацию переходили новым владельцам – промышленным компаниям, акционерным обществам и иностранным юридическим лицам [4, с. 158-159]. Или же сами коренные народы за неимением альтернативных выходов из сложной социально-экономической ситуации занимались экстенсивным освоением своих земель, что приводило к истощению местных ресурсов [8, с. 122].

Отсутствие закрепленных рыбопромысловых участков создает коренным жителям, которые занимаются преимущественно традиционными видами хозяйственной деятельности и зачастую не имеют другой работы, множество проблем. Основная из них заключается в том, что общины без участков не могут брать промышленные квоты, по этой же причине открыть предприятие по рыбообработке в состоянии лишь единицы. Судя по материалам интервью 2013 г., эта проблема до сих пор является наиболее актуальной для коренных народов Якутии. В решении «земельного вопроса» они видят основу для устойчивого развития родовых общин и предприятий коренных малочисленных народов Севера, а также гарантии того, что на их участках не будет вестись промышленное освоение (полевые материалы, 2012). Для местных жителей олень, лошадь, рыба, пушные звери – это больше, чем просто источник дохода или еда. В этой связи В. Симонов и В. Давыдов, например отмечают, что «рыба, ее жизнь и мир не являются только лишь мощным ресурсом, но также и важнейшим культурным опытом, эмоцией и локальной философией». Она формирует культурные ценности и социальные отношения между людьми.

Библиографический список

1. *Алексеев Н.Н.* Этнос и среда обитания. Вып. 6: Этноэкологическое образование. – М.: Старый сад, 2018. – 288 с.
2. *Алексеева Т.И.* Антропоэкологическое изучение различных районов мира: Проблемы экологии человека. – М., 1986. – 165 с.
3. *Башарин Г.П.* История животноводства в Якутии второй половины XIX – начала XX вв. – Якутск, 1962. – 28 с.
4. *Северные народы России на пути в новое тысячелетие : к десятилетию Ассоциации коренных малочисл. народов Севера, Сибири и Дал. Востока Рос. Федерации : [сборник] / кол. авторов ; сост. О. Мурашко. – М. : [б. и.], 2000. – 224 с.*
5. *Зыков Ф.М.* Арктическая зона Республики Саха (Якутия) и ее этнокультурные особенности / Этнос: традиции и современность. – Якутск, 1994. – С. 51-61.

6. *Симонов В.В., Давыдов В.Н., Сем Т.Ю., Брандишаускас Д.* Огонь, вода, ветер и камень в эвенкийских ландшафтах. Отношения человека и природы в Байкальской Сибири. – СПб., 2016.

7. *Тихонов Н.Н.* Северное село. – Новосибирск: «Наука», 1996. – 385 с.

8. *Ямсков А. Н.* Ключевые компоненты дисциплины «Этническая экология» и основные проблемы университетских курсов по этноэкологии и смежным областям науки // Этнос и среда обитания. Выпуск 6: Этноэкологическое образование. – М.: Старый сад, 2018. – С. 14-46.

9. НА РС (Я), ф. 12, оп. 1, ед.хр. 9307, л. 4

Саргылана Егоровна Никитина,
кандидат исторических наук,
научный сотрудник отдела истории и арктических исследований
Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Россия, Якутск

Sargylana Egorovna Nikitina,
Candidate of Historical Sciences,
Research Fellow of the Department of History and Arctic Studies,
The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Russia, Yakutsk

e-mail: sarg_nik.ykt@mail.ru

**ТРАДИЦИОННОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ
АРКТИЧЕСКИХ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ ЯКУТИИ:
ИНВЕРСИЯ–МЕДИАЦИЯ. XVII–XXI ВВ.**

**THE TRADITIONAL NATURE MANAGEMENT
OF THE RUSSIAN ARCTIC OLD-TIMERS OF YAKUTIA:
INVERSION – MEDIATION. XVII – XXI CENTURIES**

Аннотация. *Формирование анклавов русских арктических старожилов в Якутии происходило в процессе их адаптации к иной экосистеме, характеризующейся суровым климатом, тундровой природой, полярной флорой и фауной, инокультурным ландшафтом (XVII в.). В статье показаны инверсионные трансформации культуры русских старожилов в освоении арктических территорий. Изменения экономической конъюнктуры определяли медиативные приоритеты русских арктических старожилов в выборе ведущих и сопутствующих занятий в их жизнеобеспечении. В статье анализируются инверсия–медиация традиционного природопользования русских старожилов арктического побережья Якутии в период социальных потрясений XX–XXI вв. и их перспективы.*

Abstract. *The formation of enclaves of Russian Arctic old-timers in Yakutia occurred in the process of their adaptation to another ecosystem characterized by a harsh climate, tundra nature, polar flora and fauna, and a foreign landscape (XVII century). The article shows the inverse transformations of the culture of Russian old-timers in the development of the Arctic territories. Changes in the economic situation determined the mediation priorities of Russian Arctic old-timers in the choice of leading and related activities in their livelihoods. The article is analyzed the inversion – mediation of the traditional nature management of Russian old-timers of the Arctic coast of Yakutia during the period of social upheaval of the XX – XXI centuries.*

Ключевые слова: *арктические русские старожилы Якутии, с. Русское Устье Аллаиховского улуса (района), с. Походск Нижнеколымского улуса (района), традиционное природопользование.*

Keywords: *arctic Russian old-timers in Yakutia, Russkoye Ustye of Allaikhovsky ulus (district), village Pokhodsk of Nizhnekolymsky ulus (district), traditional nature management, transformation of employment.*

В исторической традиции к русским старожилам Арктики отнесены русские поселенцы на устьях рек Индигирки, Колымы, близкие к ним марковцы-чуванцы на р. Анадырь, камчадалы на Камчатке. Русские арктические старожилы Республики Саха (Якутия) представлены субэтническими группами русского населения, компактно проживающими в с. Русское Устье Аллаиховского улуса на устье р. Индигирки и с. Походск Нижнеколымского улуса на устье р. Колымы за 71°с.ш. Формирование анклавов русских старожилов на арктических территориях Якутии происходило в процессе их освоения иной экосистемы, характеризующейся суровым климатом, тундровой природой, полярной флорой и фауной, инокультурным ландшафтом (XVII в.).

Социальная роль их присутствия в устье арктических рек была различной: на Индигирке промышленные люди занимались охотничьим промыслом, а на Колыме казаки несли государеву службу по сбору и сопровождению ясака по северо-восточным окраинам Российской империи, проведению Аннойской ярмарки. Но в географической изоляции от генерального развития русской нации, на труднодоступных территориях Арктики эти близкие группы русских старожилов северо-востока сохранили старорусский язык, удержали русское самосознание, русскую культуру и фольклор, заимствуя необходимые для выживания явления традиционной культуры народов Севера. Несмотря на различие их социального назначения в системе государственного управления Якутской областью, адаптация русских старожильческих анклавов на Индигирке и Колыме прошла похожий исторический путь [5, с. 104]. Важным представляется их осознание своей исторической роли в освоении Арктики.

Построив самые крайние поселения на побережье Северного Ледовитого океана, жители населяли устья рек, в 20–60 км отдалении от океана. При этом они ощущали самих себя представительством российской государственности в Арктике. Русскоустыинцы на охоте ставили пасти, углубляясь до 500 км к полюсу. Именно им принадлежит важная роль в научном освоении Арктики, их знания очертаний побережья послужили источником картографирования берегов и островов северных морей всеми научными экспедициями, предпринятыми с XVII в. Доминирование русской культуры в Арктике нашло отражение в массовом знании и общении на русском языке среди коренного населения северных территорий Якутии.

Инверсия в историческом осмыслении предполагает возможность социокультурного выбора обществом из багажа прошлого новых форм жизнедеятельности, вызванных изменением внешней среды. Первоначальный этап адаптации русских старожилов на арктическом побережье представлял кардинальную смену привычных для «материковой» России трудовых занятий, приспособление бытового уклада, социальных характеристик к новым условиям окружающей среды Арктики. В данном случае состоялась инверсия, так в условиях переходного состояния решился выбор социального выживания представителей русской культуры в Арктике. В рамках существующей в субкультуре дуальной оппозиции произошло установление жизненно важного приоритета охотничьего и рыболовного промысла, издавна традиционно имевшего место в славянском мире в качестве подсобного, в основное средство жизнеобеспечения.

В бытовом укладе осуществлялось приспособление русских старожилов к традиционному природопользованию коренных народов Арктики. Медиация, являясь длительным процессом накапливания и урегулирования противоречий, представляет культурный и организационный потенциал общества. В жизнедеятельности русских старожилов медиативность нашла место в гибкой адаптации российской и традиционной культур в формировании особенных анклавов русских арктических старожилов Русского Устья и Походска. Шел процесс взаимодействия и взаимовлияния русской и традиционной

материальной культуры во всех сферах жизнедеятельности, в первую очередь, это коснулось использования русскими старожилыми социального опыта местных жителей в заимствовании меховой одежды, кухни, снастей и способов охоты, например, способов охоты юкагиров на линного гуся, особенностей рыбалки и др. Имеются другие мнения о исконно русском характере глухой промысловой одежды и мягкой обуви походчан [1, с. 158].

Навыки русских в охоте на песца давящими орудиями, пастями, в рыболовстве – использование невода, транспортировка по полярной тундре на нартах и многое другое стали достоянием традиционного природопользования в Арктике. Зависимость человека от внешних обстоятельств сурового климата и возможного успеха в выживании определила проникновение в православную веру русских старожилов языческих верований в виде поклонения духам местности, охоты, веры в шаманов, в результате чего сложился религиозный синкретизм.

Условиями инверсионного перехода к полярной системе жизнеобеспечения был обусловлен отказ от повседневного бытования, характерного для европейской российской цивилизации. Русскими старожилыми были освоены все занятия традиционного природопользования северных народов Якутии, кроме кочевого оленеводства. Исследователями отмечено, что кочевой характер явился непреодолимым препятствием для русской культуры [2, с. 78]. Охота на белого песца стала ведущим промыслом на долгие века, вплоть до конца 1980-х годов. Мужчины уходили на охоту осматривать до 300 пастей на 1–3 зимних месяца. На собачьих упряжках они пересекали тундру по только их собакам знакомым путям от одного зимовья к другому. И так как многое в охоте решали собаки, старожилы Русского Устья важную роль отводили их разведению. Индигирские собаки считались лучшими на всем северо-востоке.

Отсутствие древесной растительности определяло ценность древесины не только в качестве строительного материала, а в первую очередь, топлива. Весной баграми из, несущей бурные весенние воды, реки Индигирки вылавливали плавник. Переносили и складывали его подальше на берегу. Зимой на нартах плавник доставлялся к зимовьям. Качественная древесина шла на строительные и плотницкие нужды. Вылов плавника был одним из важных, трудных и опасных промыслов.

Вообще все жизненные занятия в Арктике представляли экстремальную деятельность. Малочисленность русского контингента на арктических территориях в инокультурном ландшафте, в географической изоляции должна была привести их к полному погружению в традиционную бытовую культуру коренных народов Арктики с последующей аккультурацией. Однако уникальная культура русских арктических старожилов Республики Саха (Якутия), несмотря на суровые условия жизнеобеспечения, успешно прошла адаптацию в течение четырех столетий в географической изоляции от генерального этногенеза русского народа России, сохранив русскую самоидентичность, материальную и духовную культуру, в первую очередь, язык и фольклор XVI в. [3].

Сохранность русской старожильческой культуры явилась основой исследовательского интереса к пребыванию их в устье северных рек Индигирки и Колымы. Исследователи склоняются к мнению, что важным обстоятельством самоидентификации русских арктических старожилов было православие. Самая северная церковь была построена на Станчике, одной из заимок в устье р. Индигирки. Православие было значимой скрепой сохранности русской культуры, православный календарь определял хозяйственные сезоны в укладе русских старожилов, неукоснительно соблюдались церковные обряды и традиции, православные посты и праздники [4].

В XX в. социальные катаклизмы в России, смены государственного устройства сказались на медиативных трансформациях культуры русских арктических старожилов

Якутии. В советское время изменения происходили в образе жизни русских старожилов Арктики: поселковании, снятии географической изоляции, расширении социальных коммуникаций, влиянии литературного русского языка и др. [6]. Диалектика перехода количественных изменений в качественные сыграла злую роль в динамике медиации к инверсии. Трансформации (унификация в сфере просвещения, регулярные авиарейсы Москва–Чокурдах, миграция трудовых ресурсов, широкие возможности профессионального среднего и высшего образования и др.), происходившие в течение советской промышленизации севера, кардинально изменили ландшафт сложившейся самобытной старорусской культуры. Борьба в советской школе за правильный литературный язык сказалась на практически полной утрате старорусского языка старожилов. Язык сохранился только пожилыми носителями, пытающимися удержать инверсию победы современного русского языка составлением диалектологических словарей.

Перестройка и переход к рыночной экономике рубежа XX–XXI вв. вызвал инверсионный выбор хозяйственного сегмента в традиционном природопользовании. Русским арктическим старожилам пришлось отказаться от основного бюджетобразующего промысла на белого песка, в течение четырех столетий составлявшего важную статью их жизнеобеспечения. В настоящее время их основной трудовой деятельностью является рыболовство. Переход к рыболовному промыслу представляет трудный и сложный этап в жизнедеятельности рассматриваемых анклавов. Отсутствие государственного регулирования сбыта продукции, обеспечения снаряжением, оборудованием, топливом, элементарной стабильной оплатой труда отрицательно сказывается на состоянии и перспективах сохранения культуры русских арктических старожилов. Как свидетельствуют результаты интервьюирования местных старожилов, в последние годы происходят активные миграции из мест их традиционного проживания, особенно молодежи, в города Республики Саха (Якутия) и центральную Россию. Большинство ответов сводятся к аксиоме: «Кто же пожелает своим детям такой тяжелой жизни?». Миграционный вектор инверсионного поиска новых форм жизнедеятельности нашел свое отражение в формировании городского населения, занявшего трудовые ниши в сфере образования, здравоохранения, коммерции и др. в поселках городского типа Чокурдах, Черский, городах Якутск, Нерюнгри, в центральной России [7]. Смена местожительства, отрыв от традиционного природопользования арктических русских представляется самым критичным инверсионным изменением для сохранения культуры арктических старожилов Русского Устья и Походска.

Таким образом, сделаны следующие выводы:

Инверсия имела место в адаптационном выборе системы жизнеобеспечения при кардинальной смене внешних условий жизнедеятельности русских старожилов на арктическом побережье Якутии. В XVII в. при сохранении своей родной культуры, в первую очередь, православия и языка, русские арктические старожилы освоили традиционное природопользование, единственно возможный инверсионный переход адаптации в суровых условиях Арктики.

Наиболее сложным инверсионным преобразованиям культура русских арктических старожилов подверглась в 1990-е годы и с тех пор находится в кризисном состоянии. Изменения экономической конъюнктуры конца XX в. определили инверсионные приоритеты русских арктических старожилов в выборе ведущих и сопутствующих занятий в их жизнеобеспечении. Для оставшегося населения с Русское Устье основным способом жизнеобеспечения осталось рыболовство. В условиях рыночной экономики, рухнувших хозяйственных связей, новых требований квотирования, невозможности конкурировать с промышленными масштабами рыболовецких концернов, занявших морские входы в устья арктических рек, эти трудовые занятия тоже могут просто исчезнуть.

Медиация, представляя собой культурный и организационный потенциал, который в адаптационных трудностях повседневной деятельности определял динамику качественного сдвига в эффективном решении проблем жизнеобеспечения, имела место в сохранении самоидентификации и уникальной культуры старорусского языка, фольклора. Переход медиации в инверсию утраты старорусского языка, культуры, фольклора может привести к исчезновению «уходящей» культуры русских арктических старожилов. В настоящее время научный интерес к сохранности феномена культуры русских арктических старожилов Якутии позволяет питать надежды на реконструкцию концертно-презентационного фольклора.

Библиографический список

1. *Строгова Е.А.* Этнографические и археологические исследования русских арктических старожилов Якутии // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 3 (15). – С. 156-160.
2. *Боякова С.И.* Русские старожилы Якутии: культура и ландшафт // Арктика и Север. 2012. № 9. – С. 73-80.
3. *Чикачев А.Г.* Русские на Индигирке. – Новосибирск: Наука, 1990. – 189 с.
4. *Чикачев А.Г.* Русские в Арктике: полярный вариант культуры. Историко-этнографические очерки. – Новосибирск: Наука. 2007. – 303 с.
5. *Никитина С.Е.* Трансформации культуры русских арктических старожилов Якутии // Гуманитарные науки в Сибири. – 2015. – Т. 22. – № 1. – С. 102-106.
6. *Никитина С.Е.* Европейцы вне Европы: проблемы сохранения культуры русских арктических старожилов Республики Саха (Якутия) // Европа. Международный альманах. Том XIV/1–2. – Тюмень, 2015. – С. 125-138.
7. Полевые материалы, архив автора.

Маргарита Петровна Лукина,
кандидат филологических наук,
научный сотрудник отдела северной филологии
Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Россия, Якутск

Margarita Petrovna Lukina,
Candidate of Philological Sciences,
Research Fellow of the Department of Northern Philology,
The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Russia, Yakutsk

e-mail: margarita-lukina@yandex.ru

**ЯЗЫКОВАЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ
У ЮКАГИРОВ ПО МАТЕРИАЛАМ
ФОЛЬКЛОРНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ**

**THE LINGUISTIC AND ETHNOCULTURAL SITUATION
OF THE YUKAGIRS BASED ON THE MATERIALS
OF FOLKLORE-LINGUISTIC EXPEDITIONS**

Аннотация. В статье рассматриваются материалы фольклорно-лингвистических экспедиций последних лет в места компактного проживания юкагиров, которые свидетельствуют о постепенной утрате родного языка и культуры, современной языковой и этнокультурной ситуации у юкагиров, проживающих в северных районах Республики Саха (Якутия) Российской Федерации. Анализируя собранные материалы, автор приходит к выводу, что языковая и этнокультурная ситуация у тундренных юкагиров – критическая, а у лесных юкагиров – крайне критическая.

Abstract. The article discusses the materials of the folklore-linguistic expeditions of recent years to the places of compact residence of the Yukagirs, which indicate the gradual loss of their native language and culture, the modern linguistic and ethnocultural situation of the Yukagirs living in the northern regions of the Republic of Sakha (Yakutia) of the Russian Federation. Analyzing the collected materials, the author comes to the conclusion that the linguistic and ethnocultural situation of the tundra Yukagirs is critical, and that of the forest Yukagirs is extreme critical.

Ключевые слова: юкагирский язык, тундренные юкагиры, лесные юкагиры, современная языковая ситуация.

Keywords: Yukagir language, tundra Yukagirs, forest Yukagirs, modern language situation.

Юкагиры – некогда многочисленный народ, в настоящее время, компактно проживают в Республике Саха (Якутия) Российской Федерации двумя локальными группами: тундренные юкагиры в с. Андрюшкино Нижнеколымского района, а лесные юкагиры в с. Нелемное Верхнеколымского района. Диалекты юкагирского языка принято называть «тундренным» и «колымским» диалектами соответственно. Количество истинных

носителей родного языка и самобытной культуры юкагиров исчисляется единицами; юкагирский язык относится к числу так называемых «endangered languages» или языков, «находящихся в критическом состоянии».

Юкагиры с древнейших времен населяли территорию современной Республики Саха (Якутия), Чукотки и западной части Магаданской области. Отделение юкагиров от уральцев и их появление на Северо-Востоке Азии, по мнению одних ученых произошло примерно 10,5-6 тысяч лет до н.э., по мнению же других – 6-3 тыс. лет до н. э. [5, с. 13]. До XII-XIII в. юкагиры проживали на большей части территории современной Республики Саха (Якутия). Впоследствии в результате вытеснения тунгусоязычными племенами с юга, юкагиры стали продвигаться на Север.

В начале XVII века русские проходцы застали и объяснили 14 локальных групп юкагиров с самоназваниями: алайи, когимэ, хоромои, анаулы, лавренджи, олюбенджи, чуванджи, оноджи, яндинджи, пендинджи, ходынджи, шоромбои, омоки, яндыры, 11 из которых еще в XVIII в. исчезли в результате опустошительных эпидемий оспы [5, с. 13]. Выжили лишь 3 группы юкагиров: **алайи** – тундренные юкагиры, **когимэ** – лесные юкагиры и **чуванджи**, т.е. чуванцы, еще в XVIII веке перенявшие русский язык и проживающие в с. Марково Магаданской области и в Чукотском автономном округе.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., общее количество юкагиров по Российской Федерации составляет 1603 чел., из которых 1281 чел. проживают в Республике Саха (Якутия). Общее количество лесных юкагиров, проживающих на территории Республики Саха (Якутия) в Верхнеколымском улусе - 304 чел., Магаданской области - 71 чел., из них 69 проживают в п. Сеймчан Среднеканского района. Общее количество тундренных юкагиров, проживающих на территории Республики Саха (Якутия) в Нижнеколымском районе - 390 чел.

В течение последних лет сотрудниками Отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, с целью сохранения и фиксации языка и культуры юкагирского народа, были проведены несколько фольклорно-лингвистических экспедиций с выездом в места компактного проживания юкагиров в Верхнеколымский, Нижнеколымский районы Якутии и в Магаданскую область России. В ходе полевых работ сотрудниками отдела северной филологии собраны фото-, аудио-, видео материалы по двум, ныне почти исчезнувшим диалектам юкагирского языка.

С 2 по 13 июля 2011 г. была проведена фольклорно-лингвистическая экспедиция к лесным юкагирам в Верхнеколымский район Республики Саха (Якутия). Экспедиция в Верхнеколымском районе работала в составе следующих сотрудников ИГиПМНС СО РАН: П.Е. Прокопьева, к.п.н., зав. сектором палеоазиатской филологии, М.П. Лукина, к.ф.н., н.с. сектора палеоазиатской филологии.

Целью фольклорно-лингвистической экспедиции являлся сбор лингвистического материала по колымскому диалекту юкагирского языка в связи с выполнением НИР для сравнительно-сопоставительного исследования двух диалектов юкагирского языка, а также сбор фольклорных, этнографических материалов о юкагирах с. Нелемное Верхнеколымского района. Актуальность экспедиции была связана и с тем, что носителей колымского диалекта оставалось всего несколько человек: в с. Нелемное – Шадрина Акулина Егоровна; в пос. Зырянка – Шпак Людмила Борисовна, в Угольном – Демина Любовь Борисовна.

Во время экспедиции в пос. Зырянка Верхнеколымского района проделаны следующие виды работ по фиксации и документации языка и культуры юкагиров: 1) Сбор материалов по культуре юкагиров в краеведческом музее района; 2) Проведена беседа с Л.Б. Шпак и записано на цифровой носитель воспоминание на юкагирском языке о былой жизни в старом с. Нелемное, где раньше проживали юкагиры – в 40 км выше от современного села,

которое было расположено в устье реки Рассоха и покинуто в связи с частыми наводнениями в середине 50-х годов XX в.

Во время экспедиции в с. Нелемное проделаны следующие виды работ по фиксации и документации языка и культуры юкагиров: 1) Собран языковой материал на цифровом носителе от старожилы, носителя языка и культуры А.Е. Шадринной; 2) Для оказания помощи в преподавании юкагирского языка в школе проведена лекция по грамматике колымского диалекта; 3) Сделаны фото- и видеосъемка школьного музея с целью сбора фольклорно-этнографического материала; 4) Кроме сбора лингвистического материала, в ходе экспедиции были зафиксированы материалы по фольклору и этнографии; сделаны фото- и видеосъемка во время национального юкагирского праздника «Шахадьибэ».

Фото 1. Юкагирки в праздничной одежде во время национального юкагирского праздника «Шахадьибэ». Верхнеколымский район, с. Нелемное, июль 2011 г.

Фото 2. Бабушка с внучкой в национальной одежде во время национального юкагирского праздника «Шахадьибэ». Верхнеколымский район, с. Нелемное, июль 2011 г.

Фото 3. Ансамбль танца «Лондол» во время национального праздника «Шахадьибэ». Верхнеколымский район, с. Нелемное, июль 2011 г.

Фото 4. Юные юкагирки в национальной одежде во время национального праздника «Шахадьибэ».

Фото 5. Детский ансамбль танца во время национального праздника «Шахадьибэ». Верхнеколымский район, с. Нелемное, июль 2011 г.

По полевым данным экспедиции языковая и этнокультурная ситуация у юкагиров с. Нелемное характеризуется как крайне критическая: отсутствует языковая среда, уходят из жизни последние знатоки языка, фольклора и традиционной культуры юкагиров, в разной степени владеют родным языком всего несколько человек. Процесс утраты родного языка у лесных юкагиров сопровождается массовым переходом на русский язык. Однако, наряду с резким уменьшением носителей языка и культуры, отмечается рост этнической самоидентификации, все более глубокое осознание важности родной культуры и языка.

С 25 сентября по 10 октября 2012 г. была проведена фольклорно-лингвистическая экспедиция в п. Сеймчан Среднеканского района Магаданской области. В составе экспедиции в Магаданской области работали следующие сотрудники ИГиИПМНС СО РАН: А.Е. Прокопьева, к.ф.н., н.с. сектора палеоазиатской филологии, М.П. Лукина, к.ф.н., н.с. сектора палеоазиатской филологии. Реальных носителей колымского диалекта в п. Сеймчан оставалось всего 3 человека: Буданова Валентина Борисовна, Чернецова Евгения Борисовна, Борисова Дарья Петровна.

Фото 6. Научный сотрудник сектора палеоазиатской филологии ИГиИПМНС СО РАН М.П. Лукина за работой с носителями колымского диалекта юкагирского языка с Будановой Валентиной Борисовной и Борисовой Дарьей Петровной. Среднеканский район Магаданской области, п. Сеймчан, октябрь 2012 г.

Во время экспедиции проделаны следующие виды работ по фиксации и документации языка и культуры юкагиров: 1) Произведена видеозапись и запись на цифровой носитель диалога и воспоминания на юкагирском языке о старом поселении юкагиров «Нелемное» между носителями колымского диалекта Борисовой Дарьей Петровной и Будановой Валентиной Борисовной протяженностью около 60 мин.; 2) Собран языковой материал по колымскому диалекту и проверен имеющийся языковой материал по грамматике колымского диалекта юкагирского языка с примерами; 3) Сделана фотосъемка этнографического материала по юкагирам в краеведческом музее пос. Сеймчан.

Для оказания помощи Отделу по вопросам малочисленных народов Севера Администрации Среднеканского района Магаданской области (рук. Шохин А.А.) и энтузиастам-юкагирам для сохранения, возрождения колымского диалекта было проведено собрание среди юкагиров, где были представлены и подарены в библиотеку пос. Сеймчан 5 дисков-пособий по юкагирскому языку, выпущенные совместно с ЦНИТ СВФУ им. М.К. Аммосова и сотрудниками ИГиИПМНС СО РАН, русско-юкагирский разговорник (составитель П.Е. Прокопьева), сборник научных статей по материалам научно-практической конференции «Проблемы социально-экономической и политической истории Сибири XX – начала XXI вв.» (с 2 статьями Шадрина В.И. по Коркодонским юкагирам), журнал «Северо-Восточный гуманитарный вестник», №3 2011 г. (со статьей П.Е. Прокопьевой, А.Е. Прокопьевой, В.И. Шадрина).

В рамках экспедиции состоялась встреча с методистом Отдела образования, где был поднят вопрос о преподавании юкагирского языка в школе и об обучении детей юкагирскому языку, начиная с детского сада. Для СОШ пос. Сеймчан был передан диск «Декоративно-прикладное искусство юкагиров Верхней Колымы», выпущенный совместно с ЦНИТ СВФУ им. М.К. Аммосова и сотрудником ИГиИПМНС СО РАН Жуковой Л.Н.

В г. Магадане с целью передачи вышеуказанных сборника научных статей по материалам научно-практической конференции «Проблемы социально-экономической и политической истории Сибири XX – начала XXI вв.» и журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник», №3 2011 г., встретились с заместителем начальника Архивного отдела администрации Магаданской области Романовой Татьяной Михайловной.

С 3 по 14 ноября 2014 была проведена фольклорно-лингвистическая экспедиция к тундренным юкагирам в п. Черский Нижнеколымского района Республики Саха (Якутия) с целью сбора материалов по языку и культуре тундренных юкагиров. В составе экспедиции в Нижнеколымском районе работали следующие сотрудники ИГиИПМНС СО РАН: А.Е. Прокопьева, к.ф.н., н.с. сектора палеоазиатской филологии, М.П. Лукина, к.ф.н., н.с. сектора палеоазиатской филологии.

Фото 7. Научный сотрудник сектора палеоазиатской филологии ИГиИПМНС СО РАН М.П. Лукина за работой с носителем тундренного диалекта юкагирского языка Акулиной Иннокентьевной Стручковой в п. Черский Нижнеколымского района, ноябрь 2014 г.

Во время экспедиции проделаны следующие виды работ по фиксации и документации языка и культуры юкагиров: 1) Произведена запись на цифровой носитель рассказа о себе Третьякова Василия Николаевича на юкагирском языке; 2) Произведена запись на цифровой носитель рассказа о рыбалке Третьякова Василия Николаевича на юкагирском языке; 3) Произведена запись на цифровой носитель рассказа о себе и повествование сказки от Тохтосовой Матрены Николаевны на юкагирском языке; 4) Произведена запись на цифровой носитель рассказа о себе и о работе на рыболовном участке Ягловского Николая Васильевича; 5) Произведена запись на цифровой носитель рассказа о себе Курилова Макара Семеновича на юкагирском языке; 6) Произведена расшифровка записанных текстов на бумажный носитель на юкагирском языке и перевод его на русский язык; 7) Произведена запись на цифровой носитель трех песен: первая песня на слова и мелодию Курилова М.С., вторая песня на слова Курилова И.И. и мелодию Курилова М.С., третья песня на слова Дьячкова Г.А. и мелодию Курилова М.С.; 8) Произведена расшифровка записанных песен на бумажный носитель на юкагирском языке и перевод его на русский язык; 9) Собран языковой материал по тундренному диалекту и проверен имеющийся языковой материал по теме НИР.

В августе 2015 была проведена фольклорно-лингвистическая экспедиция к тундренным юкагирам в п. Черский и с. Колымское Нижнеколымского района Республики

Саха (Якутия). В составе юкагирской группы исследователей в Нижнеколымском районе работали следующие сотрудники ИГиИПМНС СО РАН: П.Е. Прокопьева, к.п.н., зав. сектором палеоазиатской филологии, М.П. Лукина, к.ф.н., н.с. сектора палеоазиатской филологии.

Программа экспедиционных работ была составлена в соответствии с задачами НИР: произведен сбор материала по языку и фольклору тундренных юкагиров в Нижнеколымском улусе Республики Саха (Якутия); проведено интервьюирование для выявления языковой ситуации; осуществлена фотосъемка. Всего было опрошено 8 информантов: из с. Колымское – В.И. Ходьяло, М.И. Курилова, А.Д. Слепцова, А.Я. Каургина, из п. Черский – А.И. Стручкова, Д.Н. Бегунов, Н.В. Ягловский, М.С. Курилов. Работа с носителями юкагирского языка из с. Колымское проведена впервые.

В ходе полевых исследований записаны на диктофон на юкагирском и русском языках фольклорные тексты (песни, сказки), воспоминания, биографии, сведения по духовной и материальной культуре тундренных юкагиров. При помощи носителей языка произведена частичная расшифровка собранного материал.

Фото 8. Носители тундренного диалекта юкагирского языка В.И. Ходьяло, М.И. Курилова, А.Д. Слепцова в с. Колымское Нижнеколымского района, август 2015 г.

Фото 9. Аудиозапись беседы М.И. Куриловой и А.Д. Слепцовой на юкагирском языке в с. Колымское Нижнеколымского района, август 2015 г.

В с. Колымское состоялись встречи с и.о. главы администрации наслега В.В. Слепцовой, директором Колымской общеобразовательной средней школы М.Н. Маликовой, учителями родных языков В.Г. Дьячковой, О.А. Ходьяло. Получены данные о том, что из 803 жителей с. Колымское юкагиров насчитывается 56 человек, в школе из 114 учащихся 11 составляют юкагиры, изучают родной язык 9 детей-юкагиров. Дополнительно для учителей даны консультации по вопросам методики преподавания родного языка, содержания обучения.

По полевым данным языковая и этнокультурная ситуация у тундренных юкагиров характеризуется как критическая. Процесс утраты родного языка у тундренных юкагиров сопровождается массовым переходом на якутский и русский языки. Так, тундренным диалектом юкагирского языка в настоящее время владеют приблизительно 30-40 чел., в основном, люди старшего поколения.

Сегодня юкагирский язык как предмет преподается в трех школах республики, в селах Андрюшкино, Колымское Нижнеколымского района, в с. Нелемное Верхнеколымского района. Кроме того, факультативно преподается еще в поселке Черский и селе Казачье Усть-Янского улуса. Этого крайне недостаточно для возрождения и сохранения языка, так как

всего около 50 человек являются истинными носителями родного языка. При этом, только 23% представителей юкагиров считают юкагирский язык родным.

Существует еще одна проблема – проблема статуса юкагирских диалектов или языков. Исследователи юкагирского языка обращают внимание на серьезные грамматические, лексические и фонетические различия сохранившихся двух диалектов. Исследователь юкагирского языка Е.А. Крейнович считал и первым поднимал вопрос о возможности классификации их как самостоятельных языков. Г.Н. Курилов также считает, что языки верхнеколымских и нижнеколымских юкагиров являются двумя самостоятельными языками, а их носители – двумя родственными народами.

Ранее, юкагирский язык был определен как изолированный, не имевший родственных связей ни с одним из известных в науке языков мира, и был условно отнесен к группе “палеоазиатских” языков. Однако, исследования по юкагирскому языку второй половины XX века показали, что некоторые грамматические и лексические элементы являются общими с финно-угорскими и самодийскими языками [1, 2]. Продолжение исследований в этой области позволило выдвинуть гипотезу об отдаленном родстве юкагирского языка с уральскими языками, минуя самодийские и финно-угорские языки, и включить юкагирский язык в уральскую группу языков отдельной семьей [3, 4].

Таким образом, по данным экспедиций в места компактного проживания юкагиров, наблюдается утеря родного языка и самобытности культуры; системный кризис, охвативший все сферы социально-экономической жизни юкагиров, который сопровождается падением уровня жизни. Хотя, глобализация представляет собой объективный процесс, «задача состоит в том, чтобы поставить ее на службу человеку», потому что главная отрицательная сторона глобализации – это потеря самобытности народов, сопровождающаяся «исчезновением» самобытных культур и этносов.

Библиографический список

1. *Крейнович Е.А.* Юкагирский язык. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. – 288 с.
2. *Крейнович Е.А.* Исследования и материалы по юкагирскому языку. – Л.: Наука, 1982. – 302 с.
3. *Курилов Г.Н.* Лексикология современного юкагирского языка: (Развитие лексики и роль якутского языка в заимствованиях). – Новосибирск: Наука, 2003. – 288 с.
4. *Николаева И.А.* Проблема урало-юкагирских генетических связей: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.07 – финно-угорские языки. М. 1988. – 23 с.; К реконструкции праюкагирского языкового состояния (инлаутный консонантизм) // Язык-миф-культура народов Сибири: Сборник научных трудов. Якутск. 1988. – С. 43-48.
5. *Фольклор юкагиров* / Сост. Г.Н. Курилов. – М.; Новосибирск: Наука, 2005. – 594 с.; ил. + компакт-диск. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 25).

Людмила Николаевна Жукова,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии
Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Россия, Якутск

Lyudmila Nikolaevna Zhukova,
Candidate of Historical Science,
Senior Researcher of the Department of Archaeology and Ethnography
The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Russia, Yakutsk

e-mail: zjukova@mail.ru

ДРЕВНИЕ ЮКАГИРСКО-ЧУКОТСКИЕ КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ

ANCIENT YUKAGHIR-CHUKOT CROSS-CULTURAL CONTACTS

Аннотация. *Рассматриваются вопросы общих этнических корней праюкагиров и прачукчей, предположительно берущие начало в сумнагинской раннеголоценовой археологической культуре Якутии. Обобщены результаты исследований по одежде, технике изготовления орудий из камня, сведения из юкагирского фольклора. Предполагается, что пришлые южные предки чукчей ассимилировали аборигенных праюкагиров и заселили арктическую тундру. Позднее пришли в соприкосновение с ними прибывшие из южной Якутии южноюкагирские группы. Привлекаются данные палеоэтнографии, фольклора, архивные материалы.*

Abstract. *The issues of common ethnic roots of the Prayukagirs and Prachukchis are considered, which supposedly originate in the Sumnagin Early Holocene archaeological culture of Yakutia. The results of research on clothing, techniques for making stone tools, and information from Yukaghir folklore are summarized. It is assumed that the foreign ancestors of the Chukchi assimilated the native Prayukagirs and settled in the Arctic tundra. Later, South Yukaghir groups that arrived from southern Yakutia came into contact with them. The data from paleo-ethnography, folklore, archival materials are given in the article.*

Ключевые слова: *палеоазиаты, проходные территории, этногенез, ассимиляция.*

Keywords: *paleo-Asians, passing territories, ethno-genesis, assimilation.*

Вопросы этнообразовательных процессов, происходивших в прошлом на территории северо-востока Азии, продолжают интересовать исследователей. Из-за недостаточности материалов, имеющих в распоряжении ученых, все еще не ясны компоненты, участвовавшие в этногенезе праюкагиров, чукчей, коряков и других народов палеоазиатской группы [19]. Палеоазиаты населяют особую «проходную» территорию, через которую в различные периоды древней истории на север, северо-восток и североамериканский

континент, а по мнению некоторых исследователей, и в обратном направлении, двигались группы пришлого населения [12].

Мезолитическая (раннеголоценовая) сумнагинская археологическая культура Якутии (10 000/9500 – 6200+-100) имела широкое распространение в Северо-Восточной Азии, по предположению Ю.А. Мочанова, носители ее являлись этнически родственными племенами, занимавшими огромный ареал [21, с. 249]. Ученый выделил сумнагинскую культуру по технико-типологическим показателям изготовления каменных орудий на пластинах и микропластинах. Переживание микролитической традиции можно наблюдать в железных изогнутых ножах чукчей конца XIX – начала XX вв. [1, с. 147, рис. 132; 11]. Коллекция исследователя юкагирской культуры В.И. Иохельсона в Музее Естественной истории (США) также включает юкагирские железные изогнутые ножи [14, с. 603; 20, с. 726, рис. 174–176].

Природные условия крайнего северо-востока Азии, суровый климат, особенности животного и растительного мира накладывали особый отпечаток на все сферы жизнедеятельности прибывавшего в регион населения. Наши палеоэтнографические реконструкции позднеолитических захоронений на нижней и средней Колыме [17; 18] показали присутствие здесь элементов похоронных обрядов и сопровождающего комплекса, привнесенных из Приморья и Байкальского региона [5; 6]. Предполагается, что прибывавшие группы двигались вдоль восточной оконечности азиатского материка, через арктическую тундру. Общие с древнекитайскими сюжеты и образы выявлены в фольклоре одулов – лесных юкагиров верхней Колымы [7–10]. По-видимому, в период позднего неолита – бронзового века (пережиточный неолит) (II–I тыс. до н.э.) под влиянием выходцев из Южной Сибири начался процесс консолидации юкагирских племен как этнокультурной общности. Именно с ымыхтахским временем многие исследователи связывают этногенез этого ныне малочисленного народа. О процессах выработки общих элементов культуры свидетельствует, например, бытование характерного только для юкагиров на территории Якутии алтайского раскроя обуви из ровдуги. «Судя по распространению, такой раскрой голенища можно считать древним юкагирским, перешедшим к тунгусам (эвенкам и эвенам) на территории Якутии и якутам» [2, с. 60].

У вновь прибывшего на северо-восток Азии населения под влиянием длительных адаптивных процессов изменялись одни принесенные с родины элементы культуры, и продолжали сохраняться другие, которые обнаруживаются как «культурные окаменелости» и являются маркерами южного происхождения. Выходцы из иных культурно-экономических регионов были носителями прогрессивных технологий, продвинутых мировоззренческих концепций, иной обрядности и оказывали стимулирующее влияние на развитие аборигенных культур.

Языковое многообразие народов палеоазиатской группы является подтверждением предположения о том, что территории их нынешнего проживания, как проходные, в течение продолжительного времени принимали волны пришлого разноязычного населения. Наряду с языковыми, шли этнообразовательные процессы. Многие вопросы древней истории народов крайнего северо-востока Азии и прилегающих территорий привлекают внимание современных ученых, в русле этих направлений шли и наши исследования. Изучение одежды верхнеколымских юкагиров показало, что в разные периоды истории она имела сходство с глухой одеждой древних уральцев и северо-восточных палеоазиатов, тунгусской распашной, российско-европейской, имеются южносибирские элементы [3]. Глухую кухлянку в прошлом носили юкагиры разных групп: В.И. Иохельсон писал, что древняя одежда юкагиров была «чукотского типа» [13, с. 156; 14, с. 560]. Некоторые общие приемы шитья и кроя сближают обувь юкагиров и северо-восточных палеоазиатов. Как чукчи и коряки, юкагиры имеют вздержку по верхнему краю голенища обуви до колен. Для

чукотско-корякской обуви из ровдуги характерен шов с проложенным ремешком; в традиции юкагиров вшивать ремешок (кант) из кожи, сукна или ткани в швы предметов традиционного гардероба.

В научной литературе материалы о юкагирско-чукотских связях незначительны. Обычный хронологический срез – середина XVII в., время появления русских на северо-востоке Азии и сведения из русских документов о сношениях Российской администрации с местными народами или между «инородцами». Если чукотско-эскимосские и чукотско-корякские связи прослеживаются с древних времен, то чукотско-юкагирские – с XVII в. [16, с. 48–50]. Одной из причин является недостаточная изученность древнеюкагирской и юкагирской культуры и господство мнения о том, что «традиционная культура верхнеколымских юкагиров, их примитивное хозяйство в конце XIX – начале XX вв. в значительной мере утратили свои древние архаические особенности. Фактически все области культуры этой группы подверглись эвенскому, якутскому и русскому влиянию» [24, с. 56]. «В традиционной культуре тундровых юкагиров прослеживается несколько больше самобытных черт по сравнению с культурой верхнеколымских, она также в значительной мере испытала влияние эвенов, чукчей, русских старожилов и утратила свой былой самобытный облик» [24, с. 79].

Составитель этнографической части цитируемого очерка о юкагирах И.С. Гурвич, тем не менее, выделил ряд юкагирско-палеоазиатских параллелей. С северо-восточными палеоазиатами их сближают «пережитки трупосожжения, гадание по подвешенным предметам, жертвоприношение собак, особая роль ворона в мифах, хотя он не выступал, как у коряков и чукчей, в роли мироустроителя, представление о реинкарнации души. Укажем также на то, что дугокопыльная нарта и упряжь юкагиров близка к чукотской, юкагиры изготовляли блюда, напоминавшие корякско-ительменское лакомство – толокушу, и т.д.» [24, с. 83]. В результате исследователь пришел к выводу о том, что «юкагирский этнос формировался во взаимодействии не только с западными соседями, но и восточными» [Там же].

Представляется вероятным, что в этногенезе чукчей и других палеоазиатов в качестве аборигенного компонента приняли участие праюкагирские племена, которые заложили основу обнаруживаемой общности. Пришлая на крайний северо-восток Азии прачукотская южноазиатская группа ассимилировала местных праюкагиров и заняла незаселенные территории арктической тундры. Впоследствии в конце I тыс. – начале II тыс. н.э. сюда через западную Якутию под натиском южных воинственных групп, владевших железным оружием, продвинулись южноюкагирские племена, ставшие предками колымских тундровых юкагиров. Такое предположение возникает в результате анализа рассказов старожилов, записанных в конце XIX – начале XX вв. колымским краеведом Н.Н. Березкиным, ныне хранящиеся в архиве Музея археологии и этнографии РАН*.

«Рассказ чукотского головы Арары, рассказанный купеческому брату К.Н. Бережнову в 1894 году. Я много слышал сказок стариков-чукчей, и из них я вынес убеждение, что наши чукотские предки первыми заселили тундры Колымы и Чукотского Носа. Это было очень и очень давно, когда в указанных тундрах еще не было таких холодов, какие теперь. Они пришли очень издалека, откуда-то из-за морей, которые переплывали на каких-то судах. После чукчей пришел в наши края многочисленный юкагирский народ. Он пришел другим направлением по суше. С ним в течение многих веков чукчи вели войну» [Архив МАЭ РАН. Н.Н. Березкин. Юкагиры. Ф. К-V. Оп. 1. Д. 6. Л. 7-8. Маш/п.].

---

* Архив МАЭ РАН. Ф. К-V. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–60. Н.Н. Березкин. Юкагиры. Маш/п.

«Рассказ юкагира Г.М. Щербакова, записан в 1921 году. Предки наши юкагиры – люди лесов и гор. Они не любили тундры и берега морского. Поэтому они селились в тундре только в случаях крайней необходимости. Недаром мы говорим: "Лось да Юкагир без крайности не пойдут в тундру". Ведь известно, что первые русские нашли юкагиров преимущественно в территориях леса. Тундра – это место чукчей с самого начала их существования» [Там же. Л. 18].

«Рассказ юкагирского старосты Спиридонова на Нелемном, записан в 1899 году. По словам наших стариков, наши предки на Колыму пришли вторыми после чукчей. И было время, когда наш юкагирский народ заселял весь бассейн Колымы и Алазеи» [Там же. Л. 6].

Рассказы свидетельствуют о том, что к приходу предков нижнеколымских юкагиров тундра уже была заселена чукчами. Исследователи полагают, что «юкагиры пришли в соприкосновение с чукчами не ранее XIII–XIV вв. Заселив р. Колыму и ее правые притоки, они проникли и далее на восток в бассейн р. Анадырь, захватив значительные охотничьи угодья. В нижнем течении р. Колымы юкагиры разделили чукчей» [16, с. 48]. Следовательно, контакты пришлых юкагиров с чукчами имеют позднее происхождение, культурные связи между ними сложились в арктической зоне в результате активного взаимодействия после известного периода военных столкновений. Предания тундровых юкагиров не сообщают о возможном родстве этих соседствующих народов, записи повествуют, например, о чукчах, выследивших и окруживших юкагира, только благодаря хитрости и ловкости ему удалось избежать гибели [13, № 96]. Любопытный текст «Юкагирская сказка о происхождении чукчей» записан В.И. Иохельсоном в 1902 г. в колымской тундре от Е. Шаманова. Согласно которой, чукчи произошли от брака двух сирот, мальчика и девочки, вступивших в запрещенный юкагирской традицией кровосмесительный брак. Детей в тундре спас третий персонаж, куропатка-самец. Он взлетел в неожиданно потемневшее небо, клювом пробил небосвод – так на земле появился «сияющий день» [14, с. 411-413]. Текст воспроизводит древний космогонический акт рождения света, действует орнитоморфный демиург (куропатка), предположителен мифопоэтический образ Мирового космического яйца. В качестве первопредков представлена дуальная пара – сироты мальчик и девочка. Сюжет и перечисленные образы являются доминантными в мифах о первоустройстве мира [4, с. 152-153].

Иные отношения существовали между лесными юкагирами и чукчами. В.И. Иохельсон писал, что у одулов рр. Ясачной, Коркодон и Омолон сохранялись предания о том, что «они с чукчами не воевали, ибо считались братьями» [13, с. 242, примечание 1 к тексту № 96]. К сожалению, юкагирские предания о родстве двух этих народов не были зафиксированы в полной мере. Одулы не граничат с чукчами, писал В.И. Иохельсон, однако «в недалеком еще прошлом, когда юкагиров на реке Колыме было больше и территория их кочевок обширней, верхнеколымские юкагиры имели частные сношения с юкагирскими родами низовий Колымы, близко соприкасавшимися с чукчами, кочевавшими к востоку от Колымы. При этих сношениях и верхнеколымские юкагиры, несомненно, сталкивались с чукчами» [13, с. VIII]. На р. Ясачной исследователь записал два варианта предания о сражении воина-юкагира с нападшими чукчами. Текст сообщает о том, что юкагир был зятем в семье чуванцев (восточная юкагироязычная группа, кочевавшая по р. Анадырь) и по юкагирским законам должен защищать семью от любых нападений. В стычке юкагир был убит, «когда чукчи раздели его и узнали по поясу, который был надет особым юкагирским способом, что они убили не чуванца, а юкагира, то обратились к Солнцу со словами: "Посмотри, о Солнце, что мы натворили, мы убили брата!"» [14, с. 208–209].

Лесные юкагиры чаще воевали с коряками, по В.И. Иохельсону, родственными одулам и жившие в близком соседстве с ними [13, № 51, 53, 56, 65]. Причины ожесточенных

столкновений юкагиров с коряками и ламутами (северными тунгусами), редко с чукчами и якутами заключались в следующем:

- 1) «вторжение в район проживания одулов с целью истребления зверей и дичи;
- 2) вторжение с целью забрать девушек и женщин, и попутно ограбить;
- 3) кровная месть;

4) в случае, если одулы окажутся между двумя враждующими сторонами, например, коряками и ламутами, и перейдут на сторону одной из них, тогда противная сторона открывает вражду и против одулов...

Вот эти описанные причины доводили раньше до совершенного истребления целых родов и даже племен. Так погибли племена, обитающие по Шайдану, по Балыгычану, Поповке, Омолону и т. д.» [22, с. 39–40].

Исследователи полагают, что с приходом русских казаков на северо-восток Азии во второй половине XVII в. обострились юкагирско-чукотские и юкагирско-корякские отношения [16, с. 48-50; 15, с. 20; 23, с. 17], в особенности из-за названной Н.И. Спиридоновым четвертой причины. Уже объясненные юкагиры привлекались русскими казачьими отрядами к борьбе с непокорными соседними народами, в результате чего вызывали с их стороны месть и вражду. Указанные факторы с течением времени приводили к еще большей изоляции родственных в прошлом народов Северо-Восточной Азии.

Библиографический список

1. *Богораз В.Г.* Материальная культура чукчей. – М.: Наука, 1991. – 222 с.
2. *Василевич Г.М.* Типы обуви народов Сибири // СМАЭ. – Т. XXI. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 3–64.
3. *Жукова Л.Н.* Очерки по юкагирской культуре. – Ч. I. – Одежда юкагиров: генезис и семантика. – Новосибирск: Наука, 2009. – 152 с.
4. *Жукова Л.Н.* Очерки по юкагирской культуре. – Ч. 2. – Мифологическая модель мира. – Новосибирск: Наука, 2012. – 360 с.
5. *Жукова Л.Н.* Древние грунтовые погребения р. Колымы (палеоэтнографический анализ) // HomoEurasicus в системах социальных коммуникаций: (Материалы VI Всероссийской н-практ. конференции. СПб., 26 окт. 2015). – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015а. – С. 317-342.
6. *Жукова Л.Н.* Неолитическое погребение Каменка II на Средней Колыме (палеоэтнографический анализ) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2015б. – № 3. – С. 19-26.
7. *Жукова Л.Н.* Юкагирско-китайские фольклорные параллели // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015в. – № 7. – С. 72-76.
8. *Жукова Л.Н.* Юкагирский и древнекитайские мифы о переустройстве мира // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2016а. – № 2. – С. 108-111.
9. *Жукова Л.Н.* Юкагирский миф о погоне богатыря за восьминогим лосем и его китайские параллели // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2016б. – № 3. – С. 121-128.
10. *Жукова Л.Н.* Древнекитайский и юкагирский мифы о сотворении человека: сюжетное и структурное сходство // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2017а. – № 2. – С. 28-39.
11. *Жукова Л.Н.* Традиционные формы ножей аборигенного населения Колымы и Чукотки: от каменной индустрии к изделиям из металла // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2017б. – № 4. – С. 22–28.
12. *Жукова Л.Н.* Древние миграции в Колымский регион в контексте этнических взаимодействий на северо-востоке Азии // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2019. – № 1. – С. 24–30.

13. *Иохельсон В.И.* Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. – Якутск: Бичик, 2005а. – 270 с.
14. *Иохельсон В.И.* Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / Пер. с англ. В.Х. Иванова и З.И. Ивановой-Унаровой. – Новосибирск: Наука, 2005б. – 675 с.
15. *История и культура* коряков: (Историко-этнографические очерки) / под ред. А.И. Крушанова. – Л.: Наука, 1993. – 236 с.
16. *История и культура* чукчей: (Историко-этнографические очерки) / под ред. А.И. Крушанова. – Л.: Наука, 1987. – 287 с.
17. *Кашин В.А.* Неолит Средней Колымы (сборник трудов). – Новосибирск: Наука, 2013. – 224 с.
18. *Кистенев С.П.* Новые археологические памятники бассейна Колымы / Новое в археологии Якутии. – Якутск: Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1980. – С. 74–87.
19. *Лебединцев А.И.* Проблема происхождения северо-восточных палеоазиатов // Вестник северо-восточного научного центра ДВО РАН. – 2008. – № 3. – С. 67–81.
20. *Материальная и духовная культура* народов Якутии в музеях мира (XVII – начало XX вв.). – Кн. 1: Сибирская коллекция в музеях США / авт.-сост. З.И. Иванова-Унарова. – Якутск: Бичик, 2017. – 784 с.
21. *Мочанов Ю.А.* Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1977. – 264 с.
22. *Спиридонов Н.И.* (Тэки Одулок). Одулы (юкагиры) Колымского округа. – Якутск: Северовед, 1996. – 80 с.
23. *Туголуков В.А.* Кто вы, юкагиры? – М.: Наука, 1979. – 152 с.
24. *Юкагиры.* Историко-этнографический очерк / под ред. А.П. Окладникова. – Новосибирск: Наука, 1975. – 244 с.

Михаил Спартакovich Тейкин,
аспирант кафедры русской филологии и журналистики,
Северо-Восточный государственный университет
Россия, Магадан

Mikhail Spartakovich Teikin,
Graduate Student of the Department of Russian Philology and Journalism,
North-Eastern State University
Russia, Magadan

e-mail: teikin-ms@mail.ru

ИСТОРИЯ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ КАМЧАДАЛОВ В XX ВЕКЕ: ЭТНОНИМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

THE HISTORY OF KAMCHADALS' LEGAL STATUS IN THE XX CENTURY: ETHNONYMIC ASPECT

Аннотация. Камчадалы – малочисленный Севера, относящийся к так называемым «новым» народам, чья начальная история простирается не далее XVIII века. Камчадалы возникли в результате смешения русских первооселенцев на Камчатке и Охотском побережье с местным населением – ительменами, коряками, в меньшей степени – с эвенками и якутами. В более ранние эпохи камчадалами назывались ительмены – древние жители полуострова; со временем возникла объективная необходимость различать этнонимы, поскольку они стали обозначать разные этнические общности. В докладе рассматривается проблема функционирования этнонима камчадал на протяжении XX века, его место в письменной и устной речи Северо-Востока России в прошлом и сегодня, а также значение этнонима для идентичности человека в закреплении за ним полагающихся по закону прав.

Abstract. Kamchadals are the small-numbered ethnos of the North who belong to so-called “new” peoples, whose history extends not earlier than the 18th century. The Kamchadals appeared in consequence of intermixture between Russian pioneers and its local dwellers in Kamchatka and the coast of the sea of Okhotsk: with Itelmens, Koryaks, Evens, in less degree with Evens and Yakuts. In earlier ages, Itelmens, ancient residents of the peninsula, were referred to as Kamchadals; over time an objective necessity to distinguish the ethnonyms arose, since they began to denote different ethnic communities. The report deals with the problem of the ethnonym Kamchadal functioning during the 20th century, its place in the written and oral speech of the North-East of Russia in the past and today, as well as the importance of the ethnonym for human identity and for rendering him statutory rights.

Ключевые слова: камчадалы, малочисленные народы, этноним, правовое положение.

Keywords: Kamchadals, small-numbered peoples, ethnonym, legal status.

Камчадалы – малочисленный народ, преимущественно проживающий в Магаданской области и Камчатском крае Российской Федерации. Общее число составляет около двух тысяч человек. Этнонимы «ительмен» и «камчадал», между которыми в XVIII веке почти всегда ставился знак равенства, на протяжении XIX столетия переосмысливаются.

Тем не менее, возникало понимание того, что камчадалами называют этнически различные общности, для которых никак не подходит один этноним или же два этнонима – абсолютных синонима. Так возникла потребность семантического размежевания терминов. Данное обстоятельство верно отмечает О.А. Глушенко: «[К]амчадалами в XVIII-XIX вв. всё чаще именуют обрусевших ительменов долины реки Камчатки и потомков русских старожилов Камчатки, а ительменами – аборигенов западного побережья Камчатки, длительное время сохранявших ительменский язык и некоторые архаические черты в материальной культуре» [2, с. 109]. С начала XIX века камчадалами стали называть не только ительменов, но и потомков русских с туземцами по мере нарастания их численности и ассимиляции значительной части собственно ительменов. По словам Е.П. Орловой, термин камчадал потерял своё первоначальное значение и приобрёл иное, территориальное, широкое [6, с. 7].

Как отмечает Л.Н. Хаховская, в научной литературе шёл процесс дифференциации терминов – название камчадалы постепенно стало закрепляться за обрусевшими ительменами долины реки Камчатки, а название ительмены – лишь теми обитателями полуострова, которые сохранили свой родной язык и некоторые архаические черты быта [7, с. 159].

Современные камчадалы – народ смешанного этнического происхождения, возникший в результате экзогамных браков русских мужчин с представительницами местных народов, причиной которых в большинстве случаев было отсутствие русских женщин. Родным языком камчадалов всегда был русский, в прошлом имевший свои особенности. А.А. Сирина замечает: «Этноним “камчадалы” образован от названия территории» [3, с. 90]. Действительно, название полуострова Камчатка дало имя народу: сначала – ительменам, затем – современным камчадалам.

В отличие от других малочисленных народов Северо-Востока, камчадалов в целом не коснулась волна смены этнонимов довоенного периода (например: тунгусов – в эвенков, ламутов – в эвенов, чукчей – в луораветланов: имя луораветлан, в отличие от двух других, не прижилось). Причиной этому было то обстоятельство, что сам этноним “камчадал” приобрёл «новое» наполнение. Ещё до революции ительмены и камчадалы разграничились, хотя путаница в названиях по-прежнему имела место. Те, кто сегодня именуется камчадалами, в начале XX столетия часто выступали под локально-территориальными названиями, образованными по месту жительства и по сословному признаку [7, с. 159], что не отражало национальной принадлежности. Однако предпринимались попытки провести границу между двумя этническими группами. Вышеупомянутое «Временное положение об управлении туземных племён, проживающих на территории Дальневосточной области» приводит перечень туземцев: это – тунгусы, креолы, чуванцы, камчадалы, эскимосы, чукчи, коряки, юкагиры. Представляется наиболее вероятным, что камчадалами (по старой традиции) названы ительмены – народ, преимущественно проживающий на Камчатке, а креолами – метисные потомки русских и местного населения. Однако этноним “креол” не прижился и в дальнейшем употребление не вошёл.

В 1920-е годы в официальных документах закрепился этноним “камчадал” в отношении жителей смешанного происхождения, он объединил их и отразил важнейшие черты перед остальными малочисленными народами, а именно: оседлость как образ жизни и русский язык как средство общения.

Важно отметить: именно наплыв русского населения в первой трети XX века усилил формирование камчадальской идентичности, укрепил её. До того не было особой необходимости осознавать своё единство: метисированные потомки русских и северо-

восточных народов и без того разительно отличались по языку и культуре от местного нерусского населения.

При промышленном освоении Северо-Востока, начавшемся в первой трети XX века, регион значительно пополнился приезжими русскими. Данная ситуация подтолкнула к обострению осознания камчадалами своей самости, в первую очередь на фоне противопоставления себя русским, с которыми при общности языка были антропологические и культурные отличия. Это подстегнуло метисированное население к принятию им названия камчадал; одним этнонимом стали называться локальные группы, до того именовавшиеся преимущественно по месту жительства (гижигинцы, тауйцы и т. п.).

Л.Н. Хаховская отмечает особенность самоназваний камчадалов, определяя их как микроэтнонимы (названия, обозначающие небольшие группы; то же, что местные, региональные этнонимы): «Весьма значимым оказалось восприятие себя и своих соседей по названию поселения. Так возникли географические апеллятивы, выраженные в форме отымённых прилагательных: ольские, арманские, ямские, тауйские, гижигинские» [9, с. 29].

Такие микроэтнонимы сохранялись, но главной их особенностью была невозможность обозначить целый народ. Термин камчадал подходил для этого лучшим образом, поскольку объединял разрозненные группы, тем более что они проживали в одной административной единице – Камчатской области, названной так по полуострову, давшему имя народу.

«Словарь современного русского литературного языка» (ВАС) в качестве этнонимического определения лексемы «камчадалы» указывает (на 1956 год): «Название, данное первыми русскими поселенцами части коренного населения Камчатки; то же, что ительмены»; ительмены описываются так: «Северная народность, живущая на западном берегу Камчатки; камчадалы» [4: с. 739, 594]. Похожее значение приводится во втором томе второго издания «Словаря русского языка» (МАС), вышедшего в 1983 году: «Употреблявшееся в 18 в. название коренного населения Камчатки ительменов» [5, с. 25]. «Большой толковый словарь русского языка», изданный в новую эпоху, слово в слово повторяет определение, данное в МАС [1, с. 413]. Налицо по меньшей мере неупоминание камчадалов в качестве особого народа и полное отождествление по значению слов камчадалы и ительмены, что было свойственно для XVIII века; одно из значений лексемы в словарях не представлено. Объясняется это тем, что, по замечанию А.А. Сириной, в Магаданской области в 1970-е годы (а для Камчатки ещё раньше) эта национальность была отменена, а сами камчадалы «изъяты» из списка народов СССР. Таким образом, со второй половины XX в. камчадалы стали рассматриваться как этнографическая группа русских старожилов региона [3, с. 90]. Такая позиция могла бы иметь право на существование, если бы не один важный факт: она не учитывала отличия камчадалов от русских старожилов, которое выражалось не столько даже в смешанном происхождении, сколько в идентичности – осознании себя особой этнической группой. Отнесение камчадалов к русским было ошибкой, поскольку от того, что статистика перестала их учитывать, сами камчадалы не ассимилировались и не исчезли; хотя, безусловно, действия властей не способствовали сохранению этого малочисленного народа.

Во Всесоюзных переписях населения 1970, 1979 и 1989 годов камчадалы не упоминаются. Это способствовало вытеснению этнонима из активного употребления в литературной речи. Разумеется, свою роль сыграло этническое смешение с русскими и другими народами, но основная причина, разумеется, не в этом. Очевидно, власти посчитали нецелесообразным учитывать отдельный народ, поскольку он был недавнего (по историческим меркам) и смешанного происхождения. Камчадалы записывались или русскими (по языку), или эвенями (как результат браков с ними), или ительменами (ранее также называвшимися камчадалами).

Со второй половины XX столетия начался процесс размывания границ этнической группы камчадалов. В большей степени на это влиял наплыв приезжего населения и переход кочевников на оседлый образ жизни, в результате чего усилился процесс смешения и растворения камчадалов в численно превосходящих народах. Данные процессы способствовали вытеснению этнонима «камчадал» из активного употребления, причём на официальном уровне с тенденцией перехода в историческую терминологию, как прежнее название ительменов, что далеко не полностью соответствовало действительности.

Данное обстоятельство подтверждается исследовательницей камчадалов Л.Н. Хаховской. Последняя отмечает: «Со второй половины 1980-х гг. этническая идентификация камчадалов осуществлялась в законодательном и процессуальном пространстве, обозначенном органами государственной власти. В этом пространстве не оказалось места этнониму «камчадал» как не входящему в перечень коренных народов, утверждённый ещё в 1926 году. Тем камчадалам, которые хотели сохранить статус принадлежности к малочисленным северным народам и пользоваться предоставляемыми этой части населения льготами, пришлось выбирать между предложенными номинациями, обозначенными в перечне (в основном – ительмен). Находясь в ситуации выбора между двумя потенциально существующими оппозиционными идентичностями (русский или иная некоренная национальность / ительмен или иная коренная национальность), камчадалы однозначно делают выбор в пользу последней. В основе лежит принцип рациональности и логической пользы» [8, с. 282-283].

Неучёт камчадалов как представителей коренных малочисленных народов Севера, имевший следствием непредоставление льгот, положенных согласно законодательству (в частности, квоты на вылов рыбы), сыграл негативную роль в этнической идентичности и, как следствие, практическом применении этнонима в устной и письменной речи. Поскольку льготы имели важное значение, особенно для обитателей отдалённых посёлков, представители малочисленных народов стремились быть включёнными в соответствующий перечень, что естественно. В середине 1980-х камчадалы большей частью официально числились русскими. Желание сохранить юридический статус представителей коренного малочисленного народа способствовало смене этнической принадлежности: камчадалы стали записываться эвенками, ительменами, коряками. Регионализм камчадал оказался под угрозой исчезновения.

Поскольку ительмены исторически назывались камчадалами, многие современные камчадалы записывались именно ительменами – кто добровольно, желая сохранить льготы, положенные народам, включённым в перечень, а кого-то в ительмены записывали власти, не спрашивая согласия (правда, такое происходило большей частью в середине века, когда камчадалы перестали учитываться и нужно было переименовать «неправильно» указанную национальность). Именно это, по мнению автора настоящего исследования, объясняет, почему Всероссийские переписи 2002 и 2010 годов фиксируют ительменов в восточной части Магаданской области, а также в Ольском районе. Это – вчерашние камчадалы, в предках имеющие скорее эвенов и коряков, но в силу политических и экономических превратностей указанные в официальных документах ительменами.

Следует заметить, что ныне камчадалы находятся в относительной безопасности по части сохранения себя как самобытной этнической общности. С 2000 года камчадалы включены в перечень малочисленных народов, в связи с чем нет нужды принимать другую идентичность (хотя бы по форме) ради сохранения или получения льгот. Статьи «Словаря современного русского литературного языка» и других указанных выше лексикографических работ, описывающие лексему камчадал, не могут быть признаны полными относительно

современных реалий: исторически камчадалами назывались ительмены, ныне это отдельный малочисленный народ Севера.

Библиографический список

1. *Большой толковый словарь русского языка* [Гл. ред. С.А. Кузнецов]. – СПб.: Норинт, 2003. – 1536 с.
2. *Глуценко О.А.* К проблеме этничности камчадалов-ительменов // Русское слово: литературный язык и народные говоры. Материалы научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения д-ра филол. наук, проф. Г.Г. Мельниченко / Отв. ред. Т.К. Ховрина. – Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2008. – С. 107-113.
3. *Сирина А.А.* Кто такие камчадалы и почему ты – один из них? Государственная политика и проблемы формирования этнической идентичности камчадалов Магаданской области // В поисках себя: Народы Севера и Сибири в постсоветских трансформациях / Отв. ред. Е.А. Пивнева, Д.А. Функ. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука. 2005. – С. 85—107.
4. *Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т русского языка: под ред. А.П. Евгеньевой.* 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык. 1983.
5. *Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М.; Л., 1948-1965.*
6. *Орлова Е. П.* Ительмены. Историко-этнографический очерк. – СПб.: Наука. 1999. – 168 с.
7. *Хаховская Л.Н.* Коренные народы Магаданской области в XX – начале XXI вв. – Магадан: СВНЦ ДВО РАН. 2008. – 229 с.
8. *Хаховская Л.Н.* Социальная организация и этническая идентичность камчадалов Охотского побережья // Этносы Сибири. Прошлое. Настоящее. Будущее: Материалы международной научно-практической конференции. В 2 ч. / Отв. ред. Н.П. Макаров. – Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2004. – С. 277-283.
9. *Хаховская Л.Н.* Этнонимические процессы у аборигенов Северо-Востока России (на примере эвенов и камчадалов) // Россия и АТР. 2018, №4. – С. 25-36.

Сардаана Анатольевна Алексеева,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии
Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Россия, Якутск

Sardaana Anatolievna Alekseeva,
Candidate of Historical Science,
Senior Researcher of the Department of Archaeology and Ethnography
The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Russia, Yakutsk

e-mail: alexeeva_sar@mail.ru

ЭТИКЕТ И КУЛЬТУРА ПОВЕДЕНИЯ ТУНГУСОВ: ТРАДИЦИОННЫЕ МОДЕЛИ И НОВЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ (ОПЫТ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ)

ETIQUETTE AND CULTURE OF TUNGUS BEHAVIOR: TRADITIONAL MODELS AND NEW COMMUNICATION STRATEGIES (EXPERIENCE OF HISTORICAL AND ETHNOGRAPHIC STUDY)

Аннотация. В статье проанализированы особенности этикетных норм и моделей поведения в этнолокальных группах северных тунгусов (эвенков и эвенков) Якутии. Выявлено, что этикетные нормы в традиционном обществе тунгусов пронизывали практически всю повседневную жизнь человека, определяя модели и стереотипы поведения; нами выделены базовые принципы, на которых строится традиционный и современный тунгусский этикет.

Abstract. The article analyzes the features of the etiquette norms and behavior models in the ethno-local groups of the Northern Tungus (Evens and Evenks) of Yakutia. In determining the research strategy in the development of this topic, much attention was paid to the methodology of symbolic anthropology, which initiated the study of such cultural codes as the features of behavioral and ideological models of the Tungus world.

Ключевые слова: этническая дипломатия, тунгусы, культурный код, символическая коммуникация, этикет, культура поведения.

Keywords: ethnic diplomacy as a cultural code of symbolic communication: etiquette and culture of Tungus behavior.

Исторические события, происходившие на всем протяжении XX века, наглядно иллюстрируют все большее возрастание роли этнического фактора в общемировом культурно-историческом процессе. Это находит выражение в консолидации этнических общностей в борьбе за обладание природными ресурсами, политическую власть, территориальную и этнокультурную целостность. Сегодня невозможно найти фактически ни одного народа, который не проявлял бы интереса к своей культурной самобытности, не стремился сохранить и развить свою целостность и культурный облик. Эта тенденция

отстаивания собственной неповторимости и сохранения культурной традиции подтверждает, что человечество не утрачивает своего этнического разнообразия.

Произошедший разрыв связи времени и поколений, потеря духовных ориентиров в обществе заставляют искать пути выхода из кризисных ситуаций и возрождения интереса к этнической культуре, к национальным традициям. Выход из создавшегося положения во многом видится нам в обращении народов к своим истокам, в возрождении этнического самосознания, в изменении шкалы внутренних оценок и ценностных ориентиров. Такая работа предусматривает изучение глубинных механизмов тех традиций и ценностей, которые копились народами веками и передавались из поколения в поколение.

Произошли переоценка взглядов на роль традиционных знаний в современной жизнедеятельности этносов, понимание их исключительности и значимости как одного из механизмов социализации личности, в т.ч. привитию устойчивых образцов поведения и этикета. Сегодня знания и практические рекомендации этнографов по этнокультурным вопросам самых разных сфер социальной жизни становятся основополагающими для осуществления решений политических, экономических и социальных проблем современности. Таким образом, с одной стороны, тема этого исследования имеет теоретическую значимость для широкого круга исследователей и специалистов, с другой стороны, существует недостаточная разработанность в прикладном аспекте.

Очевидна также практическая ценность данной темы в современных условиях. Знание конкретных этикетных норм помогает оптимизировать и гармонизировать межэтнические отношения, как на личном, так и на групповом уровнях. Поскольку этикетные правила являются различными как в малых социальных группах в городе и на селе, так и в разных этнических культурах, эта проблема весьма актуальна для многонационального, многоконфессионального Российского государства.

Настоятельная необходимость обращения к вопросам традиционного этикета, правилам и нормам поведения (культуры общения) самым непосредственным образом связана с проблемой семьи, от которой зависит воспроизводство самого этноса. Ведь в семье преломляются все силы и интересы общества, в ней фиксируются социальные ценности и потребности. Современные идеологические установки, ориентируясь на общечеловеческие ценности, должны учитывать позитивный опыт прошлого и взять на вооружение то ценное, что служило укреплению социального института семьи. Заложенный в традиционной семье огромный гуманистический потенциал может стать фундаментом духовного и нравственного воспитания подрастающего поколения, привития им достойных образцов поведения и правильных ценностных ориентиров в стремительно меняющемся мире.

Наконец, значимость исследования этикетных норм и культуры поведения в семье диктуется тем, что смена существующих социальных парадигм, огромный интерес к историческому прошлому, к культурному наследию актуализировали задачу создания современных концепций их этнокультурного развития, где вопросы, связанные с социокультурной подготовкой молодого поколения, должны занять свое достойное место.

В связи с этим, проблема создания условий, способствующих конструктивному межпоколенческому и межэтническому взаимодействию, взаимному пониманию этнической специфики различных народов, является актуальной и перспективной научной задачей. Столь пристальное внимание к данной проблеме обусловлено ее концептуальной значимостью в рамках этнологического подхода к изучению и пониманию реальной действительности.

Необходимо отметить, что в настоящее время происходят изменения в направлении исследований, расширяющихся и углубляющихся за счет междисциплинарного подхода и характера. Объектом научных интересов становятся проблемы современного детства,

подросткового и молодежного социума, семьи и культуры общения, обычно связанные с социологией, психологией и культурологией, что в свою очередь детерминирует их предметную и методологическую специфику.

В связи с вышесказанным огромное значение приобретает опыт реконструкции традиционных этикетных норм и культуры поведения тунгусов, позволяющий понять особенности самого народа и раскрыть механизмы передачи этнокультурных традиций. Вопросы, так или иначе связанные с традиционным этикетом, культурой поведения или, шире, с этнографией общения тунгусов, поднимаются во многих этнографических исследованиях и интерпретируются в различных контекстах. Но все же, наиболее привычными, традиционными для этнографии являются авторские монографические труды, сочетающие данные непосредственного полевого материала с изучением основных компонентов культуры, дающие в итоге целостное описание отдельного этноса в эволюционно-историческом или структурно-функциональном плане.

Изучение истории и этнографии тунгусов имеет определенную историографическую традицию. Вместе с тем, такие вопросы, как проблемы этногенеза и этнической истории, свадебно-брачные институты, религиозный синкретизм, эволюция традиционных общественных институтов и отдельные вопросы в сфере этнографии/культуры общения остаются малоисследованными. Эти разнородные и разрозненные данные требуют систематизации и научного осмысления с новых методологических позиций современной науки. Данное исследование является первой попыткой обобщения, накопленного обширного историко-этнографического материала по традиционному этикету, нормам и правилам поведения в контексте реконструкции глубинных механизмов социализации в семье, ее ценностей в традиционной культуре тунгусов.

До сих пор традиционный этикет тунгусов не являлся предметом специального научного исследования, хотя фрагментарные упоминания о различных этикетных нормах и описания некоторых стандартов поведения имеются во многих этнографических трудах, посвященных традиционной культуре тунгусов. Поэтому комплексное изучение различных сторон этикета, выявление его традиционных специфических черт, как общетунгусских, так и региональных, анализ их трансформации в современных условиях в различных регионах и местах локального проживания тунгусов является актуальной научной задачей.

Теоретико-методологическую базу нашего исследования составляют фундаментальные труды ведущих отечественных исследователей Б.Х. Бгажнокова [5], А.К. Байбурина и А.Л. Топоркова [4], С.А. Арутюнова [3], С.А. Токарева [15], А.М. Решетова [12], А.А. Никишенкова [10], Я.С. Смирновой [14], С.А. Лугуева [9] и др., посвященные общетеоретическим проблемам исследования традиционной культуры поведения. В их работах, составляющих основное ядро отечественной этнографии по исследованию этикета, наиболее полно раскрыты принципы и методы исследования этикета во всем его многообразии и сложности, а также определены его связи с лингвистикой, психологией, физиологией и рядом других наук. Из анализа историографии проблемы можно сделать вывод о том, что предшествующими исследователями были достигнуты определенные успехи как в изучении в целом традиционной культуры, так и социальных институтов разных народов, в частности.

Что касается специальных исследований по этнографии тунгусов Якутии, непосредственно по изучаемой теме, то, хотя специального монографического исследования по этикету и культуре поведения тунгусов и отдельных локальных групп не было, эти вопросы у эвенов и эвенков в прошлом в той или иной степени (в виде фрагментов, отдельных сведений и заметок) освещались в разного рода публикациях, начиная с XVII в. Нисколько не умаляя заслуг предшественников, ввиду ограниченности объема данной

статьи, мы не будем подробно на них останавливаться. Однако лишь подчеркнем историко-этнографические работы современных авторов – носителей тунгусской культурной традиции - А.А. Алексеева [1], С.А. Алексеевой [2], М.Х. Белянской [6]. В 2011 г. по тунгусской тематике защищена докторская диссертация А.А. Сириной [13]. Проблемы традиционного этикета у тунгусов (эвенков и эвенков) рассматривались обычно в коллективных монографиях и статьях наряду с другими вопросами повседневности [7, 8]. Анализ истории вопроса убедительно показывает, что к настоящему времени необходимы специальные изыскания по реконструкции этикета и поведенческой культуры у тунгусов.

Целью данной статьи является выявление особенностей этикетных норм и моделей поведения в этнолокальных группах северных тунгусов Якутии. В результате проведенного исследования выявлено, что этикетные нормы в традиционном обществе тунгусов пронизывали практически всю профанную (повседневную) жизнь человека, определяя модели и стереотипы поведения; нами выделены базовые принципы, на которых строится традиционный тунгусский этикет.

«Образ жизни охотников, рыболовов и оленеводов настолько тесно связан с хрупкими экосистемами тундры и тайги, что человек в их сознании не отделяется от природы. Это обстоятельство объясняет, почему в системе морально-нравственных ценностей и, соответственно, в поведенческих нормах объекты природы (животные, растения, реки, озёра и др.) фигурируют наравне с человеком.

«У народов Сибири, в особенности у охотников, рыболовов и оленеводов, нормы этикета ориентированы не только на людей, но и на объекты природы и вещи. Это объясняется особым синкретизмом общественного сознания, основанным на взаимопроникновении мира природы и мира людей. Каждый акт поведения – это некое "послание", а поскольку природа и вещи одушевляются, то любые действия, направленные на них, — это тоже "послание", требующее "ответа". У них можно выделить регулирующие поведение мировоззренческие категории, которые в равной степени относятся и к людям, и к объектам природы. Степень взаимопроникновения культуры и природы выше у охотников и оленеводов, чем у их южных соседей-скотоводов, и в этом основа некоторых отличий традиционного этикета» [10].

Установлено, что место этикета в социальной структуре общества, также его конкретное содержание определяются типом общества. Например, в традиционных обществах – замкнутых, мало подверженных влиянию извне, этикет почти полностью определял форму культуры поведения его членов. По мере модернизации общества происходит постепенная трансформация различных сторон этикета, появляются инновационные элементы.

Поведение человека в традиционной культуре регламентировалось целым рядом механизмов, которые сложно взаимодействовали друг с другом. В традиционном обществе человек обращен к окружающим, прежде всего своими социальными атрибутами, а не личными свойствами: он член семьи, рода, общины и т. д. Именно социально-общественные и семейно-родственные характеристики и определяют в первую очередь его коммуникативный статус [6, 7].

Одно из первых мест в шкале морально-этических ценностей тунгусов занимает уважение к старшим, почитание родителей, традиции гостеприимства. Большую роль в семейной, общественной жизни эвенков играли старики и старухи – главные хранители всех традиций, обычаев и заветов предков, их авторитет держался на жизненном и трудовом опыте, практических познаниях. Традиционное уважение вообще к людям старшего поколения, было связано с древней родовой организацией, когда роль людей, умудренных жизненным опытом, была очень велика.

Многие европейские путешественники и исследователи отмечали особое, даже можно сказать, чрезвычайное гостеприимство тунгусов. Традиционный этикет тунгусов включал в себя отдельные важнейшие правила как для семейно-родственного коллектива, так и для гостей: в первую очередь соблюдение границ между мужской/женской сторонами и другие принятые нормы общения. В тунгусской традиции было характерно наделение гостя особой символической нагрузкой. Прием такой сакральной фигуры как шаман был строго ритуализирован и содержал в себе архаичные формы гостевания, распространенные у многих народов.

Традиционные нормы общения, являясь частью этикета, определяли правила поведения гостей в «чужом» пространстве и хозяев при встрече посланника «чужого» пространства (т.е. гостя). Ритуал встречи гостя предполагал семантическое преодоление оппозиции свой/чужой через включение гостя в круг семейного коллектива.

Культура общения в пределах семьи и рода у тунгусов, определялась, прежде всего, оппозицией «мужское» и «женское» (гендерная дифференциация), которая проявлялась практически в любом виде поведения и отражена в традиционной топографии жилища. Пространство жилища четко делилось на две половины – мужскую и женскую, существовала этикетно престижная часть традиционного жилища – чума.

Круг повседневных трудовых обязанностей мужчин и женщин накладывал отпечаток на их коммуникативное и речевое поведение, которое предписывало вести себя согласно своему полу. Внутрисемейные отношения были подчинены правилам этикета. Существовала патриархальная этикетная субординация на основе подчинения младших старшим, женщин – мужчинам. Возглавлял семью отец семейства или старший по возрасту мужчина, реже – женщина, обычно вдова.

Существовала серия этикетных моментов при сватовстве и заключении браков, одним из основных принципов которой являлся этикетный запрет на прямое высказывание брачных намерений и ответов на них, необходимость/обязательность иносказаний при сватовстве-сговоре.

Необходимо отметить о существовании весьма важного блока поведенческой культуры как «обычай избегания». Так, важными элементами семейного этикета являются многочисленные запреты, адресованные обычаем женщинам, особенно невесткам. Обычай избегания также был характерен для разных категорий родственников, существовала «этикетная дистанция» и «этикетная субординация». Институт табуации и избегания имен восходящих родственников в быту эвенской семьи сохранялся очень устойчиво вплоть до 1930-х гг. XX в. Неукоснительное следование обычаям избегания позволяло регулировать отношения между членами рода, семьи, а также сохранять иерархию взаимоотношений между членами родственной группы.

Положение эвенской женщины определялось патриархальными традициями. По существующим моральным нормам девушка должна была подчиняться родителям, которые по собственному усмотрению выдавали ее замуж, определяя размеры калыма. Необходимо отметить, что эвенская женщина пользовалась в семье очень большим уважением и почетом. Муж, прежде чем принять решение по какому-либо вопросу, обязательно советовался с ней. «Во многих вопросах, касающихся житейских проблем, муж и жена действовали всегда сообща. Например, ни мать, ни отец никогда не решали единолично такие дела, как женитьба сына и выход замуж дочери» [2, с. 47].

В отношении воспитания детей существовали различные запреты, обусловленные религиозно-магическими соображениями, с малолетства их учили правилам хорошего тона. Для этнографа особый интерес представляет, прежде всего, сравнительно-историческое изучение факторов, механизмов, институтов социализации детей, посредством которых

происходит превращение ребенка в полноценного члена этнически конкретного коллектива. Социализация молодого поколения, в ходе которой осуществляется межпоколенная трансмиссия культуры, является одним из главных условий существования этноса. Конечным результатом социализации является осознание индивидом своей принадлежности к определенному этносу, усвоение принятых в ней поведенческих норм, культурных стандартов и т.д. Во взглядах на воспитание детей сконцентрированы базовые мировоззренческие и обыденные представления людей, поскольку именно они подлежат трансляции следующим поколениям. Все эти факторы делают очевидным огромное значение изучения вопросов социализации детей для понимания многих сторон любой культуры.

Современная система семейного воспитания у северных тунгусов в местах их компактного проживания направлена на воспитание у подрастающего поколения с самого раннего детства необходимых для жизни в экстремальных условиях Севера навыков и качеств: трудовых, физических, духовно-нравственных. В ней органически сочетаются как традиционное, так и современное.

Весьма интересными представляются рассмотренные нами этнографические материалы о коммуникативных кодах в ритуально-обрядовой сфере у различных этнолокальных групп тунгусов Якутии, в которых большое значение уделялось вербальной коммуникации, языковому коду традиционной культуры [2].

Особое внимание в исследовании уделяется коммуникативной проблематике межкультурного диалога; этнический диалог как методологический подход к исследованию, как исследовательская процедура и как форма интерпретации культурного материала является приоритетным направлением в разработке темы. Характеристика этнокультурных взаимодействий в зоне перекрестного проживания дала возможность говорить о существовавших ранее весьма интенсивных обменных отношениях на территориях якутско-тунгусского пограничья и связанных с ними социально-символических взаимодействиях.

Нами были проведены полевые этнографические исследования среди этнолокальных групп эвенов Якутии и сопредельных территорий: в Быстринском районе Камчатского края. Проанализированы особенности «дорожной» культуры в местах культурного пограничья (дорожный язык иносказаний, обряды задабривания духа дороги, кормление духов местности и т.д.). В результате исследований были выделены этнолокальные особенности эвенского гостевого этикета, выявлены значительные трансформации традиционных гостевых норм поведения, особенностей, касающихся обычая гостеприимства, в частности, обряда забивания оленя с целью угощения/трапезы. Необходимо также отметить, что в современных условиях этот старинный обычай приема гостя на Камчатке практически утрачен, когда как он продолжает достаточно активно функционировать среди эвенов Якутии [ПМА, 2015, 2017].

Выявлено, что в результате процессов модернизации, глобализации этикет тунгусов претерпел многочисленные трансформации, что в свою очередь обусловило современные региональные различия в культуре этикета. Рассматривая же современный этикет тунгусов, можно говорить о том, что в ней присутствуют как инновационные элементы (урбанизированные, европейские), так и традиционные (архаические, северные) черты. В результате процессов модернизации, глобализации этикет тунгусов претерпел многочисленные трансформации, что в свою очередь обусловило современные региональные различия в культуре этикета.

Наиболее полно этикетные нормы соблюдаются в тунгусских семьях в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера, в частности в оленеводческих стойбищах, в некоторых из них можно наблюдать некоторые довольно архаичные формы этикетных норм. Коммуникативные нормы традиционного этикета

продолжают определять стиль поведения тунгусов старших поколений, особенно в сельских местностях. Однако культура поведения тунгусской молодежи в городах все более теряет традиционные черты и приближается к европейским стандартам.

Настоящее исследование – первый опыт системного этнографического исследования особенностей традиционной модели поведения и этикета тунгусов. Вопросы, так или иначе связанные с традиционным этикетом, культурой поведения или, шире, с этнографией общения тунгусов, поднимаются во многих этнографических исследованиях и интерпретируются в различных контекстах. Эти разнородные и разрозненные данные требуют систематизации и научного осмысления с новых методологических позиций современной историко-этнографической науки.

Перспективность и значимость работы определяются тем, что исследование поведенческой культуры и этикета позволяет глубже заглянуть в мир духовной культуры северных тунгусов Сибири, способствует углубленному пониманию их этнического менталитета, что немаловажно в решении современных проблем межэтнического взаимодействия, а также вносит значительный вклад в дело социализации подрастающего поколения в духе апробированных веками норм и правил общения, несущих в себе высокий человеческий гуманизм и потенциал.

Библиографический список

1. *Алексеев А.А.* Эвены Верхоянья: история и культура (конец XIX – 80-е гг. XX в.). – Санкт-Петербург, 2006. – 248 с.
2. *Алексеева С.А.* Традиционная семья у эвенов Якутии (конец XIX – начало XX вв.): историко-этнографический аспект. – Новосибирск, Наука, 2008. – 110 с.; Alexeeva S.A. Ethnic diplomacy: family etiquette and culture of behavior among Tungus. Tradition and innovation // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on SOCIAL SCIENCES & ARTS. Conference Proceedings. Anthropology. Archaeology. History. Philosophy. Published by STEF92 Technology Ltd., 1 “Andrey Lyapchev” Blvd., 1797 Sofia, Bulgaria, 2014. Pp. 51-57; Алексеева С.А. Символические формы коммуникации тунгусов в рамках когнитивной антропологии: основные поведенческие концепты (к постановке проблемы) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019 г. №2. – С. 6-8.
3. *Арутюнов С.А.* Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М., 1989. – 247 с.
4. *Байбурун А.К., Топорков А.Л.* У истоков этикета: Этнографические очерки. – Л., 1990. – 166 с.
5. *Бгажноков Б.Х.* Адыгский этикет. Нальчик, 1978. – 160 с.; Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. – Нальчик, 1983. – 232 с.; Бгажноков Б.Х. Социальная организация семьи. – Нальчик, 2010. – 128 с.
6. *Белянская М.Х.* Традиция и современность: культура выживания северных тунгусов (эвенов и эвенков) (историко-этнографический очерк). – СПб, 2004. – 124 с.
7. *История и культура эвенов.* Историко-этнографические очерки. – СПб, 1997. – 182 с.
8. *История и культура дальневосточных эвенков: историко-этнографические очерки.* – СПб, 2010. – 332 с.
9. *Лугуев С.А.* Традиционные нормы культуры поведения и этикет народов Дагестана (XIX – начало XX вв.). Дисс. ... доктора исторических наук. – Махачкала, 2001. – 392 с.
10. *Никишиенков А.А.* Традиционный этикет народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока // Татарский мир. 2004. № 21. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=646>.
11. *Полевые материалы автора* (2015, 2017).
12. *Решетов А.М.* Народы Передней Азии и их этикет // Этикет у народов Передней Азии. – М., Наука, 1988. – 262 с.

13. *Сирина А.А.* Проблемы типологии и преемственности этнических культур эвенков и эвенов (конец XIX – начало XXI веков): Дисс. ... доктора исторических наук. – М., 2011. – 608 с.
14. *Смирнова Я.С.* Роли и статусы старших в абхазской семье (к проблеме геронтофильных факторов долгожительства) // Советская этнография. 1982. № 6. – С. 40-51.
15. *Токарев С.А.* «Избегание» и «этикет» // Советская этнография. 1979. № 1. – С. 68-75.

Евдокия Кимовна Алексеева,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии
Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Россия, Якутск

Evdokia Kimovna Alekseeva,
Candidate of Historical Science,
Senior Researcher of the Department of Archaeology and Ethnography,
The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Russia, Yakutsk

e-mail: aeks07@mail.ru

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ И ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ СРЕДИ КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ БУЛУНСКОГО И УСТЬ-ЯНСКОГО РАЙОНОВ ЯКУТИИ *

ETHNO-CULTURAL AND LINGUISTIC SITUATION AMONG THE INDIGENOUS INHABITANTS OF THE BULUNSKY AND UST-YANSKY DISTRICTS OF YAKUTIA

Аннотация. В статье подведены некоторые итоги исследования по проекту РФФИ «Трансформация социокультурного облика коренных жителей арктического побережья Якутии в условиях модернизации: опыт междисциплинарного исследования». В частности освещается этнокультурная и языковая ситуация жителей Булунского и Усть-Янского районов Республики Саха (Якутия). Отмечается, что в настоящее время одновременно с утратой родного языка и трансформацией традиционной этнической культуры наблюдается определенная устойчивость этнического самосознания и, соответственно, этнической идентичности аборигенных жителей.

Abstract. The article summarizes some results of the research on the RFBR project "Transformation of the socio-cultural image of the indigenous inhabitants of the Arctic coast of Yakutia in the conditions of modernization: the experience of interdisciplinary research". In particular, the ethno-cultural and linguistic situation of the inhabitants of Bulunsky and Ust-Yansky districts of the Republic of Sakha (Yakutia) is highlighted. It is noted that at present, along with the loss of the native language and the transformation of traditional ethnic culture, there is a certain stability of ethnic consciousness and, accordingly, ethnic identity of aboriginal residents.

Ключевые слова: коренные жители Якутии, этнокультурная ситуация, языковая ситуация, прибрежные районы Якутии, традиционные системы жизнеобеспечения, билингвизм, этническое самосознание.

Keywords: indigenous people of Yakutia, ethno-cultural situation, language situation, coastal areas of Yakutia, traditional life support systems, bilingualism, ethnic identity.

---

*Проект РФФИ №18-49-140005

С 2018 г. сотрудниками Института в рамках грантовой поддержки РФФИ проводится научное исследование «Трансформация социокультурного облика коренных жителей арктического побережья Якутии в условиях модернизации: опыт междисциплинарного исследования» (рук. Алексеева Е.К.). Проект направлен на фундаментальное междисциплинарное исследование, связанное с научным осмыслением трансформации социокультурного облика коренных жителей Якутии на примере пяти прибрежных районов – Аллаиховского, Анабарского, Булунского, Нижнеколымского и Усть-Янского, и представляет собой новый взгляд на определение роли аборигенных этносов в происходящих процессах.

Геокультурное пространство прибрежных районов республики попадет в недавно сконструированный комплекс территорий, названный Арктической зоной Российской Федерации. Социально-экономическое развитие и этнокультура социума неотрывны от территории проживания. Закрепив пространство, определив соседей и границы, социум создает свое социокультурное пространство. Так, происходящие в арктических прибрежных районах (Аллаиховский, Анабарский, Булунский, Нижнеколымский и Усть-Янский) социокультурные процессы не характерны для других районов республики и в целом России в силу того, что имеют ряд особенностей (природно-климатические, социально-экономические и этнические), поэтому требуют особого исследовательского подхода.

В отчетном году проведены исследования в Булунском и Усть-Янском районах республики. Для анализа образа жизни коренных этносов Арктики в современных условиях развития общества было выбрано сельское поселение Кюсюр Булунского эвенкийского национального наслега и поселок Депутатский Усть-Янского района. В ходе полевых работ собраны статистические данные, социально-экономические и этнографические материалы. Методами сбора социологической информации послужил анкетный опрос. Анкетирование проводилось по случайной выборке, подворовым обходом. В сельском поселении Кюсюр опрошено 97 человек или 14,5% трудоспособного населения, в п. Депутатском опрошено 130 человек или 8,7% трудоспособного населения. Анкета была составлена исполнителями проекта и состояла из пяти блоков: этнокультурный блок, эколого-экономический блок, социально-демографический, традиционное хозяйство, этнополитическая ситуация (в общей сложности было включено 55 вопросов с оценочными вариантами ответов), а также 11 вопросов касались информации о респонденте. Обработка эмпирических данных реализована в программе SPSS Statistics.

Параметры качества жизнедеятельности изучались с применением показателей методологии Арктических социальных индикаторов [1], включающей такие направления как уровень материального благосостояния коренного населения, уровень здравоохранения, уровень образования, уровень присутствия родного языка в повседневном общении, уровень взаимодействия с природой, уровень контроля за земельными ресурсами. В качестве дополнительного источника информации был использован контент-анализ республиканских улусных газет, имеющий единый ИНТЕРНЕТ-портал - ulus.media.

При анализе языковой и этнокультурной ситуации с позиций социокультурного подхода, язык, культура и коренное сообщество рассматривались в неразрывной и взаимопроникающей связи, так как согласно данному подходу общество или социум представляет собой тесную связь трех компонентов: индивидов, культуры, социальности.

Этнокультурный ландшафт арктических районов Якутии включает представителей коренных малочисленных народов Севера – эвенов, эвенков, долган, юкагиров, чукчей, а также якутов и русских арктических старожилов с их многообразием языков, самобытными культурными традициями и ценностями, этнической идентичностью. Чрезвычайная мозаичность этнического состава сыграла огромную роль в культурном развитии каждого из

этих народов и, прежде всего, наложила свой отпечаток в сложении современной языковой ситуации на локальных территориях. Так, в исследуемых районах население разнородно по своему составу. Булунский район является местом компактного проживания северных якутов, эвенков, эвены здесь проживают лишь в Хара-Улахском национальном наслеге (исторически относятся к эвенам тыгясиурского наслега). В Усть-Янском районе коренные жители представлены якутами, эвенками, юкагирами.

В настоящее время общая ситуация с родными языками народов Севера с точки зрения реального функционирования однозначно оценивается как кризисная и может служить одним из индикаторов социально-экономического неблагополучия малочисленных народов Севера. Наблюдается постепенная утрата языка, степень владения коррелирует с возрастом носителей, интенсивный размах приобретают русско-якутские ассимиляционные процессы. Все этноязыковые процессы протекают в полилингвистической среде, где язык коренного этноса остается в позиции не доминирующего. Сложность языковой ситуации в Якутии подтверждает тот факт, что в Атлас языков мира ЮНЕСКО, находящихся под угрозой исчезновения, включены все языки коренных народов – эвенов, эвенков, долган, чукчей, юкагиров. Функционирование данных языков сведено до минимума (эвенский, эвенкийский), некоторые подошли к грани исчезновения (юкагирский).

Особенности языковой ситуации у малочисленных народов Севера РС (Я) определяются несколькими факторами:

– территориальный: в республике представлены почти все известные ныне говоры и диалекты эвенского языка, юкагирского языка, диалектный состав эвенков и чукчей достаточно однороден. Это означает, что в отличие от других регионов в РС (Я) существует исключительная диалектная разобщенность. Степень этнической консолидации отличается от других регионов в сторону понижения в силу исторических и географических факторов. Различия в хозяйстве и культуре между отдельными территориальными группами населения коренных малочисленных народов Севера РС (Я) также достаточно значительны и обусловлены различными природно-климатическими условиями и этнокультурными связями;

– этносоциальный: в РС (Я) для большинства исторически характерно национально-якутское двуязычие, а в XX в. – эвенско-якутско-русское трехязычие. Якутский язык играет практически ту же роль, что и русский язык для других регионов проживания народов Севера, в том числе он выполняет функцию языка межэтнического общения. Для отдельных улусов, таких, как Нижнеколымский, характерно многоязычие, выраженное в распространении эвенского, юкагирского, чукотского и якутского языков и диалекта русских старожилов – колымчан за пределами соответствующих этносов.

Многоязычность в Нижнеколымском районе отметил еще в 50-х годах прошлого века известный исследователь И.С. Гурвич. В рамках исследований в числе прочих им было опрошено 600 человек – членов аборигенных колхозов «Турваургин», «Оленевод» и «Сутаня-Удеран». Опрос предполагал получение сведений о количестве языков, которым владеет респондент, а также о том, какой из этих языков он считает родным. Проведенные изыскания показали, что для коренных этносов Нижнеколымского района характерно многоязычие – большинство чукчей, эвенов и юкагиров владело или хотя бы могло объясниться на трех-четырёх языках (русский, чукотский, эвенский, юкагирский или якутский). При этом значительная часть полиглотов родными языками назвала юкагирский и эвенский. Данный факт И. С. Гурвич связал с малочисленностью и большой подвижностью юкагиров и эвенов, делавших многоязычие, необходимое для налаживания коммуникации с соседями, обязательным элементом повседневной практики. Любопытными представляются полученные учеными сведения о том, что явление многоязычия на нижней Колыме получило

широкое распространение сравнительно недавно – лишь в конце XIX века в результате активизации совместной хозяйственной деятельности и появления родственных связей. Например, 96-летний информатор И.С. Гурвича юкагир Трифонов Т.Т. сообщал, что еще в годы его молодости юкагиры «держались вместе и говорили только по-одульски (на юкагирском языке)» и лишь немногие из старейшин «умели объясняться на языке соседей», а 71-летний чукча Слепцов Г.А. рассказывал, что эвенским языком он овладел «благодаря своей жене — эвенке и общению с ее родственниками, якутский язык изучил, общаясь с якутами, так как вывозил груз на оленях из Среднеколымска, по-русски стал понимать, так как приходилось общаться с колымчанами, приезжавшими в их стойбище по торговым делам» [2]. «Международным» языком в Нижнеколымской районе являлся русский. На нем проводились собрания, велось делопроизводство и преподавание. На втором месте по популярности был чукотский язык, затем — якутский [2].

По данным переписи 2010 года остается низким доля лиц, указавших родным язык, соответствующий национальности. При этом в сравнении с показателями предыдущих переписей эта доля постоянно снижается. В рамках исследования был проведен анализ уровня присутствия родного языка в повседневном общении по данным социологического опроса населения села Кюсюр. Большинство участников опроса этнически идентифицировали себя как эвенки (55,2%). Ответы на вопрос о родном языке распределились преимущественно в пользу якутского языка (81,2%). Русский назвали родным языком – 18,3%. В качестве родного эвенкийский язык указало только 0,5% опрошенных жителей села. На вопрос: «На каком языке Вы преимущественно общаетесь дома?» – 95 % ответили, что общаются на якутском языке. 46,4% в дополнение используют русский язык.

По данным переписи 2010 года в Республике Саха (Якутия) проживают более 15 тысяч эвенов, по нашим данным из них владеют родным языком лишь около четверти (25%). По существу получилось так, что абсолютное большинство эвенов не знает языка своего народа. Например, в Усть-Янском районе владеют языком лишь 7% из общего числа эвенов. Такая картина утраты родного языка наблюдается почти во всех местах проживания эвенов.

Даже за межпереписные периоды с 1979 г. по 1989 г. отмечается снижение уровня владения родным языком среди эвенов Анабарского, Булунского районов. Так, в исследуемых районах эвены и эвенки лучше владеют якутским языком, нежели родным и чаще используют его в повседневной жизни. Меньше владеют или вообще не владеют родным языком молодое поколение. Хотя в школах проводятся занятия, но как признаются сами учащиеся, родной язык изучают как иностранный.

Как известно, в последние годы многие коренные жители сел Казачье, Усть-Янск, Юкагир, Депутатский, Тумат, Хайыр Усть-Янского района назвали себя юкагирами, считавшиеся до этого якутами, эвенками, русскими и т.п. Например, в 2015 г., по данным Госкомстата, в Усть-Янском улусе проживало 108 юкагиров, из них 35 юкагиров проживало в селе Казачье, а в 2017 году в с. Казачье проживает 46 юкагиров. Таким образом, отмечается прирост численности юкагиров в Усть-Янском улусе. Это объясняется, прежде всего, ростом национального самосознания коренных жителей Севера, а также немаловажную роль играет государственная политика РФ по возрождению народов Севера. Сегодня наибольшую озабоченность тундренных юкагиров вызывает возрождение родного языка и этнокультурных традиций. В Усть-Янском улусе отсутствует юкагирская языковая среда, нет носителей языка, фольклора, народных традиций, выросло уже несколько поколений, не владеющих родным языком.

Своеобразие языковой ситуации в арктических районах заключается в том, что языковые контакты на данной территории происходили в условиях устойчивого и

длительного взаимодействия и взаимовлияния различных культур, что обусловило возникновение и развитие или билингвизма, или доминирования одного языка, в данном случае якутского - основного языка общения в сёлах. Местные эвены и эвенки не владеют своими языками, но сохраняют представление о своей этнической идентичности. Признание своей национальной принадлежности зачастую отражает не факт владения родным языком. При определении этнической идентичности определяющими критериями в зонах этноконтрастного взаимодействия выступают другие показатели этнокультурных особенностей, которые имеют важное значение (самоназвание, виды занятий, элементы материальной культуры и т.д.). Несмотря на имеющиеся отдельные законы и практические меры в области сохранения родных языков, как показали наши наблюдения, процесс утраты языков на местах имеет достаточно быстрый темп, а то и вовсе языки утрачены (например, в с. Кюсюр, с. Намы Булунского района, с. Сайылык Усть-Янского района). В настоящее время у коренного населения есть желание возродить родной язык, для чего ведутся работы по возрождению языка.

В рамках проекта также сделан анализ современной этнокультурной ситуации в прибрежных арктических районах Якутии. Исследуемые районы являются исторически сложившейся территорией расселения коренных народов – якутов, эвенков, эвенов, долган, юкагиров. Их дисперсное расселение на территории Якутии привело к обособлению локальных этнических групп, а также к их тесному сближению и слиянию в этноконтрастных зонах, что оказало существенное влияние на трансформацию языка и традиционной культуры, к утрате ее многих элементов и формированию локальных вариантов. Коренные народы в настоящее время продолжают сохранять традиционные виды хозяйственной деятельности – оленеводство, рыболовство, охота, собирательство.

Показатели уровня взаимодействия с природой характеризуют данные о роли традиционных промыслов в жизнеобеспечении семьи коренных этносов Арктической зоны (уровень добычи и потребления продуктов природной среды). По данным проведенного анкетирования большинство жителей вовлечено и предпочитают заниматься собирательством дикоросов – 89,6%. Охота и рыбалка играют значимую роль только для половины опрошенного населения – 52,4% занимаются охотой, 62,8% - рыбалкой. Большинство жителей не занимаются разведением оленей в личном домохозяйстве (73,4%). Для тех, кто содержит оленей, поголовье, в основном, незначительное от 1 до 6 голов (26%). Большие стада от 100 до 213 голов имеют лишь немногие семьи [1].

В настоящее время особое внимание вызывает сохранность традиционных культур малочисленных народов Севера, многие из которых продолжают утрачивать свои культурные особенности. Анализ полевых материалов показывает, что именно с традиционными системами жизнеобеспечения связана сохранность компонентов материальной и духовной культуры – транспорт, хозяйственные постройки, производственная одежда, орудия труда, традиционное питание, обычаи и обряды, фольклор.

Так, культура современных оленеводов и охотников в наибольшей степени приближается к традиционному. В оленеводческих стадах в связи с кочевым образом жизни ежедневно практикуется материальная, в том числе и духовная культура, и воспроизводится оленеводами и их семьями.

Данные анкетного опроса показали, что в сельской местности 32,9% не занимаются изготовлением национальной одежды. 41,2% изготавливают только некоторые элементы. Из традиционной одежды в обиходе активно используются только меховая шапка (72,1%) и унты (92,7%). Кянчи (26,8%), торбоза (14,4%) и меховая куртка (23,7%) имеют сегодня меньшее значение для коренного сельского населения. Только 32,3% опрошенных предпочитают носить украшения с национальным орнаментом. В оленеводческих бригадах в

зимнее время оленеводы продолжают использовать производственную одежду традиционного типа – меховые шапки, дохи, торбаза, рукавицы, штаны, как наиболее удобные и приемлемые в арктических условиях.

Традиционная кухня коренных жителей исторически находилась в прямой зависимости от уклада и образа жизни, от окружающей природы и времени года, от сезона, месяца и цикла хозяйственной деятельности. В ней основными являлись блюда, приготовленные из оленины, рыбы, продуктов собирательства. До сих пор у северян предпочтение отдается мясным и рыбным блюдам. У 31,9% респондентов с. Кюсюр рацион питания полностью состоит из этнической пищи. Для 30,9% участников опроса – половину, а для 23,7% – больше половины рациона представляет продукция традиционных промыслов. 12,3% – четверть рациона. В целом, население зависит от продуктов традиционного промысла. Ежедневно потребляет оленину – 86,5% опрошенных, рыбу – 59,7%, дикоросы – 24,7%, дичь – 8,24%. Таким образом, основная часть компонентов традиционного питания коренных жителей сохраняется до наших дней, что напрямую связано с сохранением основных видов хозяйственной деятельности – оленеводства, охоты, рыболовства. Местные жители подчёркивают, что традиционные промыслы являются основными источниками питания.

Анализ исследований показывает, что в наслеге этническая культура коренных этносов претерпела существенные изменения. Если в конце XIX - начале XX вв. они были связаны с ассимиляционными процессами, то на современном этапе средствами диалога выступают средства массовой информации (телевидение, Интернет), через которые пропагандируется европейская культура и стиль жизни, в результате чего меняются взгляды на жизнь, стиль жизни и образ жизни.

Еще с 90-х гг. прошлого века у малочисленных народов Севера наметилась тенденция к возрождению «утраченной культуры». Прежде всего, это касается возрождения праздничной культуры. Безусловно, содержание церемоний праздников восстановлены в трансформированном виде. Так, в настоящее время в Булунском районе ежегодно проводятся такие праздники как День оленеводов, День рыбака, национальный праздник «Ысыах», в Аллаиховском районе были возрождены праздники Встречи Солнца, праздник Цветения тундры. Возрожденный праздник рождения олененка в Уяндинском эвенском национальном наслеге (Усть-Янский район) давно приобрел статус межпоселенческого мероприятия, так как зачастую гостями праздника становятся жители п. Депутатский и н. Силянних. Таким образом, несмотря на трудности в сельской периферии культурно-духовная жизнь народа не прекращается.

В 2015 г. в Усть-Янском районе в с. Казачье по инициативе самих юкагиrow была создана ассоциация КМНС и Совет экспериментального проекта с целью возрождения родного языка и культуры юкагиrow. С 2016 г. начались первые внеучебные занятия по изучению разговорного юкагиrowского языка, литературы, культуры. С 2019 г. планируется организация обучения разговорного родного языка для юкагиrow сел Тумат, Хайыр, Юкагир, Усть-Янск, Депутатский. В с. Казачье впервые был проведен юкагиrowский праздник "Солохидьибэ», создан юкагиrowский танцевальный кружок «Йанги». В 1950-1980-х гг. по итогам экспедиций в арктические районы Якутии (Гурвич И.С., Туголуков В.А.), исследователи отмечали происходившие здесь активнейшие ассимиляционные процессы. В частности, И.С. Гурвич в ходе исследований сделал вывод о целесообразности отнесения юкагиrowского и эвенского населения, имевших одинаковые модели хозяйства и общий язык (эвенский), к одной этнической группе. Ученый отметил: «Большинство населения не различают эвенов и юкагиrow, так как нет критерия для отнесения тех или иных семей к юкагиrowам или эвенкам ... <Данный> процесс знаменует собой лишь то обстоятельство, что в

настоящее время индигирские юкагиры окончательно слились с эвенками — образовалась фактически более крупная группа эвенов» [2]. Анализ современной этнокультурной ситуации в арктических районах Якутии позволяет сделать вывод об определенной устойчивости этнического самосознания и, соответственно, этнической идентичности аборигенов. Наиболее наглядно это проявилось ещё в 90-е годы XX века, когда на волне подъема национального самосознания у аборигенных этнических сообществ Якутии обозначилась достаточно четкая этническая дифференциация и в целом резко возрос интерес к своей «утраченной культуре», к этническим корням.

Анализ современной языковой и этнокультурной ситуации в арктических районах Якутии позволяет сделать вывод об определенной устойчивости этнического самосознания и, соответственно, этнической идентичности аборигенов одновременно с утерей родного языка и традиционной этнической культуры. Своеобразие языковой ситуации в арктических районах заключается в том, что языковые контакты на данной территории происходили в условиях устойчивого и длительного взаимодействия и взаимовлияния различных культур, что обусловило возникновение и развитие или билингвизма, или доминирования одного языка, в данном случае якутского. Признание своей национальной принадлежности зачастую отражает не факт владения родным языком. При определении этнической идентичности определяющими критериями в зонах этноконтактного взаимодействия выступают другие показатели этнокультурных особенностей, которые имеют важное значение (самоназвание, виды занятий, элементы материальной культуры и т.д.). Несмотря на имеющиеся отдельные законы и практические меры в области сохранения родных языков, как показали наши наблюдения, процесс утраты языков на местах имеет достаточно быстрый темп, а то и вовсе язык утрачен (например, в с. Кюсюр, с. Намы Булунского района, с Сайылык Усть-Янского района).

Библиографический список

1. *Писарева Л.Ю.* Образ жизни коренных этносов Арктической зоны Якутии: социально-экономический аспект // Социология. Журнал Российской социологической Ассоциации. – 2018. - №4. – С. 195-202.

2. *Рукописный отдел* Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук. Ф. 5. Оп. 1. Д. 231; Д. 236.

Василий Васильевич Ушницкий,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии
Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Россия, Якутск

Галина Николаевна Варавина,
кандидат исторических наук,
научный сотрудник отдела археологии и этнографии
Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Россия, Якутск

Vasily Vasilievich Ushnitsky,
Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher of the Department of Archaeology and Ethnography,
The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Russia, Yakutsk

E-mail: voma@mail.ru

Galina Nikolaevna Varavina,
Candidate of Historical Sciences,
Research Fellow of the Department of Archaeology and Ethnography,
The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Russia, Yakutsk

E-mail: varavina1982@mail.ru

ГЕОКУЛЬТУРНЫЙ ОБРАЗ ЛАНДШАФТА СЕВЕРНЫХ СКОТОВОДОВ САХА

GEO-CULTURAL IMAGE OF THE LANDSCAPE OF NORTHERN SAKHA HERDERS

Аннотация. В статье изучается геокультурный образ ландшафта Якутии. Пища, одежда, жилище, традиционные занятия, ведение хозяйства – все требовало инноваций для проживания северных тюрков-скотоводов в условиях долгой, продолжительной зимы. В связи с этим рассматриваются механизмы адаптационного процесса и влияние ландшафта на формирование культуры жизнеобеспечения. Антропогенный рельеф почти нетронутой человеком северной природы подвергся значительным изменениям в ходе распространения скотоводов саха по различным природным зонам территории. Рассматривается организация жизненного пространства определенных регионов Якутии (центральные улусы Среднеленского и Алдано-Амгинского бассейнов рек, Вилюйской зоны улусов, северные районы) на примере развития отдельных якутских сел. Так, культурный ландшафт

якутского этноса включает природно-культурный территориальный комплекс, освоенный скотоводческим, охотничье-рыболовецким, охотничье-оленьеводческим населением.

Abstract. *The article examines the geo-cultural image of the landscape of Yakutia. Food, clothes, the dwelling, traditional occupations, housekeeping - everything demanded innovations for accommodation of northern Turkic cattle-farmers in the conditions of long, long winter. In this regard, the mechanisms of the adaptation process and the impact of the landscape on the formation of a culture of life support are considered. The man-made relief of the almost intact man of northern nature has undergone significant changes in the course of the spread of Sakha pastoralists across various natural zones. The organization of the living space of certain regions of Yakutia (central ulus of the Middle and Aldano-Amginsky river basins, Vilyu zone of ulus, northern regions) is considered on the example of the development of separate Yakut villages. Thus, the cultural landscape of the Yakut ethnic group includes a natural-cultural territorial complex, developed by the cattle-breeding, hunting-fishing, hunting-reindeer herding population.*

Ключевые слова: *геокультурный образ, северные скотоводы, Крайний Север, саха (якуты), географический ландшафт, холод и человек.*

Keywords: *geo-cultural image, northern pastoralists, Far North, Sakha (Yakuts), geographical landscape, cold and man.*

В статье изучается геокультурный образ ландшафта Якутии. Пища, одежда, жилище, традиционные занятия, ведение хозяйства – все требовало инноваций для проживания северных тюрков-скотоводов в условиях долгой, продолжительной зимы. В связи с этим рассматриваются механизмы адаптационного процесса и влияние ландшафта на формирование культуры жизнеобеспечения. Основу модели производящей экономики скотоводческого общества саха составляют алаасные экосистемы – изолированные термокарстовые долины. Сухие ареалы алааса, покрытые лугово-степной растительностью, использовались в качестве сельскохозяйственных угодий (покосы, пастбища, выпасы, выгоны). Скотоводческая колонизация северных территорий тюрками саха привело к культурному преобразованию пространства. Колонизация якутами краев Ленского края происходила в течение XVII-XVIII вв. Расселение якутов по просторам Северо-Восточной Сибири имеет тесную связь с историческими событиями, происходившими на Средней Лене: ясачной политикой царизма, восстаниями против воеводы.

Скотоводческая колонизация географического ландшафта с характерным мерзлотным грунтом, относящимся к арктической зоне, приводила к борьбе с суровой природой, окультивированию ранее нетронутой человеком таежной зоны. Антропогенный рельеф северной природы подвергся значительным изменениям в ходе распространения скотоводов саха по различным природным зонам. В связи с этим, рассматривается организация жизненного пространства определенных регионов Якутии (центральные улусы Среднеленского и Алдано-Амгинского бассейнов рек, улусы Вилюйской зоны, северные районы) на примере развития отдельных якутских сел. Так, культурный ландшафт якутского этноса включает природно-культурный территориальный комплекс, освоенный скотоводческим, охотничье-рыболовецким, охотничье-оленьеводческим населением.

Якуты – тюркоязычные скотоводы, распространили скотоводство на таежные пространства Северо-Востока Сибири. Двигаясь вниз по Лене, они заселили просторы трех обширных долин Средней Лены: Эркээни, Энсиэли и Туймаада. Именно здесь зародилась якутская культура. По якутским легендам именно здесь встретились легендарные прародители народа Омогой Баай и Элэй Боотур. Считается, что движение номадов-кочевников с юга в страну вечных льдов и снегов – начало легендарной истории якутского народа. Сложные переплетения исторических повествований и мифологических сюжетов о

«конном» народе составляют основной цикл древних сказаний о переселении якутов с юга [5, с. 295].

О характере военной активности, кроме достаточно высокого количества оружия в погребениях, свидетельствует наличие многочисленных прижизненных и смертельных ранений. Неслучайно это время сохранилось в исторической памяти народа как кыргыз уйэтэ – век междоусобиц и войн. Кулун-атахцы, вероятно, как многие другие кочевые скотоводческие народы, совмещали занятие скотоводческим хозяйством с военным делом [1, с. 17].

Миграции скотоводов с юга заложили основу формирования народа саха. В последнее время предпринимаются попытки удревнения и коренизации якутской культуры на современной территории обитания. Не только культуры раннего железного и бронзового веков, но и неолитические культуры: ымыяхтахская и сылахская, объявляются якутскими по происхождению. Эти утверждения вступают в противоречие с антропологическими и лингвистическими материалами, свидетельствующими о принадлежности саха к центральноазиатским народам, а не к арктическим этносам.

Другим центром якутской культуры является Амгино-Алданская низменность. Именно там расположены основные памятники скотоводческой кулун-атахской культуры XIV-XV вв. Богатые долины, расположенные по рекам Амга, Алдан, Таатта, служили местом расположения сильных родов, сочетавших комплексное хозяйство: скотоводство, охоту и рыболовство. Также рано роды саха освоили таежные пространства на правом берегу Лены. Упорным трудом якутские скотоводы расчищали мерзлотную почву от пней и кочек, выводили новые сенокосные угодья. Для увеличения площади открытых участков проводились культуртехнические работы: выборочные вырубki древесно-кустарниковой растительности, корчевание пней, подкорчѣвка корней закустаренных земель, а также контролируемые пожары, спуск воды из убывающих озер («уолба»). На таежных участках, низменных или болотистых местах, покрытых кочками, проводилась расчистка поверхности от кочек и мохового очѣса, рыхление почвогрунта, которые приводили к улучшению состава почвы и повышению их плодородия.

Якутские легенды времен «кыргыз кэмэ», повествуют об одиноких богатырях, имевших одну корову, рыбачивших в окрестных озерах и охотившихся в тайге. Противостояние «таежного» населения и скотоводов из обширных Среднененских долин прослеживается в цикле легенд о предводителе саха – Тыгыне.

Концентрация скотоводческого населения около используемых земельных ресурсов предопределила дисперсное, изолированное расселение по алаасам. Не случайно образ родного алааса является основой национального нарратива народа саха и его социальной идентичности – «алаас дьоно» (аласные люди) [5, с. 310].

По мнению этногеографов, адаптация к засушливому климату Центральной Якутии, обусловившая развитие не имеющих аналогов в мире таежно-аласных ландшафтов, явилась в прямом смысле технологической инновацией в условиях Арктики. К ним можно отнести регулирование уровня озер, строительство системы плотин («бысыт») и шлюзов («бысыт аана») по речкам для накопления и сохранения воды после весенних разливов; создание оросительных каналов («хоруу») и траншей («нюѣлсютэр хоруу»), позволявших как доставлять воду на сухие участки, так и освобождаться от избытка влаги. Ирригация и мелиорация, дающие возможность извлекать выгоду из сезонного цикла повышения/понижения уровня воды в реках и озерах, обеспечивали стабильность производства аграрной продукции [5, с. 308-309].

Среди историко-культурного наследия, расположенного в сельской местности, важную роль играют природные объекты, обладающие сакральными свойствами. В

частности, в Центральной Якутии такими объектами являются шаманские места. Кроме того, это могут быть горные вершины, отдельные деревья, камни, ключи. Многие из них рассматриваются как памятники природы.

К сожалению, основная часть сельского наследия находится в удручающем состоянии. Церкви пострадали, прежде всего, в послереволюционные и в 60-70-е гг., во времена Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева. В последние десятилетия идет восстановление этих церквей. Центральная часть усадьбы в Черкexe – это церковь, балаганы, где жили ссыльные. Здесь ссыльные обучали детей, принимали гостей, собирали этнографический и фольклорный материал. В заброшенном селе Остуйка, рядом с крупным селом Дюпсун, сохранились амбары богатой семьи Афанасьевых. Рядом в крупной долине (сысы) Берелеех (Берелөөх) есть большой амбар И. Афанасьева с бойницами. Ссыльные и работники православных церквей – это два противоположных лагеря царской России. Первые приносили революционные нововведения в якутскую жизнь, распространяли светскую образованность и интерес к наукам. Другие несли духовный свет и интерес к мировой культуре и истории.

Сегодня многие люди, занимающиеся изучением и охраной археологического наследия, пытаются ответить на вопрос, как сегодня относиться к раскопкам? Ведь в результате этих работ ученые-археологи получают ценнейшую информацию, но вместе с этим самому объекту культурного наследия наносится непоправимый урон. Археологическое наследие находится в чрезвычайно сложном положении, которое обусловлено многими факторами. По мнению многих людей, ответственных за сохранение наследия, археологических памятников слишком много, и поэтому ставить вопрос об их повсеместной охране бессмысленно и нереально. Во-вторых, большая часть этого наследия еще неизвестна исследователям. Чаще всего это наследие становилось доступным археологической науке благодаря хозяйственной деятельности. И сейчас оно может появиться в самом неожиданном месте, причем чаще всего на плотно заселенных и хозяйственно освоенных территориях.

В результате раскопок большинство объектов археологического наследия исчезают, от них остаются в лучшем случае научные описания и артефакты. Долгое время государство, бизнес, многие граждане фактически полностью игнорировали археологическое наследие. Однако, поскольку в результате работ, связанных с новым строительством, прокладкой трубопроводов, созданием водохранилищ и каналов, вскрывались места, где находились многочисленные артефакты, свидетельствующие о том, что в них хранятся ценные для науки предметы, эта проблема стала весьма актуальной. Очень многие ученые обеспокоены тем, что наука теряет важнейшие свидетельства хода исторического процесса. Вследствие появилась охранная археология. Само появление охранной археологии было связано с осознанием ценности археологического наследия как культурного наследия народа. Положение археологов как участников подготовки площадок для нового строительства должно быть изменено. Вместе с тем археологи фактически готовят площадки для нового строительства, освобождая их от памятников, и тем самым фактически участвуют вместе со строителями в их разрушении.

Возведение многих современных, важных для страны промышленных, инфраструктурных и других объектов предполагает ускоренные темпы их строительства. Время, отводимое на археологические исследования, чаще всего не позволяет проводить тщательные и полноценные раскопки. Это создает почву для многочисленных нарушений, поскольку соблазн больших денег, выделенных на эти работы, и постоянные требования заказчиков, нередко толкающих археологов на как можно более быструю передачу им нужного заключения, слишком велик.

Имперски-колониальные сюжеты – важный аспект ландшафта этих мест. Вся территория Якутии имела и имеет статус периферии и государства РФ и страны России, статус даже колониальный. Но возможные антагонизмы между саха-якутами, носителями современной аборигенной периферийной культуры (но они творят провинцию), и жителями «метрополии», волей-неволей носителями ее культурной идеологии и практики, отсутствовали. Колониальное хозяйствование здесь идет веками; ландшафт кричит об этом. Хозяйство территории не вырастает из ландшафта, продолжая его – оно насаждено и насаждается и ныне сверху, издалека, извне для решения внешних задач иных далеких мест, социальных и культурных групп. Именно так вели себя и промышленные люди, тем более такова советская индустриализация. Частный, экзотический – но показательный современный пример колониальной эксплуатации места: сюда издалека съезжаются геологи на разведку; но меняет ли это географический ландшафт? Советские геологи добывали здесь золото и алмазы, и укрепляли экономическое благосостояние родного государства. Это явно ландшафт-палимпсест — мешая и помогая друг другу, запечатлелось несколько природных и культурных слоев. В силу наложения разных слоев ландшафта, типов рельефа, волн освоения, ландшафт предстал нам довольно разнообразным.

Мы наблюдали множество разных и даже полярных способов взаимодействия человека и ландшафта. Вписанное в природный ландшафт и продолжающее его хозяйство коренных аборигенных народов, продолжение природного ландшафта (почти исчезло) и корежащее, утилитарно использующее, убивающее эту природную основу относительно современное (середина XX века) индустриальное хозяйство. И золотая середина – то самое аборигенное хозяйство с замыканием основных траекторий перемещений материала ландшафта, когда он использовался и окультуривался не ради того, чтобы определенная группа пользователей ландшафта потом транжирила ресурсы за его пределами [5, с. 310].

Именно сбор ясака обусловил массовую миграцию представителей якутских родов в погоне за пушниной и бегство их от ясачных сборщиков на Север. По мнению Н.К. Даниловой, «в отличие от центральных и вилюйских групп якутов, чей ментальный ландшафт продиктован образами-парадигмами алааса и тайги, у северных якутов духовный универсум гор выступает как особый текст культуры, где каждый ее элемент организует особое знаковое пространство» [2, с. 388].

Как известно, Арктика – мир вечного льда и бескрайних просторов, «граница обитаемого мира» всегда воспринималась как образ пустоты и белого безмолвия. Островком производящей культуры можно считать образ степной Арктики, связанный с жизненным миром саха. По мнению якутских исследователей, традиционная картина мира саха была соотнесена с образом кочевой культуры, с архетипом пространственной памяти о юге [5, с. 295].

Максимальная практичность человеческого жилья и приспособление к суровой северной природе отличает якута. Это позволило якутам не только выжить в столь суровых условиях, но и освоить весь огромный край, чрезвычайно преувеличив свою численность.

Основными кодами якутского исторического ландшафта являются «лес» – тыа, «термокарстовая долина» – алаас, «долина» – сысыы, «река» – өрүс. Это соответствует расселению якутов по рекам: Лене, Вилюю, Алдану, Амге, Индигирке, Яне, Колыме, Мае, Оленьку. Расселение якутов по долинам Алдано-Амгинского, Среднеленского и Вилюйского бассейна в дорусский период доказывается обнаружением стоянок кулун-атахской культуры.

Безусловно «своим» считались долины: алаасы и сысыы, где можно было завести скотоводческое хозяйство, устроить «покосы» – ходуса и «пастбища» – мэччирэн сирэ. «Чужим» считался лес, где обитали охотничьи роды тунгусов. Вторжение саха в «чужие» пространства сопровождалось ассимиляцией и переходом аборигенов тунгусов (эвенков) и

юкагиров на якутский скотоводческий образ жизни. Культурный код саха маркируется терминами «Ысыах» – ритуальный праздник, «балаган» – зимнее жилище, «чороон» – кумысный кубок, «кымыс» – кумыс из кобыльего молока, «сэргэ» – тотемный столб, коновязь. Хотя термины и элементы якутской культуры тюрко-монгольского происхождения, пришлые с территории Южной Сибири и Байкальского региона, однако все они адаптированные к местным, суровым северным условиям и возникли именно на современной территории обитания. Постепенно в ходе освоения народом саха всей территории современной Якутии «чужое» лесное и тундровое пространство наполняются новыми культурными кодами. Лесная и заболоченная местность расчищается неустанным трудом скотоводов и возникают новые пастбища и сенокосные угодья.

Библиографический список

1. *Бравина Р.И.* Раннеякутская кулун-атахская культура (XIII–XVI вв.) в свете новых археологических данных // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2012. – № 2. – С. 10-18.
2. *Данилова Н.К.* Сакральные ландшафты: ментальный образ горы у северных якутов // Геокультуры Арктики: методология анализа и прикладные исследования. – М.: Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2018. – С. 382-390.
3. *Замятин Д.Н.* Геокультурное пространство Арктики: онтологические модели воображения // Геокультуры Арктики: методология анализа и прикладные исследования. – М.: Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2018. – С. 28-37.
4. *Каганский В.Л.* Человек в ландшафте: конференция-путешествие? // География и туризм. – 2018. – № 1. – С. 165-170.
5. *Романова Е.Н., Игнатьева В.Б., Дьяконов В.М.* Степная Арктика: «помнящая культура» номадов Севера // Геокультуры Арктики: методология анализа и прикладные исследования. – М.: Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2018. – С. 295-327.

Валерий Егорович Васильев,
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии
Института гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН,
Россия, Якутск

Valery Egorovich Vasiliev,
Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher of the Department of Archeology and Ethnography,
The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Russia, Yakutsk

e-mail: valera305@mail.ru

**МИФЫ И РАССКАЗЫ О СОТВОРЕНИИ МИРА, О БОГЕ И САТАНЕ,
ЗАПИСАННЫЕ И.С. ГУРВИЧ У НАСЕЛЕНИЯ ОЛЕНЁКСКОГО
РАЙОНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

**MYTHS AND STORIES ABOUT THE CREATION OF THE WORLD,
ABOUT GOD AND SATAN, RECORDED BY I.S. GURVICH AMONG
THE POPULATION OF OLENEK DISTRICT
DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Аннотация. Труды ранних этнографов ценны тем, что сохраняют этнографическую точность и самобытность редких источников, которые в наше время бывают утраченными навсегда или существуют в сильно трансформированном виде. В этой статье речь пойдёт о дуалистическом мышлении северных саха, у которых мифы и предания о творении мира, тотемах, героях и богах переплетались в один причудливый узел, образуя одну общую систему шаманизма, в которой этнографы обнаруживают влияния мировых религий Востока и Запада.

Abstract. The works of early ethnographers are valuable because they preserve the ethnographic accuracy and originality of rare sources, which in our time are lost forever or exist in a highly transformed form. In this article we will focus on the dualistic thinking of the Northern Sakha, whose myths and legends about the creation of the world, totems, heroes and gods were intertwined into one bizarre knot, forming one common system of shamanism, in which ethnographers find the influence of the world religions of the East and West.

Ключевые слова: саха, эвенки, мифы, легенды, религии, шаманизм.

Keywords: Yakuts, Evenks, myths, legends, religions, shamanism.

Предметом исследования являются мифы, легенды и предания Оленёкского района Якутии. О населении этого района учёный И.С. Гурвич тонко подметил следующее: они называют себя «якутами», но раньше официально числились «тунгусами», хотя ныне эвенкийского языка не знают. Только некоторые старожилы смутно помнили, что в старину их предки говорили на каком-то другом языке. Поэтому это население можно причислить к

«северным якутам», не упуская из виду то, что в их культуре наблюдаются и эвенкийские заимствования [1, л. 12]. Здесь следует уточнить, что слова И.С. Гурвича выражали состояние этнического самосознания оленёкцев в военное и послевоенное время. В последние годы смешанность этнического состава этой группы северян оставил свой отпечаток в историческом развитии этнического самоопределения. Таким образом, И.С. Гурвич первым предположил здесь наличие культурных пластов самодийского (юкагирского?), тунгусского и собственно якутского происхождения. В частности, это прослеживается не только в мифах и сказаниях автохтонного происхождения, но и диалектных словах, связанных с материальной и духовной культурой этой группы северян, что мы легко заметим при сравнительном обзоре его полевых записей.

На основе собранных материалов И.С. Гурвич пришёл к выводам, не утеревшим научного значения до наших дней. Так, учёный чётко выделил комплекс мифов, легенд и рассказов, восходящих к древнему, дохристианскому и христианскому периодам, отмечая и возможное влияние учений развитых религий Востока, в том числе и зороастризма, невесть какими путями и когда проникших на северные просторы. Одно только точно известно, что автохтонные мифы постепенно были вытеснены библейскими сюжетами, попадая в среду северных оленеводов, приобретали некоторый местный колорит [1, л. 11].

Эти наблюдения совпадают с мнением якутского этнографа А.А. Саввина, видевшего в мифах и преданиях народа саха о сотворении дуалистического мира людей распространённый библейский сюжет борьбы Бога и Сатаны. Здесь были созвучны даже мотивы местного северного колорита, согласно которым первый человек (Адам) вместо кожи был покрыт роговой оболочкой, а в другом варианте он был покрыт шерстью, как зверь. Так, этнограф А.А. Саввин привёл миф саха об акте сотворения человека, во время которого бог *Тангара* наделил его каменной душой и роговой кожей. Однако Сатана соблазнил стражника Бога роскошной шубой, проник в помещение и лишил «недоделанного» человека рогового покрова. Он также вдохнул в него душу, тем самым лишив его бессмертия. За этот проступок Бог превратил охранника в собаку, навсегда оставив при нём «шубу» Сатаны [5, л. 4–5]. К сожалению, А.А. Саввин не оставил комментариев об источнике мифа. Образ Адама с каменным сердцем явно напоминает сыновей легендарного вождя Дыгына, которые носили имена Муос Уол («Роговой мальчик») и Таас Уллунгах («Каменная пята» = Ахиллесова пята). По преданию, Муос Уол был убит по велению отца, который не хотел, чтобы в будущем он по силе превосходил своего родителя [2, с. 83]. Как известно, сюжеты детоубийства, совершённого отцом или Богом, были широко представлены и в библейских текстах.

В папку под названием «Элементы буддизма в верованиях якутов» А.А. Саввин включил мифы о коршуне (табунщике божества *Хара Сылгылааха*) и вороне (сыне *Бэки Суоруна*), а также предания о духах умерших предков-шаманов, которых сородичи почитали как *айыы* [5, л. 6–7]. Возможно, в будущем этнограф намеревался связать эти культовые мифы с реинкарнацией души и культом святых буддийских бодхисатв, что мысленно возвращает нас к И.С. Гурвичу, который писал о влиянии зороастрийцев и, вероятно, буддийцев на шаманистов Сибири. Мифы о коршуне и вороне А.А. Саввин приводил без комментариев, но из рукописи видно, что под именами *Хара Сылгылаах* («Владелец вороных лошадей») и *Бэки Суорун* упоминались сыновья божества *Улуу Суорун Тойона*. В якутском словаре Э.К. Пекарского старший сын *Улуу Тойона* носит имя *Бэги Суорун Тойон* [4, с. 419]. Присутствие чёрного ворона *суор* в мифологии народа саха можно считать таким же архаичным и автохтонным пластом, как и образ собаки в мифе о сотворении Адама. Неслучайно среди сестёр-богинь *Айыыһыт* создательница собак считалась самой старшей. Видимо, поэтому, вилюйские якуты иногда давали детям «собачьи» имена, чтобы таким

образом обмануть дьявола, пожирающего детей [3, с. 286]. Мотив о каменной (холодной) душе встречается в якутской поговорке: «*Оҕо сүрэхэ тааска, ийэ сүрэхэ оҕоҕо*» («Сердце ребёнка принадлежит камню, сердце матери – ребёнку»).

В примечаниях И.С. Гурвича мы находим интересное сведение: снежные люди *кучуна*, как и звери, «имели шерсть и линяли летом» [1, л. 12]. Эти слова напоминают мифологическое поверье «когда все звери были людьми». Мифический сюжет о сотворении человека у оленёкцев рисуется в библейском духе. Так, Бог Айыы Тойон начал создавать двух существ, покрытых шерстью, и, не наделив признаками пола, удалился, приставив сторожа у амбара. Сторож почему-то был голым и напоминал человека. По этому поводу старики говорили И.С. Гурвичу, что Бог поступил бы правильно, если бы он оставил людей в их «шубе». «Нижний старик» *Аллараа оҕонньор* (Сатана) напустил холод. От этого сторож убежал в амбар, но там не смог согреться и пустил в амбар Нижнего старика с условием, что тот одарит его шерстью. Сатана согласился и подарил ему шубу, а сам угостил двух недоделанных голодных существ ягодами, отчего они превратились в мужчину и женщину. После этого появился Бог и наказал сторожа, превратив его в собаку. С тех пор собака питается остатками еды. А людей Бог оставил в таком виде, в каком их застал после визита Сатаны [1, л. 3].

Исследуя животный мир в представлениях населения Оленёкского района, И.С. Гурвич заметил, что все звери занимали в иерархической лестнице свои определённые места, да и сам человек по роду относил себя к какой-либо группе животного мира, почитая лебедя, белого ястреба или орла. Убитого тотема, как и уважаемого человека, хоронили на лабазе. Из всех четвероногих высшее положение занимала лошадь, за ней следовали лось, олень и другие звери. Нанесение вреда почитаемым птицам и животным «вызывает болезни и несчастья, а поедание родовой птицы равносильно поеданию человеческого мяса» [1, л. 6–7].

Относительно тотемизма в верованиях саха автор отмечал: «Оленёкские шаманы утверждают, что в верхнем мире наиболее могущественны те шаманы, предки которых связаны с лошадью, а те шаманы, предки которых связаны с оленями, не могут подниматься так высоко, как первые. Для камлания в Верхнем мире у шамана должен быть специальный коврик, изготовленный из шкуры лбов или лап оленя, лося, волка или собаки, в зависимости от того, с каким видом животных были связаны предки шамана. Возможно, под влиянием тех же тотемических представлений шаманы не убивают и не едят гагару, ястреба, лебедя. Любопытно также шаманское поверье, что росомаха... породила собаку, которая, в свою очередь, породила духа нижнего мира *ыт чаадай*. Змея (*эриэн кыыл*) рассматривается как прародительница волка, колонка и ящерицы. Таким образом, звери получают в народном представлении свою генеалогию» [1, л. 7].

Культ коня в шаманстве северных саха указывает, что они генетически могли быть связаны с вилуйскими конными родами, а «слабость» оленя как духа-помощника шамана намекает на то, что «чужие» шаманы из оленных тунгусских или иных племён не могли считаться могущественнее «своих» (якутских) шаманов. Здесь явно угадывается конкуренция, существовавшая между шаманами на этнической почве, как и в эпосе олонхо, где дьявольским богатырём выступал тунгусский (т.е. «неякутский») витязь. Как видим, культ коневодства вытеснил неолитический культ промыслового лося, носителями которого были предки юкагиров. По предположению И.С. Гурвича, отголоском тотемизма являются «странные поверья о связи появления цветов с пением тыллаах чыычаах (маленькая птичка малиновка?), о влиянии рыгания собаки (*ыт харда*) осенью на созревание ягод. При этом цветение растений и созревание ягод рассматриваются не как совпадение с пением этой птички и с тем, что давится собака, а как следствие этих явлений» [1, л. 7].

Сопоставив сказки о сотворении человека с тотемистическими легендами, И.С. Гурвич пришёл к выводу, что они могли возникнуть одновременно, дополняя друг друга. Видимо, система старшинства в мифах о животных отражала реально существовавшие социальные (фратриальные) отношения между родами [1, л. 7-8]. Тотемный смысл носил и камень как вместилище души Адама. Как ни странно, «человеки из камня» встречаются в мифах о лунной девочке. И.С. Гурвич в своих материалах приводит три варианта легенды о пятнах на луне. Звёзды часто рассматривались как «озёра», а иногда как «отверстия» на небе. В одном варианте о лунной деве говорится: «Когда-то очень давно, в то время, когда жили *каменные люди* (курсив мой – В.В.), луны не было. Однажды каменные люди захватили в плен обычную девушку и сделали её рабыней. Как-то ночью они разбудили её и послали за водой к проруби. Она отправилась с коромыслом и ведрами за водой и по пути, плача, жаловалась небу на свою судьбу. Небо вняло мольбам девушки и избавило её от обид, обратив в луну, коромысло и ведра образовали пятна на луне». Рассмотрев версии мифов, И.С. Гурвич писал, что происхождение луны и лунных пятен на ней, также, как и происхождение самой земли, каким-то образом связывается с первичной стихией – водой [1, л. 8–9].

Таким образом, учёный выстроил семантический ряд понятий «луна – дева – вода», которому противостояла триада «солнце – мужчина – камень». Далее И.С. Гурвич сообщал интересную информацию стариков: кроме клыков мамонтов, порождений Нижнего мира, приносящих несчастье, миру угрожали титаны, «каменные воины», которых после войны Айыы Тойон превратил в окаменелости (*таас кихи*). Илье пророку, создавшему этих воинов, Бог разрешил появляться на земле в виде грома. «В свою очередь, гром представляется как основа огня, т.е. является воплощением духа огня и духа мира (*аан дойду иччитэ*)» [1, л. 9–10].

Так, постепенно подходим к теме И.С. Гурвича о сотворении Вселенной и роли птиц в этом сакральном процессе. Все рассказчики единодушно говорили, что «раньше земли не было». Была только «каменная плита», в отверстии которой кипела вода. «Затем летавшая над водой гагара (*далан куоѳас*) нырнула в воду и вытащила в клюве несколько песчинок земли». Из этих песчинок образовалась земля. С Айыы Тойоном были связаны все полезные твари, а с «Нижним стариком» – все вредоносные змеи, ящерицы и насекомые [1, л. 2–5].

В другой легенде творение мира приписывается ворону: *Хара Суор* рассматривается как «основа духа Байаная или Эһэкээна». Это он сотворил оленя, лося, лисицу, песца, соболя, рысь и т.д. В связи с этим население Оленька с особым уважением относится к ворону. По преданию, в старину каждый *хоһуун* имел три-четыре ворона-спутника, которые сопровождали героя. Действительно, при вскрытии местного *арангаса*... были обнаружены, в числе предметов вооружения и одежды, перья ворона. В случае ранения *хоһууны* пили жёлчь ворона, которую считали «живой водой». Когда в целях обеспечения удачной охоты шаманы ловили Байаная, то на самом деле они ловили ворона, называя его Эһэкээном или Байанам. Согласно другой информации, при сотворении земли двумя творцами присутствовал и ворон Хара Суор. Всё это позволяет говорить, что ворон и гагара считались наиболее древними культурными героями и творцами земли. Позднее эти вещи птицы были заменены Айыы Тойоном и «Нижним стариком» (Богом и Сатаной) [1, л. 5-6].

Любопытно сведение И.С. Гурвича о происхождении растений. Так, Айыы Тойон создал все полезные деревья (березу, сосну и тальник), а Сатана сотворил ель, лиственницу и осину. Из растений Бог создал чай, ячмень, лечебные травы, а Сатана – ядовитые травы (*абааһы тайаѳа*). Айыы Тойон создал употребляемых в пищу рыб, а его антипод – костистых рыб вроде окуня, щуки, тайменя (*бил*). Далее Айыы Тойон создал съедобных птиц – куропатку, утку, гуся, а владыка преисподней – гагару, дятла и др. В примечании этого

раздела автор уточнял, что в лечебной практике все шаманы строго придерживались этого положения: если болезнь пришла снизу, то её лечат лекарствами из сотворённых «Нижним стариком» деревьев и трав. Если болезнь послана сверху, то основными лекарствами служат травы, сотворённые Айыы Тойоном [1, л. 4, 12–13]. Здесь причисление листовенницы к «вредным» растениям было связано с тем, что из этого дерева саха изготавливали гробы-колоды для усопших.

Оленёкские космологические мифы с некоторыми видоизменениями встречаются в фольклоре вилюйских и центральных саха. Так, предание, записанное во Втором Кулятском наслеге Вилюйского улуса, гласит следующее: «Сперва была одна вода, а над стояло только солнце. Потом по мере высыхания воды появилась глина, которая образовала землю. Внезапно налетел вихрь и отколол кусок глины, который, поднявшись на небо, превратился в луну. Вот после этого появился человек с тремя душами из земли, воздуха и плоти...» [7, с. 293]. Сюжет о появлении лунных пятен или самой луны повторяется в другом вилюйском мифе «Девочка на луне» [7, с. 261–262]. Согласно нахарскому источнику, гагара является вещью шаманской птицей, в которую превращается шаман, когда плывёт по нижней «воде смерти» [7, с. 238]. Вероятно, именно шаманская атрибутика в образе ошейниковой гагары привела к тому, что в одном оленёкском мифе встречается упоминание о том, что гагара «выдала» Христа разбойникам, как-бы выступая в роли Иуды [7, с. 237].

Архаичный образ птицы как творца мира иносказательно присутствует в легенде о горе Хан Тенгри («Повелитель Неба»). Согласно мифологии казахов, «когда-то не было ни земли, ни неба, а только один необъятный океан. Однажды внутри океана возник Белый Свет..., из которого образовалось сияющее золотое яйцо. Внутри него спал бог Тенгри, будущий прародитель всего мира. Он спал очень долго..., и однажды проснулся. Тенгри разбил скорлупу яйца и вышел наружу. Из верхней части яйца Тенгри сотворил Небо, а из нижней сделал Землю. Чтобы Небо не упало на Землю и не воцарился хаос, Тенгри поставил между ними посох – Небесный кол – Темир казык – Полярную звезду. К Полярной звезде Тенгри привязал небесных коней, звёзды и созвездия, которые ходят по всему Небу вокруг» [6, с. 52].

В этом мифе опять присутствует вода и подразумевается водоплавающая птица, сотворившая Вселенную. Вероятнее всего, небесные кони являются вестниками шаманов, которые заменили оленей, лосей и вещей птиц. Сама гора как аналог Мирового дерева олицетворяет дорогу Верхнего мира, а её вершина выступает пантеоном, где обитают святые предки *аруаки* (ср. с якут. *арбах бастаах атыыр ойуун* ‘жеребец-шаман с косматой головой’). Таким образом, космологические представления саха Оленёкского района имеют тюркские истоки, которые претерпели изменения в условиях Крайнего Севера.

И.С. Гурвич в заключительных записях подвёл итоги по основным положениям мифов у коренного населения Оленёкского района:

– До сотворения земли в мире царил хаос. Первичной стихией являлась вода. Земля была объектом творения. При этом культурными героями изначально выступали гагара и ворон, которые соперничали между собой. В то время доброе и злое начала, связывавшиеся с одним культурным героем, были ещё нечётко выражены. Мифы о творении были описанием подвигов двух миростроителей. Тотемические поверья о магической связи отдельных родов с определённым видом птиц и животных соответствовали мифам о птицах – культурных героях. Отсюда можно предположить, что в отношении родовых тотемов в прошлом существовали легенды об их подвигах, устанавливающие связь между происхождением рода и всего мира.

– В результате развития шаманских представлений злое начало стало ассоциироваться с Нижним миром, а доброе – с Верхним. Под влиянием учений восточных религий функции

культурных героев отошли к антропоморфным богам – антиподам Айыы Тойону и Аллараа огонньору (Богу и Сатане), благодаря чему мифы о творении получили ещё более выраженную дуалистическую окраску. Под влиянием христианства местные легенды о творении человека были вытеснены библейским сказанием, получившим в местной среде своеобразную окраску.

– Древнейший пласт мифов о творении имеет автохтонную почву и соответствует дуально-фратриальной организации общества. Он является идеологическим отражением уже давно исчезнувшего социального организма родового строя [1, л. 10–11].

На основе выводов И.С. Гурвича можно утверждать, что космологические мифы, лежавшие в основе религиозной системы народа саха, отражали единство ранних культов у охотников и скотоводов, населяющих горно-таёжный и лесо-тундровый ландшафты северных и центральных улусов Якутии. Противостояние двух дуалистических сил можно обнаружить в генеалогических преданиях народа саха о предках Омогое и Эллэе, один из которых почитал орла, а второй – белую птицу или белую лошадь. Этим двум героям, позднее причисленным к святым духам *айыы*, приписывались черты культурных героев: первый приручил коров, а второй стал первым табунщиком у своего тестя-господина. При этом рогатый скот, вышедший из воды, обладал «холодным дыханием», а лошади, созданные творцами *айыы*, имели «горячее дыхание». Любопытно, что Омогой баай после скоропостижной (запланированной заранее?) смерти был погребён под ритуальной берестяной урасой, а Эллэй живым вознёсся на небеса, превратившись, видимо, в тотемную птицу. Поэтому на праздниках Ыһыах старики-кангаласцы веровали, что их предки появляются и кружатся над местом торжества в виде священных птиц *айыы*. Тотемистические истоки праздника Ыһыах убеждают нас в том, что и в культе светлых божеств *айыы* можно встретить черты, общие с шаманизмом. Анализ мифов и легенд саха показывает существование символической триады «тотем – предок – божество», прекрасно представленной в фольклоре коренного населения Оленёкского района.

Библиографический список

1. Гурвич И.С. Космологические представления и пережитки тотемического культа у населения Оленёкского района. 1945 г. // Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 137. 13 л.
2. Ксенофонтов Г.В. Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. – М.: Наука, 1977. – 248 с.
3. Маак Р.К. Вилюйский округ. – 2-е изд. – М.: АО «Яна», 1994. – 592 с.
4. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – 2-е изд. – М.; Л.: Изд-во АН СССР. – Т. 1. – 1958; Т. 2. – 1959; Т. 3. – 1959. – 3858 стб.
5. Саввин А.А. Элементы буддизма в верованиях якутов. 1938-1941 гг. // Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 12. Д. 65, 13 л.
6. Сакральные объекты Казахстана общенационального значения. – Астана: Фолиант, 2017. – 496 с.
7. Якутские мифы = Саха өс-номохторо / Сост. Н.А. Алексеева. – Новосибирск: Наука, 2004. – 451 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (Баишева С.М.)	5
Винокурова Л.И. Исследователь Российского Севера Феодосий Семенович Донской: проекты по коренным народам Якутии.....	7
Курилов Г.Н. Уроки Феодосия Семеновича Донского.....	14
Марфусалова А.Д. Ф.С. Донской – генератор этнического самосознания северян как основного фактора сохранения циркумполярной цивилизации.....	21

РАЗДЕЛ I.

Человек и социум Арктики и Севера в неустойчивом мире: тренды, технологии, вызовы

Валеева В.М. Стратегии для коренного населения Ямала в условиях неопределенности будущего.....	26
Якушева У.Е., Воронина Л.В. Анализ устойчивого развития региона «Верхний Нурлэнд» Швеции.....	31
Ядрев И.В. Использование языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в субъектах Российской Федерации.....	37
Астахова И.С. Практика работы Государственного Собрания (Ил Тумэн) РС (Я) в области защиты прав коренных малочисленных народов Севера (1990-е – начало 2000-х гг.).....	49
Толстых Г.В. Уровень жизни населения Арктических районов Республики Саха (Якутия) и пути его повышения.....	54
Пахомов А.А., Туманова Д.В. Потери жизненного потенциала в Северном регионе (на примере Республики Саха (Якутия)).....	59
Баишева С.М. Занятость населения Арктической зоны республики: проблемы и тенденции.....	67
Ефремов Нь.Д. Реализация творческих и профессиональных потребностей человека в Арктике: необходимость и социально-экономические перспективы.....	76
Новоприезжий А.О. Особенности персонифицированной и партийной идентичности в политической культуре жителей северных районов Республики Саха (Якутия).....	82
Дарбасов В.Р., Охлопков М.Н., Федорова Е.Я. О развитии промысловых отраслей и сельского хозяйства в Арктической зоне Республики Саха (Якутия).....	92
Санникова Я.М. Традиционное северное хозяйство в современной аграрной системе: обзор основных понятий исследования (на примере Якутии).....	102

Томаска А.Г. Миграционные намерения народов Арктики (на примере с. Эбях Среднеколымского улуса Республики Саха (Якутия)).....	107
---	-----

РАЗДЕЛ II.

Вопросы сохранения, ретрансляции и интеграции исторического, социального и культурного наследия коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока

Андреева Т.Е. Языковая политика в РС(Я): опыт и перспективы.....	114
Шарина С.И. Языковая ситуация у коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия).....	121
Курилова С.Н. Особенности морфологической адаптации тунгусизмов в языке тундровых юкагиров.....	131
Прокопьева П.Е. Роль старейшин в сохранении и развитии языка и культуры юкагирского народа	143
Варламов А.Н. Происхождение и краткое содержание эвенкийского праздника Икэнипкэ.....	150
Жожиков А.В. Ревитализация языков и культуры коренных малочисленных народов Арктики на основе использования информационных и коммуникационных технологий....	156
Стручков К.Н. Эвенкийский язык: современные проблемы функционирования и перспективы развития.....	162
Захарова Н.Е. Экстралингвистические факторы, влияющие на функционирование эвенкийского языка (на примере эвенкийских национальных сел Олекминского района Республики Саха (Якутия)).....	169
Петров П.П. Заполярные города Якутии: история оснований.....	176
Корнилова Е.И. Опыт традиционного природопользования и ее влияние на традиционную хозяйственную культуру.....	182
Никитина С.Е. Традиционное природопользование арктических русских старожилов Якутии: инверсия–медиация. XVII–XXI вв.....	188
Лукина М.П. Языковая и этнокультурная ситуация у юкагиров по материалам фольклорно- лингвистических экспедиций.....	193
Жукова Л.Н. Древние юкагирско-чукотские кросс-культурные контакты.....	201
Тейкин М.С. История правового положения камчадалов в XX веке: этнонимический аспект....	207
Алексеева С.А. Этикет и культура поведения тунгусов: традиционные модели и новые коммуникативные стратегии (опыт историко-этнографического изучения).....	212

Алексеева Е.К.	
Этнокультурная и языковая ситуация среди коренных жителей Булунского и Усть-Янского районов Якутии.....	220
Ушницкий В.В., Варавина Г.Н.	
Геокультурный образ ландшафта северных скотоводов саха.....	227
Васильев В.Е.	
Мифы и рассказы о сотворении мира, о Боге и Сатане, записанные И.С. Гурвич у населения Оленёкского района в годы Великой Отечественной войны.....	233
СОДЕРЖАНИЕ	239
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	245

CONTENT

PREFACE (<i>Baisheva S.M.</i>)	5
Vinokurova L.I.	
Feodosy Semenovich Donskoy is the Researcher of the Russian North: Projects on the Indigenous Peoples of Yakutia	7
Kurilov G.N.	
Feodosy Semenovich Donskoy's Lessons	14
Marfusalo A.D.	
F. S. Donskoy – Generator of Ethnic Identity of the Northerners as the Main Factor in Maintaining the Circumpolar Civilization	21

SECTION I.

Man and society of the Arctic and the North in an unstable world: trends, technologies, challenges

Valeeva V.M.	
Uncertain Futures in the Arctic: Strategic Options for Yamal Indigenous Peoples	26
Yakusheva U.E., Voronina L.V.	
Sustainable Development of the “Upper Nordland” of Sweden	31
Yadreev I.V.	
Use of the Languages of the Indigenous Peoples of the North, Siberia and the Far East in the Activities of Public Authorities and Local Governments in the Subjects of the Russian Federation	37
Astakhova I.S.	
The Practice of the State Assembly (Il Tumen) of the Republic of Sakha (Yakutia) in the Field of Protecting the Rights of Indigenous Peoples of the North (1990s - early 2000s)	49
Tolstykh G.V.	
The Standard of Living of the Population of Arctic Regions in the Republic of Sakha (Yakutia) and the Ways to Improve it	54
Pakhomov A.A., Tumanova D.V.	
Loss of Life Potential in the Northern Region (by the Example of the Republic of Sakha (Yakutia))	59
Baisheva S.M.	
Employment of the Population of the Arctic Zone of the Republic: Problems and Trends ...	67
Efremov N.D.	
Realization of Creative and Professional Human Needs in the Arctic: Necessity and Socio-Economic Prospects	76
Novopriehziy A.O.	
Features of Personified and Party Identity in the Political Culture of Residents of the Northern Regions of the Republic of Sakha (Yakutia)	82
Darbasov V.R., Okhlopov M.N., Fedorova E.Ya.	
On the Development of Fishing Industries and Agriculture in Arctic Zone of the Republic of Sakha (Yakutia)	92
Sannikova Ya.M.	
Traditional Northern Economy in the Modern Agrarian System: Overview of the Main Terms of the Study (by the Example of Yakutia)	102
Tomaska A.G.	
The Migration Intentions of the Arctic Peoples (by the Example of the Village of Ebyakh, Srednekolymsky Ulus of the Republic of Sakha (Yakutia))	107

SECTION 2.

Conservation issues, relay and integration of historical, social and cultural heritage of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East

Andreeva T.E. Language Policy in the Republic of Sakha (Yakutia): Experience and Prospects	114
Sharina S.I. The Language Situation of the Indigenous Peoples of the North in the Republic of Sakha (Yakutia)	121
Kurilova S.N. The Features of Morphological adaptation of the Tungusic words In Tundra Yukaghir	131
Prokopyeva P.E. The Role of Elders in the Conservation and Development of the Language and Culture of the Yukagir People	143
Varlamov A.N. The Origin and Summary of the Evenki Festival Ikenipke	150
Zhozhikov A.V. Revitalization of the Languages and Cultures of Indigenous Peoples of the Arctic Based on the Use of Information and Communication Technologies	156
Struchkov K.N. Evenk Language: Current Problems and Functioning and Development Prospects	162
Zakharova N.E. Extra-Linguistic Factors that Affect the Functioning of the Evenk Language (by the Example of Evenk National Villages in Olekminsky District of the Republic of Sakha (Yakutia))	169
Petrov P.P. Polar Cities of Yakutia: History of Foundations	176
Kornilova E.I. The Experience of Traditional Nature Management and its Impact on Traditional Economic Culture	182
Nikitina S.E. The Traditional Nature Management of the Russian Arctic Old-Timers of Yakutia: Inversion – Mediation. XVII – XXI centuries	188
Lukina M.P. The Linguistic and Ethno-Cultural Situation of the Yukagirs Based on the Materials of Folklore and Linguistic Expeditions	193
Zhukova L.N. Ancient Yukaghir-Chukot Cross-Cultural Contacts	201
Teikin M.S. The History of Kamchadals' Legal Status in the XX century: Ethnonymic Aspect	207
Alekseeva S.A. Etiquette and Culture of Tungus Behavior: Traditional Models and New Communication Strategies (Experience of Historical and Ethnographic Study)	212
Alekseeva E.K. Ethno-cultural and Linguistic Situation among the Indigenous Inhabitants of the Bulunsky and Ust-Yansky Districts of Yakutia	220
Ushnitsky V.V., Varavina G.N. Geo-cultural Image of the Landscape of Northern Sakha Herders	227

Vasiliev V.E.
Myths and Stories about the Creation of the World, about GOD and Satan, Recorded by
I.S. Gurevih among the Population of Olenek District during the Great Patriotic War 233
CONTENT 242
INFORMATION ABOUT AUTHORS 245

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Евдокия Кимовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия;

e-mail: aeks07@mail.ru

Алексеева Сардаана Анатольевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия;

e-mail: alexeeva_sar@mail.ru

Андреева Тамара Егоровна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия;

e-mail: taan2001@mail.ru

Астахова Ирина Сергеевна, младший научный сотрудник отдела истории и арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия;

e-mail: Irasta@list.ru

Баишева Саргылана Макаровна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра этносоциологических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия;

e-mail: baisargy09@yandex.ru

Валеева Вилена Маратовна, научный сотрудник Потсдамского института перспективных исследований в области устойчивого развития (IASS) Потсдам, Германия;

e-mail: vilena.valeeva@iass-potsdam.de

Варавина Галина Николаевна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологии и этнографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия;

e-mail: varavina1982@mail.ru

Варламов Александр Николаевич, доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия;

e-mail: ataki2006@yandex.ru

Васильев Валерий Егорович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия;

e-mail: valera305@mail.ru

Винокурова Лилия Иннокентьевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия;

e-mail: lilivin@mail.ru

Воронина Людмила Васильевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории социо-эколого-экономических систем Института комплексных исследований Арктики Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Российской академии наук, Архангельск, Россия;

e-mail: voronina_ljudmila@rambler.ru

Дарбасов Василий Романович, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Отдела региональных экономических и социальных исследований Якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия;

e-mail: vrdarbasov@mail.ru

Ефремов Ньургун Дмитриевич, студент 3 курса исторического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия;

e-mail: nurgun_efremov97@mail.ru

Жожиков Анатолий Васильевич, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой ЮНЕСКО «Адаптация человека и общества в арктических регионах в условиях изменения климата и глобализации» Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, Якутск, Россия;

e-mail: jav1@mail.ru

Жукова Людмила Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия;

e-mail: zjukova@mail.ru

Захарова Наталия Егоровна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия;

e-mail: nataly@mail.ru

Корнилова Екатерина Ивановна, кандидат исторических наук, доцент, начальник цикла общих дисциплин Центра профессиональной подготовки МВД по Республике Саха (Якутия), Якутск, Россия;

e-mail: tyrymas@mail.ru

Курилов Гаврил Николаевич (Улуру Адо), доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, юкагирский писатель, Якутск, Россия;

e-mail: ladinakuril@mail.ru; kurilov.gavril@mail.ru

Курилова Самона Николаевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия;

e-mail: samonakur@mail.ru

Лукина Маргарита Петровна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия;

e-mail: margarita-lukina@yandex.ru

Марфусалова Августа Дмитриевна, кандидат философских наук, председатель Совета старейшин Ассоциации КМНС Республики Саха (Якутия), заместитель председателя комиссии по развитию Арктики и АПК Общественной Палаты Республики Саха (Якутия), Якутск, Россия;

e-mail: admar48@mail.ru

Никитина Саргылана Егоровна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории и арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия;

e-mail: sarg_nik.ykt@mail.ru

Новоприезжий Александр Олегович, студент-магистрант Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия;

e-mail: Novopr170697@mail.ru

Охлопков Михаил Николаевич, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Отдела региональных экономических и социальных исследований Якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия;

e-mail: michailnic@rambler.ru

Пахомов Александр Алексеевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, советник председателя Федерального исследовательского центра, Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия;

e-mail: a.a.pakhomov@prez.ysn.ru

Петров Пантелеймон Пантелеймонович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия;

e-mail: pantpetrov48@mail.ru

Прокопьева Прасковья Егоровна, кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия;

e-mail: pproe@yandex.ru

Санникова Яна Михайловна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия;

e-mail: sannikova@mail.ru

Стручков Кирилл Намсараевич, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия;

e-mail: kstruchkov@mail.ru

Тейкин Михаил Спартакович, аспирант кафедры русской филологии и журналистики, Северо-Восточного государственного университета, Магадан, Россия;
e-mail: teikin-ms@mail.ru

Толстых Геннадий Владимирович, доктор исторических наук, руководитель отдела исследования социально-трудовой сферы ГБУ Арктического научно-исследовательского центра Академии наук Республики Саха (Якутия), Якутск, Россия;
e-mail: gtv131971@mail.ru

Томаска Алена Георгиевна, научный сотрудник Центра этносоциологических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия;
e-mail: algepo@mail.ru

Туманова Дарья Викторовна, специалист-аналитик Федерального исследовательского центра, Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия;
e-mail: dasha-tumanova@mail.ru

Ушницкий Василий Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии и этнографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия;
e-mail: voma@mail.ru

Федорова Екатерина Ярославовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Отдела региональных экономических и социальных исследований Якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия;
e-mail: fedorova_ey@rambler.ru

Шарина Сардана Ивановна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия;
e-mail: sarshar@mail.ru

Ядреев Иван Васильевич, советник юстиции, аспирант факультета подготовки научных кадров Университета Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия;
e-mail: kutlug@mail.ru

Якушева Ульяна Евгеньевна, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Высшей школы экономики, управления и права Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия;
e-mail: ylich.zz@rambler.ru

Научное издание

**КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ, ПРИОРИТЕТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМся ОБЩЕСТВЕ**

Электронный ресурс

Издатель:

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук –
обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Федерального исследовательского центра
«Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»

ISBN 978-5-902198-54-3

9 785902 198543

Адрес: 677027, Якутск, ул. Петровского, 1

Тел: +7 (411) 236-14-49

Официальный портал: www.igi.ysn.ru

Формат 60x90 ¹/₈. Усл.п.л. 31,5. Уч.-изд. л. 20,87.